

Б Р О М

ПОТЕРЯННЫЕ
БОГИ

Annotation

Только что вышедший из тюрьмы Чет Моран стремится к новой жизни. Со своей беременной женой Триш он покидает город, чтобы начать все сначала. Но древнее зло не спит, и то, что казалось надежной гаванью, может оказаться чем-то совершенно иным... Пойманный в ловушку неведомым древним ужасом и зверски убитый, Чет быстро понимает, что боль, страдания и смерть – отнюдь не привилегия живых. И что еще хуже, теперь жизни и сами души его жены и нерожденного ребенка тоже висят на волоске. Чтобы спасти их, он должен отправиться в глубины Чистилища и найти священный ключ, способный восстановить естественное равновесие жизни и смерти. Одинокий, растерянный и проклятый, Чет собирается с духом и шагает навстречу невообразимым ужасам в темную пучину смерти. Зброшенный в царство безумия и хаоса, где древние боги сражаются за мертвецов с демонами, а души плетут заговоры, надеясь свергнуть своих господ, он ведет опасную игру, чтобы спасти свою семью. Ведь проигрыш сулит ему вечное проклятие.

- [Бром](#)
 -
 - [Пролог](#)
 -
 - [Остров Моран, Южная Каролина,](#)
 - [Часть первая](#)
 -
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Часть вторая](#)
 -
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)

- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Часть третья](#)
 -
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Глава 32](#)
 - [Глава 33](#)
 - [Глава 34](#)
 - [Глава 35](#)
 - [Глава 36](#)
 - [Глава 37](#)
 - [Глава 38](#)
 - [Глава 39](#)
 - [Глава 40](#)
 - [Глава 41](#)
 - [Глава 42](#)
 - [Глава 43](#)
- [Часть четвертая](#)
 -
 - [Глава 44](#)
 - [Глава 45](#)

- [Глава 46](#)
- [Глава 47](#)
- [Глава 48](#)
- [Глава 49](#)
- [Глава 50](#)
- [Глава 51](#)
- [Глава 52](#)
- [Глава 53](#)
- [Глава 54](#)
- [Глава 55](#)
- [Часть пятая](#)
 -
 - [Глава 56](#)
 - [Глава 57](#)
 - [Глава 58](#)
 - [Глава 59](#)
 - [Глава 60](#)
 - [Глава 61](#)
 - [Глава 62](#)
 - [Глава 63](#)
 - [Глава 64](#)
 - [Глава 65](#)
 - [Глава 66](#)
 - [Глава 67](#)
 - [Глава 68](#)
 - [Глава 69](#)
 - [Глава 70](#)
 - [Глава 71](#)
 - [Глава 72](#)
 - [Глава 73](#)
 - [Глава 74](#)
- [Часть шестая](#)
 -
 - [Глава 75](#)
 - [Глава 76](#)
 - [Глава 77](#)
 - [Глава 78](#)
 - [Глава 79](#)
 - [Глава 80](#)

- [Глава 81](#)
 - [Глава 82](#)
 - [Глава 83](#)
 - [Глава 84](#)
 - [Глава 85](#)
 - [Глава 86](#)
 - [Глава 87](#)
 - [Глава 88](#)
 - [Часть седьмая](#)
 -
 - [Глава 89](#)
 - [Глава 90](#)
 - [Глава 91](#)
 - [Глава 92](#)
 - [Глава 93](#)
 - [Глава 94](#)
 - [Глава 95](#)
 - [Глава 96](#)
 - [Глава 97](#)
 - [Глава 98](#)
 - [Глава 99](#)
 - [Эпилог](#)
 - [Благодарности](#)
 - [Иллюстрации](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
-

Бром

Потерянные боги

Фантастический роман

Brom
Lost Gods

* * *

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Публикуется с разрешения издательства Harper Voyager, an imprint of HarperCollins Publishers L.L.C. и литературного агентства Andrew Nurnberg

Copyright © 2016 by Gerald Brom
© Е.И. Ильина, перевод на русский язык, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Пролог

Р. С. 07

Остров Моран, Южная Каролина, август 1976 г

Кролик протиснулся под железной изгородью и очутился на маленьком кладбище. Пробравшись сквозь переплетение корней и побегов, заполонивших пространство между покосившимися надгробными плитами, он обнаружил полоску сорной травы и принялся ее щипать.

Мальчик – то ли тень, то ли нет – безмолвно поднялся с травы и уселся рядом с кроликом на одну из плит. Мальчика звали Джошуа, и, если бы вам довелось увидеть его в правильное время в правильном свете, вы заметили бы, что он еще совсем мал, лет шести или семи, худенький, босоногий, в потрепанной одежде.

– Как поживаете, мистер Кролик?

Кролик дернул ушами.

– Рад вас снова видеть. Вкусная травка?

Джошуа бросил взгляд вниз на склон холма, туда, где виднелось болото. Уловил отблеск воды сквозь ветви могучих дубов, там, у топи.

– Должно быть, прилив. Эх, хотелось бы мне пройтись туда, вниз. Что угодно отдал бы, чтобы почувствовать ил между пальцами ног, хотя бы разок.

Мальчик смотрел, как теплый бриз колышет пряди испанского мха; последние лучи солнца зажгли облака, знаменуя конец долгого летнего дня.

– Красотища.

Кролик поднял морду, пошевелил носом.

Мальчик улыбнулся, затем его лицо омрачилось. Он потряс головой.

– Иногда получается забыть, понимаешь. Всего на секунду. Что ты мертв. Выдается такой прекрасный денек... – Голос у него стал печальным. – Уж казалось бы, столько прошло лет, а я опять попался. Но как увидишь эти облака, услышишь, как птицы щебечут, и думаешь – можно просто взять и побежать домой, увидеть маму... брата старшего... – Тут он надолго умолк, разглядывая свои руки, кожу, которая когда-то была цвета чернозема, а теперь стала бледной и прозрачной, словно туман. – Вот только никогда мне не уйти от этих разбитых камней. – Он хлопнул ладонью о плиту; та не издала ни звука. – Но, знаешь, что самое плохое? То, что ты совсем один.

Джошуа потянулся к кролику; его рука зависла над самой спинкой. Он знал, что ему не дано прикоснуться к живому, но эта шерстка – она была

такой мягкой, теплой и уютной на вид. Его рука прошла прямо сквозь зверьку, а кролик продолжал, как ни в чем не бывало, жевать. Только носом дернул.

У мальчика задрожали губы, глаза обожгли слезы. Он сердито утер щеку.

– Ну, хватит, хватит. Что толку реветь-то? Это мне тоже пора бы уже запомнить.

Кролик перепрыгнул поближе к мальчику и принялся за жирный одуванчик. Джошуа слабо улыбнулся.

– Спасибо, что зашли поведать, мистер Кролик. Я ценю приятное общество.

Из дубовой рощи долетел низкий стон. Насекомые замолкли, а мальчик с кроликом замерли на месте, широко распахнув глаза, вглядываясь в гущу теней. Стон раздался опять, ближе. Звук был исполнен боли, будто маленький зверек попался в силки. Кролик, подергивая носом, привстал на задних лапках.

– *Не высовывайся*, – прошептал ему мальчик, – *и все будет в порядке. Здесь им до тебя не добраться.*

Из высокой травы поднялась фигура. Она просто стояла по другую сторону изгороди – черный клубящийся дымный силуэт ребенка, то гуще, то жиже. Желтые глаза сверкали, будто тонущие светлячки.

Джошуа скорчился было за камнем, готовясь зажать глаза и уши, как он делал всегда, когда появлялись *они*, но тут увидел, что кролик мелко дрожит – вот-вот бросится прочь.

– *Все хорошо*, – прошептал мальчик, толкая мысль перед собой, наполняя ее усилием воли. Иногда – очень редко, если стараться изо всех сил, – он знал это, – мертвый мог дотянуться до живого. – *Сиди тихо, и все будет в порядке.*

Появился еще один из *них*; его глаза, похожие на дырочки от булавки, были устремлены на кролика.

Дыхание кролика участилось.

Там, среди деревьев, были еще *они*. Роща словно наполнилась светлячками, но Джошуа знал, что это не так. Он знал, что *они* такое, знал, чего *им* надо.

Оно заговорило. То, что было ближе к изгороди. Голос был мягкий и приятный, почти мелодичный.

– Выходи поиграть, Джошуа. Выходи к на-а-ам.

Джошуа старался не слушать, не смотреть. Он сосредоточился на кролике, посылая ему успокоительные мысли.

То, что пониже, наклонилось, разглядывая кролика. Тьма позади мерцающих глаз сгустилась в черный, зияющий водоворот, и слышно стало, как завывает ветер, откуда-то снизу, будто из-под земли. Звук становился все ближе, все выше, постепенно переходил в шипение.

Задние лапки у кролика вздрогнули; он готов был сорваться с места.

– Нет, кроличек, – сказал Джошуа и склонился над кроликом, накрывая его собственным телом, обворачивая себя вокруг него.

Шипение переросло в сверлящий, пронзительный свист, ближе, еще ближе, потом стало воплем, многими воплями, криками агонизирующих детей. Вопль вырвался из того места, где у него был рот, вместе с порывом горячего ветра.

Кролик рванул с места; тело Джошуа, сотканное из теней, не стало для него преградой.

– *Нет!* – вскричал Джошуа. Кролик уже продирался сквозь заросли между надгробий дикими рывками. Казалось, ему точно удастся спастись, но Джошуа знал, что это не так. Зверек выскочил с дальней стороны кладбища, и в ту же секунду, как он оказался за изгородью, фигура, та, что пониже, оказалась рядом с ним. Она схватила кролика за уши, держала брыкающееся животное на весу.

– Выходи играть, Джошуа, – подначивала фигура, – и мы отпустим твоего кролика. Давай, выходи, тут полно ребят и девчонок, и все хотят с тобой поиграть.

Мальчик отступил к надгробью, скорчился, спрятав лицо в коленях.

– Джошуа, – позвала его фигура повыше, – а мы знаем один секрет. Хочешь узнать?

Он старался не слушать.

– Чет скоро приедет домой. Ты ведь знаешь, кто такой Чет?

Джошуа знал.

– Чет теперь – будущий папа, – сказала фигура. – Ожидание окончено. Скоро он будет здесь, и нам не терпится содрать с него кожу. Выйдешь – разрешим тебе помочь. Что скажешь?

Джошуа молчал.

– У них на руках – твоя кровь, – теперь голос звучал злобно, издевательски. – Ты же знаешь, за ними должок. Перед тобой. Перед всеми нами. Ты можешь помочь нам послать его туда, где горят. Затащить его вниз, под землю, и пусть попляшет для Горящего человека.

Вцепившись пальцами в локти, Джошуа потряс головой.

Та фигура, что пониже, сделала шаг к изгороди, так близко, насколько могла, не касаясь при этом железа. Открыла рот, и вновь Джошуа услышал

далекий вой ветра, полные муки детские крики. Голова у фигуры откинулась назад, как капюшон, и зияющий водоворот стал шире. Оно подняло кролика над отверстием.

Джошуа прикусил губу, стиснув ладонями уши.

Кролик отчаянно брыкался и царапался, а потом начал кричать. Сначала Джошуа даже не понял, что это за звуки, он и не знал, что кролики могут кричать. Почти как человек. Фигура уронила кролика в зияющую дыру, и крики начали удаляться, будто неслись к центру Земли. Дыра, по-прежнему вращаясь, затянулась, и наступила тишина. Ни одно живое существо не подавало голоса – ни лягушка, ни насекомое.

Обе фигуры просто стояли, уставившись на Джошуа своими сверкающими глазами. Наконец, после кошмарной паузы, та, что пониже, поддела локтем ту, что повыше.

– Ну и скуотища. Пошли отсюда.

Они двинулись прочь вверх по склону, к большому дому на вершине холма.

– Мы будем ждать Чета, – крикнула через плечо фигура побольше. – Последний шанс присоединиться.

Джошуа дождался, пока они не скроются из вида, потом перелез через изгородь. Он искал кролика. Его смятое тельце лежало в траве – выпученные остановившиеся глаза, губы раздвинуты, обнажая зубы, все до единого.

Рухнув на колени, Джошуа спрятал лицо в ладонях и зарыдал.

Часть первая

Смерть Чета Морана

Глава 1

Джаспер, Алабама, август 1976 г

Чет Моран погасил фары и задом сдал на извилистую подъездную дорожку, ведущую к дому судьи Уилсона. Ровно настолько, чтобы его «Форд Пинто» не был виден с дороги. Стоило заранее развернуть машину к выезду, на улицу: можно будет быстро убратъся, если дело до этого дойдет.

Он заглушил двигатель, вылез из машины и аккуратно притворил дверцу. Постоял немного в предрассветных сумерках, разглядывая «Пинто».

– Что за кусок дерьма? – сказал он, но все же с улыбкой, потому что сделка была выгодной. Дэнну страшно хотелось заполучить его «Мустанг», достаточно, чтобы заплатить хорошую – лучше, чем хорошую – цену. И все же Чет у будет не хватать этой тачки с двигателем 302 кубических дюйма, которую он собственноручно восстанавливал пять лет, практически с нуля. Но машина была теперь в прошлом – как и многое другое. Порывшись в кармане, он выудил тоненькое золотое обручальное кольцо. Без бриллианта, но это было *настоящее* золото. Чет смахнул с глаз темно-рыжую прядь – глаза у него были серые, настолько бледного оттенка, что казались серебряными – и посмотрел вверх, на длинную подъездную дорожку, ведущую к дому судьи. Он надеялся, кольцо сможет помочь убедить Триш в том, что он теперь – новый человек.

Чет потянулся всем своим худощавым телом и потер шею, пытаясь избавиться от напряжения, набраться храбрости и пойти вверх по этой дороге. В свои двадцать четыре года он только что закончил отбывать срок за хранение с целью распространения. Триш не навестила его ни разу.

Он сделал несколько шагов по дорожке, остановился, опять двинулся вперед и опять остановился. Вдохнул. Письмо от Триш пришло, когда он был в тюрьме уже три месяца. Оно было кратким и по существу: «Дорогой Чет, я беременна. Собираюсь оставить ребенка. На тебе ответственности никакой нет. Я всегда буду любить тебя, но пытаться верить в тебя я больше не могу. С любовью, Триш». Записку он все время держал у себя в кармане, постоянно перечитывая, но ему до сих пор не было понятно, что именно она имела в виду, когда писала, что на нем нет «никакой ответственности». Он писал ей раз десять, по меньшей мере, но ответа так и не получил.

Сначала он злился, в конце концов, это и его ребенок тоже. Но семь месяцев – достаточный срок, чтобы человек успел как следует подумать,

посмотреть на вещи с другой стороны. Сколько раз он успел облажаться? *Слишком много*. Не те качества, которые женщина, мечтающая о семье, станет искать в мужчине. У него скоро будет ребенок, малыш, мальчик или девочка. Мир там, снаружи, жесток. И Чета нещадно грызла мысль о том, что его ребенку придется расти без отца. Он вышел из тюрьмы новым человеком, и, если продажа его обожаемого «Мустанга» еще ничего не доказывала, то многое доказывал тот факт, что он шел сейчас вверх по этой дорожке.

Чет набрал полную грудь бодрящего утреннего воздуха и как раз в тот момент, когда солнце тронуло небо первыми лучами, он вновь пустился по дорожке широким шагом. Мокрые сосновые иглы пружинили под ногами, заглушая шаги. Впереди из полумрака выступило обширное ранчо, сложенное из кирпича, все увитое плющом. Чет осторожно обогнул здание со стороны гаража и уперся в забор из проволочной сетки высотой ему по грудь. Его встретило низкое рычание.

– Спокойно, Руфус, – прошептал Чет и, наклонившись, протянул старому бассет-хаунду руку, чтобы тот мог ее понюхать. Бассет одарил его скорбным взглядом и помотал хвостом. Чет отодвинул щеколду и проскользнул на задний двор. Он присел на корточки и принялся гладить пса, тереть за уши, трепать за брыли.

– Слышал я, судья Уилсон выпустил специально против меня запретительный ордер. Я не должен приближаться к этому дому. Ты что-нибудь слышал об этом?

Глаза Руфуса явно говорили: «Не-а, не я, ничего подобного».

– Это, наверное, раз плюнуть, если ты – судья. А?

Чет поднялся и двинулся дальше, мимо мусорных баков и большого гриля, через клумбы миссис Уилсон, следя за тем, чтобы не потоптать ее призовые герани. Он прокрался по задней веранде к окнам на дальней стороне дома.

Осторожно заглянул в окно. Оно было открыто; легкий ветерок шевелил тюлевые занавески. Сквозь противомоскитную сетку он различил в свете ночника очертания женской фигуры. Она лежала на боку, спиной к нему. Пульс у него зачастил, он повернулся было, чтобы уйти, но тут услышал голос бабушки – скорее чувство, чем слова, – который говорил ему остаться. Он не удивился; он часто слышал ее, хотя жила она за сотни миль отсюда. Именно ее незримое присутствие помогло ему пережить все эти бесконечные ночи, когда, бывало, казалось, что стены камеры валятся ему на голову.

– *Триш*, – прошептал он.

Она пошевелилась и перекатилась на другой бок, повыше натянув на себя простыню. Только теперь, увидев ее лицо, он вдруг понял, как же сильно он соскучился по ней – по ее ленивой улыбке, по дурацким смешкам – у него даже слезы на глаза навернулись.

– *Триш*, – шепнул он опять, немного громче.

Она нахмурилась, чуть приоткрыла свои ярко-зеленые глаза.

– *Триш*.

Она приподняла голову, смахнула с лица длинные выющиеся пряди. Глаза широко распахнулись, она ахнула. Сейчас закричит, это было ясно. Но тут страх на ее лице сменился замешательством, и – вот оно! – улыбкой. Какую-то секунду Чет был уверен, что все будет так, как он задумал. Улыбка Триш медленно потускнела.

– *Чет?* – Она села, легким движением придвинулась к окну. – О, черт. Какого хрена ты здесь делаешь?

У Чета было такое ощущение, будто его лягнули в грудь.

Она покосилась назад, в сторону двери.

– Если папа узнает, что ты здесь, он тебя застрелит.

Чет пожал плечами.

– Нет, он *правда* тебя застрелит. Уж ты-то должен понимать.

Он понимал. Он знал, что судья Уилсон и правда его застрелит, потому что сказал ему это лично, глаза в глаза – если он когда-нибудь подойдет к его дочери, то закончит на дне трясины Спайси. И Чет знал, что судье это сойдет с рук, потому что в графстве Уолкер у судьи было полно друзей, и делать он мог практически все, что бы ни взбрело в голову.

– Ты меня слышишь? – спросила Триш, заметив, что он, не отрываясь, глядит на ее живот, круглившийся под ночной рубашкой.

– Это *взаправду*, – сказал Чет.

Она вздохнула, положив руку на живот, и грустно улыбнулась ему.

– *Взаправду*, *взаправду*. Месяц еще остался.

Раз, наверное, тысячу Чет репетировал то, что собирался сейчас сказать. Но когда настал момент, все придуманные заранее слова вдруг куда-то подевались.

– Триш, – выпалил он. – Я хочу, чтобы ты уехала со мной.

Он был уверен, что она рассмеется ему в лицо, но этого не случилось. Наоборот, ее лицо вдруг затопила глубокая, абсолютная печаль.

– Чет... Я *не могу*.

– Ты *можешь*. Машина стоит внизу, у дороги. У меня все продумано. Я...

– Чет.

– Триш, ты только послушай...

– Нет, Чет, это *ты* послушай, – резко сказала она, и он осекся. – Я не могу на тебя *положиться*. Как бы мне ни хотелось, я *не могу*.

Он хотел ответить.

– Прекрати, Чет. Просто прекрати. Ты что, правда, думаешь, что я готова сбежать в Тимбукту с человеком, который живет за счет торговли травкой? И единственное, чего он хочет добиться в жизни – починить свою старую машину? Подумай, Чет.

– Я думал над этим. Много. – Он вытащил порядком помятое письмо, то, которое она послала ему в тюрьму. – Каждый день.

Она не сводила глаз с письма.

– Я – новый человек.

Она медленно покачала головой.

– Это я уже слышала.

Он достал кольцо.

Она приоткрыла рот, но ничего не сказала.

– Я продал машину.

Она поглядела ему прямо в глаза.

– Твою машину? Ты *продал* «Мустанг»? Но Чет, эта машина была для тебя всем.

– Я же сказал, я новый человек. Каждый день, с тех пор как пришло твое письмо, я думал о том, кем я хочу быть... чего я хочу. Я хочу быть с *тобой*... и с моим ребенком. И я готов сделать *что угодно*, чтобы это было так.

По глазам было видно, как сильно ей хочется ему верить.

– У меня две тысячи долларов осталось после продажи машины. Нам хватит для начала, Триш. Можем поехать на побережье. Ты же всегда говорила, что тебе хочется повидать океан. Правда? Я найду работу, *настоящую* работу. Обещаю тебе. Слышал, там полно работы на траулерах. А пока не встанем на ноги, можем пожить у бабушки.

Теперь взгляд у нее стал отсутствующим, словно во сне. Ее губы сжались, и видно было, что она старается не заплакать.

– Я не говорю, что все будет идеально, но уж, наверно, лучше, чем если ты останешься здесь, с папой. Ты же знаешь – если не уйдешь от этого человека сейчас, он всю жизнь будет тебе указывать, что делать. Он задушит тебя. Триш...

– Он хочет отдать ребенка приемным родителям, – сказала она, не в силах поднять на него глаза.

– Что?

– Мама, она на его стороне. Они даже пастора Томаса уболтали. Уже все успели устроить. Какая-то симпатичная пара там, в Тускалузе.

– Отдать ребенка? – Чет не верил своим ушам. – Это... Это то, чего *ты* хочешь?

Глаза ее вспыхнули, во взгляде мелькнула боль.

– Нет, это *не то*, чего я хочу. – Она потрясла головой. – Я этого совершенно не хочу. – Она обняла живот. – Это мой ребенок. – Она утерла глаза. – Моя... детка.

Чет поддел раму с противомоскитной сеткой, отставил в сторону и, потянувшись через подоконник, сжал плечо Триш. Триш стиснула его руку в ответ с неожиданной силой, заглянула в лицо.

– Чет. Чет, посмотри на меня.

Он посмотрел.

– Поклянись. Поклянись передо мной и Господом Иисусом, что если я возьму это кольцо... Если соглашусь бежать с тобой... То с этого дня ты пойдешь по правильной дорожке. Будешь мужчиной, будешь отцом. И поступать будешь соответственно.

Глядя ей прямо в глаза, он серьезно и торжественно ответил:

– Триш, я люблю тебя и клянусь, что сделаю все, что в моих силах, чтобы никогда, никогда больше тебя не разочаровать.

– Если ты опять налажаешь... – Ее рука сжалась сильнее. – Богом клянусь, можешь не беспокоиться, что папа тебя пристрелит. Я сделаю это сама.

Он ухмыльнулся так широко, что на глаза навернулись слезы.

– Не налажаю, малыш.

Еще одну долгую секунду она смотрела ему в глаза, а потом отпустила его руку.

– Я быстро. – Она соскользнула с кровати, на цыпочках прокралась к шкафу, мигом достала оттуда сумку и начала, торопясь, упихивать туда одежду и нижнее белье. Натянула под свою длинную футболку цыганскую юбку, сунула ноги в сандалии и подошла к окну. Передала Чету сумку, а потом он помог ей перебраться через подоконник.

– Нам надо спешить, – сказала Триш. – Папа сегодня собирался на рыбалку.

– погоди, – сказал Чет и, упав на одно колено, протянул ей руку. – Надо, чтобы все было, как полагается.

Прикусив губу, она вложила в его руку свою.

– Триш, ты выйдешь за меня замуж?

Она кивнула, и он надел кольцо ей на палец. Потом поднялся и

поцеловал ее. Она обняла его так крепко, что он испугался, не навредят ли они ребенку. Потом Триш разжала руки, отступила на шаг и окинула будущего мужа взглядом.

– Только не забывай, что я могу тебя пристрелить.

Она улыбалась – у нее была самая милая улыбка из тех, что он видел в жизни.

Что-то протиснулось между ними. Руфус глядел на них, виляя хвостом. Чет погладил пса по голове, подхватил сумку. Они двинулись уже было в обход веранды, когда в доме вспыхнул свет. Они пригнулись; крупный мужчина в халате прошел через гостиную. Это был судья. Он скрылся в кухне, и Чет перевел дыхание. Они прокрались мимо крыльца и направились к калитке.

Триш потрепала Руфуса по голове.

– Веди себя тут без нас хорошо.

Руфус завилял хвостом.

«Я всегда веду себя хорошо», – сказали его глаза.

Они закрыли за собой калитку и поспешили вниз по дорожке, туда, где их ждала машина. Чет поглядывал на Триш – ему страшно нравилось, как она двигается со своим животом.

– Что?! – спросила она.

Он ухмыльнулся.

– Ты красивая.

Она заслонила от него ладонью.

– Хватит на меня пялиться, Чет. Я огромная, как тюлень, и совершенно не покрашенная.

– Ты красивый тюлень.

Она громко расхохоталась, спохватившись, зажала себе рот, схватила его за руку, стиснула. Он сжал ее руку в ответ.

– И ты так мило переваливаешься на ходу, – добавил он.

Она покачала головой.

– Да ты сегодня в ударе.

Он рассмеялся.

Тут она заметила машину и остановилась.

– Ты и *вправду* продал «Мустанг»!

– Да, – сказал он мрачно. – И *вправду* продал.

– Ну, я, конечно, рада. Но черт, Чет. Поуродливее машину найти не удалось?

Он нахмурился, а она рассмеялась – лучший на свете звук.

Они подошли к машине, он распахнул дверцу.

Она сжала его руку и приложила к животу:

– Чувствуешь?

Он ничего не почувствовал, но потом вдруг в его руку стукнуло. Раз, другой.

– Боже мой, – выдохнул он.

Глядя на него, она просияла.

– Кое-кто рад, что папа здесь.

Внизу, на дороге, замедлила ход машина. Чет обернулся и увидел, как на подъездную дорожку въезжает пикап, и вот они уже застыли в лучах фар, как мухи в янтаре.

– Вот дерьмо, – вырвалось у Чета.

Пикап затормозил так резко, что в кузове застучали, перекатываясь, удочки. Чет узнал двоих: Ларри Вагнера, своего бывшего тренера по физкультуре, и Тома Уилсона, брата судьи. Оба уставились прямо на него.

Том заглушил двигатель и выскочил из машины, сбив второпях бейсболку с лысой головы. Как и судья, он был крупным мужчиной с объемистым пузом. Одет он был во фланелевую рубашку.

– Триш?

– Надо валить, – сказала Триш Чету.

– Это что, Чет? – крикнул Том. – Вот черт, так и есть. Парень, тебе же было сказано держаться от нее подальше.

Тренер выбрался из пикапа и, пошарив в кузове, выудил домкрат. Ухмыльнувшись, он задрал подбородок, будто уже видел свое имя в газетах – храбрец спасает дочь судьи от похитителя-дегенерата, только что вернувшегося с отсидки.

– Давай, сынок, присаживайся. Потому что никуда ты отсюда не поедешь, кроме как обратно в тюрьму.

В его голосе было столько неприкрытого удовольствия, что Чету стало понятно: дело тут не в судье и не в его дочери, а в некоем незаконченном деле между ними двоими лично. Еще в старшей школе Тренер поймал как-то Чета еще с тремя мальчишками в туалете за раскуриванием косяка. Он выстроил их в шеренгу и выдал каждому по своему фирменному двойному шлепку, который он гордо именовал «кусакой». Бил он с такой силой, что, бывало, сшибал с ног. Когда дело дошло до Чета, которому на тот момент было пятнадцать, парень заявил Тренеру, чтобы тот не заморачивался, а сразу выгнал его из школы, потому что Чет не станет глотать тычки от другого мужчины, а даст сдачи. Когда Тренер все же попытался его ударить, Чет сломал ему нос.

Чет услышал, как позади, в доме, открылась дверь гаража.

– Что у вас там происходит? – крикнул кто-то. Это был судья.

Триш скользнула в машину.

– Давай, Чет. *Поехали!*

Чет запрыгнул в машину, и Том бросился к ним навстречу, бегом.

Триш заблокировала дверцу как раз в тот момент, как он схватился за ручку снаружи. Чет всадил ключ в зажигание и запустил двигатель.

– *Триш!* – орал Том, дергая за ручку двери. – *А ну выходи!*

Чет дал по газам, и маленькая машинка рванулась вперед; Том, крича, бежал следом.

Подъездная дорожка была тесно обсажена соснами, и Чет не был уверен, удастся ли ему проскочить между пикапом и обочиной, но останавливаться он не собирался. Заметив это, Тренер шагнул вперед, заступая им дорогу. В руке он сжимал домкрат.

Чет даже не притормозил. Какая-то его часть даже надеялась, что он переедет этого человека, навсегда стерев с его лица мерзкую ухмылочку.

– *Осторожно!* – крикнула Триш.

Раздался треск – это домкрат ударил в лобовое стекло. Потом – глухой удар.

Триш закричала, но Чет не стал тормозить; он впритирку пронесся мимо пикапа, пожертвовав только боковым зеркалом.

Чет глянул в зеркало заднего вида. Тренера было не видеть.

– Твою мать! Я его сбил?

Триш обернулась.

– Не знаю. Мне кажется, нет.

Визжа шинами, Чет вырулил на шоссе, втопил по газам, и маленький «Пинто» стрелой помчался вдаль.

Глава 2

Остров Моран, Южная Каролина

Песчаный проселок вывел их к деревянному выдавшему виды мосту. Чет остановил машину, удивляясь про себя, как этот рыдван выдержал дорогу. Вскоре после того, как выехали из Джаспера, они бросили «Пинто», сменив его на старый универсал, который Чет заметил позади какой-то церквушки. Чтобы завести его, Чет всадил в зажигание отвертку, и минуту спустя они уже были в дороге. Почти без остановок они проехали Джорджию и Южную Каролину, добравшись, наконец, до побережья. Чет был уверен, что судья поднял на ноги весь штат, но они избегали больших дорог, а те немногие полицейские, что встретились им по пути, не обратили на старенький универсал никакого внимания. Наконец, пару раз ошибившись поворотом и выбравшись из нескольких тупиков, они попали сюда, к старому мосту.

Чет позволил себе просто посидеть секунду, чувствуя на лице мягкий свет предвечернего солнца, льющийся через лобовое стекло. Он смотрел, как ветерок играет болотной травой и прядями испанского мха, свисающего с деревьев. Он впустил в себя запах детства – запах земли и соленого ила.

– Мы добрались? – спросила Триш.

Дом с этого места виден не был – деревья мешали, – но Чет знал, что они приехали, куда надо. Зов бабушки, ее голос, вел его, как маяк: он звучал почти как песня, набирая силу по мере того, как расстояние между ними сокращалось. Он кивнул.

– Да, Остров Моран.

Он и забыл, насколько далеко это место было от шоссе, да и от всего остального. Последнее жилье им встретилось пару миль назад – лачуги, крытые жостью.

– Думаю, ты прав, – сказала Триш.

– Как это?

– Здесь нас точно никто не найдет.

– Никто и не должен. Никто не знает об этом месте, уж точно не в Алабаме. Больше никого не осталось.

Триш указала на три небольших соломенных чучела, прикрученных к перилам моста.

– Не хочешь сказать мне, что это такое?

Чучела были сделаны из палок, костей и испанского мха. Проволокой к ним были примотаны куриные лапки. У одного вместо головы был череп какого-то маленького животного, может быть, опоссума или кошки. На обоих концах моста пятнами застыла какая-то красноватая маслянистая субстанция.

– Я же тебе говорил, что она – ведьма.

– То есть она *действительно* ведьма?

Чет пожал плечами.

– Так говорила тетя Абигайль. Поэтому-то они никогда не разрешали мне сюда приезжать. Естественно, слушать «Зеппелинов» или «Роллингов» мне тоже было нельзя. В своем доме она эту дьявольскую музыку терпеть не собиралась. – Чет усмехнулся. – Сумасшествие – это у нас семейное, причем, похоже, с обеих сторон.

– Так когда ты видел ее в последний раз?

– Бабушку?

– Угу.

– Когда мама умерла, мы ее здесь похоронили, думаю, мне было лет семь. Это был единственный раз, как я видел мою бабушку. Но, скажу я тебе, впечатление она произвела. Как и это место. Понимаешь, до самого нутра пробрало. Всегда хотел вернуться сюда... Жить с ней. Но моя тетя... на самом деле она мне двоюродная бабка, сестра деда... Опекунство досталось ей. – Чет потряс головой. – Представляешь, я как-то даже из дома сбежал... Пытался добраться сюда.

– Что?!

– Ага, мне тогда было всего восемь или девять. Еще до того, как мы переехали в Джаспер, и уже тогда мне хотелось убраться подальше от тетушки с ее вечными проповедями. – Чет улыбнулся. – Успел двадцать миль проехать на своем детском велике, а потом меня догнал полицейский на лошади и привез обратно.

– Так ты не видел ее с тех пор, как тебе было семь?

– Нет.

– Ладно, а когда ты с ней в последний раз говорил?

Чет пожал плечами.

– Чет, она хоть *знает*, что мы едем?

«Она *знает*, – подумал он. – Я *это* чувствую». Но вслух он этого не сказал, потому что совершенно не представлял, как объяснить тот факт, что, хотя его бабушка ни разу с ним не связалась – ни письма, ни телефонного звонка, – у него было чувство, что все эти годы она была рядом.

– Думаю, что да.

– Ты думаешь, что да?

– Все будет в порядке. Увидишь.

Она опять взглянула на гротескных идолов на мосту.

– Ох, Чет... Не знаю я.

Он улыбнулся и медленно въехал на узенький мост. Внизу, футах в двадцати под ними, лениво текла широкая река. Триш подтянула ремень безопасности и поморщилась, потирая руку. Она порезалась о старую ржавую колючую проволоку, когда они перелезали через забор, чтобы угнать универсал, и вид у раны был неважный.

– Нужно хорошенько это продезинфицировать, как только будет возможность, – сказал Чет. – Не хватало только тебе столбняк заполучить или еще что.

– Давай для начала переберемся через мост, чтобы он не рухнул, а потом будем беспокоиться.

Он медленно поехал дальше, а мост скрипел под ними и ходил ходуном; доски трещали под колесами. Преодолев мост, они поехали дальше, через лес, по извилистому песчаному проселку, мимо заброшенных рисовых полей и вверх, по пологому склону холма. Когда они выехали на открытое место, Чет притормозил. Впереди, на вершине холма, стоял в окружении гигантских дубов старый, довоенный [\[1\]](#) еще дом. Его стены явно нуждались в покраске, но в остальном дом выглядел в точности так, как он его помнил, каким он являлся ему в сновидениях.

– Смотри, – сказала Триш, указывая на ту сторону поля. – Это здесь похоронена твоя мать?

Чет увидел несколько запущенных могил, с надгробными плитами, торчащими вразнобой из высокой травы.

– Да, это тут. Кажется, здесь похоронены все родственники со стороны отца. С тех самых пор, как они тут поселились. Где-то в конце тысяча семисотых.

Краем глаза он уловил движение – легкое перемещение теней среди деревьев, теснившихся позади кладбища.

– Чет, – шепот, плывущий по ветру. Сильно, как от удара, закружилась голова, и вдруг на него навалился страх, осев свинцовой тяжестью в желудке. Чет остановил машину.

– Что такое? – Триш тронула его за руку – и страх угас. – Милый, ты в порядке?

– Да... Все хорошо. Показалось, что привидение увидел. Только и всего.

– Вид у тебя и вправду такой, будто ты увидел привидение, – сказала

она с улыбкой. Потом нахмурилась. – Ты ведь *пошутил*, да?

Чет пожал плечами.

– Может, и так. Насколько я слышал, тут много неприкаянных душ болтается. Место уж больно старое.

Она внимательно посмотрела на кладбище.

– Ну, это же будет интересно, правда? Увидеть настоящее привидение.

– Интересно, да. – Чет отпустил тормоза, и машина поехала дальше к большому дому на холме.

Припарковавшись на круговой дорожке перед домом, они выбрались из машины. Участок вокруг дома имел запущенный вид, но кусты у дорожки, ведущей к дому, явно недавно подстригали. Они уже было собирались подняться на крыльцо, но Триш вдруг остановилась.

– Посмотри, зачем бы это? – Она указывала на потрепанные, но все еще яркие шерстяные нити, которые вились между столбиков перил, пересекали лестницу. Тут и там на нитях виднелись крошечные серебряные колокольчики. Разноцветные нитки тянулись по обеим сторонам дома, исчезая за углом. – Странно все это.

Чет пожал плечами.

– В этих местах полно странностей. Еще увидишь.

Перешагнув через нитки, они направились вверх по лестнице. Распахнулась дверь. Чет различил за противомоскитной сеткой очертания фигуры.

– Здравствуй, Чет, – произнес тихий, такой знакомый голос.

– Бабушка?

Она толкнула затянутую сеткой вторую дверь и вышла на крыльцо. Выглядела она в точности такой же, какой он ее запомнил: элегантная женщина со снежно-белыми волосами, струившимися по плечам, по спине. В руке она сжимала простую черную трость, а платье на ней было очень простое, хлопковое, белого цвета. Ни драгоценностей, ни макияжа; ее лицо, губы, глаза – все было одинакового бледного тона. На правом виске выделялся круглый шрам величиной с монету. Чет вспомнил, как ребенком разглядывал этот шрам. Она сказала ему тогда, явно гордясь, что это след от пули. Сейчас она смотрела на него своими серебристо-серыми глазами, добрыми и немного грустными. И Чету казалось, что ему снова шесть, и все, что ему хочется – чтобы она обняла его, крепко-крепко. И, будто читая его мысли, она распахнула руки ему навстречу:

– Чет, добро пожаловать домой.

Он обнял ее, и его омыла волна тепла. Никогда еще ему не было так легко на душе, даже в детстве. «Почему, – подумал он, – *почему я так долго*

ждал?»

Она разомкнула руки, отпустив его, и посмотрела на Триш.

– Бабушка, это Триш.

Триш подошла поближе, протягивая руку.

– Здравствуйте, миссис Моран. Рада с вами познакомиться.

– Прошу, дитя мое, зови меня просто Ламия. – В голосе старой женщины слышался едва заметный акцент.

Чет припомнил, что родом она была откуда-то из Восточной Европы – Румыния или, может быть, Венгрия. Взгляд Ламии упал на живот Триш, и ее лицо озарилось.

– Так, значит, я все-таки дожила до того, чтобы стать прабабушкой. Иди сюда, дитя, – сказала она, взяла Триш за руку и, подтянув поближе, заключила в объятья.

Отпустив гостью, Ламия отступила на шаг, и еще раз окинула молодых людей взглядом.

– Какая радость для старухи, что вы приехали! Заходите, пожалуйста.

Она повела их внутрь, по длинному коридору, постукивая тростью – явно берегла ногу. Несмотря на хромоту, держалась она очень прямо, будто бросая вызов собственной немоги. Чет бросал взгляды в комнаты, мимо которых они проходили. Все помещения выглядели заброшенными – мебели почти не было, только торчал кое-где забытый стул или журнальный столик; обои полосами отходили от стен, а в некоторых местах штукатурка осыпалась, образовав на полу пыльные кучи.

Когда они проходили мимо ванной и туалета, Триш остановилась и по очереди взглянула на них обоих.

– Миссис Моран...

– Пожалуйста, дитя, просто Ламия.

– Ламия, – сказала Триш, явно стремясь поскорее перейти к делу. – Можно мне?..

– Ах, да, конечно!

Триш быстро исчезла за дверью.

Ламия с Четом прошли немного дальше по коридору. Чет чувствовал, что она изучающе поглядывает на него. Вопросы теснились у него на языке. Все эти годы ему столько всего хотелось спросить, но сейчас, когда она была рядом, на него напала немота.

– Давай, – сказала она. – Спрашивай.

– А?

– Я же знаю, что у тебя есть вопросы.

«Да», – подумал он. Вопросов полно. Об отце, о матери. Но больше

всего ему хотелось спросить о голосе, который он слышал, или чувствовал, все эти годы.

– Ты хочешь знать, как я говорила с тобой. – Это был не вопрос.

Он поднял взгляд на бабушку.

– Так, значит, это было по-настоящему? Ты и вправду говорила со мной? Я это не вообразил?

– Часть меня всегда была с тобой, Чет. В твоём сердце... В твоей крови.

– Но ведь было что-то ещё?

– Когда я говорю, что часть меня всегда была с тобой, я это и имею в виду, в прямом смысле. Моя кровь, наша кровь – вещь особая и редкая. Это то, что нас связывает.

Он не был уверен, что понимает, о чем она говорит.

– Ну... Это довольно странно, да?

Она улыбнулась ему.

– Можно рассматривать это как дар. Как ты думаешь?

– Думаю, бывали ситуации, ну, плохие... и если бы тебя со мною не было, мне кажется, я не сумел бы выбраться.

Она улыбнулась.

– Сердце радуется, когда такое слышишь. – Тут её улыбка потускнела. – Единственное, о чем я жалею, – что мне не удалось связаться с твоей матерью. Бедняжка Синтия. Ей я тоже была нужна. Но они забрали её у меня. Чет, хочу, чтобы ты знал, – я постоянно пыталась с ней связаться, но она, кажется, так меня и не услышала... Или, может, не хотела услышать. Все, что я знаю – этот дар, который у нас есть, он иногда позволяет слышать другие голоса – темные голоса. И мне кажется, твоя мать слышала их. Мне кажется, именно они и довели её до безумия... до самоубийства, – и совсем тихо она прибавила: – Я чувствовала себя такой беспомощной.

В её серебряных глазах засверкали слезы.

– Мне так жаль, Чет... Прости, что я не смогла сделать больше.

Чету хотелось сказать что-то утешительное, но правильные слова как-то не шли в голову.

Триш вышла из ванной с облегченным видом. Увидела их лица.

– Ой, простите. Не хотела вас прерывать. Может, мне пока немного пройтись?

– Чепуха, – сказала Ламия, утирая глаза. – Просто я – сентиментальная старая женщина. Скажи-ка мне, Триш, ты не прочь немного перекусить?

– Да, с удовольствием, мэм, – ответила Триш.

Ламия провела их на кухню, наполненную ароматом свежееиспеченного хлеба. В уютном уголке стоял обеденный стол; оттуда через высокое окно-эркер открывался вид на болота. Стол был накрыт на троих: тарелки, бокалы, столовое серебро. В центре стола, на доске, рядом с кувшином лимонада и корзинкой, накрытой хлопковым полотенцем, алела горка свежих спелых помидоров.

– Так вы нас *ждали*? – спросила Триш.

– Ждала.

Триш бросила Чету укоризненный взгляд.

Ламия сняла с корзины полотенце; там лежала буханка домашнего хлеба. Жестом она пригласила их к столу. Взяла в руки кувшин с лимонадом.

– Попробуйте, и скажите мне, что вы об этом думаете. – Она налила каждому по бокалу.

Чет сделал большой глоток.

– Ух ты, это *очень* вкусно. – Он осушил бокал.

Ламия, просяяв, налила ему еще.

– Эти лимоны я выращиваю у себя в солярии. Лучшие лимоны, какие только можно найти здесь, на побережье. – Она нарезала хлеб, потом помидоры, соорудив каждому по бутерброду. – А теперь попробуйте-ка это.

Оба откусили по куску.

– Ой, вкуснотища! – сказала Триш, и Чет заулыбался. Помидоры были такими нежными, что прямо таяли во рту, и сок бежал по подбородку.

Рассмеявшись, Ламия вытянула из подставки салфетку и вручила Чету.

– А теперь скажите, вы когда-нибудь пробовали такие сладкие помидоры?

– Нет, мэм, – ответил Чет, утирая рот. Он доел бутерброд и попросил еще один. Пока они ели, Ламия рассказывала им про свой сад.

– Так приятно, когда за столом не одна. – Она помолчала. – Так, может, вы останетесь подольше? Да? Порадуете старушку.

Чет бросил взгляд на Триш и сделал глубокий вдох.

– На самом деле мы очень надеялись, что ты будешь нам рада. Потому что нам очень нужно место, где можно пожить. Совсем недолго. Пока я не найду работу и все не наладится. Но сначала я хотел тебе кое-что рассказать...

– У вас неприятности. Это я и так знаю.

– Да, мэм. Но...

– Насколько это серьезно?

– Я и сам точно не знаю.

Он рассказал бабушке, как они сбежали от судьи. Он не собирался вываливать ей все, но, начав, уже не мог остановиться. Не утаил ничего: рассказал и про них с Триш, и про кое-какие свои поступки, и про время, проведенное в тюрьме, и, наконец, про то, как они решили сбежать. Отвел взгляд.

– Эту машину я украл. Ну, мне хотелось бы думать, что я поменял ее на свой «Пинто» – оставил им ключи и вежливую записку. Но не думаю, что закон отнесется к этому так же. Но это еще не самое плохое... Нам пришлось прорываться этим утром... – Ему трудно было подбирать слова. – Мне кажется, я сбил человека.

Ламия кивнула.

– Мне ужасно жаль.

– Годами, – сказал Чет, – я мечтал об Острове Моран. Видел его во сне. Это место и ты – все это каким-то образом стало частью меня. Тетя Абигайль делала все, чтобы похоронить мое прошлое, похоронить всякую связь с Южной Каролиной. Об Острове Моран она говорила не иначе, как шепотом, так что я практически уверен – никто там, в Алабаме, и понятия не имеет ни о тебе, ни об этом месте. Вот почему мне показалось, что приехать сюда – хорошая идея. Но то, что я сбил этого парня... Думаю, это многое меняет. Папа Триш, он судья, большая шишка там, в Джаспере, и связей у него полно. Зная его, думаю, он этого просто так не оставит. То есть я пытаюсь сказать, что, если он найдет нас здесь, это может означать неприятности и для тебя тоже. Так что я – мы – пойдем, если... То есть...

Ламия сжала его руку.

– Чет, ты помнишь, что я сказала тебе тогда, давно?

Чет покачал было головой, но тут воспоминание всплыло у него в голове – такое отчетливое, будто это случилось вчера. На похоронах матери он потихоньку сбежал от тетки и спрятался за насосной будкой, чтобы поплакать. Ламия нашла его там, утерла ему слезы. Потом повела к пруду, где они принялись ловить лягушек и оба страшно извозились в иле, и как же они хохотали над этим, чувствуя себя ужасными хулиганами. И было что-то еще... кровь, да, была кровь. Он и забыл об этом. «Мы с тобой одной крови», – сказала она и шипом проткнула себе кончик пальца. Она коснулась пальцем тыльной стороны его ладони, оставив два пятнышка. И что там она говорила при этом? «Вернись домой, вернись ко мне, вернись к своей крови». Тут он вдруг понял, что говорит вслух.

– Вот тебе и ответ, – сказала Ламия. – Мы одной крови. Это – твой дом, а неприятностей я не боюсь. И... старому человеку приятно, когда рядом – родные люди.

Чет испытал прилив облегчения и, глянув на Триш, увидел, что она чувствует то же самое.

– Порядок? – спросила Ламия.

– Порядок, – ответил Чет.

– Хорошо. Значит, все у нас решено, – сказала Ламия, закрывая тему, и улыбнулась. – А теперь кому еще лимонада?

– Я налью, – сказала Триш, поднимаясь и берясь за ручку кувшина. Но вдруг поморщилась и отдернула руку.

Ламия сощурилась.

– Что, ребенок?

– Ой, нет, – сказала Триш. – Это всего лишь рука. – Она показала Ламии порез. – Все не так плохо, как оно выглядит. Просто надо это продезинфицировать. У вас, случайно, йода нет?

Ламия возмущенно фыркнула.

– Не нужен тебе этот яд. Чет, подойди-ка туда, видишь, на шкафу черную шкатулку, на морозильнике? Дай-ка ее мне.

Чет вскочил с места и достал шкатулку: размером она была с коробку для обуви и сделана из черного жженого дерева. Чет поставил шкатулку на стол.

Ламия откинула крышку; внутри были маленькие бутылочки, жестяные коробочки, связки трав и коренья, завернутые в листья. Изнутри крышки был прикреплен маленький бронзовый нож с изображением змеи на рукоятке. Нож выглядел очень древним: лезвие было неровным, изъеденным пятнами патины. Она вытащила одну бутылочку и, сощурившись, принялась разглядывать на свет ее мутное содержимое. Проворчала что-то себе под нос, положила бутылочку на место и вытащила другую.

– А, вот оно! – Вытащив зубами пробку, она вытряхнула себе на палец черную вязкую каплю.

Запах заполнил комнату, и Триш наморщила нос.

– Именно по этому и можно сказать, что оно работает, – гордо сказала Ламия и собиралась уже было втереть жидкость в порез.

Триш отдернула руку.

– Погодите. *Что* это?

Ламия взглянула на черную каплю у себя на пальце.

– Что, *это*? Да это же кровавой мед, дитя. Ну, в общем и целом, кровавой мед. Понимаешь, семя дикого кабана мне достать не удалось, пришлось довольствоваться домашними животными. Но оно работает. Вообще-то, как мне кажется, оно работает даже лучше.

Она взглянула в лицо Триш, которое было полно ужаса.

– А, так ты никогда не пользовалась кровавым медом?

Триш потрясла головой.

– Столько старых умений потеряно. Ну, ты сейчас сама увидишь. Это сильное зелье. Оно не пачкает кровь, как те яды, что продают в аптеках.

Триш поморщилась и бросила на Чета беспомощный взгляд.

Поверх мази Ламия положила сухой лист, который достала из той же шкатулки, а потом начертила на листе знак, полукруг с пересекающей его чертой. Закрыла глаза и прошептала какие-то слова, – на своем родном языке, предположил Чет – потом повторила их несколько раз, нараспев. Поцеловав пальцы, она начертила в воздухе над раной знак, заслужив еще один недоуменный взгляд со стороны Триш.

– Ну вот, – сказала она, открыв глаза.

Триш во все глаза смотрела на свою ладонь.

– А что вы сейчас произнесли? Заклинание?

– Да. Заклинание, чтобы темные держались подальше. Они входят в тело через открытые раны.

– Так, значит, вы и вправду занимаетесь... э-э-э... – Триш осеклась.

– Ведьмовством? – подсказала Ламия.

Триш, покраснев, кивнула.

– И чего это тебе там Чет наболтал? – Ламия неодобрительно взглянула на внука.

Чет, сдаваясь, поднял руки.

– Ой, только не надо смотреть на меня так, – сказал он, смеясь. – Это все тетя Абигайль. Никак не могла наговориться о том, какая ты злобная ведьма.

Ламия рассмеялась.

– Уж кому знать, как не тете Абигайль. Да?

Триш явно смутилась.

– Я совсем не хотела вас обидеть.

– Прекрати, девочка. Ты вовсе меня не обидела. Я горжусь тем, что лечу людей. Колдовство, ведьмовство, как ты это ни называй. Это искусство, ремесло. Исчезающее ремесло. Но пусть мои странности тебя не пугают. Я – не злая ведьма, не как та, из страны Оз.

Триш заулыбалась.

– Ладно, я сама напросилась. – Она глянула на руку. – Ой, оно щиплет. – Но тут лоб у нее разгладился. – Вообще-то, стало лучше.

– Триш, если ты не против, расскажи, как у тебя проходит беременность?

– В основном неплохо... Наверное.

– Наверное?

Триш закусила губу.

– Ну... В последнее время у меня бывает небольшое кровотечение...
Время от времени. Доктора, похоже, они не очень беспокоили. Но он сказал мне дать ему знать, если оно станет хуже.

– И оно стало?

– Нет.

– В кровотечении нет ничего необычного, даже на последних месяцах беременности, – сказала Ламия. – Оно может означать самые разные вещи. Триш, у меня на родине, моя мать, и ее мать, и до нее – ее мать, они все были целительницами, акушерками. И они передали свои умения мне. Умение проверить твоё здоровье, здоровье ребенка. Если хочешь, я могу попробовать маленькое заклинание... Посмотреть тебя и ребенка.

– *Заклинание?* – опасливо повторила Триш.

– Не тревожься. Никаких зелий я тебя пить не заставлю. Мне просто нужна будет капелька твоей крови. Гораздо меньше, чем взяли бы у тебя в больнице для этих их дурацких анализов.

– Ну... может быть, – ответила Триш безо всякой уверенности.

Ламия улыбнулась.

– Вот и хорошо. – Она расправила связку сухих листьев, положила один себе на тарелку, а потом открыла маленькую жестяную коробочку и посыпала лист каким-то серым порошком. Взяла в руки нож. – Давай руку.

Триш покосилась на Чета.

– На меня не смотри, – сказал он.

Она вздохнула и вложила свою руку в руку Ламии.

Ламия прикоснулась кончиком лезвия к пальцу Триш – совсем легонько. На пальце набухла капля, и Ламия выдавила ее в порошок, неотрывно наблюдая за тем, как впитывается кровь. Больше, насколько Чету было видно, ничего не произошло, кроме того, что порошок приобрел зеленоватый оттенок.

Триш взглянула на Ламию.

– Это все?

Ламия предостерегающе подняла палец, вглядываясь в пятно крови. Порошок медленно таял, испаряясь, оставляя на листьях извилистые линии. На первый взгляд они казались случайными, но, приглядевшись, Чет заметил, что в них есть какая-то симметрия, узор, будто буквы – странные, чужие буквы.

– Ух ты, – сказала Триш. – А что это значит? – Выражение лица Ламии

стало серьезным, и Триш тревожно прибавила: – Что-то плохое?

Пожилая женщина наклонилась еще ниже; губы ее шевелились, будто она читала про себя. Потом на ее лице отразилось глубокое облегчение.

– О, будь благословенна, Вирд! Благословенны будьте, дева, мать и бабка! Ребенок здоров!

Чета поразила абсолютная убежденность Ламии. Реально ли было то, что сейчас происходило, или нет – без сомнения, Ламия верила в это душой и сердцем. Ее убежденность была заразной: Триш просияла.

– Ох, как я рада это слышать.

– Да, да, у тебя внутри растет очень здоровая душа. Но это еще не все, – поддразнила ее Ламия. – Если хочешь, я могу тебе сказать, кто там прячется – девочка или мальчик.

– О?

– Да.

Триш взглянула на Чета.

Чет пожал плечами.

– Тебе решать.

Триш, прикусив губу, кивнула.

– Это девочка.

– Вы уверены?

– Да, уверена. За все эти годы не ошиблась ни разу.

Триш пискнула.

– О, Боже. О... Боже... мой. Маленькая девочка! – Чет заметил, что Триш больше не смотрит на его бабушку так, будто та была немного с приветом. Теперь это было самое настоящее восхищение.

– Слышал, Чет? У нас будет маленькая девочка.

– Да, до меня это вроде как дошло.

И Чет тоже в это верил. Похоже, дар Ламии проявлялся во многих областях. Его бы не удивило, окажись, что она уже каким-то образом связана с этим ребенком.

Ламия вытерла глаза; она плакала.

– Бабушка? Ты в порядке?

Она, улыбаясь, кивнула.

– Просто я так счастлива. Я была здесь... одна... так долго. А теперь у меня снова есть семья. А скоро будет еще и малышка, для пущей радости. Сколько счастья, это немного ошарашивает, только и всего.

Глава 3

Чет понимал, что это сон, но легче от этого почему-то не становилось. Он был снаружи дома, на крыльце, залитом светом луны, – кровь на досках; кровавый след, ведущий в дом. Слышно было, как плачет Триш – горько, тоскливо. Он пошел по кровавому следу внутрь дома, вверх по ступенькам, к комнате в самом конце коридора. В комнате плакал ребенок, которому было больно, очень больно. Это был его ребенок, его дочь, он знал это. Дверь была заперта. Он молотил по ней кулаками, кричал, чтобы открыли. Потом ударил в нее плечом, еще, и еще раз. Наконец, дверь распахнулась, и он упал в комнату, во тьму, и падал, падал – а вокруг него эхом отдавался детский плач.

Чет проснулся, судорожно глотая воздух. Долгую секунду он не мог сообразить, где находится. Утер со лба пот. Кошмары преследовали его с тех пор, как умерла мать, но этот был слишком похож на явь.

Он потянулся к Триш; ее не было рядом. Он сел. К его удивлению, день уже явно подходил к концу, а ведь он собирался прилечь всего на пару минут. По комнате гулял свежий ветерок. Чет поднялся с постели и подошел к окну; ему хотелось остыть. Был прилив, и последние лучи солнца играли на поверхности болота. Краем глаза он уловил какое-то движение. Кто-то – вроде бы, мальчик – стоял на кладбище, тень среди теней. Потом мальчик исчез. Чет продолжал смотреть, надеясь увидеть его вновь, и ему вдруг показалось, что он слышит голос. Мальчишеский голос, но очень, очень тихий. *«Что он сказал? – задумался Чет. – Беги, – понял он. – Мальчик сказал – беги».*

Тут он услышал, как внизу рассмеялась Ламия – теплый сердечный смех, который мигом разогнал его неясную тревогу. Чет направился вниз.

Он обнаружил их в передней комнате – они сидели рядышком на большом, выдавшем виды красном диване с вытертым ворсом. У Триш в руках был бокал с лимонадом, у Ламии – с вином.

– О чем это вы, девушки, тут болтаете?

– Твоя бабушка рассказывает мне истории, как она была акушеркой.

– Дети, – сказал Чет. – Мог бы и сам догадаться.

Они продолжили обсуждать тонкости материнства, а Чет, не зная, куда себя деть, принялся разглядывать картины на стенах – по большей части потемневшие от времени и все в пятнах. Та, что висела прямо перед ним, изображала дом на холме, с газоном и ухоженным садиком; на заднем

плане в рисовых полях виднелись крошечные фигурки работников. У окна Чет заметил старый, в деревянном еще корпусе, телевизор. Провод был воткнут в розетку, и Чет попробовал повернуть ручку. Крошечный экран ожил, но на нем не было ничего, кроме помех.

– Бабушка, а ты телевизор смотришь?

– Нет, мой что-то барахлит.

– Да, это я заметил. – Тут до него дошло, что он нигде не видел ни телефона, ни машины. – А телефон у тебя есть?

– Да. Но он тоже не работает.

Чет покачал головой.

– А как насчет машины?

– Есть.

– А она работает?

– Нет.

– Господи, бабушка! Как же ты обходишься с продуктами? Только не говори, что каждый раз ходишь пять миль до шоссе.

– Вирд, нет! Зачем мне это?

– Так как ты достаешь продукты? И все остальное?

– Чет, ты разве не помнишь, что у меня огород? Ты только посмотри, сколько у меня овощных заготовок! Иногда мне кажется, что во мне есть что-то от белки – столько я всего запасаю. А если нужно что-то еще, я просто прошу Джерома, и он мне все привозит. Я плачу ему за то, что он смотрит за садом. Он хороший работник, но от него и слова лишнего не дождешься.

Чет бросил взгляд в боковое окно: вниз уходил поросший дубами склон. Только что взошла луна – полная, очень яркая, – и он различил внизу, между деревьями, верхушки надгробий. Чет попытался рассмотреть мальчика-тень, которого видел раньше.

– Бабушка, а расскажи о здешних привидениях.

Она посмотрела на него изучающим взглядом.

– Так, значит, ты тоже их чувствуешь?

– Думаю, да.

– Ему показалось, что он видел сегодня одно, – вставила Триш. – Там внизу, когда мы мимо кладбища проезжали.

– А ты, девочка? Ты что-нибудь видела?

Триш помотала головой.

– И тебе тоже хотелось бы о них услышать?

– Да, наверное.

– Есть здесь насколько духов, – сказала Ламия. – Я видела их, слышала

и, что более важно, чувствовала. И не я одна. Местные, Гулла, они тоже их чувствуют. Когда ехали сюда, видели на мосту тотемы?

– Тотемы? – переспросил Чет.

– Она имеет в виду тех страшных кукол, Чет. Из костей и соломы.

– А, да, – сказал Чет. – А зачем они вообще?

– Сколько раз я просила Джерома их снять, но местные просто ставят новых.

– Почему?

– Они считают, что на острове полно неупокоенных душ... Из-за всех этих нехороших смертей, которые тут случились. Они верят, что духи не могут пересекать текущую воду, поэтому они ставят эти тотемы и кропят мост освященным маслом, чтобы те оставались на острове.

– Плохая смерть, – сказал Чет. – Это ты о дедушке?

Ламия посмотрела на него долгим взглядом и вздохнула.

– Чет, может, присядешь?

Чет сел рядом с Триш.

– Что тетя Абигайль рассказывала тебе о твоём деде?

– Не слишком много. По большей части разговор шел о демонах. Она говорила, что они проникли ему в голову, свели с ума. Мне правда очень грустно это говорить, но она вас терпеть не могла. Считала, что это ты во всем виновата.

Ламия грустно покачала головой:

– Я знаю.

– Я разное об этом слышал, от других, – продолжал Чет. – Ну, до того, как мы переехали. Они говорили, что он был злой человек, нехороший. Убил много народу. Что сумасшествие – это у нас семейное. Поэтому-то мама такой и была. После того, как мама убила себя, дошло до того, что мы выйти из дома не могли без того, чтобы на нас не пялились. Или не говорили бы что-нибудь.

Ламия, глядя в пол, кивнула. Вид у нее был отстраненный.

– Хоть что-то из этого правда? – спросил Чет. – Он действительно был таким плохим человеком?

Ламия кашлянула.

– Иногда он бывал так добр, Чет. Но такое ощущение, что с годами эта его часть постепенно отмирала, пока не осталось только зло.

– Это все алкоголь? Или он и вправду... сошел с ума?

– Может, дело было и в алкоголе... Отчасти уж точно. Может, это все война, то, что он там видел, и то, что ему приходилось делать. Просто я не могла забыть, что он спас мне жизнь. Именно из-за этого я так долго

терпела то, чего терпеть было нельзя. Слишком долго. Если бы я знала, что рано или поздно насилие перекинется на детей... К чему это приведет... Я бы нашла в себе силы... По крайней мере, мне так кажется. – Она замолчала; на ее лице читалась боль.

– Ох, бабушка, – тихо сказал Чет. – Не нужно говорить об этом, если ты не...

– Вот сюда он мне выстрелил, твой дед. – Она коснулась шрама на виске. Чет заметил, как вздрогнули ее пальцы. – Непросто говорить о том, что он сделал, о том, что тогда случилось. Каждую ночь я спрашиваю себя: «Как бы оно повернулось, поведи я себя по-другому? А вдруг можно было что-то сделать – и все закончилось бы иначе?» Я все время слышу их... Голоса моих детей.

Она сделала долгий глоток из бокала.

– Они меня сжечь хотели.

– Что... кто?

– В конце той большой войны, еще первой, я попала в Венгрии в лагерь для беженцев. Один человек хотел меня обокрасть, и я его на этом поймала. Я рассказала об этом охраннику, но тому было плевать. Вскоре тот человек стал всем рассказывать, будто я ведьма, будто он видел, что я отравила ребенка. Тот ребенок был болен, и я пыталась ему помочь. Но потом, когда ребенок все-таки умер, весь лагерь обратился против меня. Обвинить меня было нетрудно. Охрана бездействовала, и они привязали меня к столбу, обложили дровами и подожгли их. Это Гэвин их остановил, твой дед. Его отряд шел мимо лагеря, и он услышал, как я кричала. Он расшвырял занявшиеся дрова и начал меня отвязывать. Когда охранники попытались его остановить, он вытащил пистолет и направил его на них. Один против нескольких вооруженных людей, он стоял – такой высокий – и смотрел на них так, будто ему хотелось, чтобы они начали стрелять. Они отступили, и он увел меня из лагеря.

Я влюбилась в него, и мы поженились. Он привез меня сюда, на этот остров. Сначала это место казалось мне раем. Дни, когда здесь выращивали рис, давно ушли в прошлое, но Гэвин начал свое дело, стал торговать лесом. У нас появились дети, сначала двое мальчиков, потом твоя мать. Жилось нам неплохо. Но война так и не отпустила твоего деда. Ему стали сниться кошмары, он начал пить, забросил бизнес и разорился. После этого он ни на одной работе не мог удержаться подолгу. Он терпеть не мог, когда ему указывали, что делать, и дело всегда кончалось тем, что Гэвин кого-нибудь избивал. Потом он начал возить спиртное для Сида Маллинса. Это было еще во время Сухого закона. Он и другими делами для Сида

занимался. Мне он ничего не говорил, но мне не раз приходилось его одежду от крови отстирывать. Люди... Они его боялись. Мы редко ездили в город вместе, но всякий раз в глаза бросалось, как люди его сторонились, вели себя осторожно, как с собакой, про которую известно, что она укусить может.

И вот вскоре после того, как у нас родился второй ребенок, он начал поднимать руку сперва на меня, а потом и на детей. У него просто не получалось сдерживаться. И когда он бывал в таком настроении, сопротивляться было бесполезно. Потом... Потом это случилось. Вскоре после того, как родилась твоя мать. Гэвин пришел однажды вечером домой, чем-то раздраженный. Что-то там сорвалось с перевозкой. Не знаю точно, в чем было дело. Он был в ярости. Начал он с нашего старшего, Билли. Когда я попыталась его остановить, он просто... разум потерял... – Тут она замолчала.

Триш и Чет посмотрели друг на друга, потом Триш накрыла руку пожилой женщины своей.

– Никогда мне не забыть этот его взгляд, – сказала Ламия. – Он глядел на меня, на детей с такой злобой, будто мы были чудовищами. Сказал, что мы демоны. Криком кричал. Видно было, что он сам в это верит. Выстрелил в меня три раза, в ногу, в грудь и сюда. – Она вновь притронулась к шраму. – А потом взялся за мальчиков.

По щеке у нее скатилась слеза.

– Ламия, – сказала Триш. – Пожалуйста, хватит.

– Он убил их... Застрелил... А потом сжег. – Она закрыла лицо руками и заплакала. Триш обняла ее.

Глава 4

Чет сидел на краешке кровати, ждал Триш и глядел в окно, в ночь. Он опасался, что все это – бабушка, дом со всеми его странностями – будет для нее немного чересчур.

Вошла Триш.

Он осторожно ей улыбнулся.

– Как там Ламия?

Триш притворила за собой дверь.

– А, все в порядке. Она немного расстроена и чуток подвыпивши. – Триш улыбнулась. – Уложила ее в кровать. Думаю, это пошло ей на пользу. Ну, облегчить душу. Рассказать о том, что ей довелось пережить.

Чет кивнул.

– Бедняжка. Она ведь так и жила тут одна, с той самой ужасной ночи. Даже представить не могу, до чего ей было одиноко. Ты знал, что твою мать у нее забрали?

– Да. Тетя Абигайль, дедушкина сестра. Она и остальные родственники со стороны дедушки. Подробностей не знаю, но, как я понимаю, история была некрасивая. Тетя Абигайль обратилась в суд, доказывая, что бабушка неспособна воспитывать ребенка, дошло до того, что тетя пыталась ее засудить.

– Чет, хочу тебе кое-что показать, – Триш раскрыла ладонь: от раны остался только тоненький шрам.

Чет распахнул глаза:

– Ничего себе... Совсем зажило.

– Да. Удивительно, правда? Может, у нее и не все дома, но она уж точно не сумасшедшая. В этих ее старых умениях что-то и вправду есть.

Они помолчали.

– Мне нравится твоя бабушка, Чет.

– Даже если она – злая ведьма? – улыбнулся Чет.

– Она просто удивительная. Правда. И вся эта ее магия тоже. То есть, конечно, все эти заклинания и ворожба – это просто ритуал... По крайней мере, я так думаю. Но есть еще целый мир целебных трав и корней, о котором я ровно ничего не знаю. Она показала мне этот ее солярий. И там не только растения; там у нее саламандры, лягушки, жуки. Она – просто ходячая энциклопедия грибов, корней, разных видов плесени и даже по грязи – черт, да она специалист по всему, что встречается в природе. И, Чет,

лучше всего то, что ей хочется передать эти знания, научить кого-то всему, и этот кто-то – я, представляешь? Она сама спросила, не хочу ли я попробовать.

– А ты хочешь?

– Ты что, смеешься? Я думала, мне придется ее упрашивать, и... и... – Триш осеклась. – Ты чего смеешься?

– Значит, ты не против остаться? Попробуем?

Триш закрыла глаза, сделала глубокий вдох, а потом открыла их опять.

– Думаю, да. По крайней мере, на время. Пока ребенок не появится.

– Да?

– Да.

Чет встал, выключил свет. Они разделись и легли в кровать. Он положил руку ей на живот. Триш накрыла его руку своей.

– Думаешь, они нас найдут?

– Нет, – сказал Чет, стараясь, чтобы его голос звучал уверенно. – Тетя постаралась на славу, пытаюсь похоронить прошлое.

– Ламия так радуется ребенку, – сказала Триш. – Знаешь, она хочет, чтобы я рожала здесь, у нее.

– А ты что об этом думаешь?

– Мне кажется, я буду в хороших руках. Она стольким детишкам помогла появиться на свет. А еще, если я буду дома рожать, это значит, что нам не придется обращаться в больницу.

Ребенок брыкнулся. Чет ахнул, потом рассмеялся:

– Похоже, наша дочь тоже согласна.

Триш примолкла; ясно было, что она о чем-то думает.

– Чет, милый, у нас все может быть так хорошо.

– Да, – согласился Чет, и замолчал, ожидая, что она скажет дальше.

– Мне нужно, чтобы ты кое-что сделал. Для меня.

– Хорошо.

– То, что мы делали – сбежали из дома, все бросили, – чтобы этот ребенок остался с нами. Ну... мне страшно от этого. Твоя бабушка, она просто чудо, и, я думаю, тут у нас все будет хорошо. Но мне нужно знать, нужно услышать это от тебя еще раз... Что ты не вернешься больше в тюрьму. Что ты покончил с наркотиками, что не будешь больше ими торговать, перевозить их, – все это.

Чет с самого начала знал, что будет непросто, что ему немало придется поработать, чтобы вернуть ее доверие. Они начали встречаться еще в старших классах. В то время он еще только начал приторговывать травкой, и то только с друзьями. Триш, казалось, не возражала. Иногда она даже

могла раскурить косяк с ним вместе. Но каким-то образом снабжение друзей травкой переросло в снабжение всего города, а потом и в транспортировку наркотиков через границу штата. Когда Триш прознала об этом в первый раз, она пригрозила, что уйдет от него, если он не перестанет. Сказала, что не может быть с человеком, который рано или поздно попадет в тюрьму, она просто не готова такое пережить. Он обещал ей: никогда больше, и честно думал сдержать слово. Но то, что он собирался сделать, и то, что делал на самом деле, – совпадало далеко не всегда, и вскоре она опять его застукала. Он развел ее на второй шанс, но, когда все то же самое произошло вновь, Триш предъявила ультиматум: если это повторится еще раз, отговорки не помогут. Между ними все будет кончено, навсегда. Он понимал, что она за него боится, и поклялся – еще раз, что он и *вправду* завязал. Вот только под «завязал» он имел в виду «после крайней ходки». Две недели спустя Чета арестовали за транспортировку наркотиков, а вскоре после этого, уже сидя в тюрьме, он получил ее письмо.

– Дело, короче, в том, – сказала Триш, – что я не хочу, чтобы наш ребенок рос без отца, потому что тот сидит в тюрьме. Поэтому не нужно мне клясться. В этот раз – нет. – Она крепче прижала его руку к своему животу. – Поклянись ей, нашей маленькой девочке. Поклянись, что ее папа всегда будет рядом.

И Чет поклялся, искренне, как никогда. Откуда ему было знать, что к утру он будет уже мертв.

Глава 5

Чет проснулся где-то после полуночи. Никаких снов в этот раз он не видел, но страх гирей давил на грудь. Он сел в кровати; кожа была влажной от пота, и он тяжело дышал, будто в комнате не доставало воздуха. Он встал, натянул штаны, ботинки и рубашку и ощупью спустился вниз, в темноту. Зашел на кухню, налил себе стакан лимонада и вышел на крыльцо, постаравшись не хлопнуть дверью с противомоскитной сеткой.

Прислонившись к столбу, он смотрел, как соленый туман медленно оседает в лощинах; огромная, круглая луна превращала туман в светящееся марево. Где-то на грани слышимости шумел прибой. В тенях танцевали светлячки. Никогда ему не приходилось видеть столько светлячков. На него снизошел покой; он прикрыл глаза. И увидел картинку, яркую, будто настоящее воспоминание. Он увидел себя, Триш, Ламию и маленькую девочку с темными кудрями, – счастливыми, смеющимися на берегу. Поймал себя на том, что улыбается.

Чет открыл глаза. На дорожке стоял мальчик.

Чет чуть не уронил стакан.

На вид мальчику было лет пять или шесть, очень светлые волосы, темные глаза, джинсы, но ни рубашки, ни башмаков. Под мышкой у него была стеклянная банка, полная светлячков.

– Бууу! – сказал мальчик.

Чет уставился на него, пытаясь найти внятное объяснение тому факту, что мальчик был здесь, в глуши, совершенно один. Особенно глубокой ночью.

– Эй... А твои родители знают, где ты и что ты делаешь?

Мальчишка улыбнулся, поднял банку повыше.

– Иди сюда, посмотри, что я поймал.

– Где ты живешь?

– У Горящего Человека. Он хочет с тобой познакомиться.

– Горящий Человек? – Чет начал спускаться по лестнице; он задел рукой за нитку, и колокольчики мелодично зазвенели. Лицо мальчика исказилось, будто от боли. Он отступил на шаг, сердито косясь на Чета.

– Эй, – сказал Чет. – Не бойся. Тебя как зовут?

– Колокольчики, ненавижу их, – сказал мальчишка, перепрыгнул через изгородь и был таков.

– Погоди, – крикнул Чет и двинулся вслед за ним. Дойдя до конца дорожки, он оглядел подъездной круг, потом посмотрел в сторону уходящего вниз проселка. Прищурившись, вроде бы разглядел фигурку, метнувшуюся в сторону кладбища, но туман внизу был слишком густым.

– Эй, мистер, – услышал он. Вздвогнув, Чет обернулся и увидел еще одного мальчишку. Этот тоже был светловолосый и темноглазый, но немного постарше. На нем была висевшая мешком рубашка на пуговицах и штаны на помочах.

– Ты моего братика не видел? – Голос у мальчишки был встревоженный.

– Э-э, да. Мне кажется, да.

– Понимаете, он вообще-то не должен бы тут шлаться.

– Ну, я практически уверен, что он побежал вон туда, – и Чет указал в сторону проселка.

– Мистер... А вы не могли бы... Если вам не сложно... Пойти со мной, помочь его найти? – Парнишка опустил глаза, будто застеснявшись. – Пожалуйста. Не по себе мне тут одному ночью. Не знаю, слышали вы или нет, но тут на острове вроде как привидения водятся. Не могут отсюда уйти.

– Конечно... Ладно. Только надо бы фонарик откопать. – Чет повернул было к дому.

– Давайте лучше пойдем поскорее, – сказал мальчик и двинулся вниз по дороге. – Он в ручей мог свалиться или с дамбы упасть. Он, Дэйви, плавает так себе.

– Да, хорошо, – сказал Чет и последовал за мальчиком. До него вдруг дошло, что фонарик и не нужен – при такой-то луне.

– Как тебя зовут?

– Билли.

– Что ж, Билли, а я – Чет.

– Я знаю, – сказал мальчик.

– Знаешь?

– Вы же внук Ламии, да?

– Да, – сказал Чет, гадая, откуда мальчишка мог про это узнать.

Когда они миновали кладбище, туман стал гуще и луна будто потускнела. Они вошли в лес; здесь тени и вовсе сливались, сгущаясь в полумрак.

– Черт, – сказал Чет, – видал когда-нибудь столько светляков?

Насекомые, казалось, следовали за ними.

– А это не светляки.

Голос прозвучал как-то хрипло, утробно, не так, как раньше. Чет глянул в сторону мальчишки и заметил, что кожа у него на лице и на шее местами выглядит как-то не так, будто старые, давно зажившие ожоги. Чет не мог понять, каким образом он не заметил этого раньше. Приглядевшись, он был поражен, каким худым, даже истощенным выглядит мальчик, какие у него запавшие глаза. «Что же за жизнь у него дома, – подумал Чет. – Может, родители первым делом тратят деньги на выпивку, а уж потом на еду для детей».

– Не светляки? А что же это?

– Души. Души всех этих детей, которые не могут отсюда уйти.

У Чета по позвоночнику пробежал холодок. Этому ребенку кто-то явно вешал на уши лапшу, и паренек всему верил. Чет попытался рассмеяться.

– Души, да? Кто это тебе сказал?

– Я сам знаю, потому что я их видел.

– А-а...

– Хочешь, покажу, где кто из них умер?

Чет решил, что мальчик ведет речь об убийствах, совершенных его дедом, – среди местных уже, наверное, ходят легенды.

– Могу даже показать, где умерли мы с братом.

Откуда-то из глубины леса раздался стон. Что-то двигалось по направлению к ним. Чет почувствовал, как волосы у него становятся дыбом, отступил на шаг, но остановился. Происходящее начало его раздражать.

– Ладно, Дэйви, можешь выходить, – крикнул он.

Из-за дерева, соткавшись из теней, выступила фигура. Это был мальчишка, тот, что помладше. На лице у него была сконфуженная улыбка.

Чет покачал головой и громко выдохнул напоказ.

– Ну, ребят, ладно, вы меня напугали.

Оба захихикали.

– Хочешь, сыграем в одну игру? – спросил Дэйви.

– Нет. Уже наигрался, – сказал Чет, стараясь убрать раздражение из голоса. – Устал. Пойду посплю.

Он повернулся и пошел было обратно, но вдруг понял, что не знает, где, собственно, это «обратно». Туман сгустился настолько, что не было видно ничего, кроме стволов ближайших деревьев. Он вдруг заметил, что светлячки – они были повсюду – носятся вокруг, будто чем-то взбудораженные. Никогда раньше он не видел, чтобы светлячки так себя вели. Он хотел было указать на это мальчишкам, но тут раздался стон, – тихий, почти как шепот – и эхо разнесло его вокруг, так, что он слышался

со всех сторон. Еще стоны, громче; откуда-то снизу, из-под земли. Звук был кошмарный, будто кто-то или что-то испытывало колоссальную боль. Чет почувствовал, как желудок сжимается от страха, настоящего страха. Что-то ткнуло Чета в спину. Он резко развернулся. Перед ним стоял ухмыляющийся Дэйви.

– Ладно тебе, Чет, давай поиграем немного. – Его лицо. У мальчишки же что-то совершенно не так с лицом. – Мы тут игру придумали, сами. Хочешь узнать, как она называется? – Ухмылка Дэйви становилась все шире, обнажая черные, обломанные зубы, слишком много зубов. – Она называется «Убей Чета».

Чет вытаращил глаза. Это был совсем не тот мальчик, которого он видел раньше. Этот мальчик, казалось, умирал с голоду. Кожу повсюду пятнали ожоги; они расползались, темнели на глазах. Глаза у мальчишки запали; в нос Чету ударила вонь – запах горелого мяса.

– Какого хрена? – заорал Чет и развернулся, натолкнувшись при этом на Билли. Тот вцепился в него, обхватив за пояс. Чет попытался оттолкнуть мальчишку, но почерневшая, шелушащаяся кожа липла к рукам, как расплавленный сыр, обнажая голые, торчащие сухожилия и разлагающуюся плоть.

Билли захохотал; его глаза теперь горели, плевались искрами. Внезапно его голова дернулась и зубы, слишком много зубов впились Чету в руку.

– Эй! Эй! – закричал Чет; руку пронзила острая, жгучая боль. Чет опять попытался оттолкнуть Билли, шатаясь, размахивая руками, и, наконец, освободился.

Он побежал; не важно – куда, лишь бы подальше от этих мальчиков. Он неся, не разбирая дороги, сквозь деревья, кусты. Ветки хлестали его по лицу, колючки вцеплялись в одежду, в тело; он потерял ботинок, потом другой. Он бежал и бежал, стараясь вернуться обратно к дому, бежал, пока воздух не начал жечь ему легкие, пока он не изрезал себе все ноги.

Ему послышался шум прибоя, и Чет остановился, пытаясь дышать тише, чтобы прислушаться. И вправду, шумели волны. Прямо впереди. *Черт. Не туда.* Он медленно повернулся, пытаясь сообразить, где находится. Определив направление, он опять бросился бежать, прочь от берега и, когда он был уже уверен, что дом совсем рядом, он опять услышал волны. *Черт!*

– *Давай поигра-а-е-ем,* – эхом доносились до него голоса мальчиков.

Позади него? Впереди? Чет не мог понять. Пульс эхом отдавался у него в ушах.

– Бабушка, – прошептал он, пытаясь до нее дотянуться. Никогда еще ему не хотелось *так сильно* услышать ее спокойный голос. *Бабушка, пожалуйста, услышь меня.*

Две пары светлячков скачками приближались к нему сквозь туман. Вокруг них постепенно соткались темные очертания. Это были они, мальчишки, только теперь от них не осталось ничего, кроме черной искореженной плоти. Смеясь, они протянули к нему руки.

Чет бросился бежать, сломя голову, уже не видя, куда. Ударился плечом о дерево, от удара его развернуло, и он врезался головой в толстую ветку с такой силой, что его сбilo с ног. Он попытался встать, пошатнулся, упал на четвереньки. Потрогав голову, ощутил под пальцами влагу, взглянул на руку, увидел кровь.

Они появились опять, неторопливо приближаясь, зияя зубастыми улыбками.

– *Чет.* – Низкие, хриплые голоса, почти рычание.

– Дети, – прозвучал твердый, уверенный голос. Из тумана позади кошмарных созданий выступила Ламия. Когда они увидели ее, их лица изменились, резко меняя форму. Их искаженные, изуродованные черты излучали радость.

– Мама! – крикнули оба и бросились к ней. Склонившись к ним, она крепко их обняла. Они обхватили ее руками, зарылись в грудь черными, потрескавшимися лицами.

– *Бабушка?* – вскрикнул Чет.

Ламия взглянула в его сторону.

– Чет, прости. Они тебя напугали?

– Погоди... Нет... Они же... *монстры.* – Он едва мог выдавить из себя слова.

Она отпустила детей.

– Мальчики, оставайтесь здесь. Вы его пугаете. – Голос у нее был твердый, но ласковый.

– Мы ж просто поиграть хотим, – заныли они.

«*Это все не по-настоящему,* – сказал себе Чет, с трудом поднимаясь на колени. – *Как это может быть настоящим?*» И все же ужас, который он испытывал, неистовая потребность бежать от этого безумия – все это было реальным. Он попытался встать, пошатнулся и упал навзничь, приземлившись на руки.

Ламия приблизилась к нему, опустилась на колени и обхватила его руками.

– Ну, ну, не бойся, дорогой. Все уже в порядке. Не бойся их. Что же

делать, если они стали такими. – Она притронулась к его лицу, и Чет у показалось, что ему опять шесть. Ламия: тепло и любовь, луна и звезды, надежная гавань. Все, чего ему хотелось – свернуться калачиком у нее на руках.

– Единственное, что может облегчить их страдания – это доброта, – прошептала она.

Острая боль хлестнула поперек горла, что-то влажное и теплое хлынуло вниз по шее. В руках у Ламии Чет увидел нож, тот самый, из ее ящичка, со змеей на рукояти. Теперь он был в крови.

Она смотрела на него нежным, любящим взглядом, и серебряные искры в ее глазах вспыхивали, пульсируя, и медленно кружились, и все вокруг тоже начало кружиться.

Чет попытался поднять руку, но она стала невыносимо тяжелой. Мир вокруг тускнел, погружаясь во тьму. Он закрыл глаза; его сознание медленно угасало.

Глава 6

Чет открыл глаза и попытался сфокусировать, но у него не получалось. Все вокруг купалось в серебристом свете. Он поднялся на ноги, не ощущая собственного веса. Голова кружилась, будто он вот-вот опять потеряет сознание. Он схватился за голову; ему с трудом удавалось сохранять равновесие. Вокруг все было расплывчатым, будто в дымке, и каким-то выцветшим. Даже доносившийся снизу прибой звучал как-то глухо.

Он услышал хлюпающие звуки, словно какое-то животное лакало жидкость. Повернувшись на звук, он увидел – еле разобрал – очертания сгорбленной фигуры. Он сморгнул, мир стал чуть более четким, и он разглядел, что это было не животное, а человек, женщина. Она стояла на четвереньках, оседлав чье-то тело, кажется, мужское. Чет моргнул опять, и зрение прояснилось, вот только он сразу же пожалел об этом. Как бы ему хотелось никогда не видеть того, что он увидел. Ламия – вот только это была не она: слишком длинные, слишком тонкие руки и ноги, кости выпирают, натягивая ветхую плоть, позвоночник шипами уперся в ткань платья на спине – сгорбилась над лежавшим мужчиной. Прикинув к его горлу, она, постанывая и кряхтя, лакала и чавкала.

– Бабушка?

Она медленно подняла голову; лицо у нее было чересчур вытянутым, как морда у козы. Кровь сгустками стекала по подбородку, по шее, по груди, клейкими нитями свисала с белоснежной гривы волос. Ее глаза – маленькие серебряные глазки с черными щелками зрачков – уставились на него, пульсируя. Она улыбнулась.

– Чет, я думала, все потеряно, но ты... *ты* спас меня. Я люблю тебя, дитя. Я всегда буду тебя любить.

Чет взглянул на тело, на лицо человека, оседланного бабкой. Увидел собственные лицо, свои глаза, пусто пялящиеся на него в ответ, и откуда-то из самой глубины к нему пришло понимание. Он прижал руки ко рту.

– О, нет. О, *нет... нет... нет!*

– Пойди, поиграй, Чет. Пойди, поиграй со своими братьями и сестрами. – Ламия повела рукой в сторону перемигивавшихся вокруг них светлячков. Он моргнул и увидел, что это вовсе не светлячки, а глаза. Моргнул опять и увидел больше – лица, детские лица, сотни и сотни: от совсем еще малышей до четырех-, пяти- и шестилетних детей. Все они до единого неотрывно смотрели на Ламию, и лица их были искажены

страданием и жаждой, желанием настолько сильным, какого Чету еще не приходилось видеть.

– Мама, мамочка, мама, – шептали они. Слова смешивались, заглушая друг друга, на разных языках, но, тем не менее, было совершенно ясно, что они говорили: они звали мать. Они толпились все ближе и ближе, тянули к Ламии руки.

Билли и Дэйви, взрыкивая и скаля зубы, двинулись вперед. Жажда на лицах детей сменилась страхом. Они отступили, стараясь держаться на расстоянии от двух кошмарных созданий, но ни на мгновение не выпуская Ламию из виду – глаза, глаза, глаза, неотрывные взгляды.

«Этого не может быть. Не может быть», – подумал Чет.

– Бабушка! – вскрикнул он, чуть не плача. – Бабушка! Помоги мне! Пусть это прекратится, пожалуйста, о Господи, пожалуйста, прекрати это!

Дэйви и Билли рассмеялись, но Ламия не обратила на него никакого внимания. Она вернулась к телу, к его телу, и продолжила пировать – сосать его кровь. Чавканье и кряхтение эхом отдавались у него в голове, так, что ему захотелось вырвать себе барабанные перепонки.

Чет шагнул к ней, протянул руки.

– Бабушка. *Пожалуйста*. – И вдруг понял, что ведет себя в точности как те, остальные.

Билли и Дэйви, устремив на него взгляды, шагнули вперед.

Чет замер, попытался сделать шаг назад, но ноги скользили, будто на льду. Когда демоны отступили, некоторые из детей кинулись вперед, принялись виться вокруг, цепляться за Ламию руками, гладить по лицу, выпевая ее имя. Ламия шипела и отмахивалась от них, как от мух.

Билли и Дэйви, развернувшись, бросились на детей. Те с криками кинулись прочь. Но Дэйви поймал одну девочку лет трех, не больше, вцепившись зубами ей в плечо. Она тоненько вскрикивала, а он неистово тряс ее, как куклу, и в конце концов оторвал ей руку. Крови не было, только волокнистые, полупрозрачные струйки, которые извивались, будто щупальца. Плача и спотыкаясь, она побежала прочь, под покров затопленного туманом леса.

Дэйви принялся пожирать оторванную руку. И тут Чета поразила страшная мысль, у него похолодело в груди. *Триш. О, Господи, Триш!* Ему нужно было добраться до нее прежде, чем эти монстры, – сказать ей, чтобы она убиралась отсюда, – *сейчас же*. Он отступил назад, спотыкаясь, попытался бежать, но ноги скользили, не касаясь земли, и его несло, будто ветром, вместе с туманом.

– Далеко не уходи, – крикнул ему Дэйви. – Горящий человек хочет с

тобой повстречаться.

И двое чудовищ разразились хохотом, впившимся Чету в мозг, как колючая проволока.

Чет бросился прочь, расталкивая детей, их холодные, податливые и мягкие тела. Никто из них не обращал на него никакого внимания, они только вытягивали шеи, стараясь не упустить Ламию из виду. Сосредоточившись на усилиях, Чет постепенно сумел обрести контроль над своими движениями. *Господи, что она собирается сделать с Триш?* Он бежал между деревьями, пытаясь понять, в каком направлении находится дом, и еле удерживался от того, чтобы не закричать, не позвать ее по имени. Он уже собирался было повернуть, попробовать другое направление, когда наткнулся на проселок, ведущий к кругу. Он пошел вверх по дороге; двигаться теперь получалось быстрее: он скорее отталкивался ногами, чем бежал, скользя, почти как на коньках.

На краю поля Чет остановился. Легкий ветерок разгонял остатки тумана, и дом на холме то появлялся, то исчезал из вида. В окнах горел свет. *Триш не спит? Она услышала, как я кричал? Она услышала что-то? Господи, пожалуйста.*

Тут он увидел Ламию. Она шла по дальнему краю поля – ни следа хромоты – вверх по склону, к дому. Демоны шли рядом с ней, щелкая зубами на детей, если кто-то из них осмеливался подойти чересчур близко.

Чет нырнул в заросли тростника.

Подождал, пока демоны не скрылись из вида, и направился вверх по холму. Прячась за кустами, он пробрался к дому – хоть бы успеть до того, как Ламия сделает что-то с Триш. Он бросился вверх по ступенькам крыльца, с размаху наткнулся на что-то твердое, на какую-то преграду, и упал. Раздался легкий звон, отозвавшийся вспышкой боли у него в голове. Он зажал уши руками, и боль постепенно ушла. Чет взглянул на крыльцо: там не было ничего – ни стены, ни загородки. Только цветные нитки с нанизанными на них колокольчиками. Он протянул к ним руку, вновь наткнулся на что-то твердое, и рука занемела, точно от холода. Тренькнул колокольчик, и опять голову пронзила ослепительная боль.

– Твою мать!

– Мы слышим тебя, Че-ет. – Это был один из демонов, но голос звучал откуда-то издалека, будто его ветер принес. – Пора к Горящему человеку.

Горящий человек? Какой еще Горящий человек? Но Чет уже, кажется, знал, и тут до него дошло, что, может, есть и кое-что похуже, чем смерть. Гораздо хуже. Он вскочил и побежал вдоль стены, надеясь найти способ перебраться через нити – над ними, под ними. Прохода не было; нити

вились вокруг всего дома. Он остановился под окном Триш. В их комнате было темно.

– *Триш!* – закричал он, громко, как только мог.

– Кто не спрятался – я не виноват, Чет, – отозвался один из демонов, все так же, нараспев, и это сводило с ума.

Чет оглянулся в поисках палки или камня – чего-то, чем можно было бы швырнуть в окно. Нашел камешек, схватил. Рука прошла сквозь.

– Ох, твою мать!

– Че-ет, пора – не пора, идем со двора.

Он посмотрел на руки, стиснул пальцами ладонь. На ощупь она была вполне плотной. Он попробовал снова, на этот раз сосредоточившись; рука опять прошла сквозь, но в этот раз камешек дернулся, совсем чуть-чуть, и все же он его *подвинул*. Еще попытка. *Сосредоточиться. Только сосредоточиться.* Камешек лежал у него на ладони; он чувствовал его вес.

– Че-ет, ты где-е?

Камешек провалился сквозь ладонь и со стуком упал на землю.

– Твою мать!

– Че-ет, – голос доносился чуть ли не из-за угла.

Чет бросился вниз по холму, ища, где бы спрятаться, скользнул за ствол дуба. Прижавшись спиной к необъятному стволу и стиснув зубы, он пытался успокоиться. *Должен же быть какой-то выход.*

– Мы тебя чуем, Чет.

«*Пошли вы на хрен*», – подумал Чет. Ему хотелось знать, сколько еще он сможет продержаться в этой игре. Вдруг что-то прикоснулось к его руке. Он подскочил, еле удержавшись, чтобы не вскрикнуть.

Позади него стоял, пригнувшись, в высокой траве маленький черный мальчик в потрепанной одежде, лет пяти или шести, не больше. Вот только это был не настоящий мальчик. Скорее, легкая игра теней, вроде тех детей, что следовали за Ламией. Чет дернулся, собираясь убежать, но было что-то у мальчика в глазах – нетерпение и страх – будто отражение его собственных чувств.

Мальчик прижал к губам палец и, поманив за собой Чета, на четвереньках нырнул в высокую траву.

Чет колебался.

– Раз, два три, четыре, пять – я иду искать, – прокричал кто-то из демонов.

Выглянув из-за дерева, Чет увидел, как из-за угла дома неспешной походочкой вышел Дэйви. Прикусив губу, Чет последовал за мальчиком, нагнав его секундой позже.

– *Куда мы идем?* – прошептал он.

Мальчик хлопнул себя ладошкой по рту и яростно потряс головой, грозя при этом Чету пальцем.

До Чета дошло. Прижав палец к губам, он кивнул.

Мальчик указал вперед, где из травы торчали верхушки надгробий, потом наклонился, чуть ли не уткнувшись Чету в ухо, и еле слышно прошептал:

– *Там безопасно.*

Нервно оглядевшись вокруг, мальчик быстро пополз вперед. Он уже было миновал еще один дуб, но тут из-за ствола выскочил Билли и прыгнул мальчику прямо на спину, повалив на землю.

– Попалясь, Джош! – крикнул Билли, макая его лицом в грязь. Из пальцев Билли вдруг проросли когти, и он мазанул пятерней мальчику по спине, вспарывая призрачную одежду и плоть. Мальчик пронзительно, страшно закричал.

Чет вскочил на ноги. Все его инстинкты вопили, что надо бежать, спастись, пока не поздно, но вместо этого он бросился вперед. В последний момент он успел подумать о камешке, который пытался поднять, – вдруг он сейчас проскочит монстра насквозь. Но этого не случилось. Он врезался прямо в Билли, свалив того на землю. Перевернувшись, Билли сел, глядя на Чета дикими глазами. Даже на этом изуродованном, сожженном лице ясно читалось недоумение, шок, и что-то еще – может быть, толика страха.

Мальчонка-призрак даром времени не терял. Вприскок, на четвереньках он добрался до кладбища и перемахнул через ограду.

Чет последовал было за ним, но Билли прыгнул, преграждая ему путь. Что бы там Чет у ни показалось, теперь на лице Билли не было ничего, кроме чистой злобы.

– Я сдеру с тебя кожу, Чет. Медленно и со вкусом. А когда закончу, то сделаю это опять. В этом-то и фишка, когда ты мертв. Страдать можно бесконечно.

Руки Чета сжались в кулаки. Ему надоело бежать, надоело бояться. Как бы то ни было, пора с этим кончать.

– Так давай, ты, ублюдок мелкий! – закричал Чет. – Давай, попробуй!

Билл медленно поднял руки – они опять выглядели по большей части как руки – ладонями наружу, и растопырил пальцы. Потом, сунув большие пальцы в уши, помахал остальными.

– Какого... – сказал Чет. – Какого дья...

Закончить он не успел. Что-то ударило его в спину, сбilo на землю.

Это был Дэйви. Оба навалились на него, силой перевернули на спину, заломили руки. Маленькие, казалось бы, фигурки оказались чрезвычайно тяжелыми; Чет лежал на спине и смотрел в их плюющиеся искрами желтые глаза.

Дэйви поднял руку, потер пальцы друг о друга. Пальцы, затрещав, начали дымиться, и тут вдруг вся его рука занялась огнем. Он медленно опустил ладонь, остановив в паре дюймов над лицом Чета.

– Когда горишь – это больно, – сказал Дэйви. – Больнее всего на свете.

– Знаешь, откуда мы знаем? – спросил Билли. – Потому что твой дед, он поджарил нас. До хрустящей корочки.

Дэйви прижал палец к щеке Чета. Раздалось шипение, а потом, уже когда Дэйви повел пальцем вниз, по шее, пришла боль. Чет задержался, пытаясь извернуться. Дэйви сжал его плечо; его пальцы впились в Чета, как раскаленное клеймо. Чет заорал сквозь стиснутые зубы.

– Хватит!!! – Голос пронесся по полю, как порыв ветра, обдав Чета волной прохладного воздуха, погасив пламя. Билли и Дэйви скатились с Чета и теперь стояли на четвереньках, напряженно вглядываясь в тени. Ухмылки исчезли с их лиц. – Оставьте его в покое.

Голос, казалось, был исполнен власти и доносился одновременно со всех сторон.

– Уходи! – огрызнулся Билли.

Из теней выступил сгорбленный человек с кожей черной, как ночь. Длинные темные одежды, обтрепанные, все в пятнах, болтались на его тощем теле. Тонкий золотой обруч охватывал совершенно лысую голову. Взгляд его сияющих синевой глаз остановился на Чете.

– Так это и есть внук Гэвина?

– Сам же знаешь, – выплюнул Билли. – Мы его изловили, выходит – он наш. Можешь прибрать себе то, что останется, когда мы закончим.

Человек помотал головой.

– Вы закончили.

– А что, если я скажу, что нет?

– Я твои игры терпеть не собираюсь, Билли. Не сегодня. – Человек поднял над головой кулак и разжал пальцы. Чет увидел на его ладони какой-то символ, вроде печати, который поднялся, светясь, в воздух. Мягкий голубой свет, струясь как дым, потек по направлению к двум мальчикам.

Те подняли руки, прикрывая глаза, и, огрызаясь, отступили.

– Твой Бог отступился от тебя, ангельский человек, – прошипел Билли. – Ты умираешь. Скоро, совсем скоро это ты будешь ползать на

коленях, рыдать и умолять нас о милости.

На лице человека не отразилось ровно ничего.

Демоны крутились у границы голубого света, взрыкивая, шипя и не сводя с Чета яростных, голодных глаз.

– Он наш, – прорычал Дэйви. – Ты это запомни.

Глава 7

«Ангел?» – подумал Чет. На вид человеку было не больше сорока. На изможденном лице выпирали острые скулы, и никогда Чет не видел такого цвета кожи – она была настолько черной, что отливала в синеву. И теперь, даже сквозь исходящий от него свет, он казался ненормально худым, истощенным, с запавшими глазами. Так, наверное, выглядят, когда умирают от голода.

Человек устремил на Чета свои пронзительные глаза, и тому вдруг показалось, будто каждый поступок его недолгой жизни подвергается пристальному изучению. Мало-помалу этот изучающий взгляд смягчился.

– Встань.

Чет встал, морщась от боли в обожженной шее.

– Что происходит? – спросил он. – Кто вы?

– Покажи руки, – сказал человек нетерпеливо.

– Что?

– Делай, как я говорю. Времени нет.

Чет раскрыл ладони и взглянул человеку в лицо. Его выражение ему не понравилось.

– Что? Что там еще?

Человек медленно покачал головой.

– Отчаяние, как вышло, что ты – мой единственный друг?

– Что? – Чет уставился на руки, потом поднес их ближе к глазам, заметив на правой ладони странные отметины.

Человек взмахнул рукой, и линии у Чета на ладони вдруг на мгновение вспыхнули красным, сложившись в примитивное изображение какого-то рогатого зверя – будто клеймо.

– Ты принадлежишь Люциферу.

– Люциферу? – Чет будто грудь стиснуло.

– Ты был отмечен знаком убийцы и брошен демонам на милость...

Каковой не существует.

– Убийца? О чем это ты говоришь? Я не убийца. Я никогда... – И тут он остановился. – О, нет. О, Господи... Бог ты мой. Тренер. – Внезапная слабость в коленях. *Я убил его. Господи, я убил его.* – Господи Иисусе... Прости меня, – чуть ли не простонал Чет.

– Зря стараешься, – сказал человек. – *Иисус проклятых не слышит.*

Чет уставился на него. Проклятых? Час назад он бы только посмеялся

над мыслью, что кто-то там будет оценивать его душу. Может даже поставил бы под сомнение существование Бога, или Сатаны, если уж на то пошло. Но теперь он смотрел на вещи иначе. Теперь в голову не лезло ничего, кроме бесчисленных проповедей, – служба каждое Воскресенье – выслушанных в детстве. Проповедей, грозивших огнем и вечными пытками.

– Это все осложняет, – проговорил человек отрешенно.

– Что – все? – спросил Чет.

Тот не ответил; он прижал ко лбу руку и закрыл глаза, будто стараясь отгородиться от всего вокруг. Висевшая в воздухе печать затрепетала, потускнела, и демоны сделали осторожный шагочек вперед.

– *Что* все осложняет?

Человек молчал.

Чет почувствовал, что начинает злиться.

– Эй... Я с тобой говорю.

Нет ответа.

– Эй, – сказал Чет опять, повысив голос. – Эй! – Он шагнул вперед, стиснул плечо своего не-собеседника и хорошенько встряхнул. – Поговори со мной, черт возьми!

Глаза человека распахнулись; он перевел взгляд с руки, сжимавшей ему плечо, на Чета. Вид у него был рассерженный. Чет убрал руку, но глаз не отвел.

– И ты посмел? – сказал человек. – Посмел прикоснуться к ангелу, посланнику Божию? – Но гнева в его голосе не было, только удивление. – Ты храбр, Чет. Этого у тебя не отнять... И, может, немного глуп. – Он замолчал, явно взвешивая открывшиеся перед ним возможности. – Быть может, это именно то, что нужно. – На губах у него появилась тонкая улыбка. – Может, надежда все-таки *есть*. Да, мне хочется в это верить. Потому что шанс, как бы ничтожен он ни был, все же лучше, чем ничего.

– Вы кто? – вмешался Чет.

Человек обратил свой взгляд ввысь; его губы безмолвно шевелились – молитва или, может, проклятье. Его глаза озарились светом.

– Я – Сеной. Меч Габриэля. Я служу Небесам – и справедливости.

Ангел расправил плечи, выпрямился в полный рост и будто вырос. Печать засияла ярче, и вокруг Сеноя расцвела аура, сгустившись в два огромных призрачных крыла. Демоны отступили, прикрывая глаза, но не Чет. Свет ощущался им как что-то очень хорошее, и он вдруг почувствовал всепоглощающее желание войти в него навсегда. Потом аура вдруг потускнела – так же быстро, как появилась. Чет потянулся было за светом,

но он уже погас.

Ангел поник.

– Я служу истинному Богу, – еле выдохнул он. – А это, – он небрежно помахал вокруг. – От моря и до моря... Было когда-то моим доменом, за которым я должен был смотреть. Как это... зоной ответственности.

Его голос угас до еле слышного шепота:

– Пока у меня это не *украли*. – Сеной обратил взгляд на Чета. – Выслушай меня, Чет. И слушай хорошенько, если ты хочешь спасти свою Триш.

– Триш? – Чет немедленно напрягся. – Что тебе известно о...

– Помолчи, – резко бросил Сеной. – У нас мало времени. – Печать вспыхнула, сея отблески на чешуйчатые, покрытые коростой тела демонов. – Посмотри на них, Чет. Увидь их истинный облик. И Ламию тоже. Узнай их такими, какие они есть... Богоотступники, кощунственные создания. Это было моим долгом – избавить эту Землю от таких, как они... но, как видишь, я... *потерпел крах*. И тому есть одна-единственная причина. – Он рванул на груди плащ, обнажив зияющую рану там, где должно было быть сердце. – Гэвин Моран. – Голос Сеной был полон ненависти. – *Твой дед* убил меня. Украд у меня все.

Чет все не мог отвести глаз от кровавой дыры.

– Это Гэвин призвал сюда этих демонов. – С каждым словом голос ангела набирал силу. – Это он убил своих собственных детей, он обменял их души – души своих собственных детей – на милости Люцифера. Это он обрек нас всех на гибель. – Тут его речь оборвал сухой, лающий кашель. Он вдруг схватил Чета, вцепившись ему в плечо холодными, жесткими пальцами. – Он украд мой ключ, и я оказался в ловушке. Потом бросил меня здесь, бросил гнить узником этого острова.

Чет глядел на ангела во все глаза и тряс головой, пытаясь отыскать во всем этом хоть какой-нибудь смысл.

– Ты хочешь, чтобы Триш осталась в живых? Хочешь или нет?

– Да.

– Ты уверен?

– Да... Да, конечно. Черт. Конечно, хочу. Но...

– Тогда ты должен пойти вниз и найти его, найти Гэвина, забрать ключ и вернуться ко мне.

Вниз? У Чета зашумело в голове. *Что значит – вниз?* Но вдруг он понял, что уже знает.

– Ключ – это средоточие моей божественной сущности, краеугольный камень моей воли и могущества, квинтэссенция моей сути. С ним я смогу

сбросить оковы, призвать Небеса и положить конец здешнему злу. Ты понимаешь? Ключ должен быть у меня, чтобы я мог остановить ее... Остановить Ламию. Освободить всех нас.

Чет не понимал ровным счетом ничего.

Сеной исподтишка бросил взгляд в сторону Билли и Дэйви, потом, пошарив под плащом, извлек оттуда кожаный мешочек, который сунул в руки Чету:

– Держи. – Мешочек был довольно увесистый; внутри что-то звякнуло. Ангел пошатнулся. Печать замерцала и потускнела, и он вцепился Чету в руку, чтобы удержаться на ногах.

Дэйви и Билли захохотали.

– Скоро, ангельский человек. Совсем скоро.

Чет полез было в мешочек.

– Нет, не здесь, – быстро сказал Сеной, вновь бросив взгляд в сторону демонов. – Скорее, на кладбище. Это освященная земля.

Чет легко перескочил через низкую ограду.

– О-о-ой, Чет, ну чего ты уходишь? – спросил Дэйви. – Мы еще не наигрались.

Лицо Сеной исказилось от усилия; стало ясно, что долго он не продержится. Светящаяся печать затрепетала, будто гаснущая свеча.

– Давай, иди, – сказал он. – Иди вниз и найди Гэвина. Пospеши, потому что у Триш осталось очень мало времени.

– Что это значит?

– Метку свою скрывай, – Сеной говорил все быстрее, по мере того, как тускнела печать. – Гончие Сатаны уже вынюхивают твой след.

– Что это значит – у Триш осталось мало времени?

Печать, вспыхнув в последний раз, погасла, оставив вокруг ангела бледный светящийся ореол.

Дэйви и Билли потихоньку подбирались, все ближе и ближе.

– Когда найдешь Гэвина, – сказал Сеной, – каким бы он тебе ни показался, что бы он ни говорил, помни одно... Он променял души собственных детей на милость Люцифера. Одна мысль о пощаде – и ты обречешь свою Триш на страдания, а твое нерожденное дитя потеряет душу.

– Гэвин, а? – сказал Дэйви, обменявшись удивленными взглядами с Билли. – Что ты еще задумал, проказник?

Сеной заглянул Чету в глаза – казалось, прямо в душу.

– Иди, Чет. Иди, с Божьей помощью.

И с этими словами ангел повернулся и пошел прочь.

– Подожди, – крикнул Чет. У него в голове роились тысячи вопросов. –
Подожди. Подожди, прошу тебя!

Билли с Дэйви наблюдали, как ангел исчезает за деревьями.

– Хочешь, погонимся? – спросил Дэйви.

– Не-а, – отвечивал Билли. – Куда он денется.

Оба демона подобрались к железным воротам и оттуда уставились на Чета.

– Беги быстрее, – сказал Билли. – Потому что Горящий Человек уже идет за тобой. Он утащит тебя в ад, к остальным грешникам. *Гореть.*

Часть вторая
Эреб

Глава 8

Чет прошел несколько надгробий, читая имена, и, наконец, в самом дальнем углу кладбища обнаружил маленькую, совсем простую плиту с надписью: «ГЭВИН МОРАН, 1900–1932». И больше ничего. Чет перечитывал имя, снова и снова.

– Зачем? – прошептал он. – Зачем?

Он уперся в плиту ногой, попытался ее свалить, но нога прошла сквозь камень, и, заскользив, он упал. Став на колени, Чет уставился на высеченное на камне имя. *Будь ты проклят. Будь... Ты... Проклят.*

В доме загорелось окошко, на втором этаже. Чет дернулся.

– Думаешь, это Триш? – спросил Билли.

– Думаю, да, – отозвался Дэйви с утробным рычанием. – Скоро ее очередь водить. Можем поджарить ее, не спеша, а потом начать заново. А потом еще разок.

Сжав кулаки, Чет подступил к изгороди.

– Не позволяйте им себя достать, мистер Чет, – предупредил его Джошуа. – Это они нарочно до вас докапываются, чтобы за ограду выманить.

Билли и Дэйви начали нарезать круги вокруг маленького кладбища, то и дело меняя обличье, рыча и хихикая. Потом они начали выть, визжать: звук словно вгрызался в голову. Чет заткнул уши, не в силах это выносить.

– Где это? – простонал Чет. – Джош, дверь, дорога вниз. Где это?

– Дверь? Нет никакой двери. То есть, такой, как вы представляете.

– Тогда какая есть?

– Вам нужно погрузиться в землю, – Джошуа указал вниз. – Мертвые принадлежат земле. Вниз попасть легко. Просто закройте глаза и отпустите поверхность.

– Чего?

– Смотрите, – Джошуа закрыл глаза и погрузился в землю, просто исчез весь, целиком. Чет шагнул на то место, где он стоял мгновение назад, опустился на колени, коснулся ладонью земли. В последний раз взглянув на дом, на окошко Триш, Чет закрыл глаза и – *отпустил*. Ему не пришлось даже прилагать каких-либо волевых усилий, пробивать себе путь; казалось, земля и в самом деле с готовностью принимает его. Он почувствовал, как его засасывает вниз, будто в желудок голодного зверя.

Спустя секунду он ощутил, что движение вниз прекратилось, и открыл

глаза. Вокруг клубился светящийся туман, и можно было различить стены тесной земляной каверны.

Джошуа стоял прямо перед ним, безмятежно улыбаясь.

– Видите, мистер Чет. Не так уж это и трудно.

Чет прикоснулся к стене. Она пошла волнами, словно мираж, но на ощупь была плотной и руку не пропускала. Насколько он видел, путь отсюда был один: дыра в противоположной стене каверны. Чет шагнул ближе и заглянул вниз. Темнота.

– А что там, внизу?

Джошуа пожал плечами:

– Я-то точно не знаю.

– Так ты никогда дальше не ходил?

– Нет, сэр. Боялся. Я иногда спускаюсь сюда, когда Дэйви с Билли особенно на меня наседают. И потом, Сеноей сказал, что я не должен идти туда, вниз. Что я должен пойти на Небеса. – Тут лицо у Джошуа прояснилось. – То есть, как только он вернет ключ, он все исправит. Сказал, что ангелы придут и заберут меня домой, к маме. Что я увижу ее опять.

Чет потрогал потолок.

– Джошуа, а как ты выбираешься обратно, наверх? На кладбище?

– Ну, я вижу мои кости там, наверху. Они сияют, как звездочки.

Чет видел только темноту.

– Но возвращаться – это гораздо труднее. Я гляжу на них, на кости, во все глаза, и думаю о них сильно-сильно, и тогда я возвращаюсь наверх. – Джошуа пожал плечами. – Не знаю точно, что там и как. Когда я Сеноей спросил, он ответил, мол, душу всегда к костям тянет.

Чет задумался, что станет с его костями. Кто-нибудь вообще узнает, что он умер? Хотя бы Триш? А тетя? Тут на него обрушилось чувство вины. *Она же предупреждала меня. Говорила прямым текстом, что Ламия – ведьма, что она – дьявол. Жизнь положила на то, чтобы отвадить меня от Острова Моран. За уши таскала меня на службу каждое воскресенье, все ради того, чтобы спасти меня от этого.*

– *Черт*, – прошептал Чет, думая о том, как он ей за все это отплатил. Презрением и ненавистью. При первой же возможности уехал от нее. *И никогда больше не возвращался. Ни единого раза. Даже не пытался узнать, как она там.* Чет задумался, что именно тетя знала о том, что случилось той ночью, о роли своего брата во всем этом безумии.

– Джошуа, а ты знал моего деда?

– Да, сэр. Ну, я сам никогда с ним не разговаривал, но мама готовила для мистера Гэвина и миссис Ламии.

– И что она о нем думала?

– Она говорила мне держаться от него подальше. От него и ото всех Моранов. Сказала, что в доме творятся нехорошие вещи.

– Она была там? Той ночью, когда он сошел с ума?

– Нет, не была. Но я был.

– Ты?

– Да, сэр. Плохая это была ночь. Той ночью мистер Гэвин меня убил. Чет был поражен.

– Джошуа. Как это случилось?

– Я сгорел вместе с его ребятами, Дэйви и Билли. Я снаружи был, позади дома, как вдруг услышал крики, потом выстрелы. Я убежал и спрятался в форте, где они всегда играли. Ну, Билли с Дэйви тоже побежали туда. Мистер Гэвин погнался за ними. Поджег форт. Не самая лучшая это была смерть, мистер Чет.

Чет глядел на мальчика во все глаза, пытаясь понять, что он такое говорит.

– Я сам виноват, – сказал Джошуа. – Я иногда пробирался туда потихоньку, когда мальчиков уже звали домой, и играл там один. Мама меня предупреждала... Говорила, держись оттуда подальше. Но я, бывало, ее не слушался. Ну и... плохой я для этого выбрал вечер.

Чет потряс головой, заглянул в дыру. *Этот ублюдок где-то там. Внизу. Ждет.*

Глава 9

Чет стоял посреди тесной пещеры, и тишина давила на него, как толща земли над головой. Он был один; Джошуа вернулся наверх.

– И что теперь? – спросил он у стен. Слова тотчас поглотила тишина; даже эха здесь не было. *Куда я вообще направляюсь?* Тут до него дошло, что ангел не сказал ему ничего конкретного, не дал ни намека, не указал деталей. *Нет... Что-то он мне все-таки оставил.* Он подтянул к себе мешочек, развязал и перевернул вверх дном. Оттуда выкатились пара десятков медных пенни. Чет подобрал один, чтобы рассмотреть. Монетка была старой – все они были старыми – с головой индейца. Медь подернулась зеленоватой патиной.

– Пенни? – произнес он; в нем крепла уверенность, что у ангела, пославшего его на задание, были не все дома.

В мешочке было что-то еще. Порывшись, он вытащил нож в простых, но элегантных ножнах. Нож был почти в фут длиной; бронзовая рукоять с насечкой в виде чешуи, в навершии – какой-то белый камень. Чет выдвинул лезвие из ножен. Металл отливал очень ярким, почти белым золотом, и на нем не было ни царапины, ни малейшего пятнышка.

Чет тщательно ощупал мешочек изнутри, надеясь найти записку, знак, – что угодно, только бы понять, что он, собственно, должен делать. Не нашел ничего.

– И это все? Кучка мелочи и нож? И это должно помочь мне преодолеть все ужасы Ада? Ножик и горсть медяков? – Он попытался было рассмеяться, но вышло больше похоже на всхлип.

Чет собрал монетки и нож, положил все обратно в мешок и присел около дыры, глядя во тьму. Тьма ответила ему холодным пустым взглядом. Ни звука, ни отблеска, в ней не было ничего. Именно это «ничего» и действовало на нервы сильнее всего. Он спустил в дыру одну ногу, потом вторую. И замер. *«Я не могу, – прошептал он. – Не могу».* И тут у него перед глазами встало лицо – его собственное лицо, которое паялилось на него мертвыми, невидящими глазами, в то время как Ламия – скорчившись над ним, как животное, как вампир – лакала его кровь. И тут все то, что случилось, обрушилось на него; содрогнувшись всем телом, он всхлипнул: *«Я мертв. Я, на хрен, мертв».* Эти слова, казалось, раздирали ему горло. Он раскрыл ладонь и уставился на метку. *«Мертв и проклят».* Страх стиснул ему сердце. *«Но ведь это был несчастный случай. Я никогда...*

*Никогда не хотел его убивать». Вот только он знал, что это неправда. Он хотел, на одну яростную секунду он хотел убить Тренера. «Вечное проклятие за одну секунду ярости?! Господи, разве это справедливо!? Где тут вообще справедливость!?» – Чет опустил руку с меткой и посмотрел вверх. Триш и его нерожденный ребенок – они были там, *одни, с этими*. Он же ей обещал, он поклялся, что всегда будет рядом. Его пальцы сжались в кулак. «Мне так жаль, Триш. Как же мне, мать его, жаль. – Он сердито вытер глаза. – Я вернусь. Клянусь». Он опять повернулся к дыре, стиснул зубы так, что заныла челюсть, перекинул мешок через плечо и прыгнул вниз.*

Чет скользил, судорожно хватаясь за темноту, не находя ничего, за что можно было бы уцепиться, ничего, что могло бы задержать его головокружительный спуск; тьма будто сама тянула его вниз. Наконец, желоб – или по чему еще он там скользил – начал выравниваться, и он постепенно остановился. Ощупав то, что было вокруг, Чет понял, что находится в каком-то туннеле, и пополз – почти поплыл – нащупывая себе дорогу, а тьма вокруг будто набирала вес, давила на него, угрожая раздавить, расплющить. Он вцепился зубами в собственный кулак. *«Держись, – прошептал он себе. – Просто держись».*

И тут он услышал или, вернее, почувствовал далекий ритмичный гул. Звук приближался. Пошарив в темноте, Чет отыскал мешок, вытащил нож и выхватил его из ножен. К его удивлению, нож светился в темноте тусклым светом, которого еле-еле хватало, чтобы разглядеть – он находился в небольшой каверне со стенами, будто сотканными из черного тумана. Он кинул вокруг затравленный взгляд, но не увидел никого и ничего, только полость, от которой червоточинами шли ходы: некоторые вели вверх, некоторые – вниз. Он и понятия не имел, какой именно привел его сюда. *Господи, как же я найду дорогу обратно?* Он прогнал эту мысль прочь. *«Надо двигаться, – сказал себе Чет, переводя взгляд с одного туннеля на другой. – Куда идти? Какой выбрать?» «Вниз», – подумал он. Единственное, в чем у него не было сомнений.*

Туннель раздвоился, раз, другой, третий. Чет выбирал наугад – стараясь придерживаться более крупных, ведущих вниз туннелей. Все дальше, все ниже – он скользил, будто плыл по течению: опять это странное чувство, словно он течет, как жидкость просачивается сквозь землю. Время потеряло границы, и, после нескольких часов – или дней, или даже недель, – туннель начал расширяться, и Чет снова смог идти, выпрямившись во весь рост.

Гула он больше не слышал, но время ползло и ползло, и он уже почти

мечтал услышать хоть что-нибудь, кого-нибудь, просто для того, чтобы убедиться – он не плутает в бесконечном лабиринте собственного помутившегося рассудка.

Здесь и там начали попадаться лужицы сероватого, тускло светящегося тумана. Вскоре туннель превратился в череду просторных пещер с зыбкими стенами, которые шли волнами, то сгущаясь, то рассеиваясь, как дым. Камни и булыжники стекались в кучи, таяли, растворяясь друг в друге, и перемещались, образуя все новые проходы и стены в вечно меняющемся лабиринте. Он шел и шел, вот только «шел» – не совсем правильное слово, потому что весу в нем практически не было, и двигался он скорее усилием воли, а не ног.

В какой-то момент он услышал всхлипывания. Остановившись, взгляделся в сплетение теней и увидел человека.

Мужчина лет шестидесяти был одет в старомодный костюм, какие носили годах в сороковых. Он сидел на земле, обхватив руками колени, и плакал. Его затылок вздрагивал.

– Эй, – позвал Чет, – Эй, там, привет.

Человек, казалось, его не слышал.

Чет сделал шаг поближе, и вдруг осознал, что человека-то практически не было – только туманные, дымчатые очертания.

– Мистер. Вы в порядке?

Мужчина резко поднял голову. Устремил на Чета исполненный ужаса взгляд.

– Прочь! Убирайся! – крикнул он. – Не подходи ко мне! – Человек явно кричал, истошно орал, но его голос звучал как-то приглушенно, будто издали, и губы двигались не в лад со словами. – *Убирайтесь прочь, вы, все!*

– Ладно, – сказал Чет, делая шаг назад.

Человек с видимым усилием поднялся на ноги и ткнул длинным, костлявым пальцем в сторону Чета.

– Я не пойду! – закричал он, потом, повернувшись, побежал и исчез в глубине темного коридора.

Возвращаться он явно не собирался, и Чет продолжил свой путь. Туман сгустился, стал более ярким, и Чет убрал нож. Он все еще пытался осмыслить свою встречу с тем человеком, когда из теней неожиданно выступила женщина.

С виду лет ей было немного за двадцать, простое, до колен, платье в беспорядке, волосы всклокочены. Ее фигура была начисто лишена красок – платье, волосы, кожа – все было бесцветным.

– Вы не видели моего ребенка? – спросила она, отчаянно вглядываясь ему в глаза. Чет отступил на шаг, и она схватила его за руку. – Не видели? Вы не видели ее? – Ее голос, как и у встреченного им мужчины, звучал, будто далекое эхо.

– Ребенка? – Чет потряс головой. – Нет, детей я тут не видел.

Ее лицо исказила боль.

– Вы должны помочь мне ее найти! – Она сильнее стиснула его руку.

– Простите, леди. Прямо сейчас я вам помочь не могу. – Он попытался высвободиться, но она не отпустила.

– Она – моя малышка! Моя маленькая девочка! Пожалуйста!

– Я не могу.

Она тянула Чета за руку, стараясь увлечь его за собой.

– Отпустите, – сказал Чет, отталкивая ее. Она упала.

– Черт, мэм. Простите. – Он протянул было руку, чтобы помочь ей подняться. – Держите...

Вздвогнув, она вскрикнула, поползла, цепляясь пальцами, на коленях. Чет смотрел, как она ползет прочь на четвереньках, всхлипывая, заглядывая в каждое ответвление, каждый темный угол, и зовет своего ребенка.

– *Ненавижу это место*, – прошептал он.

Чет продолжил путь и вскоре заметил впереди двух мужчин и женщину – как и та девушка, они были словно сотканы из разных оттенков теней. Когда они его заметили, то остановились и подождали, пока он их нагонит.

– Вы знаете дорогу? – спросил один, худощавый мужчина с торчащей во все стороны бородой и очками с толстыми линзами.

Чет помотал головой.

– Дорогу куда?

Те поглядели друг на друга.

– Мы и сами не знаем, – ответил бородач.

– Думаю, мы умерли, – вступила в разговор женщина. Она была немолодая, полная и невысокая. Ее голос тоже звучал приглушенным эхом и не совпадал с движениями губ. Похоже было, что тут все так разговаривают.

– Мы надеялись, что тут будет дорога, – сказал бородач. – К другой жизни. Вы что-нибудь об этом знаете?

– Нет, – сказал Чет. – Но у меня такое ощущение, что нам надо двигаться вниз.

– Да, и у нас такое же чувство, – сказал бородатый человек. Он с тревогой взглянул на Чета. – Я только надеюсь, что мы идем в... Ну, вы

понимаете...

– Только не начинай опять, – сказала женщина; лицо у нее было мрачным. – Там, впереди, будут все ответы. Просто должны быть. – Она решительно направилась вперед.

Они последовали за женщиной и совсем скоро начали наткаться на других. Поначалу люди радовались, что видят другие души; их лица озарялись надеждой, что у новых спутников могут быть ответы, но чем больше людей присоединялось к процессии, тем становилось очевиднее, что ни у кого из мертвых ответов нет. Толпа росла – сначала десятки, потом сотни. Процессия извивалась между парящими камнями и скалами, исчезая в туманной дали: бесчисленные серые тени на сером фоне – казалось, кроме серого, в мире не осталось больше цветов. Многие души явно были напуганы, или глядели вокруг с ничего не понимающим видом; кто-то рыдал, кто-то бормотал себе под нос. Но на большинстве лиц была написана мрачная решимость – как у людей на тонущем корабле; они молча шагали вперед, цепляясь за крохотную надежду, что там, впереди, им ответят на их вопросы, и это будут хорошие ответы.

Толпа росла, и Чет начал улавливать и другие языки, кроме английского. Люди сидели и лежали у дороги, между камней. Многие были будто выцветшими, с первого взгляда их даже трудно было заметить. Они были совершенно неподвижны – только смотрели куда-то вверх или же просто пялились в пустоту.

Чету стало казаться, будто над ними, наверху, что-то есть, что-то огромное и тяжелое. Он поднял глаза, но не увидел ничего, кроме клубящейся серой пустоты. И в этой пустоте начала медленно проявляться невероятная, огромных размеров тень. Она медленно дрейфовала по направлению к ним, волоча за собой длинные, будто сотканые из черного дыма щупальца – словно гигантская медуза. Щупальца мели по земле, поднимая облака серой пыли.

Раздались крики, и Чет заметил, что каждый, к кому прикасались щупальца, становился их частью. Те, кто прилипал, кричали и пытались вырваться, пока их медленно затягивало внутрь.

Души пытались бежать, но только скользили, барахтаясь, как в замедленной съемке: будто танец из кошмарных снов. Чета сбили с ног, и другие карабкались по нему, отчаянно пытаясь спастись. Щупальце скользнуло прямо над ним, подхватив упавшую на него женщину. Ее глаза вспыхнули – по-настоящему засветились – и продолжали гореть, пока щупальце медленно засасывало ее.

Создание полетело дальше, постепенно исчезая в тумане, но Чет еще

долго были видны эти глаза, сотни уставившихся на него светящихся глаз. Он так и лежал, дрожа, пока глаза, наконец, не исчезли и не утихли крики.

– *Что это было?* – всхлипнул Чет. – *Что это была за хрень?*

Он сделал было несколько резких движений, пытаясь двигаться быстрее. Но все его усилия оказались тщетными, и вскоре, как и все остальные, он сдался и продолжил медленно спускаться вниз, поглядывая иногда в облака и гадая, какие еще ужасы могут ждать их впереди.

Впереди над толпой поплыл шепот. Чет пытался рассмотреть хоть что-то через головы идущих впереди душ, но понять, что происходит, смог только после того, как миновал очередной поворот. С одной стороны дорога обрывалась в пропасть, в которой ходили, клубясь, тучи. В разрыве между тучами Чет разглядел широкую темную реку и кое-что еще: какие-то вспышки или мерцание на той стороне реки. Чет прищурился. *Факелы. Это же факелы.*

Глава 10

Колени у Триш подогнулись, и она споткнулась, чуть не упав с лестницы. Чья-то рука – большая, сильная рука – подхватила ее. Рука принадлежала Джерому, подручному Ламии. Подхватив ее, он помог ей подняться обратно на крыльцо.

– Усади ее на диван, – сказала Ламия, придерживая забранную сеткой дверь. Джером провел Триш в гостиную, к дивану.

– Ну, вот и ладно, дитя, – сказала Ламия. – Посиди-ка тут пока чуток, а я тебе чаю заварю.

Ламия ушла, а Триш сидела, уставившись в окно, на залив. Далекие волны внизу дробили солнечные блики. «Да как погода смеет быть такой хорошей, – подумала она, – когда Чет лежит там, в солярии, холодный и мертвый?» Она никогда бы не смогла в это поверить, не увидь она его своими глазами. Ламия попыталась смягчить удар, уложила Чета на лавку и окружила белыми камелиями, но как что-то могло подготовить Триш к такому?! Она потрясла головой. *Нет. Это невозможно.* Ламия сказала ей, что утром, совсем рано, услышала крик и послала Джерома посмотреть, в чем дело. Здоровяк нашел Чета под обрывом, у моря. Ламия думала, что Чет пошел прогуляться и не увидел края обрыва в тумане.

Далекое море расплылось у Триш перед глазами. Опять слезы. Рыдание прорвалось откуда-то из самого нутра, выворачивая ее наизнанку, сгибая пополам. Вскрикнув, она изо всех сил стукнула по дивану кулаком, потом еще, и еще.

– *Нет!* – закричала она. – *Нет!* – Она упала на бок без сил, всхлипывая и сжимая руками живот. – *О, Боже, Чет. Ты не мог умереть. Не мог. Просто не мог.*

Ламия вернулась в комнату с подносом, поставила его на низенький столик. Только тут Триш заметила, что Ламия ходит без трости.

– Ламия, ваша трость. Вам не надо бы...

– Не беспокойся обо мне. У меня бывают плохие дни – и хорошие. Ну-ка, выпей это, и станет легче. – Она сунула Триш в руки чашку горячего чая. – Там есть чуток одуванчика и мака. Тебя может начать клонить в сон. Я люблю выпить чашечку на ночь, чтобы спалось лучше.

Как это было бы хорошо – заснуть.

Триш отпила глоток. Слегка онемел язык, и она разобрала горечь, скрытую сладостью меда. По телу разлилось тепло, и она вдруг

почувствовала себя совсем легкой – будто вот-вот улетит. Комната внезапно качнулась перед глазами; веки налились тяжестью.

Она посмотрела на Джерома; тот все еще стоял в дверях: он так и не двинулся ни разу, не заговорил. *«Права Ламия, – подумалось Триш, – разговорчивым его не назовешь»*. И тут ее осенило: *«А что вообще здесь делает Джером? Да еще так рано? У Ламии же нет телефона. Как странно»*. Она попыталась спросить у Ламии, но оказалось, что язык ее совершенно не слушается.

Ламия взяла ее за руку.

– Ну, ну, дорогая. Ты только ни о чем не беспокойся. Я о тебе позабочусь.

Триш закрыла глаза и дала течению себя унести.

Глава 11

Чет все шел и шел в процессии душ, медленно бредущих вдоль берега реки. Противоположного берега было не разглядеть; факелов он больше не видел: только густой, непрерывно клубящийся туман. Он подошел к низкому парапету, перешагнул его и выбрался на песчаную косу, полого уходящую в воду. Он надеялся разглядеть другой берег, не забывая поглядывать в небо, чтобы не пропустить появления призрачной медузы.

Несколько десятков душ толклись у воды, вперив пустые, потерянные взгляды в черные волны реки. Чет шагнул ближе, на самый край, и заглянул в темную глубину. Сперва он заметил какое-то движение, потом – смутные очертания, кишевшие у самого дна: кости, одетые тенями, будто обернутые тонкой, прозрачной вуалью. Тени устремились вверх, к нему, и он увидел лица – несчастные, измученные лица. Сперва их было всего несколько, но к ним присоединялись все новые и новые – тысячи и тысячи искаженных страданием лиц. Он услышал голоса, хор стенаний, над которым взмывали отдельные страдальческие выкрики – все они звали его, просили, умоляли помочь.

Вскрикнув, Чет отступил.

Мимо него пробрел человек; на лице у него было выражение глубокой печали. Не останавливаясь, он вошел прямо в воду. Его призрачная фигура, казалось, растворялась в черных, бурлящих струях; он погружался все глубже и глубже, и вот он уже по пояс в воде.

– Эй, – окликнул его Чет. – Думаю, не надо вам...

Вода вокруг мужчины будто вскипела, а он все продолжал идти. Из волн высунулись руки, множество рук. Тощие, костлявые, почти прозрачные – они, цепляясь за одежду, за волосы, потащили мужчину вниз. Человек совершенно не сопротивлялся и вскоре исчез под водой.

– О, Господи, – выдохнул Чет.

Долгую секунду не было видно ничего, кроме бурлящей воды. Потом, несколькими ярдами ниже по течению, тот человек снова вынырнул. Размахивая руками, он испустил страшный вопль; в глазах у него стояли ужас и боль. Длинные пальцы вцепились ему в волосы, в кожу, раздирая плоть, в глаза, в рот, заглушая его крики, и потащили вниз; и вот он уже скрылся под водой.

Чет в панике бросился обратно, поскользываясь. Выбравшись кое-как на высокий берег, он встал там, тяжело дыша, глядя на реку. Он был уверен,

что обладатели страшных лиц вот-вот бросятся за ним на берег и вцепятся в него своими скрюченными руками. Он опять влился в толпу и продолжил путь.

Дорога все так же шла вдоль берега, и Чет теперь поглядывал в сторону реки, стараясь держаться подальше от берега.

Где-то милою спустя движение замедлилось, и толпа образовала пробку. Чет попытался заглянуть вперед поверх голов, но вдали все исчезало в тумане. Толпа становилась все гуще, и выбраться из нее уже было невозможно. Ему ничего не оставалось, как двигаться вперед маленькими шажками вместе со всеми остальными.

Толпа протискивалась между огромными валунами, цепью преградившими ей путь. Движение то возобновлялось, то замирало совсем. Стало понятно, что кто-то или что-то впереди пропускает людей группами. Толпа вновь остановилась. И тут Чет услышал плач, совсем близко. Сначала трудно было разобрать, откуда точно идет звук – все голоса здесь звучали приглушенно и блуждали, словно эхо. И вдруг Чет понял, что звук доносится чуть ли не у него из-под ног. Он еле разглядел маленькую тень среди валявшихся у дороги камней.

– О, Господи.

Это был младенец, не больше года, совсем голенький, мальчик. Первая мысль Чета была о той женщине в туннелях, которая искала ребенка. Может, это ее младенец? Нет, вряд ли. Она вроде бы искала девочку?

Ребенок встретился с Четом взглядом и протянул к нему ручки.

Чет огляделся, надеясь увидеть отца или мать ребенка – хоть кого-то, кто мог бы помочь. Души бросали на ребенка тревожные, полные жалости взгляды и быстро отводили глаза. До Чета дошло, что здесь, внизу, у ребенка вряд ли были родители. Что, скорее всего, он был сам по себе. *Господи, что же с ним будет?*

Толпа вновь зашаркала вперед. Ребенок махал Чету ручками.

– Я не могу тебе помочь... Просто не могу, – сказал он скорее самому себе. Он ненавидел это чувство беспомощности, ненавидел то, что смерть так несправедлива, так жестока. Сжав зубы, Чет двинулся дальше. Спустя несколько шагов он обернулся, думая, что малыш уже вновь расплакался, один, среди толпы. Но мальчик все глядел ему вслед, и вот надежда на его личике сменилась замешательством, а потом – страхом. Ясно было, что у ребенка никого нет, но доконало Чета – резануло по живому – другое: у малыша даже не было возможности понять, что с ним случилось, что с ним происходит *сейчас*.

– Шагай, шагай, – сказал Чет сквозь зубы самому себе. – Продолжай

идти. – Он подумал о Триш, об их нерожденной дочке, о том, как она толкалась ему в руку сквозь живот матери, как сильно зависела от него эта маленькая, хрупкая жизнь. Чет остановился и повернулся, глядя на ребенка. У него-то нет никого.

– Твою мать, – выругался Чет, и принялся проталкиваться обратно сквозь толпу. Он подхватил мальчика на руки, и ребенок тут же ухватился за него, крепко вцепившись крошечными пальчиками в рубашку. Чет оглянулся, надеясь, что кто-то выступит вперед и предъявит на ребенка права. Но уловил всего пару обеспокоенных, брошенных исподтишка взглядов – среди моря испуганных, ничего не понимающих лиц.

– *Как же ты сюда добрался?* – прошептал Чет. – *Ты что, прополз весь этот долгий путь, один?*

Ребенок перестал шмыгать носом и, прислонившись головой к груди Чета, принялся сосать палец.

– Ох, только тебя мне и не хватало, – вздохнул Чет. Толпа вновь начала ползти вперед.

Вдоль дороги начали попадаться обтесанные камни, разрозненные фрагменты старой кладки. Постепенно отдельные куски слились в частично обрушившуюся стену. Стена уперлась в крепостной вал, а тот – в башню: примитивное, очень древнее на вид сооружение. В башне виднелись массивные ворота – единственный вход на мост, дальний конец которого терялся в густом, хмуром тумане. Ворота были закрыты; мост недоступен. Люди выстраивались в очереди, которые тянулись вниз по каменным ступеням, огибающим башню с обеих сторон, к пристани под мостом. Чет тоже встал в очередь.

Из тумана медленно выступила, приближаясь, широкая баржа. Одинокая фигура в плаще вращала за рукоять колеса, укрепленное на канате, натянутом между берегами. Лицо паромщика почти полностью скрывал капюшон; различить можно было только жесткую складку губ. Паром ткнулся носом в причал.

Паромщик ничего не сказал, даже не поднял взгляда. Он просто стоял у своего колеса и ждал.

Души начали тревожно перешептываться, но в лодку никто не шел.

– Куда идет паром? – крикнул какой-то мужчина.

Паромщик безмолвствовал, и другие тоже начали выкрикивать вопросы на нескольких языках, добиваясь ответов – у него и друг у друга. Паромщик все так же неотрывно глядел в черные воды реки.

Какой-то мужчина поднялся на борт – просто шагнул на баржу и сел на скамейку у самого борта. Толпа, наблюдая, притихла. Ничего не

произошло, и еще несколько душ ступили в лодку, потом еще и еще, и вот уже образовалась очередь.

Чет отдался течению толпы; когда он ступил на борт парома, ребенок тихонько захныкал.

– *Все будет хорошо*, – прошептал Чет, но на душе у него тоже было тревожно.

Паром быстро заполнился – на палубе толпилась, по крайней мере, сотня душ. Когда места совсем не осталось, паромщик принялся вращать рукоять колеса, и судно медленно отчалило от пристани.

Чет сидел, крепко вцепившись в поручни. Судно, неуклюже переваливаясь, боролось с медленным течением реки. Низкие стоны эхом отдавались над водой. Искривленные мукой лица следовали за паромом, впиваясь в пассажиров взглядами из темных глубин. Подавив дрожь, Чет крепче прижал к себе ребенка.

Берег мало-помалу исчезал из вида, и тут Чет заметил молодую женщину во фланелевой рубашке, с короткими волосами, которая, не отрываясь, смотрела на ребенка у него на руках. Их глаза встретились, и она принялась проталкиваться к нему сквозь толпу. Когда она подошла поближе, Чет заметил, что она держала по младенцу на каждом бедре. Оба цеплялись ей за рубашку.

– Это ваши? – спросил Чет, уже понимая, что это не так: судя по чертам, она явно была родом из Испании или, может, из Латинской Америки, а оба ребенка были совершенно на нее не похожи. Это бросалось в глаза не сразу – все здесь были одинаково призрачно-бледными.

Она заговорила. Вроде бы по-испански.

– Вы не говорите по-английски?

– Инглиш, ноу, – отвечала она, покачав головой.

Он указал на детей, потом назад, на берег.

Она печально кивнула.

Какой-то мужчина случайно задел Чета плечом. На спине он нес другого человека: руки и ноги у того были какими-то вывернутыми, перекрученными и неестественно тонкими – он явно страдал параличом, и уже давно. Чет заметил, что большинство душ на вид были преклонного возраста, сгорбленные, болезненные и передвигались с явным трудом, и опять подумал, как несправедлива может быть смерть, что людям приходится тащить свои немощи даже в могилу.

Туман становился все гуще, и Чет уже с трудом разбирал лица сидевших рядом. Туман лег им на плечи, облепил с ног до головы, выбелил, будто обсыпав снегом, лица. Казалось, туман пробирается под кожу,

проникает в плоть. То ощущение, к которому Чет уже успел привыкнуть – будто он парит и в любой момент может оторваться от земли, вдруг исчезло. Он почувствовал неровные доски палубы под ногами, вес ребенка у себя на руках. Постепенно он начинал чувствовать себя все более и более плотным – или плотским – и то же происходило с ребенком у него на руках, и со всеми, кто был вокруг. Он сжал одну руку другой, потом пощупал ручку ребенка. Сомнений не было: прикосновение было настоящим, как и кожа под пальцами – холодная, влажная, бледная, как рыбье брюхо, – но это была настоящая кожа, настоящая плоть.

Вокруг раздавались удивленные крики, восклицания. На щиколотки вдруг плеснуло холодом, и Чет с некоторой тревогой заметил, что судно набирает воду, резко осев в воде под грузом множества душ.

В нос ударил резкий запах серы. Чет резко втянул воздух и вдруг понял, что к нему вернулось обоняние – он по-настоящему чувствовал запахи, ощущал, как липнет к коже холодная, мокрая ткань одежды. В мир вернулись краски – и все вокруг будто обрело четкость. В ушах у Чета щелкнуло, и он ясно услышал, как люди вокруг перешептываются с радостью и облегчением. Это было – почти – так, будто он опять *жил*. Все улыбались, кто-то даже рассмеялся. Души глядели вверх, в небо, с такими лицами, будто их простили, дали второй шанс. В душах забрезжила надежда.

Было и кое-что еще, что Чет заметил не сразу. Старики исчезли. «*Нет*, – подумал он, – *не исчезли*». Он снова огляделся: это были те же самые люди, но в расцвете молодости и сил. Человек с иссохшими руками и ногами теперь был мальчишкой-подростком: он стоял, стоял сам, и неотрывно глядел на собственные руки, сжимая и разжимая пальцы.

– Ни в чем нет ни малейшего смысла, – сказала женщина с двумя младенцами на руках.

– А, так вы все-таки *говорите* по-английски?

Она кинула на Чета недоуменный взгляд.

– Нет. Не говорю.

– Что? Мы же по-английски сейчас разговариваем.

– Нет, по-испански.

Чет переводил взгляд с одного лица на другое, вслушиваясь в разговоры, звучавшие рядом. Он понимал все – не совсем идеально, иногда в голосах звучало едва различимое эхо, – но каким-то образом все, казалось, говорили на одном языке.

Ребенок на руках у Чета потянулся к одному из детишек на руках у женщины – это была маленькая девочка – и похлопал ее по ручке. Девочка

рассмеялась, и женщина вдруг слабо улыбнулась.

– Вы ребенка по дороге нашли? – спросила она.

– Да, неподалеку от пристани.

Женщина покрепче перехватила своих.

– Этих двоих я в туннелях подобрала.

Чет кивнул.

– А других вы видели? – спросила женщина.

– Других детей? Нет.

– А я видела. Еще нескольких. Сидели, знаете, совсем одни. Я не смогла... – Тут ее голос сорвался. – Просто рук не хватило.

Стиснув зубы, Чет кивнул. Еще секунду они молчали, без слов понимая друг друга на каком-то очень глубоком уровне. Он смотрел, как она держит на руках этих детишек, как заботится о них, и думал, что в этом холодном, мертвом мире, похоже, все-таки выжило что-то человеческое.

Сморгнув слезы, испанка отвернулась, глядя в туманную пустоту. Они словно парили в облаке, может, двигаясь, а может – и нет.

– Меня зовут Ана, – сказала она.

– Чет.

По толпе пробежал взволнованный шепот: впереди из тумана выступили, угрожающе нависнув над паромом, громоздкие серые очертания то ли скал, то ли стен.

– Думаешь, там, впереди, будет хорошо? – спросила Ана.

Чет думал иначе, но говорить об этом не стал, только пожал плечами.

Из тумана выплыла каменная пристань, похожая на ту, от которой они отчалили, и секунду спустя паром уткнулся в причал. На набережной горели факелы, отбрасывая неверные тени в туманную мглу. Где-то рядом ударил колокол, и они услышали приближающийся, согласный топот тяжелых сапог. Все примолкли.

Причал лежал вровень с поверхностью воды. Единственным выходом с пристани была каменная лестница, уходившая вверх, во мглу, и по этой лестнице спускался к ним десяток неясных фигур. Фигуры замерли у подножия ступеней; они явно ожидали прибытия парома. Чет заметил, что все они были вооружены копьями, палицами или даже мечами.

Паромщик подошел к борту и откинул канат, соединявший поручни, открыв путь на пристань. Потом, все так же без единого слова, он вернулся к своему колесу.

– И что нам теперь делать? – спросил кто-то.

Паромщик не ответил, но Чет уловил выражение его глаз под капюшоном. Его взгляд был направлен на вооруженных людей на

пристани, и был он недобрым. Никогда раньше Чету не приходилось видеть такой смеси раздражения и ненависти на чьем-либо лице.

Души неуверенно переглядывались. Потом медленно, одна за другой, они принялись сходить с баржи, опасливо ступая на влажный булыжник пристани. Чет и Ана сошли на берег вместе с остальными; толпа двинулась к вооруженным людям, потому что больше идти было некуда.

Стражники выстроились в ряд и склонили копья, перекрывая вход на лестницу. Все они были крупные мужчины, одетые в потрепанные куртки, пиджаки, сюртуки и камзолы самых разнообразных фасонов и исторических стилей, все – разных оттенков зеленого. Ткани явно были выкрашены вручную, а некоторые – просто вымазаны поверху зеленой краской. Большинство было в капюшонах или шляпах – стетсонах и котелках, тоже зеленого цвета, и в мешковатых штанах, заткнутых в сапоги. Лица сетью покрывали глубокие ритуальные шрамы. Под серой, будто изрытой оспинами кожей бугрились перевитые венами мышцы. Но внимание Чета в первую очередь привлекло их вооружение. У большинства были копья, но несколько человек сжимали в руках шипастые палицы; было и несколько крюков на длинных рукоятках, достаточно широких, чтобы зацепить человека за шею.

– Скажите, пожалуйста, что все это значит? – спросил мужчина в переднем ряду. На нем был деловой костюм, и стрижка приличная – по всему видно было важного человека, бизнесмена или, может, политика.

Стражники ничего не ответили, только вперили в него жесткие, лишенные всякого сочувствия взгляды.

– Скажите, по крайней мере, где мы?

– На небесах, – ответствовал человек, который спускался в этот момент по лестнице. Огромный, мощный мужчина, настоящий здоровяк. На нем был длиннополый темно-зеленый плащ и кожаные штаны, а также остроносые ковбойские сапоги. – Что, разве не похоже? – В ожидании ответа он запустил жирные пальцы в свои жидкие белесые волосы и уставился на прибывших мутными глазками. – Нет? – Небрежным жестом он отбросил в сторону полу пиджака; за пояс у него было заткнуто нечто, напоминавшее кремневый пистолет. – Мое имя – Дирк Робертсон, здесь, в Стиге, закон – это я.

Тут Чет заметил у него на нагрудном кармане жестяную звезду.

– Так что хочу прояснить кое-что прямо сейчас. Как я говорю – так оно и делается. – Он подождал, не решится ли кто-нибудь оспорить это утверждение. – Условия таковы. Вы должны уплатить пошлину. Таков закон... вот уже много тысяч лет. Либо платите, либо плывете назад. Своим

ходом. Решать вам. Но никто не поднимется по этой лестнице, пока не заплатит.

– А что такое Стига? – Это опять был человек в деловом костюме; в его голосе помимо воли звучали тревожные, даже панические нотки. – Можете вы сказать хотя бы это?

Дирк проигнорировал его – он отдавал какие-то распоряжения одному из стражников.

– Эй! – крикнул человек в костюме срывающимся голосом. У Чета на языке вертелся совет – вести себя потише: Дирк явно был не из тех, кто любит, чтобы ему указывали. – Эй, сэр? Сэр? – Мужчина в костюме подергал Дирка за рукав.

Дирк развернулся, выдернул беднягу из толпы и швырнул на булыжники пристани, а потом, что есть силы, пнул в бок так, что тот отлетел к воде. Выхватив меч у одного из стражников, Дирк подошел к упавшему и, как следует замахнувшись, рубанул мечом тому по шее, потом еще раз, на втором ударе отделив голову от туловища.

Толпа ахнула. Повисла мертвая тишина – никто не шевелился, не слышно было даже шепота. Все смотрели на лежавшую на булыжнике голову, которая глотала воздух ртом и неистово вращала глазами.

– Думаете, вы мертвы, так, значит, и терять вам больше нечего? – проорал Дирк. – Так подумайте еще раз, потому что смерть не так проста, как кажется... Только не здесь, внизу.

Он прижал острие меча к виску головы. Взгляд обезглавленного отчаянно метался из стороны в сторону, будто в поисках спасения. Дирк навалился на меч, вгоняя его в голову. Чет хотел отвести взгляд, но не мог. Дирк повернул меч, раздался треск – это раскололся череп. Голова издала долгий вопль, и Чет увидел, что из раны струится какой-то серебристый дымок, медленно собираясь над телом в небольшое облако.

Взгляд у головы замер, челюсть отвисла. Облачко приняло зыбкие очертания человеческой фигуры. Ее лицо приобрело отчетливые черты, и Чет вдруг понял, что видит перед собой человека в костюме. Тот явно испытывал замешательство, но потом глаза у него расширились, и он принялся затравленно шарить взглядом по сторонам, будто услышал нечто ужасное, недоступное слуху остальных. Неистово засучил руками и ногами. Его призрачный рот вдруг неестественно широко раскрылся, потом еще шире, и еще, пока – все так же беззвучно – его не разорвало пополам. Из дыма соткалась новая фигура, только для того, чтобы вновь разорваться на части, потом еще, и еще. Все это время он дрейфовал вверх, извиваясь, выворачиваясь наизнанку, и, наконец, медленно растворился в нависшем

над ними тумане.

Многие в толпе, не скрываясь, рыдали. Чет крепче прижал к себе ребенка и зажмурился, пытаясь изгнать из памяти изуродованное ужасом лицо. «*Надо держаться*, – прошипел он сквозь зубы. – *Хочешь вернуться обратно к Триш – надо держаться*».

– Кое-кто думает, что Чистилище – это второй шанс, – произнес Дирк. – Что ж, могу сказать вам, что это – не так. Это *последний* шанс. Знаете, тут их слышно иногда – мертвых мертвецов, потерянные души, как этот несчастный придурок, который только что отлетел в облака. Не знаю, что там с ними конкретно происходит, но не похоже, чтобы им это нравилось. – Он неторопливо вернулся обратно к строю стражников и сунул меч владельцу, будто ничего особенного не произошло. – Я здесь для того, чтобы собирать пошлину, – повысил голос Дирк. – Не для того, чтобы указывать вам путь в этом гребаном ином мире. Доставите нам неприятности – закончите либо в реке, либо там же, где этот придурок. Вот так! Чем скорее вы заткнетесь и будете делать, что говорят, тем скорее сможете обрести покой, искупление, покаяние или свою мамочку. Или по какой там еще херне страдают ваши души. – Тут он извлек из внутреннего кармана пиджака зажигалку и самокрутку, прикурил и с наслаждением затянулся. – Итак, чтобы не тянуть с этим делом, нам нужны медяки, пенсы, к примеру. Нарыл у себя мелочь – вперед, дорога открыта. Золото тоже сойдет, да практически все, что сделано из металла, сапоги хорошие, куртки, ножи... Хрен, да пистолеты – если они у вас, конечно, есть. Нет ничего – отдаете плотью.

«*Медяки?*» – подумал Чет, вспомнив о мешочке.

– В могилу с собой не забереешь, так говорят, да? – продолжил Дирк. – Вот вам и показатель, сколько там, наверху, известно о здешних делах. А теперь пошарьте-ка по карманам, посмотрим, что удастся найти.

Люди принялись рыться в карманах. Многие с удивлением обнаруживали у себя монетки, кольца, часы; кое у кого находились даже кошельки.

Чет сунул руку в карман и тут только понял, что на нем – его старая джинсовая куртка. Перед смертью он ее совершенно точно не надевал. В остальном он был одет как обычно – потертые вельветовые брюки, тяжелые ботинки и футболка. Глянув вокруг, он заметил, что многие были одеты хоть и строго, но нарядно – видимо, так, как их и похоронили. И все же таких было меньшинство. По большей части на людях была обычная, повседневная одежда, а несколько человек были даже совершенно голыми. У себя в карманах Чет не нашел ни единой монетки, только старую

зажигалку. Он покрепче сжал набитый медяками мешочек, испытав внезапный прилив благодарности к Сеною.

Двое стражников подняли копы и помахали нескольким душам, чтобы те проходили. Когда никто не двинулся с места, стражники потащили их силой, держа оружие наготове; другие стражники обшарили им карманы, спрашивая, чем они могут заплатить.

– Нет! – вскрикнула какая-то женщина. – Это же мое обручальное кольцо.

Тем явно было плевать; они забрали кольцо и продолжили копаться у нее под юбкой, потом разорвали блузку, без всякого стеснения шаря повсюду своими серыми руками.

Она расплакалась.

– Побереги слезы, женщина, – сказал один из стражников, толкая ее к лестнице. – Они тебе еще пригодятся.

Спотыкаясь, она побрела вверх по лестнице, стискивая на груди разорванную блузку. Вид у нее был совершенно потерянный. Стражники обшарили еще одного человека, потом еще одного, забирая все, что им приходилось по вкусу, а потом отсылали каждого вверх по лестнице.

«*Нож я потерять не могу*», – подумал Чет, озираясь в поисках другого пути с причала. Безуспешно – вокруг были только черные гладкие стены, исчезающие в клубящемся наверху тумане.

– У этого – ничего, – крикнул стражник, оттаскивая в сторону голого мужчину.

Дирк кивнул в сторону колоды, стоявшей у самой стены. Рядом с колодой стоял человек, и в руке у него был здоровенный тесак. Когда голый это заметил, он начал упираться.

– *Нет!* – закричал он.

– Нет? – переспросил, подходя, Дирк. – Ты должен заплатить. Все платят. Нет медяка – с тебя фунт плоти. А теперь – дело за тобой: плоть или река?

Но мужчина все только тряс головой.

Дирк кивнул, и стражники дернули его вперед. Тесак взмыл вверх, опустил, начисто перерубив мужчине запястье. Чет дернулся, думая, что вот сейчас увидит кровь, услышит кошмарный крик. Но крови не было, и криков тоже. Лицо голого мужчины исказила боль, но только на мгновение. Вид у него был скорее удивленный, чем страдальческий. Стражники отпустили его, и он просто остался стоять, не двигаясь, баюкая культию.

У стены громоздилось несколько корзин; большинство были пустыми, но в других лежали куртки, ботинки, сапоги и перчатки. Стражник

швырнул отрубленную руку в корзину с перчатками, и тут только до Чета дошло, что это были не перчатки. *Твою мать.*

Стражники подтолкнули мужчину к лестнице, и он, ни слова не говоря, побрел вверх по лестнице, спотыкаясь и сжимая запястье. По толпе прокатился, набирая силу, тревожный шепот.

– А ну, тихо! – проорал Дирк. – Даром ничего не бывает. Ни в жизни... Ни в смерти. Вы пересекли реку, и теперь пора платить. Меди нет, золота нет – с тебя фунт плоти. Таков закон.

Чета зажалось в толпе; он вдруг понял, что вот-вот настанет его очередь. Ясно было, что нужно что-то придумать, и быстро, или он потеряет нож. Чет задумался, не попытаться ли спрятать оружие в сапоге.

– Ну, уж нет! – раздался женский крик. Это была Ана.

– Мадам, – сказал Дирк, протягивая руку к одному из младенцев. – Сделайте им одолжение. Сделайте одолжение всем нам. Пусть их заберет река. Это избавит вас, их, всех от кучи хлопот.

– А ну, убрал руки! – ответила Ана и, не выпуская младенцев из рук, сделала шаг назад.

– Мадам, успокойтесь. Ваши мартышки здесь никому не нужны. Я просто пытаюсь сказать вам, что река – это наилучший выход.

Она потрясла головой.

Он пожал плечами.

– Вам, конечно, решать, но заплатить придется... За себя и за них. Бесплатно не проходит никто. – Он протянул руку.

Она посмотрела на его раскрытую ладонь.

– У вас есть монетка? Пенни? Золото?

Ана ничего не ответила.

– Тогда, значит, это будет стоить фунт плоти. По фунту за каждого из...

Ана сорвалась с места. Просто кинулась вперед, поднырнув под руку здоровенному Дирку, и бросилась к лестнице, сжимая под мышками детей.

Стражники бросились за ней; один зацепил ее за руку крюком, дернул, сбил с ног. Второй схватился за ребенка, пытаясь вырвать его у нее из рук. Она не отпускала, и он со всей силы вогнал ей под ребра сапог. У Аны вырвался крик, но ребенка она так и не выпустила, крича и отбиваясь ногами.

– *Прекратите!* – закричал Чет, проталкиваясь сквозь толпу. – *Я могу за них заплатить!* – Из-за криков и общей суматохи его никто не услышал. – Да уйдите же с дороги, – прорычал он, пытаясь не обронить в сутолоке ребенка.

Стражник ударил Ану палицей, вогнав ей шипы в живот. Она страшно

закричала.

– *Прекратите!* – крикнул Чет, бросаясь вперед. Другой стражник ударил его по затылку, и Чет упал, сильно ударившись о булыжник и выпустив ребенка из рук. Мальчик перекатился несколько раз, остановившись у самого края реки. Замахал ручками и ножками, попытался сесть, оказавшись в результате еще ближе к воде. Чет на четвереньках бросился за ним, и тут что-то ударило его в спину. Взглянув вниз, он обнаружил, что из груди у него торчит наконечник копья. Ловя воздух ртом, Чет закашлялся и попытался встать.

– А ну, лежать! – заорал стражник, и навалился на копье, пришпилив Чета к булыжнику. Чет сжал острие, застонав сквозь стиснутые зубы. Боль холодным огнем пылала у него в груди.

– Бросьте его в гребаную реку, – сказал Дирк.

Стражник рывком высвободил копье, и Чет ахнул, когда его пронзила новая волна боли. Он кашлял, не в силах остановиться, скорчившись от боли. В груди у него зияла огромная рана, и он мельком подивился, что до сих пор жив – что бы это ни значило здесь, внизу. Двое стражников вздернули его на ноги, и у него с плеча сорвался мешок, со звоном шлепнувшись на булыжник.

– Погодите-ка, – сказал Дирк, нагибаясь, чтобы поднять мешок. Здоровяк распустил завязки и извлек из мешка нож, с любопытством оглядев рукоять. Выдвинул из ножен клинок, и на его лице вспыхнуло удивление. Он нахмурился; удивление сменилось озабоченным выражением, а потом – чем-то, смахивающим на страх. – Как... – Он быстро сунул нож обратно в мешок, захлопнул клапан и крепко стянул завязки. Потом обратил на Чета холодный, подозрительный взгляд. – Откуда у тебя это?

Чет не ответил, он просто не мог – боль захватила его целиком.

– Кто тебя послал? – спросил Дирк.

Чет мог только помотать головой.

Дирк с размаху всадил свой огромный кулак Чету в грудь, прямо в рану, так, что тот с размаху грохнулся на камни. От боли потемнело в глазах.

– Я тут не в игрушки играю. Кто тебя послал?

– Я... я... – начал Чет, пытаясь вытолкнуть слова наружу, но тут его одолел новый приступ неистового кашля.

Дирк сощурился на него.

– Да кто ты, на хрен, такой?

К этому времени орали уже все трое младенцев, и их вопли эхом

разносились по всей пристани.

Дирк сунул мешок за пояс, подошел, схватил за ножку младенца – это был тот, которого нес Чет – и поднял его, раскачивая, над водой.

– *Нет!* – заорала Ана.

Чет схватился за грудь, попытался встать.

– Скажи, кто тебя послал, а не то этот щенок отправится поплавать.

– Ангел... Меня послал сюда ан...

– *Это что еще за безобразие?* – раздался окрик откуда-то сверху, с лестницы.

По ступенькам спускались три женщины. На них были черные то ли плащи, то ли рясы с капюшонами, скрывающими лица. Спустившись, они направились к Дирку. Ветер раздул плащи у них за спиной, и Чет заметил, что у каждой на поясе висело по мечу.

Та, что шла впереди, отбросила капюшон, открыв бледное, узкое лицо с темными глазами. Быстрыми, резкими движениями и манерой ходить, по-птичьи подавшись вперед, она напомнила Чету ворона, ищущего добычи. Когда она приблизилась, Чет заметил, что в середине лба у нее был черный сверкающий камень. Хмурым взглядом она обвела открывшуюся ей сцену. Когда она заметила ребенка, болтающегося в руке у Дирка, камень у нее во лбу вспыхнул алым.

– Вот хрен, – проворчал Дирк, опуская ребенка. – Только этого дерьма мне и не хватало.

Женщина подлетела к здоровяку – худая фигурка, казалось, была раза в два меньше Дирка – и протянула руки. Она ждала.

Дирк испустил глубокий вздох и положил вопящего ребенка ей на руки.

Две другие женщины подошли к Ане, расталкивая стражников. Те, огрызаясь, отступали, но прямо бросить женщинам вызов явно опасались.

Женщина с камнем во лбу шепнула что-то ребенку и тот, перестав орать, поглядел на нее так, будто она была его мамой. Она кивнула одной из спутниц и та подошла, чтобы взять у нее ребенка.

Потом она посмотрела на Дирка.

– Глаз радуется, видя, как ты, Мэри, сеешь всюду добро, – сказал здоровяк.

– Будь на то моя воля, – сказала Мэри, – я бы расправилась с тобой здесь и сейчас, не сходя с места.

– Значит, мне повезло, – ответил он, бледно улыбаясь, – что это не в твоей воле.

– Нарушение закона влечет за собой последствия.

– Я никаких законов не нарушал, – сказал Дирк. – Те, кто пересек реку, должны платить.

– Те, кто несут с собой детей, вольны проходить свободно, – резко возразила она. – Всегда так было.

Дирк пожал плечами.

– Ты позоришь Харона.

– Ой, только не надо проповедей. Теперь этот пост держат Защитники, – сказал Дирк. – И мы не подчиняемся несправедливым законам, которые выдумали мертвецы да никому не нужные боги. А теперь забирай-ка своих драгоценных младенцев да убирайся, пока я не забыл о вежливости и не случилось чего несимпатичного.

Казалось, она вот-вот его ударит.

– В последний раз, когда я ее видела, Алая Леди была вполне жива и полна ярости. Ты, правда, хочешь и дальше испытывать ее терпение?

Дирк заглянул ей в глаза.

– Старые порядки умирают вместе со старыми богами. – Его тон переменился; всякий вызов исчез, осталось только нечто, очень похожее на искренность. – Вот и все. Ты знаешь, это правда. Все мы должны делать то, что должно быть сделано.

– Настало время выбирать сторону, ты, жаба. Смотри не ошибись, потому что воры и отморозки, сколько бы они ни прятались за красивыми лозунгами, будут гореть первыми. – Отвернувшись, она шагнула к Чету. – Стоять можешь?

Тут Чет вдруг понял, что боль медленно уходит – его тело и вправду стало другим. Он поднялся с земли, перекатившись на колени, и на секунду замер: боль становилась все тише. Мэри подхватила его под руку, помогая встать. Чет слегка пошатнулся, взглянул на рану у себя в груди и в очередной раз попытался понять, как это может быть, что он еще жив.

– Со временем заживет, – сказала она, ведя его под руку к другим женщинам.

Дирк преградил им дорогу.

– Женщина и дети. Они могут идти. Но этот человек останется здесь. У нас с ним осталось кое-какое дельце.

– А я скажу, что с делами покончено, – ответила Мэри не терпящим возражений тоном.

– Не вынуждай меня, – сказал Дирк, жестко, почти отчаянно. – Он никуда не пойдет. – Он кивнул стражникам, и те перехватили оружие поудобнее. Дирк коснулся рукоятки пистолета у себя за поясом. – Мэри, просто забирай младенцев и уходи, и у нас у всех будет шанс увидеть

следующий день.

– Мы здесь больше не одни, – сказала она, кивнув в сторону лестницы.

На верхних ступеньках стояло существо, напоминающее крупного хищника из породы кошачьих, с гладким алым мехом и огромными крыльями, на которых топорщились перья. Вот только это был не тигр, и не лев – во всяком случае, не выше плеч – у существа была шея и голова женщины. «*Да это же...* – слово вертелось у Чета на языке, – *сфинкс*», – вспомнил он.

Сфинкс стояла неподвижно, как статуя, вдвое превосходя ростом любую из душ. Взгляд ее зеленых глаз был устремлен на Дирка, и хвост все быстрее ходил из стороны в сторону.

Дирк открыл было рот и попытался что-то сказать, но из горла у него вырвался только хрип. Стражники все опустили оружие и отступили подальше от женщин.

Дирк убрал от пистолета руку. Он тоже сделал шаг назад, потом другой, натолкнулся на Чета, не замечая ничего, кроме пронизывающего взгляда сфинкса.

Чет воспользовался этой возможностью и потихоньку вытащил мешочек Сеноя у Дирка из-за пояса. И быстро отступил.

Дирк прикоснулся к поясу – рассеянно, медленно. Нахмурившись, опустил взгляд, заметил, что мешочек исчез, и тут увидел Чета, который быстро шагнул прочь.

– Эй! – Он шагнул было вслед за сбежавшей жертвой.

Низкий рык разнесся над пристанью. Несмотря на туман, глотавший звуки, рык сотрясал воздух, пробирая до самых костей.

Дирк замер.

– Давайте, идите прямо сейчас, – сказала Мэри, обращаясь к оставшимся на пристани душам. Те заколебались было, глядя на сфинкса, но тут кто-то один решился, за ним последовало еще несколько человек, а потом и все остальные, торопясь, миновали Дирка и его людей.

Мэри напоследок окинула Дирка мрачным взглядом.

– Следи за собой, жаба. Гнев Алой Леди неотвратим. – Она резко развернулась, плеснув плащом, и направилась вверх по лестнице. Остальные женщины последовали за ней, увлекая за собой Ану с детишками. Чет направился следом.

– Эй, – прошипел Дирк.

Чет оглянулся.

– Оставь мешок или пожалеешь.

Глава 12

Чет продолжал идти, не останавливаясь, и быстро нагнал остальных.

Только добравшись до верха лестницы, он остановился и осмотрел рану. Кожа вокруг отверстия стала какой-то сухой и серой, из раны медленно сочилась темная жидкость. В груди до сих пор пульсировала боль, но с каждой секундой становилось легче. Чет прикоснулся к ране; на ощупь было скорее похоже на глину, чем на плоть. Это заставило его задуматься, из чего теперь, собственно, состояло его тело. В глубине раны он заметил что-то белое, должно быть, кость, одно из ребер. Он поморщился. *Я все еще хожу. Это уже кое-что.*

Женщины собрались вокруг сфинкса на дальней стороне широкой площади. Чет тоже подошел – существо просто завораживало его. Она была одновременно прекрасна и ужасна – в равной степени. Ее черты, пусть и человеческие, все же сильно напоминали кошачьи; это было лицо одновременно яростное и величественное. Лицо обрамляли две толстые косы, но сзади волосы гривой падали на плечи, струились по спине. Два больших рога закручивались по сторонам причудливой медной диадемы с изогнутыми зубцами. На груди лежало сложное, в несколько слоев, ожерелье из шипастых медных пластин. Казалось, сфинкс была совершенно равнодушна к тому, что происходило вокруг; ее изумрудные глаза были устремлены вдаль, куда-то вниз по течению. Чет проследил за ее взглядом, но не увидел ничего, кроме смутных очертаний доков и полуразвалившихся хижин.

Несколько блеклых, будто вылинявших душ прошаркали мимо по вымощенной булыжником улочке, явно стараясь держаться подальше от сфинкса. Чет колебался, не зная, стоит ли подходить. Мэри заметила его, поманила; впервые он в полной мере – почти физически – ощутил на себе тяжесть ее пристального, изучающего взгляда. Камень у нее во лбу коротко вспыхнул.

– Как тебя зовут?

– Чет.

– Чет, – медленно произнесла она, словно пробуя имя на вкус. Лицо у нее немного смягчилось, и камень во лбу блеснул бледно-зеленым. – Это было храбро. То, что сделали вы с Аной.

Чет пожал плечами.

– Это непросто, – добавила Мэри. – Добраться сюда. Трудная задача

сама по себе, без того, чтобы брать на себя еще и чужое бремя.

– Я – Мэри. – Она прикоснулась ко лбу. – А это – сестра Элейн и сестра Нора. А это, – она повела рукой в сторону сфинкса, – Сехмет, Глаз Ра, страж богов. Также известная многим как Алая Леди.

Сфинкс никак не отреагировала; она все так же напряженно вглядывалась вдаль.

Зашуршали, приближаясь, колеса. Из тумана показались еще женщины в черных плащах; за собой они тянули телегу, на которой стояла деревянная клетка. Одна из них подбежала к ним, опередив спутниц, и, с трудом переведя дыхание, спросила:

– Мы успели?

Смахнув с лица пряди черных волос, она заправила их обратно под шапку. При виде троих детишек у нее вспыхнули глаза, лицо осветила облегченная улыбка.

– Спасибо тебе, Господи, мы услышали их вовремя.

– Ты лучше скажи «спасибо» Чету и Ане, – сказала Мэри, представив им женщину, Изабель.

– Что, опять Дирк?

Мэри кивнула.

Изабель плюнула на землю.

– Он что, считает, что мы дуры? Что не видим его насквозь?

– Думаю, ему плевать.

– Мы не можем это так оставить, – сказала Изабель.

– Никаких законов он не нарушал, – ответила Мэри. Ее явно бесило собственное бессилие.

– Нарушал, если он детей в реку швыряет.

– Нет закона, который бы это запрещал. Кроме обычной человечности.

Прищурившись, Изабель вгляделась в туман, на другую сторону площади:

– Это он! Тот тип, который шел за нами.

Фигура в плаще и широкополой шляпе стояла, опершись о стену у вершины лестницы, ведущей к пристани. Глаза человек прятал под шляпой.

– И правда, – отозвалась Мэри.

– Еще один гребаный шпик. – Изабель сплюнула. – Эти «зеленые» теперь просто повсюду.

На верху лестницы появился Дирк в сопровождении нескольких стражников, подошел к человеку в шляпе, начал с ним о чем-то совещаться.

Изабель откинула плащ, взялась за рукоять своего длинного меча.

– И чего мы ждем? Отправим-ка всю компанию искупаться – прямо

сейчас.

Мэри бросила взгляд на Алую Леди, но выражение лица у той по-прежнему было каменное.

– Не сегодня, – ответила она.

– А когда? – спросила Изабель. – Если мы будем ждать, пока не будет сожжен последний храм, не изгнан последний бог, будет слишком поздно.

– Не сегодня, – повторила Мэри.

Изабель прикусила губу: она явно сдерживалась, чтобы не сказать лишнего.

Подожли женщины, тащившие телегу. Сначала Чету показалось, что клетка набита одеялами, но потом он заметил, что некоторые одеяла шевелятся, и понял, что это были спеленатые детишки: одни спали, другие тихо наблюдали за бредущими мимо душами.

Младенец на руках у Аны начал хныкать, а потом и орать.

– Можно? – спросила Мэри. – Давайте мне.

Ана передала ей ребенка. Мэри принялась его баюкать, что-то нашептывая; камень у нее во лбу мерцал зеленым светом. Младенец прекратил извиваться и замер, глядя на камень, а потом начал гулить. Подождав немного, Мэри подошла к телеге и посадила его вместе с другими.

– Что с ними будет? – спросила Ана.

– Мы отвезем их к Лете. Им повезло – они будут избавлены от бесконечного и бессмысленного пребывания в Эребе или, что еще хуже, от реки страданий. – Мэри печально посмотрела на детей. – Но всегда есть и другие.

– Лета? Что такое Лета?

– Ана, чего ты ищешь? К чему стремишься?

Ана помолчала.

– Ничего я не ищу.

– Все мы чего-то ищем. Потому-то мы и здесь. – Мэри кивнула в сторону остальных женщин. – Сестры собирают потерянных младенцев, помогают им попасть в лучшее место. Для многих это бескорыстное служение – способ придать смысл своему существованию... Это помогает залечить душевные раны и, что более важно, найти то, что каждой нужно.

Ана нахмурилась.

– Ана, – сказала Мэри, – Сестричеству всегда нужны храбрые сердца. Присоединяйся к нам. Искупление – это путь, которым не обязательно идти в одиночку.

– Искупление, – чуть не выплюнула Ана. – Нет для меня искупления!

– Ты не первая, кто это говорит, – возразила Мэри. – Как распробуешь здешнюю жизнь, освоишься... Если не найдешь того, к чему сердце лежит, приходи к нам.

Чет прочистил горло.

– Можно кое-что спросить?

Мэри повернулась к нему.

– Черт, глупо, наверное, спрашивать... Но, может, вы все-таки слышали о человеке по имени Гэвин Моран? – Чет замолчал, вглядываясь ей в лицо, надеясь, вопреки всему, на положительный ответ.

Мэри только улыбнулась.

– В Чистилище много душ, Чет.

Чет вздохнул:

– Так я и думал.

– Он – твой отец?

– Дед.

– Если твой дед действительно здесь, в Чистилище, тебе просто нужно найти Бладсикера, Ищущего по крови... Кроведуна.

– Кроведуна?

– Настоящего кроведуна, или кроведунью, не из той швали, что околачивается на набережной. Эти теперь все на «зеленых» работают. Разведут тебя на все, что можно, а в ответ получишь только ложь.

– Да, иди в Старый город, – вступила в разговор Изабель. – «Зеленые» там не имеют такой власти. По крайней мере, пока. Кое-кто из древних еще там, и они приглядывают за городом. Это недалеко. На вершине Лобного места, некоторые еще зовут этот холм Голгофой, или Крестами. Просто иди вверх по этой улице, пока не дойдешь до главной площади. Лобное место оттуда видно, только бы туман был не слишком густым. Увидишь склон холма, сплошь покрытый крестами. Такое место здесь есть в каждой занюханной деревушке. Души, которые пытаются уладить дела с Иисусом, творят с собой кошмарные вещи. Им, наверное, забыли сказать, что короткой дорожки к искуплению не существует.

Мэри кивнула:

– Как доберешься до Лобного места, ищи арку с вóронами наверху. Тебе под арку, а дальше иди по знакам: глаз с красной слезой. – Подступив поближе, она понизила голос: – И, Чет, прячь свою метку хорошенько.

Чет застыл; его рука непроизвольно сжалась.

– Большинству твою метку не разглядеть. – Она прикоснулась к камню во лбу. – Но у меня – свой способ видеть. Это мой дар, иногда – проклятье: видеть, что у человека внутри. Просто знай – всегда будут такие, кто

заметит, и кто захочет променять твою голову на награду.

– Награду?

– Приспешники Люцифера неплохо платят за проклятые души. И хотя торговать с демонами запрещено, даже разговаривать с ними нельзя, всегда найдутся такие – как ты уже видел, – кому мало дела до эдиктов подземного царства.

Чет глянул в сторону бредущих мимо душ. Ему вдруг показалось, что все они, до единого, смотрят на него, наблюдают за ним, видят его метку.

– Безопаснее всего в городах, – сказала Мэри. – Демонам в них хода нет, но охотники за душами – они могут быть где угодно. Самое надежное – найти свой род, семью, твоего деда. Свои всегда помогают своим. Кровь – не вода.

«Если бы только это было правдой», – горько подумал Чет.

Ребенок, один из тех, что были в тележке, встал на ножки и, уцепившись за решетку, потянулся к Ане.

– Такое ощущение, что Бог их проглядел, – сказала Ана.

Мэри вздохнула.

– Да, но какой бог? Пока живешь, надеешься, что в посмертном существовании будет хоть какой-то порядок. Смерть – это хаос и безумие: за душу умершего борются сотни богов. Разумные принципы, здравый смысл, справедливость... Про все это можешь просто забыть.

Откуда-то снизу, со стороны берега, раздался крик, похожий на детский. Алая Леди обратила взгляд в том направлении и решительно двинулась прочь.

Изабель и остальные последовали за ней. Мэри задержалась на секунду, и, сжав Ане руку, сказала:

– Ана, когда будешь готова, разыщи нас. – И, отпустив ее, быстро зашагала следом за остальными.

Глава 13

Чет проводил взглядом женщин в плащах, а когда те исчезли в тумане, глянул назад, в сторону лестницы. Дирк и человек в широкополой шляпе все так же наблюдали за ним.

– Надо нам отсюда выбираться, – сказал Чет.

Проследив за его взглядом, Ана кивнула. Они направились в сторону города.

– Хочешь попробовать найти одного из этих, кроведунов? – спросила Ана.

– Да, думаю, да. А ты? Думаешь, у тебя есть родня тут, внизу?

– Господи, надеюсь, что нет.

– Может, стоит, по крайней мере, проверить.

– Родные плюнули бы мне прямо в лицо... И были бы правы.

Он кинул быстрый взгляд в ее сторону. Губы женщины были плотно сжаты, взгляд – мрачен. Для расспросов момент был явно не подходящий.

– Когда я это сделала, – сказала она. – Когда проглотила все эти таблетки... Думала, я уйду. – Она помотала головой. – Откуда мне было знать, что после будет все это... Ну, знаешь... Все это дерьмо. Думала, смерть – это конец. А продолжение, гребись оно конем, все следует да следует.

Они молча шли дальше, поглядывая на бредущие мимо души; у всех, кто попадался им навстречу, был какой-то подавленный, несчастный вид. Чет все посматривал назад, думая увидеть Дирка и человека в шляпе, следующих за ними по пятам, но их не было и в помине.

– Эй, – сказал кто-то, похлопав Чета по плечу, и он обернулся. Перед ним стоял какой-то подросток. Чет не сразу его узнал: это был тот паралитик с парома, то есть, он был паралитиком до того, как они все переменились. Парнишка зашагал с ними рядом:

– Слушай, а какая она?

Чет недоумевающе посмотрел на него.

– Ну, женщина-лев. Сфинкс. Блин, поверить не могу, вы так близко к ней подошли. Подумать только, она же настоящая, ну, как и мы. Прямо никак не могу в это все поверить. Знаете, все думаю, вот-вот проснусь. Здесь так круто!

Чет и Ана посмотрели на него так, будто он выжил из ума.

– Эй, я не псих. – Парень рассмеялся. – Просто я свободен! Свободен

от этой коляски. – Он метнулся в сторону, вспрыгнул на валун, и сразу же обратно – к ним, как щенок.

– Бли-ин, как же это здорово – двигаться!

– Да что с тобой? – спросила Ана.

– Со мной?

– Ты что, не понимаешь, что ты умер? Что все мы умерли? Что это место – отстой?

Парнишка повертел головой.

– Не знаю. Все это, конечно, поразительно и ужасно, но и... ужасно интересно тоже. Ну, вы понимаете.

– Так ты в инвалидной коляске был? – спросил Чет.

Тот кивнул.

– Пятнадцать лет. У меня паралич был, квадриплегия. Это было похуже, чем здесь... То есть, уж лучше здесь, чем в той коляске, – понизив голос, добавил он, будто про себя. – Где угодно лучше, чем в коляске.

Чет лишь надеялся, что парню удастся сохранить этот свой настрой даже тогда, когда это место проберет его, наконец, до костей.

– Эй, кстати, меня Джонни зовут, – парнишка протянул руку.

Чет пожал ее.

– Я – Чет, а это – Ана.

– Чувак, – сказал Джонни. – Я уж думал, тебе капец, там, на пристани. Ну, когда он тебя копьём пырнул. Но ты вроде нормально себя чувствуешь, даже с этой дырищей в груди. Жаль, нельзя сказать того же о бедняге, которому раскололи череп. Интересно, кстати, что тут происходит с мертвыми мертвыми?

– Наверное, отправляются куда-нибудь в еще более дерьмовое место, – сказала Ана.

Дорога становилась все более людной: души разных рас деловито спешили в разных направлениях; многие были босиком, кое-кто – и вовсе нагишом, у нескольких не доставало рук. Большинство двигалось по направлению к городу.

Они довольно быстро начали отличать новоприбывшие души от тех, кто был здесь уже какое-то время. Лица, глаза, волосы у старожилов были выцветшими, серыми, будто старая древесина, – они словно бы сливались, становились единым целым с землей и пыльными камнями у себя под ногами. Одежду здесь носили самую разнообразную, от лохмотьев до роскошных облачений, всех стилей и всех эпох, от современной до библейской. Рогатые шлемы и цилиндры, тюрбаны и бейсболки, сандалии, кеды, армейские сапоги, джинсы, военная форма, робы, туники и плащи:

все возможные варианты и комбинации. Но даже самые роскошные одеяния казались какими-то выцветшими.

Помимо одежды, старожилы выделяла манера держаться: они спешили по своим делам с целеустремленным видом; ошеломленные, путающиеся под ногами новички вызывали у них явное раздражение. Довольно многие имели при себе оружие: мечи, ножи, копья, палицы. Кто-то даже щеголял кольчугами или частями доспехов.

Палатки и глинобитные хибарки уступили место строениям повыше: двух- и трехэтажным зданиям, сложенным из камня, явно заброшенным. Осыпающиеся фасады, пустые, темные окна, обвалившиеся крыши. Стены заброшенных зданий пестрели граффити, сделанными углем и мелом: имена, лозунги, цитаты. Снова и снова попадались надписи: «БОГОВ НЕ КОРМИТЬ» и «СВОБОДА», крупно выведенные красным.

Перед зданиями начали появляться ларьки и прилавки. Чет подошел к одному из них, взглянуть, что там продавалось: прямо на стене была вывешена потрепанная одежда, башмаки и пара сомнительного вида палиц. Продавец не потрудился даже поднять на него глаза – он продолжал все так же паяльничать в землю.

Они двинулись дальше, и вскоре вышли на огромную круглой формы площадь, вымощенную большими каменными плитами. На площади царил настоящее столпотворение: там были сотни душ, телег и крытых фургонов, пересекавших пространство во всех направлениях или занимающихся своими делами. Попадались и патрули «зеленых». В центре площади лежала громадная поверженная статуя, окруженная разбитыми на куски скульптурами поменьше – танцующими фигурами в человеческий рост. Центральная фигура лежала на боку – голова отломилась от шеи, искаженное лицо андрогина, рот открыт, будто в неистовом крике, глаза выбиты. Кто-то набил рот статуи руками и ногами разбитых танцоров.

– Какой, наверное, был когда-то вид, – сказал Джонни. – Если прикинуть, эта штука была футов двести высотой.

Чет заметил столб с указателями, торчащий рядом с гигантской головой. Он двинулся было вперед, но остановился, пропуская грохотававший мимо фургон, который тянула за собой упряжка из шести душ. Кожа у них вся бугрилась от шрамов и ран; глаза были выколоты. Сидевший на крыше фургона карлик правил ими с помощью вожжей и кнута. Двое стражников в зеленых куртках сидели рядом с карликом, сжимая в руках что-то вроде мушкетов. Фургон был битком набит отрубленными ногами, руками и кистями.

– Ну, что ты думаешь теперь, Джонни? – спросила Ана. – Это тебе

тоже «ужасно интересно»?

Джонни не ответил; он глядел вслед фургону.

Пробираясь в толпе, Чет с Аной подошли, наконец, к подножию статуи. Через секунду их догнал Джонни, схватив Чета за руку:

– Осторожней! – Он указал вниз, на разбитую статую, на которую Чет только что наступил. У статуи были отбиты обе ноги, рука и часть туловища. Она открыла глаза, открыла рот. Ни слова, ни звука. Только пустой взгляд.

Чет отступил и по-настоящему пригляделся к статуям; до него вдруг дошло, что многие из них были совсем не статуи, а души – разбитые, искореженные души, серые, как камень – они лежали совершенно неподвижно и скучно глядели перед собой немигающими глазами.

Втроем они подошли к голове великана. Кто-то облил красной краской свисающие из огромного рта руки и ноги, а на щеке все той же краской написал: «БОГОВ НЕ КОРМИТЬ».

– Как ты думаешь, что это значит? – спросил Джонни.

– Думаю, ничего хорошего, – ответила Ана.

Чет переключил внимание на указатель. Столбик был увенчал потрепанным щитом с надписью: «ГОРОД СТИГА». Под щитом были направленные в разные стороны указатели в форме стрелок: «Река Стикс», «Караваны», «Храм Леты», «Лобное место», «Старый город», «Прибрежная дорога». Но Чет все не мог оторвать взгляд от черной стрелки, висевшей под всеми прочими и указывающей в направлении, откуда они пришли, вниз по течению реки. Две красные буквы складывались в слово «АД». Чет подавил дрожь; его поразило, какую власть имели над ним теперь эти две буквы.

Глянул туда, куда указывал знак, зная: пойдя он этим путем, Ад *предъявит* на него свои права. Там действительно будут демоны, существа из худших его кошмаров, которые только и ждут, чтобы подвергнуть его пыткам, терзать его, рвать его плоть зубами, жечь и сдирать мясо с его костей – снова и снова. Он вдруг понял, что изо всех сил сжимает одну руку другой, пытаясь спрятать клеймо.

– Лобное место – это, должно быть, туда, – сказала Ана, указывая вдоль главной улицы.

Чет кивнул. Вдали еле заметно проступали сквозь туман очертания холма.

– А что там? – спросил Джонни.

– Вроде как там есть кто-то, кто может помочь тебе найти родных, – сказал Чет. – Их называют кроведунами.

– Кроведуны, – сказал Джонни, потом повторил слово еще раз, будто ему понравилось, как оно звучит. – Знаете, а это может быть интересно. – Он перевел взгляд на Ану. – Вроде квеста. – Он рассмеялся. – Квест «Бладсикеры Стиги». Звучит как реальное приключение. Я в игре.

– Квест? – сказала Ана. – Ну что должно произойти, чтобы ты понял – это не какое-то приключение из твоих книжек со сказками.

– Знаете что? – Он хитро улыбнулся. – Питер Пэн однажды сказал: «Смерть – это огромное приключение». Это мой девиз.

Глава 14

Ларри Вагнер, известный в окрестностях Джаспера, Алабама, попросту как «Тренер», брел по главной улице города Стига по направлению к Лобному месту. Куда он идет, он не знал, и ему было плевать. Он просто тащился в потоке других бесцельно шатающихся душ, то и дело попадая в глубокие колеи, выбитые в камне мостовой, и пытался подсчитать, сколько же миллионов ног и сколько миллионов лет должно было тут пройти, чтобы в камне появились вот такие канавы.

Улица стала уже, и сдавленная стенами толпа замедлила ход. Вдоль стен выстроились многочисленные прилавки, и в монотонное шарканье сотен ног вплелись крики зазывал.

Вдалеке послышался гром, и мимо его лица проплыла снежинка, одна, другая... *«Идет снег»*, – подумал Тренер. Туман немного развеялся, и стали видны темные, плотные тучи, нависшие над их головами. Он поймал снежинку, и понял, что это никакая не снежинка, а пепел. Повсюду летали хлопья пепла, кружились вдоль по улице, оседали сугробами в канавах, у стен.

Тренер поглядел на руки, на свою бледную, серую плоть. *Я мертв... Черт, мертв.* Он потряс головой, все еще пытаясь понять, каким образом так получилось, что в одну секунду он собирался приятно провести денек на рыбалке, а в следующую – уже пиялился на свою собственную расколотую голову. *И на этого подонка Чета, ублюдка мелкого, как он спокойно себе уезжает прочь.* В этот момент Тренеру больше всего хотелось наложить на Чета свои холодные, мертвые руки. Он стиснул кулаки. События той ночи беспрерывно крутились у него в голове. С ним так уже бывало: картинки его школьной юности, когда он играл в футбол, вот так же неотвязно вертелись в мозгу – тот день, когда сам Биер явился в школу набирать игроков, тот злосчастный пас, мяч летит прямо ему в руки^[2], бьет его в живот и отскакивает, просто улетает куда-то в сторону. Сколько раз он проигрывал это у себя в голове – наверное, сотни, тысячи раз? Если бы он только *поймал* этот мяч. А теперь все то же самое было с этим мальчишкой, Четом. *Если бы я только двигался чуть быстрее, вернее рассчитал бы время, я бы достал этого говнюка.* Вогнал бы домкрат прямо в лобовое стекло. Тогда бы он, этот мальчишка, валялся с расколотой головой, он топал бы сейчас в этом аду. Не я. Не я!

Чья-то рука скользнула вокруг его талии, и он вздрогнул.

– Не бойся, – хрипло проворковал чей-то голос. – Я пришла, чтобы тебе помочь.

Рядом с ним шагала незнакомая женщина, закутанная во множество шалей, вроде цыганских. Пахло от нее благовониями. Она окинула его зазывным взглядом.

– Я – Маделайна, королева кроведуний. Позволь мне помочь тебе, позволь найти то, что ты ищешь.

Она потянула его за собой, пытаясь увлечь к маленькой клетчатой палатке под вывеской в виде глаза с красной слезой. Рядом с палаткой стоял высокий мясистый тип в зеленой куртке, который пристально за ними наблюдал. Тренеру не понравился кричащий макияж женщины и дурацкий глаз, грубо намалеванный у нее на лбу. Но главное, ему совершенно не улыбалось иметь дело с человеком в зеленом – после всего, что ему пришлось пережить на пристани. Он отступил.

– Всего пенни, – отчаянно крикнула женщина ему вслед. – Один только пенни, и я приведу тебя домой, к тем, кого ты любишь.

Не обернувшись, Тренер побрел дальше. Он услышал музыку – у обочины стоял скрипач; печальная, завораживающая мелодия плыла вдоль по улице. Тренер прикрыл глаза; ему захотелось отдаться музыке, позволить ей подхватить себя, унести, – хоть на секунду забыть, что он мертв. Кто-то тронул его за руку. Он открыл глаза; перед ним стояла маленькая, хрупкая женщина. На лбу темнел небрежный мазок алой краски; одета она была в потрепанный плащ с капюшоном, из-под которого блестели большие темные глаза.

– Мать тебя ждет.

– Оставь меня в покое, – ответил он, выдергивая руку. Ее пальцы сжались сильнее, и тут... тут он *увидел* ее, увидел мать – мельком, на мгновение.

– Мать тебя ждет, – повторила она.

– Что ты знаешь о маме? – потрясенно спросил он.

Она кивнула в сторону прилавочка, прикрытого какими-то серыми тряпками.

– Сядь, и я расскажу тебе все, что смогу.

Он колебался.

– Я на «зеленых» не работаю. Заплатишь, что сможешь. – Казалось, она говорила искренне.

Вся мелочь, которая была у него с собой, осталась на пристани в карманах «зеленых»; у него остался только латунный свисток. Он достал свисток из кармана.

– Этого достаточно, – улыбнувшись, сказала она. И направилась к прилавку.

Сделав глубокий вдох, Тренер последовал за ней.

Глава 15

Чет, Ана и Джонни шли по главной улице Стиги. Чет заметил, что в магазинчиках здесь продавалась одежда и обувь, как и на прилавках, выстроившихся вдоль прибрежной дороги. Но сами вещи явно были получше и поновее. И оружие – не только палицы, но и мечи, ножи из стали, даже кольчуги. Встречались прилавки, на которых выложены были какие-то зелья и кресты; всюду пестрели вывески: кроведуны, гадалки, проводники, сапожники, «любая работа за монету». Многие вывески Чету были совершенно непонятны: «Костяная травка», почему-то с изображением сигареты, или: «Болотные копи – пять плотяков за сорок оборотов Ока». Были и такие, которые он, к своему сожалению, понимал чересчур хорошо – «Куплю плоть». То и дело его взгляд натыкался на людей в зеленых куртках, внимательно наблюдавших за всеми, кто проходил мимо.

– Поесть совершенно негде, – сказал Джонни.

– Поверить не могу, ты что, голоден? – спросила Ана.

– Нет, просто заметил. Есть что-то не хочется. А вам?

Чет и Ана помотали головами.

– В том-то и дело. Нам вообще надо есть? Или пить? Пить совершенно не хочется, но это, вон там, очень напоминает кабак. – Он указал на вывеску, висевшую над зеленой дверью: «Утопи свои печали». Тут же была намалевана бутылка с надписью «ЛЕТА». Заведение напротив тоже украшала бутылка с такой же надписью, но называлось оно без затей – просто «ЗАБУДЬ». Из дверей, шатаясь, появился мужчина с бутылкой в руке, он явно был не в себе. Он привалился к стене, а потом сполз вниз, усевшись прямо на землю. Рядом уже сидели на корточках несколько душ все с тем же мутным выражением на лицах.

– Они пьяны, – сказала Ана.

– Или под кайфом, – добавил Джонни, кивнув в сторону группки душ, теснившихся перед одним из прилавков. Они курили что-то из длинных изогнутых трубок.

Чет заметил, что многие продавцы тоже курили – либо самокрутки, либо длинные тонкие тростинки. Дым был явно не табачный; в нем присутствовал какой-то кислый, прогорклый дух, от которого щипало в носу.

Что-то врезалось Чету в ногу.

– По сторонам смотри, козлина, – слышался резкий голос. Это был мальчишка, на вид не старше шести. Их тут крутилась целая банда, около дюжины душ, и никому нельзя было дать больше десяти. Все, как один, злобно воззрились на Чета.

– Эй... Извини, – сказал Чет.

– В задницу себя извини, хреносос, – отвечал мальчишка.

– Ай-яй-яй, какие мы знаем слова, – сказала Ана.

Мальчик показал ей средний палец; он явно нарывался. И тут Чет заметил, что у всех детей были ножи либо заостренные палки.

– Ладно, – сказал он. – Пошли.

Они двинулись дальше, оставив позади детей с их колючими взглядами.

Повеяло благовониями, и женщина, закутанная в цыганские шали, зашагала рядом с Анной и окинула ее завораживающим и таинственным («по крайней мере, ей явно так кажется», – подумал Чет) взглядом. В сочетании с ее кричащим макияжем и намалеванным на лбу глазом эффект она производила скорее комический.

– Я – Маделайна, королева кроведуний.

Она подхватила Ану под локоток, пытаясь увлечь ее в сторону клетчатой палатки.

– Позволь, я помогу тебе найти тех, кого ты любишь.

– Те, кого я люблю, пошлют меня на хрен, – горько сказала Ана, с вызовом глядя женщине прямо в глаза.

Женщина отступила, выискивая в толпе более восприимчивую жертву.

На прилавке рядом с клетчатой палаткой был разложен небольшой арсенал. Чет ушло в голову, что с оружием у них троих будет больше шансов – или, по крайней мере, они будут представлять собой менее соблазнительную добычу. Он прикинул вес мешочка Сеноя, гадая, что они могут себе позволить. Шагнул к прилавку; продавец торговался с какой-то женщиной за пару ботинок. К ним подошла девушка лет двадцати, не больше – дочка продавца, судя по их одинаковым острым носам.

– Сколько палица стоит?

Девушка взяла палицу в руки.

– Прекрасная вещь. Смотрите, на шипах ни пятнышка. Четыре плотяка.

– Плотяка?

– Да ты совсем еще сырой новичок, правда? Плотяки... Ка-деньги. Смотри. – Она выудила из кармана коричневую кожаную монету и продемонстрировала Чет. – Такие у тебя есть?

Чет потряс головой, и она немедленно потеряла к нему интерес,

повернувшись к следующему покупателю.

Чет вытащил пригоршню медяков.

– А этим я могу заплатить?

Глаза у девушки расширились.

– На это... Ну, на это вы можете купить все оружие на нашей улице.

Продавец вырос будто из-под земли и локтем отодвинул девушку в сторону.

– Сэр, да не нужна вам эта старая палица. – Покопавшись под прилавком, он выудил оттуда четыре стальных меча. – Выбирайте. Шлем от себя прибавлю. Может, кольчугу?

Тут Чет заметил стражника в зеленой куртке, который быстро приближался к ним с палицей в руке.

– Сэр, – продолжал продавец. – Слушайте, а как насчет двух мечей? Два...

Стражник встал прямо за ними, перекрывая путь к бегству. Ткнул палицей в сторону Чета и Аны.

– Вы двое. Стойте, где стоите. – Он бросил взгляд вниз по улице и, сложив особым образом пальцы, пронзительно свистнул.

Чет увидел знакомого типа в широкополой шляпе, который следил за ними у пристани. Тот стоял на улице довольно далеко от них и вертел головой. Стражник свистнул опять; на этот раз «шляпа» его заметил. Тут до Чета дошло, что в толпе вокруг них находится, по меньшей мере, десяток «зеленых», все с оружием, и все смотрят прямо на них.

Ана тоже их заметила и попыталась проскользнуть мимо стражника, который преградил им дорогу. Но тот живо ткнул ее палицей в живот, сбив с ног.

Вдруг, откуда ни возьмись, появился Джонни и что есть силы ударил стражника, явно застав того врасплох. Врезал ему по шее кулаком, потом два раза быстро стукнул в висок, одновременно всадив колено в живот. Стражник согнулся пополам.

Вооруженные «зеленые», крича и расталкивая толпу душ, пробирались к ним.

Чет подхватил Ану, вздернул ее на ноги и, перекинув ее руку через плечо, потащил прочь. Джонни выхватил палицу у поверженного стражника и, пнув его на прощанье в живот, последовал за ними.

На первом перекрестке Чет подался направо, потом свернул влево по переулку, – поворот, еще поворот, и вот они уже несутся по узким извилистым улочкам, разбегающимся во всех направлениях. Чет очень быстро потерял всякое понятие о том, где может быть главная улица, по

которой они шли раньше. Втроем они выбежали на небольшую площадь и остановились.

– Чувствуете запах? – спросила Ана.

Все вокруг было затянуто плотной дымкой. Воздух, казалось, можно было резать ножом: он был каким-то липким и вонял жжеными покрышками. Чет огляделся. Вокруг почти никого не было, кроме нескольких серых, каких-то потрепанных душ, которые несли на себе узлы или толкали тележки. Он глянул назад, в направлении, откуда они пришли, но «зеленых» видно не было.

Окружающие начали на них поглядывать – и взгляды были мрачные, не предвещавшие ничего хорошего.

– Надо двигаться дальше, – сказала Ана.

– Вот эта улица, похоже, идет вверх, на холм, – добавил Джонни.

Они пересекли площадь и направились вверх по узенькой улочке, – сплошь склады и мастерские, – лавируя между выбоинами и грудями мусора; то и дело им приходилось перескакивать через змеившийся по улице мутный, покрытый маслянистой пленкой ручеек. Решетки и трубы, торчавшие под немыслимыми углами из стен и крыш, извергали клубы пара и дыма, пятнавшего стены жирной копотью.

– Знаете, – сказал Джонни, – а ведь это была моя первая настоящая драка. Круто, когда есть возможность врезать какому-нибудь уроду. Вы просто не представляете, с каким приходится мириться дерьмом, когда прикован к коляске. Люди пьются, несут всякую тупую херню, все, что им только в голову взбредет. – Он хлопнул ладонью по ладони. – Это было круто.

Из открытой двери хлынула волна жара. Чет увидел людей с почерневшей, обожженной кожей, которые били молотами по наковальне перед пылающим горном, а другие в это время раздували огромные меха, обдавая булыжники мостовой каскадами искр. В другой мастерской они увидели сложенные в штабеля кости всех форм и размеров, некоторые – просто гигантские, как у слонов или динозавров. Души-работники вращали колеса, соединенные системой ремней с циркулярной пилой, а другие проталкивали под лезвие кости, разрезая их на доски, как древесину.

Ана остановилась, указывая куда-то пальцем, но Чет уже увидел и сам: впереди на стене здания висели десятки отрубленных голов. Когда они подошли поближе, Чет увидел под головами табличку: «ВОРЫ». Он глянул в забранное решеткой узкое оконце и увидел рабочих, которые разгружали тележку с вязанками дров. Вот только вдруг он понял, что это были не дрова, а руки и ноги, даже несколько торсов, но, по большей части – кисти

рук, которые лежали грудami в корзинах вроде той, что он видел на пристани.

В глубине помещения, в чаду, другие рабочие рубили плоть на куски и бросали в дымящиеся, исходящие паром котлы. Чет разглядел внутри троих вооруженных мужчин в зеленых куртках, которые стояли, наблюдая за рабочими.

– Вас здесь быть не должно, – послышался голос откуда-то сверху. Чет поднял взгляд на висящие на стене головы. Большинство из них казалось высохшими, как мумии, но несколько явно наблюдали за ними.

– Что, заблудились? – спросила одна из голов, с длинными жидкими волосами и тощими усиками.

– Мы ищем Лобное место, – ответил Джонни к неудовольствию Чета. Ему казалось, что чем меньше народу знает о том, куда они направляются, тем лучше.

– Вот что я вам скажу, – произнесла голова, понизив голос. – Снимите меня отсюда, и я приведу вас прямо туда, куда вам нужно. Куда угодно. Что скажете?

– Тронете его – окажетесь рядом с ним, – вмешалась соседняя голова. Это была голова женщины с черными кудрявыми волосами. – Не советую перебегать дорожку «зеленым».

– Может, хватит совать нос в чужие дела? – спросила мужская голова.

– Просто идите дальше в том же направлении, – продолжала женская. – Придете на площадь Зеркал. Вы сразу поймете, где это. Потом сверните в первый переулок налево, он самый широкий. Идите туда. Он страшно петляет, но выведет вас в конце концов к подножию Голгофы. Вы поймете, что вы там, по всем этим идиотам с крестами.

– Делайте, как она говорит, и кончится тем, что вас разрежут на куски и съедят. Говорю же, вам нужен проводник. Вам нужен...

– Эй, – послышался резкий окрик. – Что вы здесь забыли?

Чет повернулся и увидел мужчину в зеленой куртке. Он стоял на пороге, сжимая в руках палицу.

– У вас здесь дело есть?

Чет потряс головой:

– Нет. Никаких дел.

Стражник окинул их подозрительным взглядом.

– Тогда вам лучше уйти. Вы же вроде куда-то направлялись?

Они быстрым шагом двинулись дальше. Когда прошли квартал или около того, Чет глянул назад. Стражник стоял на том же месте, глядя им вслед.

Глава 16

Ана боролась с нарастающим чувством клаустрофобии; переулок становился все уже, и рахитичные здания нависали над ними, готовые рухнуть, казалось, в любую секунду. Туман становился все гуще. Им приходилось огибать груды серых кирпичей и балок – или костей? – оставшихся от строений, давно павших под давлением времени. Небо постепенно темнело, и хлопья пепла все падали и падали вниз, как в замедленной съемке, усиливая ощущение, будто идущих потихоньку хоронят заживо. Интересно, подумала она, откуда берется пепел? Здесь что, где-то рядом вулкан? Или что-нибудь похуже? Тут ей припомнился черный знак с двумя красными буквами: «АД».

В боковом переулке, погруженном во мглу, сбились в кучу несколько душ. Трудно было сказать, женщины это были или мужчины: выглядели они как кучки костей, прикрытые какими-то тряпками, с серой, потрескавшейся, как старое дерево, кожей. Их медленно заносило пеплом, и Ана едва могла различить, где люди, а где строительный мусор и прочий хлам, в груды которого они лежали и сидели. Большинство просто пиялилось в стену, или вообще в никуда, но несколько душ проводили их взглядами. *«Какие голодные глаза»*, – подумала Ана.

Она глянула назад, в направлении, откуда они пришли. Им давно уже перестали попадаться по пути мастерские и магазины, только такие вот увядшие души.

– Твою мать, – сказал Чет, и Ана, проследив его взгляд, увидела нескольких душ, скорчившихся над грудой тряпья; казалось, они его едят. Ана все еще пыталась убедить себя, что это тряпки – а вовсе не то, что ей кажется, когда Джонни шагнул прямо к сгрудившимся душам, и те подняли головы, чтобы поглядеть на него. Теперь она ясно видела, что это был человек, мужчина, и его голова, туловище и единственная оставшаяся рука были сплошь покрыты зияющими ранами – следами укусов. Внутренне Ана уже была к этому готова – или, по крайней мере, так ей казалось, пока то, что они ели, не поглядело прямо на нее несчастными, умоляющими глазами. Его рот раскрылся в немом крике.

– О, Господи, – выдохнула она.

Джонни хлопнул палицей о землю.

– А ну пошли прочь от него! – заорал он, и души отступили, огрызаясь, как собачья стая, обратно в переулок, волоча за собой то, что

еще оставалось от того несчастного. Джонни сделал было шаг в их сторону, но Ана схватила его за руку.

– Нет!

Из мглы между зданиями на них пялились в ответ десятки глаз, и их становилось все больше, и больше. Она различила в глубине скопления душ, груды сплетенных, сросшихся вместе тел. Раздался шелест, все громче и громче: это они зашевелились, извиваясь, как черви в гниющем мясе, и начали подниматься из-под груд заплесневелых тряпок, костей и клочьев человеческих волос.

– Пошли, – сказала Ана и, заметив, что Джонни не двигается, не в силах отвести взгляда от происходящего, подхватила его под руку. – Быстро!

Они двинулись дальше, но теперь Ана внимательно глядела по сторонам. Иногда в переулках она видела их, эти голодные глаза, наблюдавшие за ними из теней. Ее вдруг охватила дрожь. *Ненавижу это место. Мать твою, как же я его ненавижу.*

– Эй... смотрите, – сказал Джонни. – Это, наверное, оно.

Они стояли на краю небольшой площади. По периметру площади возвышались шесть каменных столпов, выложенных обломками зеркал. Перед ними, неотрывно глядя в зеркала стеклянными глазами, сидели несколько душ. Какая-то женщина, всхлипнув, потянулась к столпу, глядя кончиками пальцев свое отражение.

Джонни подошел к одному из столпов, поглядел в зеркало и отпрянул. Он явно был поражен. Повернул лицо в одну сторону, потом в другую, изучая собственное отражение.

– Очень странно.

Ана подошла, взглянула на его отражение, но не нашла в нем ничего необычного. Потом взглянула на себя и ахнула. Это была она, и не она.

– Ана, как ты думаешь, сколько мне лет? – спросил Джонни.

– Не знаю. Семнадцать. Восемнадцать?

– Мне было тридцать семь, когда я покончил с собой.

Она посмотрела на него.

– Я такой, каким был... до... аварии. – Он коснулся стекла. – После аварии в зеркала я старался не смотреть. Мне было противно то, что я там видел. – Он ткнул пальцем в свое отражение. – Когда я думал о себе... Я видел вот его. Того мальчишку, который мог бегать, прыгать... Не эту несчастную, уродливую развалину, которой я стал. Думаю, все не так просто. Помните всех этих стариков на пароме? Они тоже изменились.

Ана вновь взглянула на свое отражение: «Он прав. *Это я, но другая,*

молодая я, до того, как все это случилось». Она уже было отвернулась, как вдруг заметила то, чего раньше не замечала: то, что было позади нее в зеркале. Это были не серые стены домов вокруг площади, а... Она подалась вперед, пристально вглядываясь в стекло: фон становился все более отчетливым.

– О... – У нее перехватило дыхание.

– Эй, – сказал Джонни. – Да это же моя старая комната.

Ана кивнула. Перед ней была их гостиная, та, в Сан-Хуане. Но до пожара. Изображение было таким... живым. *Господи, этот цвет.*

Джонни отвернулся от зеркала.

– Как же я ненавижу это место. Для меня это была настоящая тюрьма. Не хочу его больше видеть, никогда.

Ана коснулась ладонью стекла. *Господи, пожалуйста... хотя бы еще один шанс.*

– Нам пора, – сказал Чет. Ана услышала его, но не двинулась с места.

Чет положил руку ей на плечо.

– Ана, – сказал он тихим, но твердым голосом. – Ана. – Он потянул ее прочь от зеркала, но она стряхнула его руку, не отводя глаз от своего отражения.

– Подожди... Еще чуть-чуть.

Он обхватил ее руками, поднял и оттащил от столпа.

– Прекрати! – закричала она. – Твою мать, отпусти меня!

Чет развернул ее в сторону плачущей женщины и указал пальцем.

Та, всхлипывая, царапала стекло ногтями, будто надеясь проникнуть внутрь, а потом начала выть. Ана посмотрела по сторонам: перед зеркалами всюду сидели потерявшиеся в отражениях души.

– Я в порядке, – сказала она. – Можешь меня отпустить. Я все поняла.

Он разжал руки, но продолжал придерживать ее за спину, уводя прочь. Она еле сдерживалась, чтобы не оглянуться – ей так хотелось кинуть один, последний, взгляд в прошлое, заглянуть опять в то время, когда все было так хорошо.

Глава 17

В узеньком извилистом переулке не было ни души. Жались друг к другу полуобвалившиеся дома, и только тени глядели вслед незванным гостям из дверей и темных провалов окон. Покопавшись в гряде щебня и пыли, Чет нашел две крупных кости и отдал одну из них Ане. Вес палицы приятно оттягивал руку.

Через какое-то время туман обернулся мелкой моросью; крупная капля ударила Ану по носу, потом еще одна, еще, и еще.

– Да это шутка, наверное? – сказала она. – Дождь, здесь, внизу?

Они все шли и шли вперед, и стук капель вторил их шагам. Дождь мешался с пеплом, и раскисшие хлопья таяли, превращаясь на камнях мостовой в скользкую, липкую грязь. Вскоре они уже промокли насквозь.

– Джонни, – сказала Ана. – Ты сказал, что покончил с собой. Ну... ведь... Ты же вроде был полностью парализован?

– Непростая задачка, а? – Он ухмыльнулся уже знакомой им озорной улыбкой.

– Да, конечно, это не мое дело. Мне просто...

– Последние пятнадцать лет я занимался в основном тем, что искал ответ на этот вопрос. Ну, каким образом человек, у которого двигаются только рот, глаза и пара пальцев, может покончить с собой? Во-первых, можно откусить себе язык и истечь кровью. Много думал об этом, но так и не смог себя заставить. Еще можно не есть. Но этой возможности у меня на самом деле не было, пока мама за мной глядела. Кому охота, чтобы тебя кормили насильно, запихав в горло трубку? И в один прекрасный день я получил свой ответ в виде коляски с мотором.

– Инвалидной коляски?

– Ну, да! Такая ярко-красная. Эта чертова штука могла делать аж шесть миль в час. Управляется одним пальцем. Ну, столько-то у меня было.

Мама старалась, чтобы я проводил на свежем воздухе как можно больше времени. Солнце – это полезно, и все такое. Наш дом выходил задом прямо на участок моего дяди. Был у него такой маленький прудик, он сомов разводил. И мама, бывало, отвозила меня туда, посмотреть, как мои кузены удят рыбу. Ну, скажу я вам, нет ничего интереснее, чем наблюдать, как другие рыбачат. – Он рассмеялся, но Ане показалось, что как-то безрадостно.

– И вот она прикатила меня туда в этой моей новенькой

моторизированной коляске. И я спросил ее, не будет ли она так добра принести мне стаканчик минералки. И только она удалилась, я въехал на мостки, толкнул чертов джойстик, и вперед. На полной скорости прямо с края мостков, и – *плю-ух!* – Он для наглядности шлепнул по луже палицей. – Я был пристегнут к этой металлической штуке, так что пошел напрямиком ко дну. Там, внизу, свет такой красивый... Это надо видеть. – Тут его улыбка потускнела. – Уж конечно, к тому времени, как меня вытащили, было поздно. Я задержался немного. Ну, знаете, как оно бывает. Смотрел, как они меня вытаскивают. Может, еще бы остался, но тяжело было видеть маму. Она так убивалась.

Ана кивнула.

– Прости, Джонни. Не нужно мне было лезть с вопросами.

– Да не, все в порядке. Правда. То есть, так же лучше для всех. Я это сделал и для мамы тоже, не только для себя. Понимаете, она так обо мне заботилась... Получается, была прикована к этой коляске так же, как и я. Господи, как я надеюсь, что она теперь зажила, наконец, своей жизнью.

Ана коснулась его руки.

– Все равно мне очень жаль... И тебя, и твою маму.

Он улыбнулся.

– Не знаю, что нас здесь ждет, в этом месте. Но на данный момент я просто хочу наслаждаться свободой от кресла. И если тут есть хоть какой-то способ вести нормальную жизнь, я собираюсь его найти.

Они продолжили путь под аккомпанемент дождевых капель, срывающихся с покосившихся фасадов вокруг.

– А как насчет тебя, Ана? – спросил Джонни. – Как ты ушла?

Ана открыла было рот, чтобы ответить, но заколебалась.

– Не нужно ничего говорить, если тебе не хочется.

Ана сделала глубокий вдох:

– Передозировка.

– Наркотики?

– Нет. Да. Но не то, что вы думаете. Это было лекарство... От боли.

Приняла две упаковки за раз.

– Ты покончила с собой?

– Да, Джонни. Именно так это называется, когда съедаешь две упаковки таблеток за раз.

Он примолк.

– Прости, – сказала она. – Трудно об этом говорить. Просто... Я... Облажалась. По-настоящему облажалась. – У нее перехватило дыхание, и она замолчала, не в силах продолжать.

– Эй, – сказал Джонни, обнимая ее за плечи. – Не надо так себя...

– Нет! – Она стряхнула его руку. – Не смей меня утешать. Не надо. Я должна гореть в аду за то, что сделала.

Оба – и Чет, и Джонни – посмотрели на нее с удивлением и тревогой – тревогой за нее. Это-то ее и добило. Она больше не могла сдерживать слезы. Они хлынули ручьем.

– Я убила его. – Она резко остановилась. – Я убила моего малыша.

Теперь оба смотрели на нее с ужасом, но она знала, что заслуживает этого, заслуживает их презрения, их отвращения. Она отвернулась.

– Я подожгла дом. Все из-за гребаных сигарет. Сколько раз Хуан говорил мне не курить в постели? И знаете, меня это еще и бесило. Отвечала ему, что он мне не папа. И чем это кончилось?! – Она всхлипнула. – Проснулась от кашля, поняла, что задыхаюсь. Ковер пылал, и занавески тоже, будто их облили бензином. Дым был таким густым, что я двери не видела. Я его слышала, не могла не слышать. Мой малыш... Он кашлял, кричал. Он был там, у занавески. – Она всхлипнула опять. – Я пыталась до него добраться, Богом клянусь, пыталась. Не могла дышать. Дым жег глаза. Я все пыталась его найти. Искала, искала. Ползала кругами, шарила вокруг. И в какой-то момент потеряла сознание.

Она села на край тротуара и заплакала, уставясь на собственные ноги.

Джонни присел рядом.

– Если бы у Бога была хоть капля милосердия, он дал бы мне умереть вместе с ним. Но нет, этого не случилось, я очнулась в больнице. Ожог легких. Родители приехали за мной и забрали домой. И знаете, никто ничего не сказал. Только не мне... Только не то, что надо было сказать. Может, я и смогла бы жить дальше. Но когда я услышала, что Хосе дали отпуск, и он едет домой из Вьетнама... Ну, как я могла поглядеть ему в глаза? Как вообще можно глядеть в глаза человеку, зная, что ты убила его единственного сына? Можете вы мне это сказать?

Джонни потряс головой.

– Ну, тогда-то я и съела все эти таблетки. Просто хотелось, чтобы это кончилось. Не слышать больше, как малыш плачет у меня в голове. И вот я здесь. Я так понимаю, это и есть мое наказание... Мой ад. Придется вечно жить с тем, что я сделала.

Она спрятала лицо в ладонях. Джонни опять обнял ее за плечи. И в этот раз она его не оттолкнула. Спустя секунду она прикоснулась к нему пальцами, накрыла его руку своей. И ощутила покой – в первый раз после пожара.

Послышался стук. Вроде бы, откуда-то сзади.

– Нам надо идти, – шепотом сказал Чет.

Опять стук, непонятно откуда. Джонни вскочил, помог подняться на ноги Ане, и они втроем отправились дальше по узкой извилистой улочке, настороженно поглядывая по сторонам, в темные провалы дверей и окон.

Глава 18

Тони наблюдал, как отряд «зеленых», или, как они сами любили себя называть, «Защитников Свободных Душ», заполняет площадь. Тони висел на стене рядом с Брендой, той самой Брендой, которая постоянно затыкала ему рот весь последний месяц. Или год? Уверенности у него не было; время давно уже текло как-то странно. Он боялся, что ему уже осталось недолго, что вскоре он будет как те, другие головы, потерявшие рассудок и медленно обращающиеся в прах, вися на стене. Бренда, глупая болтушка Бренда, послала те души, свежатинку, туда, куда они там шли. И он не успел уболтать их взять его с собой. *«Такого шанса у меня не будет больше никогда, – подумал он. – Больше никогда».*

– Мэйси! – крикнул мужчина в широкополой шляпе. Звезды у него не было, но, совершенно очевидно, главным здесь был он.

В дверях показался запыхавшийся Мэйси.

– Карлос, – пролепетал он, едва не заикаясь, и застыл, увидев вооруженных стражников. – Знаю, мы отстаем от графика. Котел... опять эта штука перегрелась. Но... Большую часть ка нам удалось спасти.

Карлос подергал себя за ус. Вид у него был не слишком довольный.

– Мы ищем трех душ. Двое мужчин, один – рыжий, и женщина-латинос. Ты их видел?

Тони наострил уши.

– Да, – ответил Мэйси с явным облегчением. – Вообще-то как раз видел. Они шли вверх по улице.

– Ты с ними разговаривал? Слышал что-нибудь?

Мэйси потряс головой.

– Я видел, – вступил в разговор Тони, и чуть не пожалел об этом, когда жесткий взгляд Карлоса уперся в него.

– И?

Тони вдруг поймал себя на том, что лихорадочно подыскивает слова, зная, что попади он в тон, скажи ровно то, что нужно – и со стеной покончено.

– Ну... Ну, понимаете... Я вроде как надеялся, что мы можем заключить сделку? Я скажу, куда они направлялись, а вы снимите меня отсюда.

Выражение лица у Карлоса ничуть не изменилось.

Тони сглотнул.

– Мистер, все, о чем я прошу – это шанс. Я поеду с вами. Буду сражаться за вас... Все, что угодно. Только снимите меня отсюда.

– Ладно, – сказал Карлос.

– Ладно? Значит, договорились?

Карлос кивнул.

– Хорошо, сэр. По вам видно, что вы – человек слова. – Тони заколебался, зная, что ведет опасную игру. – Они спрашивали, как попасть на Лобное место.

Карлос обменялся взглядами с «зеленым», стоявшим рядом с ним.

– Наверное, кроведуна себе ищут.

– Тогда мы точно знаем, где они.

Карлос кивнул, и «зеленые» отправились дальше по улице.

– Ты идиот, – сказала Бренда. – Безмозглый идиот.

– Мы же договорились! – крикнул Тони им вслед. Но «зеленые» уходили с площади, один за другим исчезая в тумане.

– *Пожалуйста!* – закричал Тони, срываясь на всхлипы. – *Пожалуйста!*

Глава 19

– Мы заблудились, – сказала Ана.

– Нет, нам сюда, – ответил Чет, не желая признавать, что она может быть права. Они миновали уже столько развилок, что он и понятия не имел, куда они идут. Они стояли на очередном перекрестке, пытаясь понять, какая из трех дорог им нужна.

– Куда? – спросил Джонни.

– Понятия не имею, – сдался, наконец, Чет.

С одной из улиц до них долетел скрежещущий звук, который становился все громче. В ту же секунду из-за поворота вышли двое мужчин; они тащили за собой крест, сделанный из двух толстых досок, связанных издававшей виды веревкой.

– Слабó догадаться, куда они направляются? – спросил Джонни.

Когда они подошли поближе, Чет заметил, что оба туго обмотаны колючей проволокой поперек груди: шипы глубоко впивались в плоть, местами раздирая ее до кости. Мужчины с трудом волокли тяжелый крест, постанывая от боли.

– Лобное место? – крикнул им Чет. – Знаете дорогу?

Те, явно удивленные, подняли на него глаза. Тот, что повыше, выдавил из себя улыбку и сказал:

– Ты ищешь спасения, брат?

Чет кивнул:

– Вроде того.

– Что ж, ты на правильном пути, – ответил «крестоносец». – Голгофа здесь, совсем рядом. – Он кивнул в ту сторону, куда они шли.

– Спасибо, – сказал Чет и повернулся, чтобы идти.

– Иисус говорит с нами языком страдания, брат.

– Да? – ответил Чет. – Тут, похоже, все на нем говорят.

«Крестоносец» нахмурился.

– Ты еще новичок, это сразу видно. Ты же не видел еще его слова, там, на Старой стене?

Чет помотал головой.

– Так пойди и посмотри. Это откроет тебе глаза. «Блаженны страдающие во имя мое, ибо ждет их новая жизнь – Иисус Христос Всемогущий». Буквы в десять футов высотой. Сам Иисус написал их там. Написал для нас. Для тебя, брат! – Он буравил Чета взглядом, и с каждым

словом его голос звучал все более требовательно и сурово. – Иди с нами, брат. Спаси себя!

Чет всегда считал себя христианином, хотя и не слишком хорошим. Он прекратил ходить в церковь, как только смог вырваться из-под опеки тети Абигайль. Он никогда не испытывал потребности в проповедях и уж точно не нуждался в них сейчас. Улыбнувшись «крестоносцу», Чет двинулся дальше, вверх по склону холма, и его спутники последовали за ним. Через пару кварталов они наткнулись еще на одного прохожего, который нес в руке внушительных размеров молоток, а в перевязи на плече – ящик с железными шипами. Проходя мимо, он кивнул им и небрежно коснулся рукой полей своей соломенной шляпы.

– Думаю, мы пришли, – сказал Джонни.

Переулок вдруг распахнулся в широкое голое пространство, нечто вроде парка, окруженного низкой стеной. Склон холма уходил круто вверх, теряясь в тумане, и был весь усеян крестами – сотни, нет, тысячи крестов всех форм и размеров.

С разных сторон до них долетали стоны, крики, обрывки молитв, и до Чета не сразу дошло, что фигуры, свисавшие с крестов – это не статуи и не куклы, а души, мужчины и женщины. Кто-то был привязан к крестам веревками, но большинство было прибито к дереву железными шипами, пронзавшими руки, ноги, грудь.

– Думаете, они сами с собой это сделали? – спросил Джонни.

Чет и Ана кивнули.

Их нагнал человек с молотком и шипами.

– Выбирайте крест. Тут полно свободных. За две монеты я вас приколочу. За три добавлю еще терновый венец. Ладно уж, сделаю вам на троих групповую скидку. Пойдет?

– Звучит чертовски соблазнительно, – ответил Джонни.

– Я – лучший. Кого угодно спросите. Так прибью, что никогда не свалитесь. Слово даю.

Они продолжали идти.

– Слушайте, я просто не могу видеть, как добрые души лишают себя царствия Христова. Вот что я вам скажу – как насчет по монете с носа? Групповая скидка! А? Лучшей сделки вам не предложит никто. Что скажете?

– Отгребись, – рявкнула Ана.

Тот пожал плечами и, заметив какую-то женщину, с растерянным видом бродившую меж крестами, направился к ней.

– Ну, не знаю, Ана, – проговорил Джонни. – По-моему, групповая

скидка – это совсем неплохо.

Она покачала головой.

– Что за долбанутое место!

Он пошли дальше, мимо небольшой толпы душ, которые истязали друг друга хлыстами, вознося хвалу Иисусу с каждым ударом. Какой-то юродивый протягивал им свои отрезанные ноги. Прямо посреди дороги сидела женщина; на ней не было живого места: отовсюду торчали шипы и гвозди. Поймав их взгляд, она улыбнулась:

– Я иду в Рай.

– Смотрите, это здесь, – сказал Чет, указывая на вырезанных в камне воронов.

Миновав арку с шестью вóронами, они остановились. Из-под арки вниз, исчезая в тумане, уходила широкая лестница. Балконы, террасы и галереи по обеим сторонам лестницы вели дальше, к зданиям, напоминавшим то ли храмы, то ли мавзолеи. Изыщные, чудесных пропорций здания все лежали в руинах – поваленные колонны, обрушившиеся арки, поваленные, закопченные стены.

– Вряд ли это здесь, – сказал Джонни.

Чет заметил пару – мужчину и женщину, – которые рылись в развалинах, складывая в тележку кирпичи и доски.

– Здравствуйте! Эй. Прошу прощения!

Никакой реакции.

– Эй! – повысил голос Чет. – Я просто хотел спросить.

Те испуганно вскинули на него глаза. Женщина подозрительно сощурилась.

– Что тебе надо?

Мужчина выпустил из рук доску, которую он тащил к тележке, и положил руку на рукоять ножа, торчавшего у него за поясом.

– Спокойно, спокойно, – сказал Чет, поднимая руки. – Нам не нужны неприятности. Мы просто ищем кроведунов.

– Они все ушли, – ответил мужчина. – Опять эти Защитники. Выжили их отсюда.

– Эти ублюдки, «зеленые», потихоньку подминают тут все вокруг под себя, – добавила женщина. – Уж наверно, как Алая Леди узнает, что они тут натворили, сразу выйдет на охоту. Я слышала, когда она мстит, это просто *конец света*. Но между нами, я бы не прочь посмотреть, как этим «защитничкам» зададут хорошую трепку.

– Да уж, – сказал мужчина. – Тут многие считают, что будет лучше, когда древние перестанут совать нос в наши дела. Но по мне, лучше уж

выжившие из ума боги, чем эти зеленые уроды.

– Так, значит, кроведунов больше нет? Нигде? – спросил Чет.

– Ну, разве только эта госпожа паучиха, – ответила женщина. – Она все еще здесь. Нужно что-нибудь покруче, чем эти «зеленые», чтобы выжить ее отсюда.

Ее спутник потряс головой.

– Ну, я бы никому не советовал к ней соваться. Она – страшное создание. Видел, как люди заходили к ней, и больше никогда не выходили обратно.

– Да чего ты вообще знаешь, Бернард. – Женщина взглянула на Чета. – Не обращайтесь на него внимания, вечно он все преувеличивает. Вон ее храм, там, видите? – Она указала рукой. – Отсюда можно разглядеть. Тот, с зеленым куполом.

Чет поблагодарил ее, и все трое отправились дальше, вниз по лестнице.

– Ана, ты только посмотри на небо, – сказал Джонни. – Какие краски! Видала когда-нибудь такое?

Чет поднял глаза – все они поглядели вверх – и замер, глядя на клубящиеся, отсвечивающие медью облака, пронизанные мерцающим светом; далеко внизу, в залитой туманом долине, трепетали огоньки факелов. Еще дальше виднелись горы, а за ними, далеко-далеко, – окрашенные заревом тучи. Было красиво.

– Ребят, а вам никогда не приходило в голову, что всего этого просто нет? – спросил Джонни. – Может, это все – просто одна большая галлюцинация, ну, пока я тону?

– Ну, если так, – ответила Ана, – давай уже закругляйся. Мне хотелось бы покончить со всем этим как можно скорее.

– Похоже, темнеет, – сказал Джонни. – Интересно, ночь тут у них бывает?

Они направились к храму с зеленой крышей по прихотливо изогнутой террасе, заваленной обломками мебели, разбитыми вазами и мокрыми, засыпанными пеплом коврами, которые хлюпали у них под ногами. В конце террасы, под аркой, была красная дверь с двумя узкими окошками по сторонам. Над дверью были наклеены красной краской слова: «БОГОВ НЕ КОРМИТЬ».

Чет подошел и заглянул в окно, пытаясь хоть что-нибудь разглядеть. Внутри было совершенно темно. Когда он шагнул к двери, то заметил, что она явно была взломана, и недавно, а потом кто-то – не слишком умело – пытался все починить. Он постучал. Подождал. Тишина.

– Мы, похоже, опоздали, – сказала Ана.

Чет постучал опять, громче.

– Попробуй открыть, – сказал Джонни.

Чет навалился на дверь. Та поддалась на несколько дюймов. Чет нажал посильнее, дверь приоткрылась шире, и тут Чет обнаружил, что к его горлу приставлен наконечник копья.

– По какому делу? – прошипел из теней чей-то голос. – Быстро!

– Э-э... паучиха? Я ищу ведунью... кроведунью.

Обладатель свистящего шепота выступил вперед: это был карлик с торчащей во все стороны бородой и неистовыми глазами.

– Ее здесь нет. А теперь уходите.

– Мне надо увидеть ее... Нужно кое-кого найти. Я заплачу.

Карлик нажал на копьё.

– Повторять я не буду. Уходите.

– Нас сестры послали, – сказала Ана. – Ты понимаешь, кого я имею в виду?

– Да хоть сам Иисус Христос...

– Отис. – Голос струился словно шелк. – Проведи его к нам.

Отис, поморщившись, покачал головой.

– Если вы работаете на «зеленых», свои головы отсюда вы не унесете.

– Я на них не работаю.

– Палицу оставь здесь.

Чет положил палицу на землю.

Карлик указал куда-то в глубь прихожей.

Чет шагнул внутрь. Джонни и Ана собирались было последовать за ним, но карлик ткнул в их сторону копьем.

– Вас никто не приглашал.

Джонни начал было спорить, но Чет покачал головой. Джонни, шумно вздохнув, отступил.

– Ладно, но мы никуда отсюда не уйдем, человечек. Так что смотри, берегись.

Карлик, навалившись, захлопнул дверь и подпер ее доской.

Чет разобрал в другом конце прихожей что-то вроде туннеля, исчезавшего в темноте. Он заколебался.

– В чем дело? – ухмыльнулся карлик. – Уже передумал?

Чет набрал в грудь воздуха и двинулся вглубь по проходу. Тусклый, грязноватый свет остался позади, оставив его в крошечной темноте. Он вдруг понял, что совершенно один, что карлик за ним не пошел. Он продвигался вперед по неровному полу маленькими, осторожными шагами,

ожидая, что в любую секунду ощутит под ногами бездонную пустоту. Споткнулся, ухватившись за стену, и ощутил, что его рука упирается во что-то липкое и волокнистое. Он отдернул руку и вынудил себя идти дальше. Вскоре его шаги подхватило эхо, и, хотя он все еще ничего не видел, стало понятно, что он вошел в какое-то большое – видимо, подземное – помещение. В воздухе витали запахи корицы и мяты, но Чет показалось, что они были призваны замаскировать другой, не такой явный, но настойчивый запах гнили и разложения.

Он остановился.

В темноте кто-то дышал: легкий, прерывистый звук. Кто-то обходил его кругом, все ближе и ближе.

– Ты боишься, моя маленькая мушка? – Шелковый голос, женский голос.

– Мне нужна ваша помощь.

Перед ним возникли шесть маленьких светящихся сфер. Они моргнули.

– Подойди ближе, чтобы мы могли получше тебя разглядеть.

Чет сделал шаг вперед.

– Глядеть особенно не на что. – В голосе явственно звучало разочарование. – Еще одна несчастная душа, еще одна несчастная история.

Над сферами медленно разгорелось зеленоватое сияние. Камень – изумруд? – в тонкой плетеной оправе. Свет был достаточно ярким, и Чет увидел, что сферы были очами на бледном овальном лице – крошечными, не больше горошины, глазами, рассыпанными по белому лбу. Само лицо было удивительно женственным и прекрасным, несмотря на всю свою странность. Еще два глаза, совершенно человеческих, смотрели на него со своих обычных мест, а седьмой, самый большой глаз помещался в середине лба, в окружении шести остальных. Этот глаз оставался закрытым.

– Так, значит, сестры послали тебя к нам?

Чет кивнул.

– И Алая Леди – она до сих пор покровительствует им?

Он снова кивнул.

Неестественно тонкая, изящная рука потянулась к еще одному драгоценному камню и коснулась его длинным, будто щупальце, пальцем. Камень начал светиться. Поднялась другая рука, и еще одна, и еще – всего шесть. Каждая рука касалась своего камня и каждый камень пробуждался к жизни, омывая странное создание волнами мягкого света. Камни украшали кресло или, скорее, трон тонкого, кружевного плетения: нити разбегались, исчезая в темноте, повсюду. В неверном, колеблющемся свете Чет

казалось, что нити движутся, вновь и вновь складываясь в сложные, постоянно меняющиеся узоры. Та, что сидела перед ним, изящно сложила руки на груди и спросила:

– Ты правда видел ее? Алую Леди? Собственными глазами, в Стиге?

– Да. Ошибки тут быть не может.

Ее лицо приняло задумчивое выражение. Ее рот – маленькое темное пятнышко – сжался, превратившись чуть ли не в точку.

– И все же она бездействует. – Она стиснула свои маленькие, белые как кость руки.

Камни постепенно разгорались, и Чет разглядел ее сложного плетения венец с двумя маленькими рожками, торчащими по сторонам, с поблескивающими там и сям камешками и бусинами, вплетенными в мягкую ткань. Ног у нее не было, только руки; ее тело было укутано в многослойное одеяние из черных кружев, закрывавшее ее от запястий до узенького подбородка. Невероятно узкая талия – Чет мог бы обхватить ее двумя пальцами – и широкие бедра наводили на мысль о стиснутой корсетом викторианской леди во всем ее великолепии.

– Как видишь... У нас были гости, – сказала она горько. – С крайне дурными манерами.

Чет глянул вокруг; помещение, в котором они находились, было явно кем-то разгромлено. Всюду валялись обломки мебели и осколки керамики, а также обломки чего-то, напоминавшего гигантский ткацкий станок. Еще он заметил раскиданные всюду маленькие ручки, ножки и головы – шок, отвращение, – но тут до него дошло, что это были куклы, растерзанные, изодранные шелковые куклы, так похожие на мертвых детей.

– Как тебя зовут?

– Чет.

– Просто Чет?

– Чет Моран.

– А как меня зовут, ты знаешь?

Он покачал головой; она явно была разочарована.

– Я – Ивабог. – Она замолчала, вглядываясь в его лицо. – Ты слышал это имя? – Ее голос звучал чуть ли не умоляюще.

Он опять покачал головой.

– Никогда? Ни разу за все то время, как ты был на Земле?

Он пожал плечами.

Ее лицо омрачилось.

– Это нелегко, когда тебя забывают. Этого-то они и хотят... Эти безбожники. Они сжигают храмы, и все же Алая Леди бездействует. – Она

махнула своей тонкой рукой в сторону обломков. – Они осквернили мое святилище. Это предупреждение, сказали они. Уходи, сказали они. Уходи, или гори огнем. – Ее взгляд обратился к потолку. – Я не могу уйти, – продолжала она надтреснутым голосом. – Я люблю их, моих мужей... Каждого из них. Они – мое сердце... Моя душа.

Чет проследил за ее взглядом, и у него перехватило дыхание. Над ним, покачиваясь, висели фигуры, завернутые в шелковистые кружевные коконы, и было их около двадцати.

– Если я уйду, некому будет их защищать. Они сгорят вместе со всем остальным, и тогда... Тогда я буду забыта, по-настоящему забыта.

Она примолкла; ее человеческие глаза затуманились печалью. Она закрыла их, закрыла все свои очи.

Несколько минут Чет ждал – ждал, пока она заговорит, откроет глаза, сделает хоть что-нибудь.

– Мэм...

Казалось, она его не слышит.

Он повысил голос:

– Мэм... Мэм?

Ее глаза медленно распахнулись, и она поглядела на него, будто видит его впервые.

– Мне очень жаль, что так произошло, – сказал Чет. – И мне страшно неловко беспокоить вас в такое время, но... Понимаете, вы, на данный момент, – мой единственный шанс. Так что... Я тут надеялся, может, вы сможете мне помочь? Найти моего деда?

Она продолжала молча глядеть на него.

Чет сглотнул.

– Я могу заплатить. – Он развязал мешочек, достал пригоршню медяков и показал ей.

Она взглянула на медные монетки. Вздохнула:

– Когда-то, в лучшие времена, там, наверху, они угощали меня песнями и танцами, плодами жатв своих, плотью стад своих. Они давали мне себя, давали испить своей крови. Иногда они даже приносили мне своих детей. И ничего не просили взамен, только мое благословение. Так ли я говорю, Иван? – ее взгляд вновь обратился вверх, к висящим под потолком телам.

Сверху донесся стон; Чет вздрогнул. Он вдруг заметил, что одно из тел корчилось в своем коконе.

– Они любили меня. Все они. И я... Я любила их. Но теперь их осталось так мало. – Ее взгляд уперся в Чета. – Ты свежий. Все еще не

тронут тленным дыханием смерти. – Тут ее средний глаз открылся, и воззрился прямо на него, пульсируя зеленым светом. Чет попытался отвести взгляд, и не смог.

Она подалась вперед, к нему, протянула свою нежную руку и коснулась щеки Чета тыльной стороной пальцев – легчайшая из ласк.

– Твоя плоть все еще такая мягкая. Податливая.

По позвоночнику прокатилась волна холода. Он знал, что нужно бежать, но не тронулся с места.

Она скользнула вперед, так, что их лица разделяла всего пара дюймов; ее губы возле его уха. Ее дыхание у него на шее.

– Я столько могу дать тебе. – Она была у него в голове, в сердце, как нежная песнь. Он чувствовал себя таким спокойным, таким любимым.

– Приди в мои объятия.

Но, закрыв глаза, он больше не видел паучиху, не чувствовал ее в своем сердце. Он видел Ламию – Ламию, скорчившуюся над его телом, пьющую его кровь. «*Нет*», – подумал он.

– Нет. – Он резко отстранился, вырвавшись из ее хватки. – *Нет*.

Ее рука повисла в воздухе, пальцы опустились, как увядшие лепестки. Она прижала руку к груди, баюкая, как больного ребенка. Ее средний глаз закрылся. Она глядела на него в явном недоумении, которое мало-помалу сменилось гневом. Ее темные губы раздвинулись, обнажив мелкие, острые зубы. Все шесть рук сжались в крошечные кулачки.

– Я не буду *ведать*. Ни для тебя... Ни для кого другого... Никогда больше. Все *кончено*. – Ее голос становился все выше, пока она не перешла на визг: – *Все кончено. Кончено. Кончено!*

И тут ее ярость внезапно угасла. Она обмякла, будто из нее выпустили воздух, и села – чуть ли не повалилась – обратно на свой трон. Глубокий вздох, почти стон, вырвался у нее из груди.

– Какой же я стала жалкой. Какой ничтожной. А ведь были времена, когда вся Земля была моей игрушкой, когда мужчины и женщины выстраивались в очереди, чтобы стать моими; они глаза были готовы себе вырвать, добиваясь моей благосклонности. А теперь никто даже имени моего не помнит. Ни наверху, на Земле, ни внизу, в смерти. Что же осталось, если я не могу соблазнить даже какого-то простофилю?.. – Ее голос угас. – Пусть жгут мой храм, жгут вместе со мной, потому что со мной покончено... Покончено навсегда.

Она закрыла глаза.

Чет ждал, ждал, сколько мог, нервно поглядывая по сторонам и переминаясь с ноги на ногу.

– Мэм?

Она не ответила.

– Мэм, пожалуйста.

Нет ответа.

– Мэм, я не знаю, куда мне еще идти. Молю вас – если это то, что вам нужно. Я дам вам свою кровь... и плоть. Только скажите, чего вы хотите.

Она не отвечала; не двигалась, даже не дышала. Он все ждал, и минуты медленно катились мимо, пока, наконец, ему не пришло в голову, что ее, может, уже здесь нет, она просто ушла. Он сделал осторожный шаг вперед, наклонился над ней, заглянул в лицо. «Она мертва», – подумал он. Точно мертва. Он протянул руку и коснулся – совсем легонько, одним пальцем – ее локтя.

Вспышка движения. Острая боль.

– А-а, твою мать! – вскрикнул Чет, отшатываясь и хватаясь за шею.

Она сидела, подняв вверх руку; в ее глазах плескалась ярость. На кончике ее острого ногтя чернел сгусток его маслянистой крови.

– Ты... За что? – проговорил он, еле ворочая языком. У него помутилось в глазах. Чет тяжело осел на пол.

– Ты посмел притронуться ко мне, ничтожество? – прошипела она. – Прикоснуться к божеству. Ты хоть знаешь, что за это полагается? Может, меня и позабыли, но я все еще богиня, а не какая-то жалкая гадалка, паясничающая за гроши! А теперь уходи. Уходи, пока я не высосала из тебя душу, всю, до последней капли. – Она слизнула с пальца его кровь.

Чет добрался до перевернутого столика и, подтянувшись, попытался подняться на ноги, но они тут же разъехались опять.

Она наблюдала за ним, явно забавляясь, но вдруг ее выражение совершенно переменялось. Она облизнула губы, будто пробуя на вкус что-то горькое. Нахмурившись, уставилась на свой палец.

– Не может быть. – Она вновь облизнула ноготь, и ее глаза вспыхнули, замерцали. Она подалась вперед.

– Кто твоя мать, Чет Моран?

– Моя мать?

Она ждала.

– Синтия.

– Синтия. Нет... Не так. Твоя бабушка. Как ее имя?

– Ламия.

– Ламия? – Она постучала по губам кончиком пальца. – Да, Ламия, одна из лилит. Были еще ее сестры, Ишет, Игритт, еще кто-то... Не помню, как их звали, но Ламию я запомнила. Она была самой неистойвой, демоном,

с которым нельзя было не считаться. – Она окинула Чета любопытствующим взглядом. – И как же это может быть, что в тебе течет кровь Ламии? – Она явно рассуждала вслух. Вдруг глаза ее расширились. – Скажи... Ламия, она до сих пор на Земле, наверху?

Чет кивнул.

Ивабог умолкла, явно размышляя.

– Ламия, эта баламутка... Кто же еще? У кого еще хватило бы воли, упорства, силы духа. – Она улыбнулась. – Так, значит, по крайней мере одна из древних бродит еще по Земле. Единобогам назло. Она – чудо.

– Она *убийца*. Она убила меня. И, думаю, она убила еще многие сотни. Сотни детей.

– Тысячи.

– Что?

– Она сразила тысячи... Может, десятки тысяч.

– И ты называешь ее чудом?

– Она – лилит, – сказала Ивабог так, будто это оправдывало все.

– Она – зло! Демон! Ты же сама сказала!

– А кто сказал, что – зло, а что – нет? Этот бог, Христос, пытался подчинить ее своей воле. Подчинить всех лилит. Хотел заставить их служить людям. Вынашивать их детей. – Ивабог улыбнулась. – Лилит обратили это себе на пользу. Клянусь звездами, они это сделали! – Она просияла. – Использовали свою же кровь не для того, чтобы множить число людей, а чтобы *питаться* ими. Прямо греет душу. – Паучиха улыбнулась. – И теперь я слышу, что она до сих пор жива, до сих пор топчет землю там, наверху... Луч света в сумерках богов. – Ивабог внимательно поглядела на Чета. – И все же твой дух каким-то образом избег ее чар. – Ее голос опять изменился; теперь он звучал чуть ли не игриво. – Ну, Чет Моран, дитя крови Ламии, ты и загадка. Любопытная диковина. Подойди-ка поближе.

Чет замер.

– Подойди, не бойся.

Чет не двинулся с места.

– Тебе же хочется найти деда? Иди сюда, я тебе покажу.

Чет бросил взгляд вверх, на тела, висевшие под потолком. Инстинкт твердил ему о побеге. Но вместо этого Чет поднялся на дрожащие ноги и, пошатываясь, подошел к трону. Он осознавал, что делает глупость, но выбора не было. Паучиха взяла его за пальцы обеими руками и подтянула поближе. Третьей она сжала его запястье. Четвертая рука пробежалась пальцами по одному из камней, светившихся в кружевном троне. Выдвинулся ящичек, в котором лежали крошечные фиалы и булавки –

десятки и десятки, самых разных цветов, форм и размеров. Она выудила из ящичка один из фиалов и подняла к глазам, изучая его темное содержимое.

– Покажи свою метку.

«Она знает, – подумал он. – Ну, конечно же, знает». Он раскрыл ладонь.

– А теперь пенни.

Он вытащил монетку и отдал ей.

Внимательно осмотрев монетку и даже попробовав ее на зуб, она, казалось, осталась довольна.

– Медь связывает чары, связывает все чары. – Она положила пенни Чету на метку и, вытащив пробку, поднесла фиал к его ладони. – Нам нужно ослепить Люцифера. Когда ведешь по крови, двери открываются в обе стороны.

Она наклонила фиал; тяжелая капля упала на медную монету. Раздалось шипение, и руку Чета пронзила острая боль: расплавленная медь впитывалась в клеймо Люцифера. Паучиха крепко вцепилась Чету в запястье, и он стиснул зубы, поражаясь ее силе. Метка вспыхнула, налилась алым, а потом погасла – утихла и боль.

Ивабог накрыла его ладонь своей, крепко сжала руку и закрыл все свои глаза. Светившиеся в троне изумруды померкли. Вдруг ее рука стала теплой, и глаз, тот, что в середине лба, открылся. И Чета опять затянуло – все глубже и глубже. Он чувствовал на себе ее руки, ее пальцы, как они ползут вверх по его плечам, по шее, по лицу, перебирают волосы, шарят, ищут. У него было такое ощущение, будто они уже внутри его головы – четыре маленьких паучка ползают, перебирая лапками, у него в мозгу.

– Нет, – сказал он ей, вот только он говорил это не на самом деле, а у себя в голове. – Мой дед. Мне нужно найти моего...

– Такова плата, – прошипела она. – Покажи мне ее, и я дам тебе твоего деда. – Думай о ней. О Ламии.

Чет сделал так, как ему было сказано, чувствуя, что выбора у него особого нет. В памяти всплыло его первое воспоминание о Ламии – как они вместе ловили лягушек. Всего на секунду. Паучки у него в голове немедленно вцепились в картинку; казалось, они перебирают его воспоминания, словно струны на арфе. Картинки вспыхивали одна за другой: вот Ламия приглашает их с Триш в дом, Ламия кормит их обедом, Ламия смеется, Ламия пьет его кровь.

Ивабог застонала от напряжения, и паучки запустили свои коготки еще глубже. Еще видение. Оно казалось реальным, будто то, что он видит, происходило прямо сейчас: Ламия стоит над Триш. Триш, не моргая,

таращится в стену, будто ее накачали наркотиками. «Нет», – сказал он у себя в голове.

– Нет, – простонал он. – *НЕТ!*

Богиня-паучиха отпустила его. Видение исчезло.

Чет ахнул, пошатнулся и упал. Он чувствовал себя сдувшимся воздушным шариком.

Ивабог тоже осела на троне, обессиленно повесив голову. Все ее глаза были плотно закрыты.

– Это было по-настоящему? – спросил Чет. – Последнее, что мы видели? Это ведь происходит прямо сейчас? Да?

Вздохнув, она кивнула.

– Да. Мы к ней прикоснулись. – Богиня открыла глаза.

– Что это она делала с Триш?

– Триш – это твоя жена?

– Да.

– Она ждет ребенка?

– Да.

– Твоего ребенка.

– Что? Да, конечно.

– Значит, дочь.

Чет гадал, откуда это ей известно.

– Ламия – древний демон, один из первых врагов человеческих. Но она – единственная в своем роде, даже среди демонов, потому что питается она своей собственной кровью. Понимаешь, что это значит?

Чет потряс головой.

– Она ложится с человеческими мужчинами и передает свою кровь потомству, кровь смешивается, и именно эта-то смесь – то, что ей нужно.

– Питается? Что... *своими собственными* детьми?

– Или внуками. И даже правнуками.

– Моя мать... Она была одной из этих... *лилит*?

– Нет, лилит – это душа, демон, который перебирается из одного тела в другое. Но вы с матерью оба несли в себе кровь лилит. Твоя мать должна была стать следующим сосудом; но что-то, наверное, этому помешало. Так?

– Сосуд? Как это?

– Душа лилит – скользкая штука... Она способна выползти из одного тела и вползти в следующее. Понимаешь? Ее бессмертие зависит от того, успеет ли она захватить новый сосуд прежде, чем умрет старый, и этот сосуд должен быть женского пола, и принадлежать к ее же потомству, иначе ее душа не сможет в нем укорениться. Она ложится с мужчинами, чтобы

произвести потомство, сыновей и дочерей, не только ради пищи, но и для того, чтобы – в случае с дочерьми – у нее всегда был наготове новый сосуд. И так раз за разом, век за веком, тысячелетие за тысячелетием – она передает кровь своему потомству, а потом забирает ее назад – снова и снова.

– *Питается своими собственными детьми*, – прошептал Чет. Его сознание упорно отказывалось принять эту мысль. «*Она знала*», – подумал он. Вспомнил голос Ламии, звучавший у него в голове, как она звала его домой, звала к себе. Стиснул зубы, вспомнив, какой радостью озарилось ее лицо, когда она узнала, что у Триш будет девочка.

– Она вырастит твою дочь, питаясь ее кровью, подготавливая ее. Когда почувствует, что девочка готова, она захватит ее тело... А душу выбросит.

Чет подумал о виденных им детях, об их печальных, отчаянных, вечно страждущих глазах.

– Там дети были, призраки – сотни, наверное... Они всюду следовали за ней. Это все были... были *ее* дети?

Ивабог кивнула.

– Но... Их было так много.

– Мне жаль, Чет Моран. – Впервые он увидел в глазах паучихи нечто, похожее на сочувствие. – Когда она заберет себе тело твоей дочери, та превратится в еще одну несчастную душу, бредущую за лилит до скончания дней.

Мысли лихорадочно метались у Чета в голове; он пытался найти во всем этом хоть какой-то смысл. Ему вспомнилось, как он начал слышать голос Ламии, вскоре после того, как она пометила его своей кровью на похоронах матери. Потом задумался о том, что, может, мать тоже слышала этот голос, что он-то и свел ее с ума. И у него все стояло перед глазами лицо Ламии из видения, ее жадный взгляд, направленный на Триш. «*Я остановлю ее*, – подумал он. – *Чего бы это ни стоило, я добуду Сеною ключ*».

– Никогда бы не поверила, что это возможно, – задумчиво сказала Ивабог. – Одна из древних все еще ходит по Земле. Каким-то образом она научилась скрываться от Габриэля и его своры.

Чет взглянул ей в глаза.

– Свора Габриэля? То есть, ангелы?

– Для кого-то – ангелы, для кого-то – жестокие убийцы. Это они устроили облаву на древних. На всех нас. Кого-то уничтожили, кого-то изгнали в Нижний мир.

Чет ощутил прилив надежды. Если ангел и вправду был настоящим, и

Ламия действительно была его врагом, то у Чета оставался шанс ее остановить.

– Мне нужно найти деда. Ты дала обещание.

– Да. Мы найдем твоего деда. Просто... Дай мне секунду. – Она опустила руку в ящичек, достала алый фиал. Вытащила пробку и сделала маленький глоток. Посидела неподвижно с минуту, будто собираясь с духом. – Ладно... Давай руку. – И вновь ее ладонь поверх его. Открылся средний глаз. – Увидь его. Увидь своего деда. Позови его.

– Гэвин Моран.

– Ищи. Отпусти себя, *ведай*.

«Гэвин», – подумал Чет, отпуская сознание на свободу. Гэвин. Возвратились паучки, вот только в этот раз они *ведали* вместе с ним, взывая к Гэвину.

Тени соткались в высокую темную фигуру человека, стоявшего на краю скалы; Чет у был виден только силуэт, но он сразу понял, кто это. Почувствовал. «Гэвин», – позвал он у себя в голове. Проявились детали: длинное узкое пальто – полы трепещут на ветру; шляпа-пирожок с плоскими, потрепанными полями; сапоги до колен; через грудь – перевязь с патронами; и пистолеты – огромные пушки в кобурах у каждого бедра.

Человек держал что-то в руках. Меч. На земле перед ним – женщина, руки связаны за спиной. Сапог человека в пальто – сапог Гэвина упирался ей в шею. Вокруг него, повсюду, валялись обезглавленные тела – десятки тел; у его ног растекалась, алея, лужа крови. Изображение то расплывалось, то фокусировалось вновь. И вдруг запах свежей крови ударил Чет у в нос; он услышал стоны – это стонала женщина на земле. Гэвин с каменным лицом поднял меч, но заколебался и повернул голову, будто кого-то выглядывал. Мрачный взгляд его темных глаз уперся прямо в Чета. И Чета пробрала дрожь. Эти глаза были холодными, мертвыми и напрочь лишенными всякой человечности.

Откуда-то издалека послышался крик. Кричала, похоже, Ана. Грохот. Кто-то барабанил в дверь. Паучки у него в голове все как один зашипели. Шипение переросло в пронзительный визг, а потом видение испарилось.

Он падал.

Чет рухнул на каменный пол. Он сморгнул, и комната вокруг медленно обрела четкость – несколько человек в зеленых пиджаках и шляпах-котелках явно только что вломились в комнату. В руках у них были факелы, палицы и копья.

Ивабог схватила фиал и швырнула его в бежавшего первым здорового мужика с копьем. Тот пригнулся, и фиал врезался в стену.

Раздалось шипение, плеснуло зеленым дымом.

Здоровяк бросился на богиню и вонзил копье ей прямо в грудь. Вцепившись в древко, она испустила пронзительный вопль. Здоровяк навалился на копье и проткнул ее насквозь, пришпилив к трону, как проткнутое булавкой насекомое.

Чет схватился за мешочек, лихорадочно шаря в поисках ножа. Что-то обрушилось на него сверху, и он упал лицом вниз. В спину, напрочь лишив его возможности двигаться, уперся тяжелый башмак. Тот здоровяк, который только что проткнул Ивабог копьем, наклонился и вырвал мешочек у него из рук.

В комнату вошел еще один человек – в широкополой шляпе. Здоровяк передал ему мешочек. Тот, взяв его, бросил взгляд на Чета.

– Настало время нам с тобой побеседовать.

Глава 20

Гэвин Моран стоял над обрывом. Далеко внизу струила свои черные воды Лета. Перед ним на коленях стояла женщина со связанными за спиной руками. Она подняла на него взгляд; в глазах у нее стояли слезы. Густые ресницы отбрасывали на щеки глубокую тень.

– Пощади, – прошептала она. – Пощади... Умоляю...

На вид ей было не больше четырнадцати, но Гэвину было прекрасно известно, что это ничего не значит. С тем же успехом ей могло быть за тысячу. Она была одним из созданий Хоркоса, существ дивной красоты, в жилах которых бежала настоящая, теплая, алая кровь – знак силы Хоркоса, его колдовского искусства. Судя по ее простому платью из легкой прозрачной ткани и длинным распущенным волосам, она была прислужницей в храме. Наверное, эти маленькие, изящные ручки с тонкими пальцами подносили Хоркосу одежды, играли на флейте или перебирали струны арфы. В мире серой, увядшей кожи ее мягкая, белая плоть светилась, будто омытая молоком. И теперь эта плоть была запятнана кровью и грязью.

– Пощади, – всхлипнула она.

Гэвин слышал ее, слышал ее слова, просто еще один звук, вот как журчание воды, доносившееся из-под обрыва. Это надо сделать, и он это сделает. Он поднял меч. Опустил. Ее голова покатилась с плеч, безжизненное тело обмякло. Он смотрел, как алая кровь фонтаном бьет из перерезанных артерий.

Он подошел к голове – ее глаза до сих пор глядели на него, до сих пор умоляли – и не почувствовал ничего. Посмотрел на гору тел – их было, по крайней мере, двадцать, и все приняли смерть от его руки – и не почувствовал ничего.

До Гэвина донеслись истошные крики, и он обернулся. Тощий, сутулый человек, один из рейнджеров, боролся с женщиной. С нее уже успели сорвать все одежды и драгоценности, но по тому, как были подведены ее глаза, и по синим татуировкам, покрывавшим ее тело, было ясно, что в свите Господина Хоркоса она занимала видное положение, может быть, даже была жрицей. Руки и ноги у нее были связаны, и все же она, визжа, брыкалась изо всех сил и слала на их головы страшные проклятия.

– Давай, двигай, ты, ведьма, – рывкнул на нее Ансель, пытаясь

подтащить ближе.

Гэвин шагнул к ней. Она подняла на него глаза, и его мрачный взгляд будто лишил ее остатков воли.

– Нет, – простонала она.

Гэвин подтащил ее к обрыву, уперся в спину ногой. Поднял меч. И заколебался – кто-то звал его, будто издалека, и все же совсем *близко*, будто внутри его головы. Воздух будто начал плавиться у него перед глазами. Сморгнув, он отступил на шаг, опустил меч и зажмурился. Опять кто-то позвал его по имени, на этот раз ближе. Перед ним, медленно обретая четкость, проявилось видение. Это было лицо – молодой человек с рыжими волосами и серыми глазами, такими бледными, что они казались серебряными. Молодой человек глядел на него, сощурившись, будто пытаюсь разобрать что-то во мраке. В этом лице было что-то знакомое. Крик, откуда-то издалека. Видение померкло.

Гэвин открыл глаза.

– Ты в порядке? – спросил Ансель, кидая на него недоумевающий взгляд.

Гэвин взял себя в руки.

– Нелегкие были деньки, – добавил Ансель. – Думаю, эти ребята не будут возражать, если мы устроим небольшой перерыв.

Гэвин посмотрел на меч в своей руке, на растекшуюся повсюду кровь, на груду тел, – как в первый раз. Он услышал рыдания, увидел слезы, посмотрел в глаза тем, кто еще ждал своей участи, и... *почувствовал* это.

Крепко зажмурил глаза. *Тебе плевать*. Голос, отчаянный голос, его голос. *Ты мертв, а мертвым все равно*. Сжав зубы, он подумал о грязи – как ее кидают лопатами, кидают на него, вниз, заваливая его все глубже и глубже, все дальше и дальше от стонов, от тех, кто рыщет во тьме и ждет своего шанса – шанса напомнить ему о том, что он сотворил. *Грязь*. Он зажмурился еще крепче, втянул воздух сквозь стиснутые зубы. *Я мертв. Я – грязь, грязь под землей, а грязи все равно... Грязь не чувствует ничего*.

Открыл глаза. Женщина все так же лежала, дрожа, у него под сапогом.

– Ничего, – сказал он. Меч вверх, меч вниз.

Женщина в последний момент увернулась, и Гэвин промахнулся. Лезвие вонзилось ей в плечо. Она закричала. Брызнула кровь. Он ударил опять, и опять. Лицо у него не выражало ровно ничего – ни гнева, ни печали. Это была работа, которую необходимо было проделать, ничего больше. На четвертом ударе ее голова, наконец, отделилась от тела и, кувырнувшись в грязи, подкатилась к его ногам. Он подтолкнул голову носком сапога и смотрел, как она падает с обрыва в реку.

– Грязь, – произнес Гэвин, – не чувствует ничего.

Глава 21

Он снял свою широкополую шляпу, явив миру пару кустистых бровей и черные волнистые зализанные назад волосы. Открыл Четов мешочек, вытащил оттуда нож и принялся разглядывать его при свете факелов, теребя пышный, подкрученный кверху ус.

Чет было сел – это стоило ему немалых усилий, – но один из стражников пнул его в спину ногой, опять придавив к полу. Кто-то приставил к его горлу копье.

– За это тебе придется заплатить, Карлос, – раздался голос Ивабог. Говорила она с усилием.

– Да. Платить приходится всегда, – ответил человек с загнутыми усами, не потрудившись даже на нее взглянуть. – И у меня такое ощущение, что пришла, наконец, и твоя очередь.

Стена до сих пор шипела и пузырилась в том месте, куда ударил фиал, и по восьмиугольной комнате плыл зеленоватый дым. Помимо Карлоса и стражника-здоровяка, здесь находилось шестеро стражников, и все они нервно поглядывали по сторонам.

Карлос подошел к здоровяку и показал ему нож.

– Что думаешь, Трой? Вещица из Ада?

Трой был широкоплечий крупный мужчина в зеленом смокинге с рукавами, обрезанными так, чтобы видны были его мускулистые руки. Он покачал головой.

– На вид – еще древнее. Может, еще до падения ангелов.

Карлос выдвинул лезвие из ножен, и глаза у него расширились.

– Это божье золото, – сказал Трой. – Не иначе.

Карлос взял нож и прижал к мраморному столбу. Лезвие прошло сквозь мрамор, как сквозь бумагу.

– Думаю, ты прав. Как, интересно, какая-то жалкая душонка умудрилась протащить его сюда, вниз?

Оба воззрились на Чета.

– Наверное, кто-то дал... – начал было Карлос.

– Предупреждаю честно, – прошипела Ивабог. – Уходите... Уходите прямо сейчас.

Она кашлянула, выплюнула сгусток крови. Сверху донесся стон, и все взгляды метнулись к потолку. Несколько коконов энергично извивались, будто свет факелов причинял им боль.

– Видите, – сказал Карлос, обращаясь к своим людям. – Вот поэтому-то мы и сражаемся. Чтобы положить конец подобному злу. – Карлос подошел к Ивабог, поднес нож к ее глазам. – Прошло то время, когда боги питались душами человеческими.

– Да что вы, безбожники, знаете об узах, связывающих богов и людей, – выплюнула она. – Узах любви и веры. Но скоро, совсем скоро... – Ее взгляд метнулся к остальным стражникам, – ...вы узнаете, какие мучения ожидают святотатцев. – Ее глаза вспыхнули; средний глаз открылся и полыхнул зеленым. – Я прокляну каждого, из-за кого пролилась моя кровь. Их ка сгниет, их ба никогда не найдет себе пристанища!

Стражники обменялись тревожными взглядами.

Карлос, покачив головой, рассмеялся, а потом сразу, без предупреждения, полоснул ножом по одной из ее рук. Та упала на пол, пару раз подскочив.

Ивабог испустила вопль.

Карлос, наклонившись, подобрал руку и сунул ее под нос Ивабог.

– Ну и где же твои проклятия, монстр? Давай, рази. Обрати меня в прах. – Он немного подождал. – Твои чары иссякли. Я и куска дерьма за них не дам. Потому что ты, как и другие, тебе подобные, *забыты*. – Он отшвырнул руку в угол, будто мусор.

Ивабог застонала: утробный, исполненный отчаяния звук, будто слова Карлоса задели ее глубже, чем копье, пригвоздившее ее к трону. Уронив голову на грудь, она закрыла глаза.

Небрежно отбросив назад полу своего длинного плаща, Карлос просунул большой палец сквозь пряжку ремня (пряжка была в форме скорпиона, величиной с кулак), и устоял на Чета.

– Давай-ка начнем с чего-нибудь попроще. Твое имя.

Чет ответил только яростным взглядом.

Карлос нахмурился.

– Думаешь, это игра? – Он кивнул одному из стражников. – Давай сюда паренька.

Стражник скрылся в коридоре.

Трой наклонился, упершись Чету в спину коленом, вывернул ему запястье и посмотрел на ладонь.

– Вот хрен, да он помечен, – удивился Карлос.

– Ясен пень, – ответил Трой. – Иначе как бы ему удалось это проверить?

– Тебе многое придется нам разъяснить, – сказал Карлос Чету. Секунду спустя из коридора появился посланный Карлосом стражник, а с ним еще

один. Они волокли под руки Джонни. На щеке у того был глубокий порез, одна из рук отрублена ниже локтя.

Карлос прижал нож Сеноя к шее Джонни и посмотрел на Чета.

– Итак, я задал тебе вопрос.

– Чет. Меня зовут Чет.

– Вот теперь у нас есть прогресс. Чет, будешь отвечать на мои вопросы как следует – и у тебя с друзьями появится шанс уйти и унести свои головы с собой. Это понятно?

Чет кивнул.

– А теперь расскажи мне, как проклятой душе удалось сбежать от псов Люцифера? Где ты раздобыл этот нож? И каким-таким образом Алая Леди и ее ведьмы появились на пристани аккурат в тот момент, как ты переправился через реку? Что ты делаешь здесь, плетешь заговоры с Евой? Что происходит, Чет? А? Скажи мне.

– Плету заговоры?.. *Что?* – сказал Чет. – *Никаких* заговоров я ни с кем не плету.

Карлос бросил на него полный горького разочарования взгляд, потом кивнул стражникам. Те швырнули Джонни плашмя на живот, уперлись ему в спину коленями и ткнули лицом в каменный пол. Карлос, опустившись на колени рядом с Джонни, приставил нож к его затылку. Джонни поймал взгляд Чета. Вид у него был страшно испуганный.

– Погодите. ПОГОДИТЕ! – заорал Чет. – Вы все напутали. Все не так, как вы думаете. Я не имею никакого отношения к Алой Леди. Я просто пытаюсь найти своего деда. Это все!

Карлос грустно покачал головой.

– Я не люблю игр, Чет. – Он медленно вонзил нож Джонни в голову. Джонни закричал и забился, пытаясь освободиться.

– *Стойте!* – закричал Чет, стараясь вырваться из рук стражников. – СТОЙТЕ!

Лезвие ножа глубоко вонзилось в череп Джонни. Карлос резко повернул нож. Раздался треск, и Джонни вдруг перестал кричать, глаза чуть не вылезли из орбит, челюсть отвисла.

Комната погрузилась в молчание; даже стражники, казалось, были потрясены. Чет перестал биться в руках стражников и только смотрел.

Карлос выдернул нож и щупальца серебристого тумана потянулись, извиваясь, из раны в черепе, соткавшись в колеблющуюся фигуру Джонни. Замерев, полупрозрачный Джонни уставился вниз, на собственное тело, с явным недоумением. Потом он заозирался по сторонам, и в его глазах отразился страх, будто к нему приближалось что-то совершенно ужасное.

Карлос помахал рукой, разгоняя сотканную из тумана фигуру, но, прежде чем Джонни рассыпался на дымные завитки, Чет увидел – ясно увидел, – что тот кричит.

– *Твою мать*, – прошептал Чет, не в силах отвести взгляда от расколотого черепа Джонни. – *Твою мать!*

– Теперь, Чет, когда ты понял, что у нас тут все серьезно – давай попробуем еще разок? – Карлос кивнул двум стражникам. – Приведите девчонку. – Стражники вышли из комнаты. – Знаешь, – продолжал Карлос, – никто не знает, куда девается душа после того, как потеряет свое ка. Даже боги. Верно я говорю, Ева-бог?

Та оставила его без ответа.

– Но, скажу я вам, там явно не курорт, – добавил Карлос.

Притащили Ану. Швырнули на пол.

– Джонни, – ахнула она. – О, Господи.

Долгую секунду она смотрела на его тело, потом перевела взгляд на стражников. Ее глаза наполнились слезами – и ненавистью.

Чет напрягся, и стражники навалились на него с удвоенной силой.

– Свяжите ее, – бросил Карлос, и стражники прикрутили Ану за запястья к каменному столбу.

Карлос присел на корточки рядом с ней.

– Чет, одно из чудес мира мертвых состоит в том, что твое тело, твое ка, может вынести очень многое, прежде чем отпустит своего призрака. – Карлос помахал ножом у Аны перед глазами. – Интересно, как сильно я успею попортить твоей девушке шкурку, прежде чем она выпустит своего.

Он прикоснулся кончиком ножа к лицу Аны, и небрежно крутанув запястьем, раскрыл ей щеку. Ана тихонько вскрикнула.

– Это был ангел, – сказал Чет. – Ангел дал мне нож.

– Ангел? – повторил Карлос, а потом рассмеялся. – Чет, все в игрушки играешь? – Он провел ножом вдоль Аниной щеки, отхватив ей ухо.

Ана закричала.

– Ублюдок! – заорал Чет, извиваясь, пытаясь подняться с камней. Один из стражников вогнал копье ему в грудь. Чет заорал. Именно тогда он заметил, что Ивабог пытается дотянуться до своего ящичка с фиалами.

– Чет, если тебе угодно, мы можем играть в это хоть целый день. – Карлос воткнул нож Ане в грудь, повернул. Ана закричала опять. Вытащив нож, он ударил ее еще раз, и еще, и еще. Крики Аны носились по тесному помещению, отражаясь от стен, нагоняя друг друга.

Ивабог, упершись в трон тремя руками, подалась вперед, распарывая собственную плоть о копье: дюйм за дюймом, все ближе и ближе к ящичку.

Последний рывок; от боли с ее губ сорвался тихий вскрик.

– Берегись! – заорал Трой. Он спрыгнул с Чета, двигаясь на удивление быстро для такого крупного человека – и все же недостаточно быстро.

Пальцы Ивабог сомкнулись на большом фиале. Она швырнула его об пол перед Троем. Фиал взорвался, обдав брызгами Троя и еще двоих стражников. Жидкость немедленно занялась ярким желтым пламенем. Стражники, завывая, пытались прибить огонь ладонями, но пламя только перекинулось им на руки.

Чету обрызгало ногу – он чувствовал, как жидкое пламя впивается ему в плоть. Карлосу плеснуло на лицо и грудь. Тот заорал; нож выпал у него из рук, зазвенел, ударившись об пол: Карлос пытался смахнуть с себя липкий огонь.

Чет нырнул за ножом, схватил его, перекатился, поднявшись на ноги, и бросился на Карлоса.

Карлос сунул руку за пазуху и вытащил пистолет. Грохнул выстрел, и пуля ударила Чету в бок, так, что его развернуло и чуть не опрокинуло на пол. И все же своей цели он достиг – врезавшись в Карлоса, он ударил его ножом прежде, чем тот успел выстрелить вновь. Чет попал Карлосу в плечо, начисто отрубив ему руку. Тот истошно взвыл.

Один из стражников бросился на Чета, размахивая коротким тяжелым мечом. Чет подставил под удар нож; лезвие прошло сквозь сталь и попало нападавшему прямо в грудь, разрезав его чуть ли не пополам. Стражник, не переставая кричать, осел на пол.

Трой и еще несколько «зеленых» теперь были полностью объаты пламенем; они метались по комнате, врезаясь в мебель и в стены, поджигая все, чего касались. Краем глаза Чет углядел Карлоса – тот, спасаясь из пылающей комнаты, выскочил в коридор.

– Чет! – закричала Ана. Она все еще была привязана к столбу; вокруг плясали языки пламени. Чет бросился к ней, разрезал ножом веревки и рывком поднял ее на ноги. Они побежали было к двери, но Чет остановился – он хотел найти мешочек и медные монеты, но ему удалось нащупать только ножны. Подхватив их с пола, он зацепил взглядом Ивабог – ее трон был охвачен огнем, и пламя подкрадывалось все ближе к ней самой. Но богиня просто обмякла на копье, даже не пытаясь спастись.

– Да что ты делаешь, Чет? – проорала Ана.

Чет бросился обратно, в самую гущу дыма и, лавируя между языков пламени, добрался до трона. Сунув нож за пояс, он вцепился в копье и выдернул одним рывком. Ивабог, застонав, повалилась вперед. Чет подхватил ее и попытался стянуть с трона, но она вцепилась в него всеми

оставшимися руками.

– Нет, – всхлипнула она, глядя вверх. – Нет. Я не могу бросить мужей.

Жара и дым тем временем стали нестерпимыми.

– *Отпусти!* – заорал Чет и, дернув как следует, оторвал паучиху от трона и потащил, спотыкаясь в дыму, в направлении, где, как он надеялся, находился выход.

И услышал, как Ана, срывая голос, зовет его по имени; вот кто-то схватил его за руку, потянул за собой – вон из комнаты по длинному коридору. Они вывалились на террасу и попадали на пол. Чет, кашляя, тер обожженные дымом глаза. Он успел выхватить нож и держал его наготове, но ни Карлоса, ни других стражников нигде было не видеть – только валялось на полу изувеченное тело карлика.

– О чем ты только думал? – заорала на него Ана.

Платье и волосы Ивабог все еще горели. Чет схватил один из валявшихся повсюду промокших гобеленов и набросил на богиню, прибавив пламя.

Ана смотрела на него так, будто он выжил из ума.

Чет сдернул с Ивабог мокрую ткань. Она лежала, дрожа, свернувшись комочком, будто умирающее насекомое.

– Она знает, где Гэвин.

Глава 22

Гэвин повернулся спиной к телам, к кровавым лужам, лицом к реке. Поддел носком сапога тяжелый камень и подтолкнул к обрыву. Камень сорвался с края скалы и полетел вниз, в реку, лениво катившую свои волны в двухстах футах внизу. Громкий всплеск эхом прокатился по ущелью. Будто кто-то позвал его по имени. Его тонких, сухих губ коснулась улыбка.

Перед глазами опять встало лицо того парнишки. Он никак не мог выкинуть его из головы – особенно эти бледные серые глаза. Они были так похожи на глаза его детей. Он выудил из кармана пальто маленькую бутылочку, вытащил пробку и, морщась от горечи, отпил. Содержимое бутылочки имело своим источником плескавшиеся внизу воды Леты, но это было не то жалкое, разбодяженное зелье, которое подавали в придорожных рыдальнях, а крепкая, угольно-черная, густая как сироп жижа, которую варили в своих чанах монахи ордена Поверженной Веры. Предполагалось, что эта штука способна заставить тебя забыть обо всем – на время. Хорошее, плохое, все. Давненько он уже не прикладывался к бутылке, но это видение... Этот рыжий парнишка...

– Черт, – сказал он себе под нос, вновь поднес бутылку к губам и сделал долгий-долгий глоток, чувствуя, как немеет язык, и не заботясь уже о возможных последствиях. Хлебнешь слишком много – и забудешь уже навсегда. Забудешь, как тебя зовут, забудешь, как застегивать ширинку, станешь одним из тех безмозглых мертвяков, что шатаются без цели по улицам, пока, наконец, кто-то не разрежет их на кусочки и не съест со всеми потрохами.

Онемение распространилось, охватило всю голову целиком. Высящиеся вокруг скалы начали расплываться перед глазами, но воспоминания все не отпускали. Они не отпускали никогда. *«Сколько же времени прошло, – подумал он. – Сорок лет? Пятьдесят? Так почему же такое ощущение, будто это было только вчера?»* Он поднял бутылочку к глазам и принялся играть в гляделки с черепом, скалившимся с этикетки.

– Сколько лет должно пройти, чтобы человек забыл, как убивал собственных детей? Сколько времени пройдет прежде, чем он перестанет слышать их предсмертные крики?

Он сделал еще глоток, осушив бутылку до дна, а потом размахнулся и бросил ее в реку, наблюдая, как она, кувыркаясь, летит вниз, в темные воды.

– Один шаг, – сказал он. – Это займет один шаг.

Он сделал шаг, другой, и вот носки его сапог нависают над обрывом. «Давай, – прошептал Гэвин. – *Еще один шаг*».

– Эй, Гэвин, – крикнул ему Ансель. – Эта скала держится на соплях, чувак. Обвалится в реку, и ты вместе с ней.

«*Вот жалость-то будет*», – подумал Гэвин. У него кружилась голова. Он качнулся на пятках, услышал, как под ним трещит камень.

– Гэвин, ты меня слышишь?

Звон оружия. Топот тяжелых сапог вверх по дороге к обрыву, переключка мужских голосов, ухарские выкрики. Звуки, которые издают мужчины, которые только что сражались и победили – несмотря ни на что.

– Эй, Гэвин, – крикнул ему Ансель. – Погляди-ка сюда. Это тебе понравится.

Гэвин повернулся. Вверх по склону верхом на грязной белой лошади ехал человек. Это был полковник Тернер Эшби. Он сидел, покачиваясь в седле, сунув руку за отворот конфедератского кавалерийского мундира – того самого, в котором он пришел сюда, вниз. Длинная черная борода – борода горца – обрамляла его скептическое, но располагающее лицо. Следом за ним ехала повозка – не просто повозка, а одна из колесниц Хоркоса, вся отделанная золотом. К скамье был торчком привязан не кто иной, как сам Господин Хоркос; ноги у него были обрублены по колено, руки – по локоть, один глаз вырван, вместо рта – зияющая кровавая дыра.

– Он это сделал, – произнес Ансель; в его голосе слышалось чуть ли не благоговение. – Сукин сын таки сделал это! Мы взяли бога, Гэвин. Бога! Можешь ты в это поверить?

Гэвин отступил от края.

В руке Полковник держал копье с наконечником из золота, такого яркого, что, казалось, оно светится само по себе. Он улыбался, и Гэвину подумалось, что никогда еще ни один человек, ни один мужчина не заслуживал такого права на улыбку.

Полковник ехал в окружении разномастного, потрепанного отряда, прозванного им Рейнджерами Эшби – напоминание о конфедератских днях, когда он командовал группой партизан. Многие уже облачились в свои боевые трофеи – доспехи и кольчуги, другие сжимали в руках превосходной выделки оружие, принадлежавшее раньше стражникам Господина. Кое-кто напялил даже изысканные головные уборы из перьев, какие носили Хоркосовы танцовщицы: они паясничали, валяли дурака и смеялись так, что едва могли идти, опьяненные радостью победы. Но ни один не снял алый шарф или платок, знак принадлежности к рейнджерам

Полковника. Позади отряда вели лошадей – более десятка великолепных животных. Гэвин кивнул, зная, какую роль эти скакуны могут сыграть в предстоящих им испытаниях.

Полковник натянул поводья и спрыгнул с лошади прямо в повозку, встав рядом с поверженным божеством.

– Я дал клятву каждому из вас, – раздался его громкий, властный голос. – Сегодня... Сегодня я сдержал эту клятву. – Он высоко поднял копье, так, чтобы видели все. – Вот оно. Вот оно. *Вот... оно!*

Его люди разразились приветственными криками; кто-то хлопал в ладоши, кто-то стучал по щитам оружием. «Да здесь, наверное, сотни две человек», – прикинул Гэвин. А ведь совсем недавно рейнджеров Эшби можно было по пальцам пересчитать. Горстка душ, которая шаталась по Пустошам вслед за Полковником, верша справедливость, так, как он ее понимал: они выслеживали торговцев душами, бандитов, даже демонов – всех, кто видел в душах добычу, и расправлялись с ними по-своему. Он осмеливался грабить даже самих богов, совершая быстрые, скрытные рейды на их караваны и храмы, освобождая, где только возможно, рабов. В те времена большинство считало Полковника за эти его крестовые походы треплом и фанатиком-идеалистом, но в последнее время речи Полковника распространялись, как степной пожар. Гэвину доводилось слышать рассуждения о том, что, мол, все из-за того, что в последнее время в Чистилище стало много душ нового, безбожного типа. Но сам он считал, что душам просто надоело терпеть, им всего лишь нужно было, чтобы кто-то их объединил. Полковник, похоже, и стал этим «кем-то».

«А теперь это, – думал Гэвин, глядя на изувеченного бога. – *Это меняет все*». Он пошел навстречу толпе, и какая-то его часть завидовала этим людям. Тем, кто осуществил эту засаду, кто стал свидетелями того, как пал бог. Его отряду было поручено оберегать тылы и отлавливать всех, кто попытался бы бежать обратно в город Лету.

– Бог, – продолжал Полковник. – Вместе мы одержали победу над богом!

Опять крики. Полковник ткнул Господина Хоркоса тупой стороной копья. Лицо бога дернулось, и Гэвин знал, что где-то внутри этого куска изуродованной плоти бог пытался кричать. Вот только Полковник сделал так, чтобы у него не было ни рта, чтобы кричать, ни ног, чтобы бежать, ни рук, чтобы плести заклинания. Это бесполезное тело было теперь лишь тюрьмой для души.

– Это только начало, – продолжал Полковник. – Ведь когда об этом станет известно, многие придут, чтобы встать под наши флаги. Наши ряды

пополнятся. Вот уже сегодня мы приветствуем среди нас еще пятьдесят душ, которые пришли, чтобы к нам присоединиться. – Он повел рукой, указывая в сторону толпы грязных, потрепанных душ – рабов Хоркоса. На их лицах недоумение мешалось с энтузиазмом, и все они были уже в красных шарфах.

– Пятьдесят душ, которые сбросили цепи рабства. Пятьдесят душ, готовых навсегда положить конец тирании! Всего один отряд рейнджеров победил самого Хоркоса! Только представьте, на что будет способна армия!

Топот. Крики.

– Здесь! Сегодня! Сейчас! Я даю вам еще одну клятву, – прокричал Полковник. – Скоро, очень скоро души перестанут гнуть шею перед богами. Перестанут подчиняться их тирании. Боги падут, один за другим, и вскоре уже не мы будем дрожать перед ними, а они – перед нами!

Души принялись выкрикивать его имя, кто-то даже преклонил перед Полковником колени, и Гэвин задумался, почему людям обязательно надо кому-то поклоняться. И много ли пройдет времени, прежде чем Полковник сравняется с богами – станет одним из них.

– Нам сопутствует удача! – прокричал Полковник. – Око-Мать завершило свой оборот, близится Съезд. Все боги отправятся в дорогу – они будут уязвимы. Защитники Свободных Душ из Стиги уже сейчас идут сюда, чтобы присоединиться к нам. Вместе мы устроим охоту на богов, сразим их всех, одного за другим. Кто пойдет со мной на охоту?

Крики стали громче; жажда крови охватила людей, подобно лихорадке. Это было видно по глазам. Их Полковник не был больше болтливым идеалистом. Он стал убийцей богов. Все они теперь были убийцами богов. Чем все это закончится, Гэвин не знал. Но в одном он был твердо уверен: прольется кровь. Много, много крови.

Глава 23

– Куда мы идем? – спросила Ана.

Чет остановился. До него вдруг дошло, что он понятия не имеет, как ответить на этот вопрос. Все это время он думал об одном – как убраться подальше от Карлоса, и они все бежали и бежали, куда глаза глядят, по извилистым лестницам и переулкам. Храмы давно исчезли позади, в тумане, но далеко внизу, в долине, еще можно было различить огоньки факелов.

– Можно, мы остановимся? – спросила Ана. – Всего на минуточку.

Чет снял со спины Ивабог. Там, у храма, он завернул ее в гобелен и все это время нес на плече, как куль с зерном. Он положил сверток на ступени и, морщась, присел рядом Аной. Он гадал, сколько еще дыр можно проделать в его теле, прежде чем оно перестанет толком работать. Осмотрев свою обожженную ногу, он порадовался тому, что боль, по крайней мере, стала терпимой.

– Джонни, – произнесла Ана.

Чет взглянул ей в глаза, увидел боль.

– Его больше нет. То есть совсем. Да?

Чет пожал плечами, стараясь не думать о том ужасе, который он видел на лице у Джонни перед тем, как тот исчез. По крайней мере, Ана была избавлена от этого.

– Да, – сказала Ивабог очень тихо, едва ли не шепотом. Это были ее первые слова с тех пор, как они сбежали от пламени. – Его ба было выпущено на волю. С этим миром его больше не связывает ничего.

– Он был здесь счастлив, – сказала Ана. – По-настоящему наслаждался... существованием. Воображал себя Питером Пэном в Нетландии. Черт... Понимаете? Почему именно он? Почему не я? Я-то рада была бы уйти.

– Нет, – сказала Ивабог. – Только не так. Чтобы твое ба отлетело вот так, сбросив оковы... Только не здесь, не в подземном мире. Никогда не проси об этом. – Она плотнее завернулась в гобелен, будто ей вдруг стало холодно. – Мои мужья... – Ее голос дрогнул. – ...Они улетели. Их души теперь во власти ветров хаоса. Быть может, сгори я вместе с ними, я смогла бы направить их... Увести... Этого мне никогда не узнать. – Она смотрела куда-то вверх с отсутствующим видом.

Они долго сидели в молчании. Чет не знал, нужен ли сон покойникам,

но измотан он был до предела. Казалось, он может сидеть так вечно.

– Лета, – сказала, наконец, Ивабог. – Мы идем к Лете.

Ана и Чет посмотрели на нее.

– Ты отведишь меня туда. А взамен я отведу тебя к твоему деду.

– Он там?

Ивабог кивнула.

– Да. Рядом.

– А что такое Лета? – спросила Ана.

– Город. Река. Путь к забвению.

– К забвению?

Ивабог кивнула.

– Погрузившись в ее сладостные воды, душа исчезает навсегда, – сказала она. В глазах у нее плескалась жажда.

– Но мы видели лица в реке... – сказала Ана. – Столько боли... И ужаса.

– Это Стикс. Каждая река поет свою песнь: Стикс – река ненависти; Флегетон – река пламени; Коцит – река стенаний. Есть и другие, но Лета – река забвения... Единственный способ положить всему конец.

– Конец всему, – повторила Ана, будто ей только что рассказали, как обрести Грааль.

– Все дороги ведут в Лету, – сказала Ивабог. – Души, подданные подземного царства, порой – сами боги. Когда ты понимаешь, что с тобой покончено, если ты сдался или просто устал, ты идешь туда, где струит свои мирные воды Лета. – Она помолчала. – Мое сердце умерло вместе с моими любимыми. Для меня не осталось ничего, даже мести. Когда богу становится безразлична месть, значит, с ним и вправду покончено. – Из ее голоса исчезли всякие чувства. – Со мной покончено.

Ана кивнула. Прошептала:

– Да... со мной тоже.

– Лета, – сказал Чет. – Каким образом мы...

– «Зеленые» будут следить за дорогами, – сказала Ивабог, задыхаясь.

Этот разговор явно стоил ей немалых сил. Чет вдруг заметил, что на гобелене проступили кровавые пятна. – Наш единственный шанс – это Пустоши. Но в одиночку нам их не пересечь... Слишком опасно. – Она вновь умолкла, собираясь с силами. – Склады там, внизу. Если повезет, мы застанем там караван, готовый отправиться в дорогу. Это лучшее, на что мы можем надеяться.

Глава 24

Тренер подошел к осыпающейся арке, увенчанной бюстом могучего оленя. За аркой стояли фургоны; к ним подъезжали все новые повозки и телеги. Наверняка, это был один из тех караванов, о которых ему рассказывала кроведунья, Герда.

Он встал в хвост огромной очереди на входе. Его мысли вновь обратились к гадалке. Как они сидели, скрестив по-турецки ноги, под парусиновым пологом палатки, и она срезала у него полоску кожи, попробовала на вкус, а потом прижала ладонь к его щеке и сказала закрыть глаза и думать о матери. Вместе они плыли от воспоминания к воспоминанию, пока он не увидел ее, свою мать. Она лежала у ног какой-то гигантской статуи, полузакрыв невидящие глаза. Это уже не было воспоминанием: он никогда прежде не видал этой статуи. Он позвал ее, еще, и еще раз, и, наконец, она медленно открыла глаза, будто пробуждаясь от долгого сна. Он был уверен, она слышала его, потому что, прежде чем видение потускнело окончательно, она позвала его по имени. «Она в храме Леты», – так сказала Герда. Еще она сказала ему, что он может добраться до Леты по приречной дороге, но быстрее всего будет присоединиться к каравану. Решение было несложным. Чем скорее он найдет мать, тем лучше.

Какой-то человек нечаянно толкнул его на ходу. Тренер мельком взглянул на него, потом посмотрел еще раз, не в силах поверить собственным глазам. Это был *Чет! Чет прямо перед ним, собственной персоной!*

– Эй, – прорычал Тренер, хватая прохожего за руку, но, когда тот обернулся, Тренер увидел, что это был вовсе не Чет.

– О... Простите, – сказал Тренер, отпуская чужую руку. – Я извиняюсь.

«Господи, – подумал он, – да что же со мной не так? Что Чет забыл тут, внизу?» И это было далеко не в первый раз, как ему показалось, что видел мальчишку. Он мог поклясться, что видел его в толпе на улицах Стиги, а потом – на одном из этих крестов там, на холме. Он протер глаза. Он знал, почему ему везде мерещится мальчишка. Потому, что никогда ничего ему не хотелось сильнее, чем добраться до мелкого хренососа. Вот разве только мать найти.

Фингал, вот как стали его звать старшеклассники после того, как Чет

сломал ему нос, посадив фонарь под глазом. И прилипло ведь, во всяком случае, на какое-то время. На детей ему было плевать, по-любому все они были говнюки мелкие. Но вот когда Дэвид Дженкинс, толстозадый учитель экономики, обозвал его так во всеуслышание посреди учительской, хлопнув при этом по спине, это было уже чересчур. В учительской было полно народу. В тот день после уроков Тренер нанес Дэвиду визит в кабинете экономики, вошел и прикрыл за собой дверь. И когда Дэвид поднял глаза от тетрадей и взглянул Тренеру в глаза, он даже не попытался назвать его Фингалом. На самом деле, после их короткой, но содержательной беседы никто из учителей больше так Тренера не называл. Никогда.

– Четыре плотяка.

– Э? – До Тренера дошло, что настала его очередь.

– С тебя четыре плотяка, – сказал ему привратник, дюжий мужик с длинной рыжей бородой.

Тренер на всякий случай еще раз похлопал себя по карманам, но у него уже больше ничего не осталось – ни мелочи, ни свистка.

– Я хороший работник. Я могу...

– Денег нет?

Тренер потряс головой.

Привратник нахмурился, бросил взгляд через плечо.

– Бек, у нас остались еще места для рабочих?

– Ясен пень. Ситу нужна еще пара кочегаров.

– Место есть. Но работа паршивая. Тебе придется...

– Я согласен.

– Дело твое. – Привратник вручил ему желтый ярлык на куске бечевки. – Надень на себя так, чтобы было на виду. Иди за Беком, он отведет тебя на место.

Тренер повесил ярлык на шею и пошел, куда ему было сказано. «Я иду, мам», – подумал он, и его мысли завертелись вокруг всего того, что он хотел, нет, просто не мог ей не сказать. Он только надеялся – чуть ли не молился, – что она найдет в себе силы простить его, после всего того, что он сделал.

Глава 25

Тучи над головой начали редеть, и каменные стены домов окутало красноватое сияние. Чет с Аной, стоя в темном переулке, наблюдали, как по широкой улице снуют туда-сюда души с тюками и корзинами. Большинство было в потрепанной рабочей одежде, на ногах – тяжелые сапоги. По дальней стороне улицы тянулась кирпичная, почерневшая от копоти стена. Заглянуть за нее было невозможно, но, судя по звукам, там явно шли какие-то работы.

Ана подождала, пока мимо проедет большой фургон, и шагнула из переулкa на улицу.

– Их нигде не видно, – сказала она и пошла вниз по улице. Чет последовал за ней, поудобнее пристроив тюк у себя на спине. Ивабог застонала – первый звук от нее за много часов. Дорога привела их к осыпающейся арке под бюстом оленя; за аркой открывался широкий, весь в грязных лужах, двор. Внутри выстроились рядами фургоны и телеги; между ними в спешке сновали души с коробками и тюками.

– Думаешь, это оно? – спросила Ана.

Чет кивнул.

Несколько душ и пара повозок выстроились в очередь перед аркой. Рядом с караульной будкой стоял крепкий рыжебородый мужик, который управлялся с воротами.

– Готовьте монеты, – проорал он. – Отправляемся через пару минут.

Маленький человечек с поросычьим, очень встревоженным личиком, разодетый в малиновые с золотом шелка – явно шутовской наряд, – подъехал на нарядной повозке, запряженной парой белых лошадей. Повозка тоже была выкрашена в малиновый и золотой цвета, вроде циркового фургона.

– Ну, наконец-то, – закричал привратник. Придержав очередь, он помахал человечку, чтобы тот проезжал. Лошади процокали вперед, но у самой арки остановились. Вид у них был испуганный.

– Давай, вперед! – заорал привратник. – Весь караван тебя ждет!

– Ты на меня не ори, Самсон, – проворчал человек в повозке. – Эти идиотские животные обо всем имеют свое собственное мнение.

Только тут Чет заметил, насколько странные это были лошади. Особенно одна – морда у нее была неестественно короткая, будто обрубленная. Другая казалась страшно худой, чуть ли не на грани

истощения. Обе лошади были совершенно лысыми – ни шерстинки, только бледная, в пятнах, кожа.

Двое стражников в одинаковых малиновых плащах, вооруженные мечами, делили между собой сигарету, привалившись к воротам. Они со скучающим видом наблюдали за происходящим. Чет подошел к ним.

– Этот караван идет в Лету?

Один из стражников, тот, что помоложе, кивнул, закатив глаза.

– Агась, – ответил он раздраженно. – Все дороги ведут в Лету.

Второй стражник, грузный мужик с толстым, похожим на луковицу носом, покачал головой.

– Не обращай на него внимания, он ко всем цепляется. Стигийские пустоши граничат с владениями Люцифера. Лета – первый нормальный город дальше по торговому пути. Так что, если не собираешься заглянуть в гости к Сатане, Леты тебе не миновать.

– Я цепляюсь вовсе не ко всем, – поправил его младший стражник. – Я очень избирателен. – Потом он добавил, обращаясь к Чет: – Свалить из Стиги – неплохая идея. Ничего тут хорошего не осталось с тех пор, как всем заправляют эти «зеленые».

Старший стражник кивнул.

– Если у тебя найдется монета, просто заплати привратнику. Если нет – кажется, осталась пара мест для работников. Можешь попробовать обратиться в караван Смита, они там, дальше по дороге. Но не думаю, что они отправятся раньше, чем дня через два.

Чет поблагодарил привратников и пристроился в конец очереди вместе с Анной.

– Чет, – сказала Анна. – У меня совсем нет денег. А у тебя?

– Нет. Карлос забрал все.

– Стой. Стой! – заорал привратник, обращаясь к человечку в шутовском наряде. – Ты застрял.

Лошади умудрились зацепить колесом за столб, напрочь перегородив ворота. Одна из лошадей, натягивая поводья, взвилась на дыбы.

– Осторожнее, ты! – закричал привратник.

Маленький шут сумел справиться с лошадьми, но они так и не успокоились, то и дело всхрапывая и топая ногами.

– Чтоб тебя, Джозеф! – заорал привратник. – Испортишь лошадей – и Велес поджарит нас обоих живьем!

Чет почувствовал, как Ивабог подобралась у него за спиной.

– Велес, – прошипела она.

– Что?

– Уходи, – прошептала Ивабог. – *Найди другой караван.*
– Но они же отправляются прямо сейчас, – сказал Чет. – Нам не нужно будет...

– *Велес... Он – чудовище.*

– Что она там говорит? – спросила Ана.

– Что этот караван – плохая идея.

– Стражник сказал, есть другой, – напомнила Ана, выглядывая из очереди. – Мне кажется, я его вижу. Давай просто... – Тут она быстро отступила назад, потянув за собой и Чета. – Это они, «зеленые». Там, у других ворот.

Чет и Ана направились было дальше по улице, но тут же остановились.

– Вот дерьмо, – сказал Чет. С другого конца улицы к ним приближался еще один отряд «зеленых». Они заглядывали в каждую дверь, каждое окно, останавливали прохожих, обыскивали телеги, задавали вопросы. Чет с Аной укрылись в тени ворот, позади очереди, ломая голову над тем, как им спастись. Другого пути с улицы, кроме как под арку, не было.

– Нам нужно попасть внутрь, – сказал Чет.

– Колесо застряло, – рывкнул охранник. Лошади храпели и били копытами, натягивая поводья. – Тебе придется выпрячь их и сдать назад. Давай, действуй.

Человечек в малиновом, перекосившись, спрыгнул с повозки и взялся за упряжь.

– Эй, вы двое, – крикнул привратник стражникам. – Как насчет вынуть пальцы из задницы и немного помочь?

Стражники обменялись хмурыми взглядами, но подошли к повозке.

Маленький шут распряг лошадей, провел их в ворота, привязал к столбу позади будки и вернулся к повозке.

– Надо приподнять ее с этой стороны и подтолкнуть назад, – сказал привратник.

Все четверо взялись за повозку с одной стороны. В тот момент, когда общее внимание полностью переключилось на повозку, Чет подтолкнул Ану и оба тихонько проскользнули за будку.

– *Как только они поднимут повозку,* – прошептал Чет. – *Надо идти.*

Ана кивнула.

– Просто иди за...

Чет не закончил; его прервал чей-то суровый голос:

– Приветствую. – Это был Карлос, и обращался он к привратнику.

Чет с Аной быстро нырнули за будку. Чет увидел Карлоса только

мельком, но – понял он вдруг – обе руки у него были на месте, и ни следа ожогов на лице.

– Мы ищем двоих преступников, – продолжал Карлос.

Привратник и двое стражников, похоже, его не слышали, либо им было плевать. Их внимание было полностью поглощено повозкой.

– Мы ищем рыжеволосого мужчину и женщину-латинос. Путешествуют вместе. Они...

– Какого хрена, – сказал привратник. – Ты что, не видишь, что мы заняты?

– Мы здесь по делу Защитников. Это срочно.

– Клал я на это с прибором. Не заметно?

– Заметно, – сказал Карлос жестким тоном. – Мы сами тут все проверим.

Привратник отпустил повозку и повернулся к Карлосу.

– Хрена с два вы тут все проверите. Это караван Велеса, и на вас, зеленых ублюдков, нам плевать. Так что отвали.

Чет смотрел на фургоны, стоявшие во дворе, на хлопотавшие вокруг души. «*Так близко*», – думал он, зная, что, если они смогут пробраться за арку, им с легкостью удастся исчезнуть в этом хаосе.

Спор тем временем продолжался; обстановка явно накалялась. Чет рискнул глянуть назад; все, похоже, смотрели только на привратника с Карлосом. Дело, судя по всему, шло к заварушке. «*Сейчас*, – подумал Чет. – *Сейчас*». Прикусив губу, он скользнул мимо лошадей, так, чтобы они заслоняли его от привратника. Ближайшая лошадь скосила на него глаз, топнула копытом.

– Тихо, тихо, – прошептал ей Чет, глядя животное по шее.

Он отвязал лошадь, подхватил поводья и кивнул Ане. Та глядела на него так, будто он выжил из ума, но последовала за ним. Чет провел как-то лето на конюшне у соседа, ухаживая за двумя его лошадьми – ему разрешали иногда даже поездить на них – и у Чета всегда было чувство, что у него неплохо получается с ними ладить. Но он совершенно не понимал, чего ждать от этого странного существа. Он потянул за узду без всякой уверенности, что животное его послушается, но лошадь пошла за ним, явно радуясь возможности убраться подальше от шума и гама. Чет развернул лошадь, так, чтобы она прикрывала его, и повел под арку во двор.

Они добрались до ближайшего фургона, и Чет уже был готов облегченно вздохнуть, но тут лошадь натолкнулась на человека, который выскочил на бегу из-за фургона – вот только, успел заметить Чет, это был не человек, а какое-то иное создание. Оно показалось Чету похожим на

гоблина или на горгулью: серая, будто камень, кожа и узкая, вытянутая, как у ящерицы, морда. Его ноги напоминали козлиные. Из затылка плоской головы торчал, сильно выдаваясь назад, единственный рог; жесткая щетина, вроде стоячей гривки, сбегала от головы до самого хвоста – короткого, похожего на обрубок.

– Простите, – сказал Чет, пытаясь его обойти.

Человек-гоблин схватил коня за узду, буравя Чета своими маленькими черными глазками.

– Ты кто такой? – спросил он отрывисто, будто человеческая речь давалась ему с трудом.

Чет глянул назад, в направлении ворот, и с ужасом заметил, что маленький шут смотрит на них с недоуменным выражением лица.

– Отпусти, – сказал Чет. – Ну же!

Глаза гоблина сузились.

– Кто ты такой? – повторил он.

Шут принялся кричать, показывая в их сторону пальцем.

– А, твою мать, – сказал Чет, видя, что все смотрят теперь на них – и привратник, и стражники, и Карлос со всей компанией.

Чет двинул гоблина в лоб, как следует размахнувшись, – всадил кулак прямо в между маленьких глазок. У него было такое ощущение, будто он ударил по камню, но гоблин упал как подкошенный.

Чет закинул Ивабог на спину лошади и, ухватившись за гриву, подтянулся следом.

– Давай! – заорал он, протягивая Ане руку. Втащил ее на лошадь, усадив позади себя.

Лошадь, брыкаясь, вертелась на месте. Ее ржание напоминало скорее крики осла, чем звуки, которые могла бы издавать лошадь. Чет резко натянул поводья, пытаясь заставить зверя подчиняться себе.

И тут на них набросились. Все, скопом.

Впереди, за фургонами, Чет уже видел открытую местность.

– *Но, пошла!* – закричал он, всаживая каблуки в бока лошади. – *НО!*

Животное брыкалось и лягалось, продолжая вертеться на месте, и потом – к полному ужасу Чета – во весь опор помчалось *обратно*. К воротам.

Ана орала во всю глотку, цепляясь Чету за талию.

– КУДА-А-А-А! – закричал Чет, изо всех сил дергая за поводья, и прилагая одновременно все усилия, чтобы не упасть.

Привратник выскочил из-под арки, размахивая руками; стражники

бежали за ним. Лошадь резко развернулась, ноги у нее заплелись, и она с ходу врезалась в опору арки.

Глава 26

Чет потряс головой, не очень понимая, где он находится. Резкая боль стрельнула вверх по ноге, отдаваясь в черепе. Он сморгнул и увидел Карлоса, который внимательно глядел на него сверху вниз.

– Здравствуй, Чет.

– *Убиться о стену!* – кричал кто-то. – *Убиться о стену. Убиться о стену.* – Это был маленький шут. – Что же нам делать? – Судя по голосу, он чуть не плакал.

Лошадь лежала среди обрушившихся камней с разmozженной головой. Она не двигалась. Ана сидела, привалившись к стене, и глядела на лошадь. Ивабог, все так же завернутая в шелковое тряпье и остатки гобелена, лежала рядом с ней.

Чет попытался встать, но не смог. Обе его ноги были придавлены лошадью.

– Хватайте его, – сказал привратник. – Пусть он объясняет Велесу, что случилось с его лошадью.

Оба стражника шагнули было вперед, но Карлос преградил им дорогу.

– Не беспокойтесь, ребята. Мы о нем позаботимся.

– Хрена с два вы о нем позаботитесь, – сказал привратник. – Он будет отвечать перед Велесом. Потому что если не он, то мы.

Карлос махнул рукой своим людям – при нем было около двадцати Защитников.

– Извини, но он идет с нами.

– А я говорю, что нет, – сказал привратник, извлекая из ножен меч.

Видя, к чему все идет, Чет сделал попытку добраться до оружия, но нож был где-то под ним, придавленный его телом.

– Нам неприятности не нужны, – сказал Карлос, – но этот человек совершил преступление против Защитников Свободных Душ.

– В задницу «зеленых», – плюнул привратник. – Это – территория Велеса, а вы – нарушители. А теперь выметайтесь!

Карлос выметаться явно не собирался. Двое стражников вытащили мечи и встали рядом с привратником.

– Не нужно швыряться жизнью ради какого-то бога, – мягко сказал Карлос.

Привратник и двое стражников встали спиной к спине.

«Черт, а они и вправду собираются это сделать, – думал Чет,

напрягая все силы, чтобы добраться до ножа. – *Трое против двадцати*».

Карлос кивнул, и его отряд рассыпался, медленно окружая стражников.

– Мой Виндо. Бедный мой Виндо, – прозвучал глубокий, мощный голос. Все повернули головы. Перед ними – на задних ногах, как человек – стоял гигантских размеров олень с могучими рогами и густой гривой. Позади рогов неярко сиял золотой нимб. Темно-зеленая грива цвета лесного мха струилась вниз по шее и тяжелыми прядями ниспадала на мощную грудь. Олень поднял руку и начертал в воздухе круг – неторопливый, элегантный жест – и только тут Чет заметил, что руки у него были человеческие, с длинными, изящными пальцами.

Карлос опустил меч. Его люди последовали его примеру.

– Я сожалею о вашей потере, Господин Велес. Это был великолепный зверь.

Золотые глаза оленя остановились на Карлосе. Он склонил голову на бок.

– «Зеленый»? Что «зеленый» делает на моем дворе?

– Приношу свои извинения, Господин Велес. Со всем уважением... – Карлос говорил очень вежливо, но в его голосе Чет услышал презрительные нотки, будто ему стоило немалого труда говорить таким образом. – Мы здесь только за тем, чтобы поймать этих преступников. Мы проследим за тем, чтобы...

– Уважение, говоришь? Хм... И все же ты не поклонился мне? Ты и твои люди врываетесь ко мне на двор, и никто не кланяется.

Лицо Карлоса исказила гримаса. Было видно, что он изо всех сил борется с собой, пытаясь обуздать гнев.

– О, – сказал Велес. – Я позабыл. «Зеленые» не склоняются перед богами. Верно? Потому что им нет нужды в богах. Что ж, зеленый человек, если душам нет нужды в богах, то и богам они тоже не нужны. А теперь прочь, пока у тебя есть на то мое соизволение.

– *Велес*, – начал было Карлос напряженным тоном, чуть не срываясь на рычание. – Я здесь главнокомандующий. У меня есть полномочия...

– Полномочия? – прервал его Велес. Голос у него был низкий, полный угрозы. – Да как ты смеешь заявлять о своих *полномочиях*... перед богом?! Ты, ничтожное насекомое, беги, пока твое ба еще при тебе.

Карлос стиснул челюсти; стойко выдержал взгляд божества.

– Нет. Я не уйду отсюда без преступников.

Повисла тишина. Никто не издал ни звука, никто даже не двинулся.

Две фигуры – огромный олень и человек – глядели друг на друга, не

отводя глаз и, к изумлению Чета, Велес моргнул первым, и выражение его глаз смягчилось.

– Так ты играешь в игру? Люблю игры. Эти двое, – тут он повел рукой в сторону Аны и Чета, – у меня в долгу. И посему я, Велес, заявляю на них свои права. Теперь они – мои рабы, и понесут такое наказание, какое я сочту нужным. А теперь, Карлос, что сделаешь ты? Заберешь ли ты их? Посмеешь ли украсть у бога? – Велес улыбнулся. – Твой ход, безбожный человек.

Все посмотрели на Карлоса, которому явно было не до игр. Стиснув зубы, он сделал глубокий вдох.

– Мы не уйдем отсюда без преступников.

Защитники быстро обменялись нервными взглядами.

Велес поднял руку; его губы зашевелились, затанцевали в воздухе изящные пальцы, будто он играл на каком-то музыкальном инструменте. Золотой нимб над его головой вдруг вспыхнул, раздался треск разрядов. Воздух ощутимо потеплел. Несколько Защитников сделали шаг назад; двое из них повернулись и побежали.

– Не отступать! – приказал Карлос. – Вы – свободные люди.

Велес дунул на них сквозь кончики пальцев. Чет заметил, что от двоих «зеленых» повалил дым, потом от третьего, от четвертого... Один из них вскрикнул: его волосы вдруг вспыхнули синим пламенем. И тогда все они повернулись и побежали. Все, кроме Карлоса, который стоял один и со злостью смотрел на божественного противника.

Велес улыбнулся.

– Эти люди явно не торопятся расстаться со своим ба ради тебя, Карлос. У безбожных душ нет убеждений, в этом их слабость. Истинная *верность* приходит только вместе *верой*.

– Наступает новая эра, – проворчал Карлос. – Попомни мои слова, бог. Скоро, очень скоро мы перестанем быть твоими игрушками.

Резко повернувшись, он зашагал прочь. Велес смотрел, как он уходит; и уже не выглядел благодушным.

Раздался топот сапог; появился человек-гоблин во главе отряда душ в малиновых туниках; в руках они сжимали копья и мечи. Увидев, что происходит, они, разинув рты, резко остановились.

– Разрешите, мы пустимся в погоню, мой господин? – спросил один из стражников.

Велес не отвечал. Он смотрел на лошадь, и глаза у него были полны горечи.

Стражники, переминаясь с ноги на ногу, обменялись взглядами.

– Мой господин?

Велес испустил долгий, глубокий, печальный вздох.

– И почему все, что я люблю, неизбежно находит свой конец? – Его тяжелый взор обратился на Чета, и тот вдруг поймал себя на том, что жалеет, что не ушел с Карлосом.

– Ты можешь назвать мне хоть одну причину, по которой я не должен раздавить тебе череп?

Чет открыл рот, пытаясь придумать, что бы такое сказать – что угодно.

– Потому что он принадлежит мне, – раздался тоненький, слабый голосок. Из свертка смятой материи выскользнули бледные, тощие, как у паука, руки. Ивабог приподнялась на дрожащих руках; напряжение и боль явственно отразились у нее на лице. – Они служат мне.

На лице Велеса отразилось недоумение, затем – неудовольствие.

– Темные предзнаменования повсюду. Я страшусь того, что готовит нам путь.

Он ступил вперед, возвышаясь над нею, как башня. На секунду Чет был уверен, что он сейчас растопчет ее своими копытами, как докучливое насекомое. Вместо этого он наклонился и поднял ее за загривок. Она безжизненно, без всякого сопротивления болталась в его руке.

Велес повернулся было, чтобы идти, но внезапно остановился.

– Рабы. Они твои, Сит, – сказал он, обращаясь к человеку-гоблину. – Поступай с ними, как тебе заблагорассудится. Только... – Тут он опять взглянул на свою лошадь. – ...Не убивай их. Мне они нужны для Игр.

И он пошел дальше, с Ивабог, болтающейся у него в руке, как мокрая тряпка.

Чет встретился взглядом с маленькими, темными глазками Сита.

Тот растянул губы в улыбке, обнажив множество крошечных острых зубов.

Часть третья

Игры

Глава 27

Чьи-то руки вцепились в Чета и вытащили его из-под лошади. Нож вывалился у него из-за пояса и шлепнулся в грязь. Чет потянулся было, чтобы его схватить, но тут что-то твердое врезалось ему в висок. Его отшвырнуло на спину; перед глазами все поплыло.

Взгляд Чета медленно сфокусировался; над ним стоял Сит, глядя на него своими бездушными глазками. В руке у него была плеть, рукоять которой представляла из себя небольшую дубинку.

– Добро пожаловать в ад, – сказал Сит. Понимать его было непросто; говорил он с явным трудом, комкая и глотая слова.

Стражники подхватили Чета под мышки и вздернули на ноги, скрутив руки за спиной.

Сит, наклонившись, поднял нож и, кинув на него любопытный взгляд, сунул себе за пояс. Затем, безо всякого предупреждения, он ударил Чета опять. Дубинка угодила Чету в висок. В ушах зазвенело. Сит поднял плеть.

– Это – Агония, – сказал гоблин, всаживая тупой конец плети Чету под ребра, так, что того согнуло пополам. – Агония – твой новый, самый лучший друг.

Он ударил Чета опять, потом еще и еще.

– Отведите их в караван, – рявкнул на стражников Сит. – Припрягите к Присцилле. Пусть попробуют, каков Ад на вкус.

Стражники поволокли Чета прочь.

– Уж не знаю, как тебе это удалось, – сказал один из стражников. – Но тебе удалось наступить на хвост практически всем, кого злить никак нельзя. Чтоб мне провалиться.

Они вели Чета и Ану вдоль выстроившихся друг за другом фургонов и повозок, по большей части – хлипких на вид сооружений из кости и разрозненных кусков ткани. Но несколько экипажей бросались в глаза прихотливой отделкой и яркими, праздничными цветами – они будто перенеслись сюда прямоком из карнавальная процессии.

Души носились туда-сюда вдоль строя фургонов, выкрикивая приказы. Голова у Чета до сих пор кружилась, но, по крайней мере, он мог идти самостоятельно. Совсем рядом, чуть ли не над ухом, раздался рев, и Чет вздрогнул. Стражники расхохотались. Это был тигр – вроде как тигр – безволосое, бледное как труп создание с темными пустыми глазами. Они проходили мимо ряда клеток на колесах. Из-под парусины выглядывали

вполне обычные на вид собаки и кошки, пара коз, но были и странные, нездешние звери из других времен, и некоторые глядели на него в ответ до ужаса человеческими глазами.

Земля под ногами вздрогнула, и тут Чет заметил гигантскую статую черного металла, громоздившуюся во главе поезда фургонов. Когда они подошли ближе, он разглядел, что это была фигура великанской женщины – по меньшей мере, двадцати футов высотой. Сложения она была плотного, даже мощного – толстые ноги, широкая спина – как у штангистки. На лице у нее застыло перманентно свирепое выражение. В груди великанши, как в топке, пылал огонь; из короны, венчавшей голову, валил дым. Из раскосых глаз и жестокого, искривленного рта сыпались искры. На плечах у нее лежало огромных размеров ярмо, цепи от которого шли к стоявшему позади вагону, груженному, судя по виду, углем. Двое мужчин с лицами, обвязанными тряпками, швыряли лопатами уголь внутрь железной женщины сквозь решетку в спине.

Статуя испустила низкий, глубокий стон и топнула одной ногой. Потом другой. От неожиданности и испуга Чет с Аной остановились.

– Познакомьтесь, это Присцилла, – сказал стражник, подталкивая их вперед. – Она – одна из величайших големов этого мира. И очень скоро вы на собственной шкуре узнаете, что характер у нее под стать размерам.

Стражники подвели Чета и Ану к вагону с углем.

– Мясо для Присциллы! – проорал, перекрывая грохот, стражник.

Приземистый мужик с обнаженным торсом взглянул на Чета и Ану с явной жалостью.

– Да, конечно. Секунду. – Подхватив два железных ошейника, он спрыгнул с вагона наземь.

– Подбородок вверх, – скомандовал он, защелкивая на них ошейники.

– Пристегните-ка их прямо здесь, – сказал стражник, указывая на железную скобу, торчавшую из боковой стенки угольного вагона. Оттолкнув еще двоих, уже пристегнутых к вагону, стражники пропустили короткую цепь сквозь ошейники Аны и Чета.

От вагона с углем к фургонам тянулись цепи и просмоленные канаты. Тут же, в несколько рядов, было приковано несколько десятков душ – упряжками, вроде мулов. Все – в железных ошейниках, с почерневшей, потрескавшейся от ожогов кожей и безнадежными лицами. У многих не хватало руки, кое у кого – обеих.

Свисток. Человек, который был прикован рядом с Четом, толкнул его в бок:

– Пригнись.

– Что?

Одет он был в потрепанную, покрытую пятнами тунику и сандалии. У него были высокие выступающие скулы и ясные умные глаза. Худощавый, но мускулистый, сложением он напоминал боксера. Серая кожа была вся усеяна шрамами, но большинство из них явно были ритуальными – они змеились причудливыми узорами по его лицу с явно африканскими чертами.

И стражники, и работники поспешно отступили от голема подальше.

Чет и понятия не имел о том, что происходит, но он последовал примеру соседа, быстро пригнувшись и потянув с собой Ану.

Еще один пронзительный свисток, на этот раз откуда-то сверху, прямо над их головами. Грохот, бешеный рев. Яркая вспышка пламени. Их обдало облаком обжигающего пара и дыма; вокруг дождем посыпались раскаленные угли, обжигая, впиваясь в плоть.

Присцилла издала долгий, громкий стон, подняла ногу и налегла на ярмо. Цепи натянулись; по всему поезду прошла дрожь. Вагон с углем дернулся вперед, чуть не сбив Чета с ног.

– Вставай! Вставай! – заорал Сит. – ТЯНИ! – И он ударил плетью ближайшую к нему душу. Остальные вскочили на ноги и навалились на построжки. Те, кто был пристегнут к угольному вагону, принялись толкать его за скобы.

Из трубы голема вырвалось еще одно облако пара, и она сделала еще шаг, потом еще, и еще, дюйм за дюймом преодолевая инерцию, увлекая за собой весь караван.

По поезду прокатилась волна радостных криков.

Набрав скорость, голем двинулась вперед широкими, пожирающими пространство шагами, таща за собой караван. Телеги поменьше потянулись следом за главным поездом.

Острая боль вдруг обожгла Чету спину, один раз, другой, третий.

– Толкай, конеубийца, толкай! – заорал Сит и ударил еще раз. – Толкай!

Глава 28

Триш открыла глаза.

Она пришла в себя в маленькой, темной комнатушке с высоким потолком. Она села, пытаясь понять, как сюда попала. Комнату рассекал узкий луч света, проникая между двух тяжелых фиолетовых штор. По обоям вился прихотливый цветочный орнамент, в котором чересчур явственно выделялись чьи-то лица. Кроме кровати, мебели в комнате не было.

Она спустила ноги на пол. «Чет». С секунду она пыталась убедить себя, что его холодное тело, лежавшее в солярии, привиделось ей во сне. Но она знала, что это не так. «О, Господи, Чет». Она стиснула столбик кровати и почувствовала, как на голую кожу капая слезы. Посмотрев вниз, она вдруг поняла, что совершенно раздета. «Где моя одежда?»

Она встала, пошатнулась, подождала, пока перестанет кружиться голова, а потом подошла к маленькой двери в углу, вроде дверцы шкафа. За ней оказалась крошечная уборная без окон, с раковиной и унитазом. На крючке висела белая ночная рубашка. Натянув рубашку, она пошла ко второй двери, чувствуя, как поскрипывают под ее босыми ногами доски пола. Дверь была заперта.

– Какого черта?

Она постучала в дверь.

– Ау? Ламия? Кто-нибудь здесь есть?

Ничего.

Она постучала опять, сильнее, и услышала приближающиеся по коридору шаги. В замке повернулся ключ, раздался щелчок, и внутрь комнаты осторожно заглянула Ламия.

– Ламия, почему я была здесь, взаперти?

– О, дитя мое. Прости, пожалуйста, но ты была в таком состоянии! Я боялась, что ты, не помня себя, куда-нибудь забредешь.

– Где моя одежда?

– Ты хочешь есть, душа моя?

– Что? Нет. Мне просто нужно одеться.

– Ну-ну, не нужно так волноваться. Давай-ка, забирайся обратно в кровать, а я пока соображу тебе что-нибудь поесть. – Она начала было закрывать дверь, но Триш уперлась в нее ладонью.

– Я не хочу обратно в кровать. – Триш надавила на дверь, но та не поддавалась – Ламия держала ее с другой стороны. – Что вы делаете?

– Ты не в себе. Тебе нужно лечь обратно в постель.

– Ламия, я очень благодарна вам за заботу, но я в порядке. Правда.

Пожилая женщина все так же держала дверь.

– Ламия, дайте мне пройти. – В этот раз Триш толкнула дверь как следует и протиснулась в коридор. В горле у нее страшно пересохло; она прошла на кухню и налила себе стакан воды из-под крана. Из кухонного окна ей было видно солярий, и она подумала о Чете, который лежал внутри, один.

Она сделала долгий глоток и прикрыла глаза, чувствуя, как ей становится лучше. А когда открыла – Ламия была уже рядом – отражение в оконном стекле. Триш вздрогнула, чуть не уронив стакан. Повернулась.

– Вы меня напугали.

– Прости, дорогая. Просто не хотела выпускать тебя из виду. Ты не в себе.

Триш захотелось, чтобы старушка перестала уже это повторять.

– Ламия, я хочу пойти в солярий. Мне нужно опять увидеть Чета.

– Но его там нет.

– Да? Где он?

– Мы похоронили его сегодня утром.

Триш глядела на Ламию, не веря своим ушам.

– *Похоронили* его? *Похоронили*? Как это? Где?

– Внизу, рядом с его матерью.

– Вы похоронили его без меня? – Триш начало трясти, и ей пришлось поставить стакан. – Какое вы имели право!? Какое...

– Тихо, дитя, – сказала Ламия так резко, что Триш застыла от удивления. – Ты в этом состоянии уже два дня. Несешь непонятно что, то и дело теряешь сознание. Кто-то должен был позаботиться, чтобы все было как следует. Мальчика следовало предать земле.

«Два дня», – подумала Триш, пытаясь найти в этом хоть какой-то смысл.

– Мы не могли никуда его отвезти, никого позвать, а то начались бы неприятности. Твой отец узнал бы, приехал бы за тобой. Что бы тогда случилось с твоим ребеночком? Скажи мне.

Триш знала, что бы тогда случилось. Ребенка бы у нее забрали и отдали бы в чужие руки. Она никогда бы даже лица своей дочери не увидела.

– Ламия, простите. Просто... Просто мне хотелось увидеть Чета – хотя бы еще один раз.

– Может, я погорячилась, – сказала Ламия гораздо мягче. – Мы все

сейчас не в своей тарелке. – Она положила руку на плечо Триш. – Завтра мы сходим на могилу, проведем его... Когда будет светло.

Триш глянула в окно. Солнце только начало садиться.

– Если вы не против, я хотела бы пойти к нему прямо сейчас. Пойду обуюсь. – Она вышла из кухни и поднялась по лестнице наверх, в ту комнату, где ночевали они с Четом. Она вошла и застыла – вещей не было. Даже белье с кровати исчезло. Будто их здесь никогда и не было. *Что происходит?*

Ламия ждала ее внизу, у лестницы, с чашкой чая в руке.

– Ламия, где мои вещи?

– У тебя расстроенный голос. Не нужно расстраиваться, ты повредишь ребеночку.

– *Где мои вещи!?*

– Ну-ну, выпей-ка чашечку чайку и приляг. Отдохнешь – сразу почувствуешь себя лучше.

– Я уезжаю.

– Машины больше нет, дорогая.

– Дайте мне пройти!

Ламия не двинулась с места. Она просто стояла и смотрела на нее, как-то странно склонив голову на бок.

– В последний раз прошу... Дайте мне пройти.

– Ты не можешь туда идти. Там есть то, что может причинить тебе боль.

«*Да она сумасшедшая*», – подумала Триш и попыталась отодвинуть ее с дороги.

Старуха схватила Триш за запястье и вывернула так, что та упала на колени.

– Прекратите! – закричала девушка. – Вы делаете мне больно!

– Я пытаюсь тебе помочь.

Триш ударила Ламию в ответ, попала ей в грудь и та уронила чашку, которая осколками разлетелась на полу.

Ламия ударила ее по лицу, раз, другой, и сильнее выкрутила руку, так что Триш показалось, что кости вот-вот не выдержат и сломаются. Она вскрикнула, попыталась вырваться, но хватка у старухи оказалась железной. Ламия потащила Триш дальше по коридору, затолкала в уже знакомую комнатку и захлопнула дверь. Раздался щелчок. Триш потрясла дверную ручку. Заперто. Она ударила по двери ладонью, потом ногой.

– Выпустите меня! – закричала она. – Выпустите меня *сейчас же!*

– Мы должны думать о ребенке. Так лучше.

Триш подошла к окну, рывком отдернула шторы – и чуть не задохнулась. Окно было забрано деревянными планками. Она потянула за планку. Та не поддавалась. Упершись ногой в подоконник, Триш потянула изо всех сил. Острая боль пронзила ей живот. Она согнулась пополам, обхватив себя руками, и съехала на пол. Триш заплакала, тихонько покачиваясь, стиснув руками живот.

– Ох, малышка, – прошептала она. – Ты, давай, держись. Ты только держись.

Глава 29

Все вокруг было омыто тусклым янтарным светом. С медного неба редкими хлопьями медленно падал пепел, оседая в трещинах и расщелинах клочками низких туч, что плыли, свиваясь, над путниками. Острые скальные пики невероятных пропорций возвышались над ними, будто заброшенные готические сооружения, готовые рухнуть в любую секунду. Город остался позади вот уже несколько часов назад, изредка встречались лишь нагромождения каменных блоков и плит.

Из трубы голема вырвался столб пара. Продолжая тяжело топтать вперед под мерный лязг цепей, она опять испустила свой долгий, протяжный стон, эхом раскатившийся по безлюдному, дикому пейзажу.

Стражники рассыпались по сторонам, сжимая в руках оружие, впиваясь взглядами в окружающие скалы и пики. Тут Чет заметил белевшие между камнями кости – всех форм и размеров, звериные и человеческие, некоторые из них – гигантские, будто останки динозавров. Поначалу кости попадались лишь изредка, время от времени, но их становилось все больше и больше, и наконец, казалось, в долине не было уже ничего, кроме костей. Чет гадал, скоро ли и его кости лягут среди других, скоро ли Триш с малышкой будут потеряны для него навсегда. Он опустил взгляд на цепь, которая болталась туда-сюда с каждым выматывающим шагом. *Да какие у него теперь могут быть шансы? Какие, к черту, шансы?* Впереди заорал Сит, Чет поднял глаза и увидел рукоять Сеноева ножа, торчавшую у гоблина из-за пояса. Как там Сеной говорил? *Ничтожный шанс лучше, чем ничего.* «Да, – подумал Чет, упрямо цепляясь за слова ангела. – *Я дал клятву, я пообещал моей маленькой девочке, что всегда буду рядом*». Он опять взглянул на свои оковы. Те выглядели очень старыми. Подхватив цепь, Чет обернул ее вокруг крепежа и хорошенько дернул. Ржавчина осыпалась, обнажив слабые места. *Шанс есть всегда.*

Раздался пронзительный свисток; шум нарастал.

– Вниз! – проорал сосед Чета. Все, как один, пригнулись, и в следующее мгновение из голема вырвалось облако дыма и пара. Вокруг дождем посыпались пылающие угли. Раздались вскрики, души руками стряхивали с кожи куски раскаленного камня.

Сит побежал вдоль каравана, раздавая тычки и проклятия, крича упряжкам, чтобы те поднимались на ноги.

– Наблюдать за Присциллой очень важно, – сказал Чету сосед.

Чет кивнул.

– Меня зовут Эдо.

– Чет. А это Ана.

Ана смотрела в сторону, на невероятных размеров череп, возвышавшийся над долиной. Череп, даже наполовину погребенный в черной земле, был высотой с тридцатиэтажное здание; черты напоминали человеческие, но во рту торчали, наверное, тысячи неровных, иззубренных зубов.

– Так вот кто там водится? – спросила она. – Такие вот чудовища?

– Тут много чудовищ, – сказал Эдо. – Но таких как этот больше нет. Это череп титана, одного из древних. Все они были повержены задолго до того, как пал первый ангел.

Чет заметил несколько телег и множество фигур, суевившихся вокруг черепа. Они пилили гигантские кости на доски и грузили в телеги.

– Только поглядите на них, – сказал Эдо. – Преодолеть такое расстояние, рискуя собственным ба, ради кости. Кость хорошая, особенно для строительства, но они явились сюда не поэтому. Они верят, что в этих костях полно магии, что они приносят удачу.

– Только кости, камни да пыль. И так без конца, – сказала Ана.

– Вовсе не без конца, – ответил Эдо. – Здешние земли обширны. Я много где побывал, и все же видел только ничтожную часть. Слышал, есть в здешних пределах места, похожие на мир наверху. Сады поразительной красоты, созданные еще древними – луга асфodelей, Елисейские поля. Я все еще храню надежду, что смогу когда-нибудь их увидеть, пока и они не исчезли совсем. Есть и другие создания, существа, которые пришли сюда еще до. Иные из них *живут*, по-своему, конечно. У иных даже кровь по жилам течет, как у Сита, например. Заметил ли ты, как трудно его бывает понять? Это потому, что он из троу^[3], а они – одна из немногих оставшихся рас подземного мира, и не могут говорить на истинном вавилонском, как мы.

– До чего? – спросила Ана.

– До чего?

– Ты сказал, они пришли сюда еще до.

– А! До Единогобогов, до того, как пали ангелы. До того, как...

Рядом с Четом шагал Сит, глядя на него своими черными, как у ящерицы, глазками.

Чет продолжал смотреть прямо вперед.

– Каждый твой шаг, – сказал Сит, – приближает тебя к Играм... К ужасам и пыткам.

Фыркнув, он отправился дальше к голове каравана.

– Сожалею, Чет, – сказал Эдо. – Сит находит в наших страданиях удовольствие. Как я уже говорил, он из тех, кто был здесь всегда. Для них нашествие мертвых на их земли – вроде чумы... И, может статься, так оно и есть.

Чет старался думать не о том, куда они идут, об играх этих, – только о том, как сбежать. Он опять бросил взгляд на ржавую цепь, на болты, которыми она крепилась к вагону, и почувствовал уверенность, что в нужный момент сможет ее оборвать. Теперь оставалось только ждать этого момента.

– Отколе ты, Чет?

– Что?

– Где ты жил на Земле?

– В Алабаме, по большей части.

– Алабама? Хм... Это, наверное, Новый свет? Америки?

Чет кивнул.

– Я родом из Африки, из царства Нри. Там я служил великой богине Ойе. Вся моя жизнь была посвящена ей. А потом, когда ангелы прогнали ее вниз, я лишил себя жизни и последовал за ней, чтобы служить ей и в смерти.

Чет с Анной молчали – оба не знали, что на это сказать.

Эдо посмотрел на Ану.

– А ты, Анна. Ты тоже из Америк?

– Да. Пуэрто-Рико.

– Похоже, многие души, что прибывают в Стигу, попадают туда из Америк. Полагаю, двери, ведущие из верхнего мира, каким-то образом связаны с разными городами, что стоят на реке Стикс. Но это лишь догадка, плод досужих размышлений над устройством здешнего мира. Моя богиня, Великая Ойя, сказала как-то, что я провожу слишком много времени, думая о вещах, которые не имеют значения. Что я пытаюсь найти логику там, где ее не существует. – Он рассмеялся. – Она сказала, что единственная логика здесь, внизу – это хаос.

Долина костей осталась позади; облака опустились еще ниже, и все вокруг окрасилось серым. Начало моросить.

– Здесь что, солнца нет, Эдо? – спросила Анна. – Что там, за этими чертовыми облаками?

Эдо поднял взгляд.

– Мать Око. Око-Мать. Она и ее дети там, наверху. Когда облака реденеют, становится видно, как она смотрит на всё и вся. Когда она

засыпает... в мире становится темно.

– Глаз, да? Да почему бы и нет? – Ана потрясла головой. – А это что? – Она указала на зубчатый горный хребет, вот только вырастал он сверху вниз, из облаков.

– Да то же самое, что и внизу. В ясные дни можно увидеть ту землю, что над нами, и даже спустя сотни лет, проведенные тут, внизу, этот вид внушает мне ужас. В иных местах горные пики соприкасаются, как сомкнутые зубы, соединяя миры. Я разговаривал с теми, кто взбирался по одной такой горе, а потом спускался вниз по другой.

– Выходит, мы внутри гигантской зубастой пасти, а сверху на нас пялятся глаз, – сказала Ана. – Как мило.

– Некоторые считают, что мы в гигантской пещере под Землей, под той, что наверху, – продолжал Эдо. – Я в это не верю. Нижние регионы слишком обширны, чтобы земля могла вместить их. Слишком, слишком огромны. Великая Ойя говорила, что Нижний мир бескраен. Мне это нравится. Значит, можно надеяться, что где-нибудь, может, прямо за следующим холмом, найдется край, где царят мир и покой.

Эдо все говорил и говорил – у него было множество историй про его богиню, про путешествия, которые он совершил. Чет у нравилось его слушать; его глубокий голос успокаивал и внушал веру в будущее. Но дорога все тянулась, миля за милей, и даже у Эдо кончились темы для разговора. Все так же шел дождь; земля под ногами раскисла, превратившись в жидкую, скользкую грязь, в которой увязали ноги. Идти было трудно. Рабы плелись вперед да вперед под барабанный бой тяжелых шагов голема, а время от времени вступали басы – очередной выброс пара и пепла из ее рта. Чет поймал себя на том, что старается не думать о Триш, не поддаваться отчаянию и тревоге.

– Эдо, – спросил Чет, надеясь, что тот опять разговорится. – А как ты сюда попал? То есть, в рабы к Велесу?

Эдо открыл было рот, чтобы ответить, но замялся, подыскивая правильные слова.

– Потому что я – вор, – выпалил он наконец. – И не слишком хороший. Я пытался украсть кое-что у Велеса. – Он взглянул на Чета. – И я бы сделал это еще раз. Я бы все что угодно для нее сделал. Для моей богини, Ойи. – Он помолчал. – Душа моя принадлежит ей. Она – моя звезда, мое солнце. Но, как и многие древние, она слабеет. Горькая правда, но я должен это признать, потому что кругом полно стервятников... Все эти души-безбожники, демоны и даже другие боги... наблюдают, ждут своего часа, чтобы пожрать ее. И вот поэтому-то я и решился украсть у Велеса... Ради

нее... Чтобы помочь ей.

– Мне жаль, Эдо, – сказал Чет и вздохнул. Он жалел, что вообще раскрыл рот.

– Да, мне тоже жаль. Жаль, что я не такой уж хороший вор. Единственное, на что я надеюсь...

Сит опять вырос возле Чета. Он шел рядом в сопровождении двух стражников. Те пялились на Чета так, будто он был цирковым уродцем.

– Это что, правда, он? – спросил один.

– Да, – ответил Сит. – Конеубийца.

– Странно, что Велес не содрал с него заживо шкуру, – сказал все тот же стражник.

– Он бережет их для Игр. Его и девчонку.

Стражники кивнули, посмотрев на них с глубокой жалостью.

Сит сунул плетъ под нос Чету.

– Тут Агония хотела сказать тебе «привет».

Он хлестнул Чета плетью раз, другой, третий. Чет поднял руку, пытаясь заслониться, и плетъ рассекла ему рукав, впившись в тело.

– *Прекрати!* – закричала Ана. – Прекрати!

Сит остановился. Взгляд его холодных глазок сосредоточился на Ане.

– Защищаешь? Ты его цепная псина?

Ана не ответила.

Он наклонился к ней, постукивая себя по лбу рукояткой плети.

– Агония думает, ты очень плохая псина.

И Сит ударил Ану по лицу рукоятью-дубинкой.

Она вскрикнула.

Сит вытянул ее плетью по шее, а потом опять нацелился рукоятью в лицо, но тут Чет поймал плетъ за хвост – вцепился намертво. Гоблин попытался вырвать у него плетъ.

– А ну, отпусти, – прорычал он.

Чет держал.

– Отпусти. – Маска безразличия дала трещины, и Чет увидел в глазах гоблина ярость. Сит рванул плетъ на себя, и тут Чет, наконец, отпустил. Сит, не удержавшись на ногах, плюхнулся прямо в грязь.

Стражники засмеялись.

Черные глазки гоблина вспыхнули. Он вскочил было на ноги, но тут впереди раздался свисток. Голем остановилась; раздались крики.

– Ну что там еще? – сказал один из стражников, и они побежали вперед, туда, где, судя по звукам, что-то происходило.

Чет подхватил цепь, надел одно из слабых звеньев на крепеж и

хорошенько дернул. Цепь держалась. Он дернул сильнее.

Эдо положил руку ему на плечо.

– Чет, нет. Не здесь.

– Я ухожу.

– Здесь некуда идти. Сплошной лабиринт из скал и пещер. Здесь водится такое, что проглотит тебя целиком и не подавится. В одиночку и без оружия у тебя просто нет шансов.

– А я и не пойду безоружным, – проворчал Чет себе под нос. – Заберу этот гребаный нож, и все. – Он еще раз дернул за цепь, почувствовал, как та поддается, и бросил вокруг быстрый взгляд – нет ли стражников. Все они были далеко впереди. И тут он заметил, что какой-то человек – один из кочегаров – очень внимательно на него смотрит. Лицо у него было все черное от сажи, рот и нос обвязаны платком, но Чет у что-то в нем показалось смутно знакомым.

Сит опять что-то орал. Но на этот раз он явно приближался.

Чет навалился на цепь изо всех сил. Стиснул зубы, когда железо впилось ему в пальцы – но цепь все держалась.

Сит шел прямо к ним, ведя за собой четверых стражников. Подбежав к первому ряду рабов, те принялись отстегивать цепи от крепежей. Сит отстегнул первые два ряда рабов перед ними, а потом, к удивлению Чета, отстегнул и их ряд. И вот он уже идет к голове каравана в сопровождении тяжело вооруженных стражников. Когда они прошли голема, Чет понял, в чем было дело: одна из телег, которая ехала сама по себе, соскользнула с дороги, и теперь одно колесо висело над пропастью. Телега продолжала соскальзывать все дальше в потоке жидкой грязи; к задней оси была привязана веревка, и несколько стражников тянули за нее изо всех сил, пытаясь вытащить телегу из грязи.

– Сюда! – заорал Сит. – Хватай веревку! Тяни!

Рабы подхватили веревку, принялись тянуть.

Чет замялся, кинув быстрый взгляд на Сита, на пояс, на нож.

– Пошел! – заорал один из стражников, тыкая в Чета копьем. Чет взялся за канат позади Эдо и Аны и начал тянуть, но смотреть продолжал на Сита.

Глава 30

«*Не может быть*, – думал Тренер, когда парня отстегнули от упряжки. Наверняка это безумное место опять выделяет фокусы с его сознанием. – *Эта походка, эти волосы, эта фигура. Нет, это точно Чет*». Тренер вогнал лопату в уголь, повернул, вцепившись в рукоятку так, что заболели руки. «Это он», – прошипел Тренер, задыхаясь, ловя воздух ртом.

– Ты в порядке? – спросил его второй кочегар, Джордж.

– Как никогда, – холодно ответил Тренер, спрыгивая на землю и направляясь прочь.

– Эй, – окликнул его Джордж. – Ты куда?

Тренер положил лопату на плечо, перехватив рукоятку поудобнее, обеими руками.

– Свести кое-какие счета.

Глава 31

Око-Мать начало тускнеть, окрасив скалистый пейзаж цветами кровоподтека. На краю гребня расцвело облачко – всадники, за которыми тянулся хвост серой пыли. Руки нащупали оружие, глаза настороженно впились в приближающихся всадников. Полковник остановил колонну.

Гэвин натянул поводья, остановив фургон, и оглянулся на свой груз. Единственное кровавое око Господина Хоркоса уставилось на него в ответ, а двенадцать пленников, которые, спотыкаясь, брели следом – те души, которые отказались отречься от своего бога, – замерли, пошатываясь, позади повозки.

Лошадей было четыре; всадников – семь: шестеро ехали по двое в седле. На всех были зеленые куртки. Разведчик, который шел впереди колонны, просигналил, что все в порядке. Но Полковник не опускал мушкет, пока сам не увидел их лица.

– Это точно они, – сказал он, и прокричал своему разношерстному воинству: – Вольно! Дайте отдых ногам, пока есть такая возможность.

Рейнджеры побросали оружие и снаряжение и повалились на землю, кто где стоял – они были на марше весь день.

Полковник спешил, подошел к повозке и встал рядом с Гэвином.

Передний всадник галопом приближался к ним. Длинный плащ, лицо закрыто от пыли платком. Но Гэвин все равно в точности знал, кто это. Полковник наклонился к Гэвину:

– Давай попробуем обойтись без неприятностей, Гэвин. Нам с ними работать.

Карлос подъехал к ним; его взгляд уперся в изувеченное тело Господина Хоркоса. Он сдернул с лица платок, широко улыбнулся – такая улыбка бывает у человека, которому только что крупно повезло в рулетку. Он спрыгнул с седла, подбежал к Полковнику и схватил его за плечи.

– Вы это *сделали*! Это же бог, Полковник! Вы добыли бога! – отпустив Полковника, он забрался в повозку и, оскалившись, воззрился на поверженное божество.

– Ну и кто ты теперь такой? – спросил он. – *Никто!*

Он всадил большой палец прямо в единственный оставшийся глаз бога и повернул. Лицо Хоркоса исказила боль, вокруг кляпа запузырилась кровь. Карлос рассмеялся.

Подъехали остальные всадники. Лошади выглядели неважно – им явно

пришлось нелегко. Гэвин знал, что лошади на самом деле – души-перевертыши: это видно было по глазам – загнанным, испуганным, чересчур разумным.

Шестеро всадников спешили. Вид у них был измотанный, они явно были рады выбраться, наконец, из седла. Это был особый отряд Карлоса – здоровенные мускулистые мужики, сплошь покрытые ритуальными шрамами. Но во всей этой мощи не было ничего естественного. Наросты и шишки, покрывавшие их кожу, ясно указывали на то, что они были накачаны ка. Помимо мечей, у троих из них были мушкеты, а у одного – даже револьвер.

Они называли себя Защитниками, если полностью, – Защитниками Свободных Душ, – но Гэвин считал, что все эти пафосные куртки и пышные названия не слишком удачно маскируют их истинную суть. Они были просто шайкой бандитов, очень похожей на те синдикаты, для которых он возил спиртное во времена Сухого закона. Защитники начинали как самые обычные гангстеры и охотники за душами, но год за годом они расширяли сферу влияния, постепенно подминая под себя Стигу. Они захватили контроль над производством ка-монет – теперь оно было частью их подразделения, занимавшегося «защитой» и вымогательством. А потом они вступили в союз с Полковником – и вот уже они борцы за свободу. Революция, которую начал Полковник, была для них лишь предлогом полностью подчинить себе Стигу.

Защитники. Сплюнув на землю, Гэвин бросил взгляд на Полковника, надеясь увидеть хоть какие-то признаки того, что ему противно иметь дело с этими гнусными недоумками, но не увидел ничего. *«Дружище, а ведь были же времена, и совсем недавно, когда ты застрелил бы их на месте, – подумал Гэвин, стиснув зубы. – Ради великой цели все средства хороши. Да, Полковник?»*

Карлос спрыгнул с телеги и подошел к лошади Полковника, к седлу которой было приторочено копьё – то самое, которое их люди называли теперь Богобойцей. Карлос положил руку на копьё – нежно, будто лаская. Посмотрел на Полковника.

– Ну, так что вы теперь думаете о князе Кашаоле?

– Честно говоря, под конец, когда между мной и Хоркосом не было ничего, кроме этого копьё, я был уверен, что сейчас умру. Исключительно глупой смертью. Но, как видите, князь Кашаол нас не подвел.

«Князь Кашаол, – подумал Гэвин, не веря своим ушам. Полковник только что назвал демона, прислужника Сатаны, его настоящим титулом. Сам Полковник много раз предостерегал своих людей против этого,

говорил, это все равно, что принести демону присягу на верность. – *Как ты можешь быть настолько слеп? Или это твой осознанный выбор?»*

«Скорее, первое, – решил Гэвин, вспомнив всех тех демонов, которых они выслеживали и убивали вместе с Полковником. – *Играешь с огнем, Полковник».*

– Жаль, вы этого не видели, – продолжал тем временем Полковник. – Пули и стрелы так и отскакивали от его шкуры, но Богобойца прекрасно справился с делом. После этого охрана по большей части разбежалась. А те, что остались, мало на чтогодились. Дальше было просто.

– Чертовски жаль, что я это пропустил, – сказал Карлос. – Но у нас будет еще много возможностей разделить победу.

– Вы так уверены в этом?

– Конечно. Потому что много что готовится уже прямо сейчас, пока мы с вами разговариваем. – Подцепив большим пальцем медную пряжку на своем ремне, он с самоуверенным, почти развязным видом повел Полковника в обход фургона, подальше от его людей. – Получил весточку от князя Кашаола. Он обещает нам двадцать мушкетов в обмен на голову Хоркоса.

– Двадцать! – повторил Полковник. – Ха! Вы понимаете, что это значит?

Карлос самоуверенно ухмыльнулся. Он явно понимал.

– С Богобойцей... У нас есть все, чтобы взять Велеса.

– Да, сэр, и мы это сделаем. А Велес сейчас как раз в пути, направляется на Съезд. Он на Пустошах – как на блюдечке, остается только взять. И это еще не все. Посланец князя Кашаола раскрыл мне некоторые подробности об оружии, которое он нам обещал. Для Алой Леди.

Полковник смотрел на него взглядом ребенка, которому не терпится развернуть подарок на день рождения.

– Это что-то вроде маленькой ручной пушки или мушкетона. Стреляет зарядами, сделанными из того же самого богобойного материала. Если удастся подобраться достаточно близко, мы разнесем ее на клочки.

– Когда?

– Скоро. Она и до Леты добраться не успеет.

Полковник кивнул. Он услышал именно то, что хотел услышать. Гэвина беспокоила не только доверчивость Полковника по отношению к Карлосу. Гораздо хуже было то, что он доверился князю Ада. А тут еще разговоры об Алой Леди, богине-воительнице, которая была защитницей не только богов – всего мира древних. Она веками держала демонов на расстоянии. Гэвину доводилось слышать, что она сокрушила как-то целый

батальон демонов, посмевающих ступить на ее территорию. И вот Полковник собирается вступить с ней в бой лицом к лицу, полагаясь на слово Кашаола.

– Остальные боги будут либо еще на Съезде, либо в пути, – сказал Карлос. – К тому времени, как они узнают, будет уже поздно – для всех них.

– А где она сейчас, Алая Леди? – спросил Полковник. – Вы ее нашли?

– Да. Это было несложно. Она – создание привычки. Мы нагнали ее в Стиге. Когда я уходил, они с ее ведьмами все еще собирали детей. Так что пройдет еще ночь или две, прежде чем она отправится в дорогу. У меня за ней следит человек. Он даст нам знать.

– Так ты думаешь, нам сначала нужно выступить против Велеса? А?

– Да, думаю. Как только мы его уберем, дорога на Лету станет нашей. Алая Леди останется в одиночестве. Так у нас будет больше шансов.

Полковник согласно кивнул.

– Все складывается одно к одному, – сказал Карлос. – Не будь я атеистом, сказал бы, что Бог на нашей стороне.

Полковник посмеялся, но вид у него был слегка отсутствующий, будто он уже видел перед собой дни грядущей славы.

– И со стороны Кашаола ничего не изменилось? Никаких новых требований? Ничего подозрительного?

– Полковник, мы уже говорили об этом. Вы не хуже меня знаете, что Единобоги никогда не позволят демону править Приречными землями. Поэтому-то князь Кашаол и обратился к нам. Потому что ему нужны посредники. Кто-то, кто будет собирать для него проклятые души.

– Ситуация мне понятна, – процедил Полковник. – Просто мне кажется, что должен быть какой-то другой способ.

– Ну, если вам удастся его найти – скажите, – ответил Карлос. Он глубоко вздохнул. – Слушайте, Полковник, становится темно. Нам надо бы выдвигаться.

– Вы имеете в виду *сейчас*? – спросил Полковник. – Вы хотите скакать по этим каньонам ночью, верхом?

– Нам нельзя терять времени.

– Вас будто что-то тревожит.

Карлос потянул себя за ус.

– Есть немного. Когда мы нагнали Алую Леди, был с ней один человек.

Полковник ждал.

– Дело в том, что... он только что прибыл с той стороны, его плоть была все еще мягкой и белой, как снег.

– Ты имеешь в виду, что Алая Леди пришла туда специально, чтобы встретить его? Когда он прибыл с *другой стороны*?

– По мне, это выглядело именно так. И есть еще кое-что. Мы проследили за ним до храмов. Застукали, когда он встречался с Ивабог.

Полковник не выглядел убежденным.

– Ивабог. Она очень древнее божество... не из крупных игроков. Но... все же она – одна из них.

Полковник нахмурился.

– Мы уже думали, что поймали его, но тут ситуация вышла из-под контроля. Они с Ивабог обвели нас вокруг пальца, сбежали, и вы не поверите, куда они пошли.

И опять Полковник молча ждал продолжения.

– Велес.

– Нет.

– И Велес принял их. Насколько мы можем судить, они отправились на Съезд вместе.

– Это странно. Думаете, они что-то замышляют?

– Что-то здесь точно неладно.

– Да, но...

– Да, погодите, есть еще кое-что. Две вещи. Первое, этот человек или, скорее, парень – он совсем молод. И, ну, он проклят. Я сам видел метку и, черт, хотелось бы мне знать, как он так умудрился убраться с поверхности, что демоны его не догнали.

Полковник кивнул.

– И второе. У него был нож. Дирк сказал, что он принес его с собой с той стороны, и, послушайте... нож был из белого золота, прямо как Богобойца. Камень резал как масло.

– У него было оружие демонов?

– Ага.

– Но... В этом нет никакого смысла.

– Никакого. Когда мы на него надавили, он сказал, что получил его от ангела. Представляете?

– А что он был за человек? – спросил Полковник.

– Это и мне хотелось бы знать.

– Хорошо, а как он выглядел?

– Худой, чуть выше вас. Рыжий, лохматый. Молодой, как я уже говорил, немного за двадцать. Да, и чертовски светлые глаза – я таких еще не видел.

Гэвин повернулся и посмотрел на Карлоса, не в силах поверить тому,

что слышит. Мог ли это быть тот парнишка из его видения? Вряд ли, конечно, и все же где-то глубоко внутри он чувствовал, что связь тут была.

– Сказал, что его зовут Чет. Фамилии я так и не знаю. Если повезет, он все еще будет с Велесом, когда мы его возьмем. Тогда, конечно, мы что-то из него вытрясем.

Полковник кивнул; вид у него был настороженный.

– Что ж, – сказал Карлос. – Последнее, чего мне хочется – это затаскивать свою натертую задницу обратно в седло, но ничего не поделаешь – нам надо спешить.

– Вам понадобятся свежие лошади, – сказал Полковник с несколько отсутствующим видом, и крикнул, чтобы привели коней. – И мне нужно, чтобы вы еще кое-что для меня сделали. Вот эти пленники. Нужно, чтобы вы отвели их в каньон и оставили там.

Карлос поднял свои густые брови.

– Некрасивое дело, я знаю. Но мы не можем рисковать, чтобы кто-то что-то узнал. Только не сейчас, когда у нас все на кону.

– Полковник, пожалуйста, ни о чем не беспокойтесь. Я приглажу, чтобы они никому не рассказали... *ничего*.

– Нет, – сказал Полковник, спокойно глядя на Карлоса. – Не убивайте их. Я этого не допущу. Просто оставьте в каньоне. К тому времени, как они оттуда выберутся, дело уже будет сделано.

Карлос пожал плечами.

– *Не убивать*. Это понятно?

– Да, я все понял, Полковник.

– Хорошо. Убийств и так будет предостаточно, пока мы со всем не покончим. Нам нельзя забывать, что сражаемся мы ради них, ради этих душ.

Подвели лошадей. Это были души-перевертыши, вышедшие из кузницы самого Господина Хоркоса, великолепные длинноногие звери с лоснящимися черными шкурами.

Карлос и его люди выбрали себе по лошади и принялись их седлать.

– Ансель, – крикнул Полковник. – Загружай пленников. – Он подошел к передку телеги, встал рядом с Гэвином. – Гэвин, я хочу, чтобы вы с Анселем пошли с ними.

Карлос обернулся.

– Полковник, я благодарен вам за предложение. Но у меня достаточно людей.

– Окажетесь в сложном положении – будете рады, что они с вами.

Карлос начал было говорить что-то еще, но Полковник его прервал.

– Хочу, чтобы у вас была пара лишних стволов, Карлос. Это слишком важно. – Он не сказал прямо, что это приказ, но по тону и так было ясно.

Карлос поморщился – получать приказы он не привык. Он посмотрел на Гэвина, не делая никаких попыток скрыть свое раздражение.

Защитник отошел оседлать своего коня. Полковник наклонился к уху Гэвина.

– Можешь не притворяться. Я прекрасно понимаю, что ты сейчас обо мне думаешь. Стануться с демонами и этими подонками. Может, я и делаю глупость, Гэвин, но я не дурак. Нам нужна их помощь. Другого пути нет. Но попомни мои слова – в конце концов, если мы правильно разыграем свои карты, эта земля будет свободна и от богов, и от демонов.

Гэвин ничего не сказал.

– Послушай, – продолжал Полковник. – Я знаю, что Карлос за человек. Но иногда дух революции может изменить человека. Мне доводилось такое видеть. Надеюсь, что с Карлосом именно так и произойдет. Но пока мне бы хотелось, чтобы ты за ним приглядывал. Если что-то пойдет не так, мне хотелось бы об этом знать. Могу я на тебя положиться?

Гэвин кивнул.

– Хорошо. И, Гэвин... будь осторожен.

Глава 32

– Стой! – прокричал Карлос.

Гэвин натянул поводья, и фургон остановился.

Откуда-то позади раздался вой, эхом раскатившийся по каньону. Уже два часа они ехали между двух высоких скальных стен, и, судя по тусклому свету, еле переливавшемуся через края каньона, у них оставался еще – самое большее – час до полной темноты.

Карлос подъехал к телеге и спешился.

– Хьюго, Стив, Джастин, выгружайте пленников. Выстройте их в ряд и положите на землю.

Трое людей спешили и заставили пленников спуститься с телеги. Они до сих пор были связаны все вместе, руки скручены за спиной. Остальные Защитники оставались в седлах, не спуская глаз с окружающих скал, испещренных трещинами и разломами.

Пленники со страхом вглядывались в густеющие тени.

– Проверь-ка их, Хьюго, – сказал Карлос. – Парочка точно найдется.

Хьюго, в отличие от прочих Защитников, не был накачан ка. Худощавый и жилистый, чисто выбритый, самоуверенная походка враскачку. На нем была темно-зеленая джинсовая куртка, узкие брюки и остроносые ботинки. Свой стетсон он носил, низко нахлобучив на лоб, так, что глаза всегда были в тени; постоянно отбрасывал назад длинные черные волосы. Но внимание Гэвина привлекло оружие, болтавшееся в кобуре у него на бедре – настоящий револьвер: редкость в мире мертвых.

Хьюго прошел вдоль строя, пиная пленников под колени и толкая их на землю.

– На живот! – орал он. – Лицом в землю. Кто поднимет нос – глаза выколю!

Он хватал каждого за правое запястье и проверял ладони. Одна женщина все не разжимала кулак.

– Покажи ладонь, – сказал Хьюго и дважды ударил ее по затылку.

Но она все так же не разжимала пальцы.

Он вытащил нож.

– Последний шанс.

– Нет, нет, – умоляла она, а потом закричала, когда он отрезал ей пальцы. Поглядел на ладонь.

– Одна есть. – Он оттащил женщину в сторону, швырнул к колесу

телеги. – Сиди тихо, крошка. Мы с тобой еще не закончили.

Она скорчилась у телеги, стиснув свою изуродованную руку, тихонько всхлипывая.

Когда Хьюго закончил, у телеги сидели еще двое душ.

– Ад, должно быть, трещит по швам, – сказал он. – Могу поклясться, каждый день оттуда сбегает все больше душ.

Карлос спешился, обнажил саблю и подошел к ним.

– Думали, боги вас защитят? А? – Он поддел саблей подбородок женщины. – Богам на вас плевать. На всех и каждого по отдельности.

– Не отправляйте меня обратно, – с мольбой попросила она. – Вы просто не представляете... Не представляете. Послушайте... Это все равно что медленно гореть, гореть под землей, похороненной заживо, гореть, пока тебя не раздавит насмерть, вот только смерти нет, конца нет... Никогда. – Она уже рыдала. – Отпустите мое ба в хаос, все, что угодно, только Христа ради, пожалуйста, *пожалуйста*, не отправляйте меня обратно в Ад.

– Поздновато для Христа, – сказал Карлос и взмахнул саблей, начисто отрезав ей голову. Не успела голова упасть на землю, он обезглавил и оставшихся двоих. Голова женщины откатилась и, ударившись о камень, остановилась. В ее широко раскрытых глазах застыло изумление.

Рука Гэвина легла на рукоятку пистолета. Чьи-то пальцы стиснули ему запястье.

– Не-а, – прошептал Ансель. – Сегодня нам не до охотников за душами. Только не сегодня.

Гэвин стиснул зубы. Он многое мог понять – порой души поступали друг с другом исключительно жестоко, но у него в голове не укладывалось, как кто-то может передать Аду другую душу, обрекая ее на вечные пытки ради пары пуль или кусочка меди.

Она начала выть.

– Тебе придется заткнуться, – сказал Карлос.

– Не отдавайте меня назад! – визжала она. – *Нет! Нет! Нет!*

Карлос поднял ее за волосы и дважды ударил о камень, превратив ее лицо в кровавую кашу, а крики – в тихий стон.

Гэвин стиснул пальцы на рукоятке револьвера.

– Слушай, Гэвин, – прошептал ему на ухо Ансель. – *Сделаешь это – и все труды Полковника пойдут насмарку.*

Хьюго раскрыл мешок, который держал наготове, и Карлос небрежно забросил туда голову, потом подобрал остальные две, и сунул туда же. Хьюго зашвырнул мешок в телегу, позади Гэвина.

– *Просто вспомни, где бы ты был, если бы Полковник не нашел тебя*

тогда, – добавил Ансель.

Гэвин медленно убрал руку с пистолета.

– Какие-то проблемы? – спросил Карлос, глядя прямо на Гэвина.

– Никаких проблем, – ответил Ансель. – Мы тут просто говорили о том, какие у вас очаровательные наряды. Зеленый подчеркивает цвет глаз, и все такое прочее.

Улыбка Карлоса погасла. Его люди бросали взгляды то на него, то на Анселя, держа руки при оружии.

Карлос покачал головой.

– Смотрю, Полковник послал с ними парочку клоунов. Просто здорово. – Карлос повернулся к душам, лежавшим на земле. – Хьюго, брось-ка мне топор.

Хьюго вытащил из-за пояса топор и передал своему боссу. Замахнувшись как следует, Карлос опустил топор на щиколотку ближайшей души, начисто оттяпав ногу. Несчастный испустил вопль, за которым вскоре последовали и другие: Карлос быстро, одну за другой, отрубал у лежавших пленников ноги.

– Ну вот, это должно их замедлить, – сказал Карлос. – Развяжите их и отпустите.

Карлос сел на лошадь, подъехал к телеге и уставился на Гэвина с Анселем.

– Если у кого есть проблемы с тем, как я веду военные действия, он может мне об этом сообщить. Слышите? – Он ждал, не сводя с них взгляда.

Гэвин не потрудился даже повернуть голову.

– Проблемы? – сказал Ансель. – Ой, да я уж и не припомню, когда в последний раз видел такие смачные военные действия. Блин, да будь у меня медаль – вручил бы ее тебе прямо сейчас.

– Думаешь, ты такой умный, да? – сказал Карлос и сплюнул. – Рано или поздно язык доведет тебя до беды.

Отвернувшись, он обратился к пленникам:

– Я бы лично не стал делать ставок на то, что кто-нибудь из вас отсюда выберется. Не думаю, что вы продержитесь даже ночь. Но если вдруг кому-то повезет... Расскажите всем: те, кто служат богам – предатели, и поступать с ними будут соответственно.

– Ладно, ребята, – крикнул Карлос. – Поехали.

Ткнув лошадь каблуком, он поскакал вперед.

Глава 33

Дождь усилился; поток, хлеставший через край обрыва, набух, увлекая за собой телегу.

– Тяни! – орал на рабов Сит. – Тяни!

Телега продолжала соскальзывать в пропасть.

– А ну, все вместе! – крикнул Сит, толкая стражников к телеге. – Быстро!

Побросав копья, стражники ухватились за веревку и принялись тянуть, поскользываясь на жидкой грязи. Чет понял, что у него появился шанс – и лучшего, скорее всего, не будет: Сит стоял к нему спиной, и из-за пояса у него торчал нож.

Чет отпустил веревку и успел сделать всего один шаг по направлению к Ситу, когда позади него раздался леденящий кровь вопль. Он повернулся как раз вовремя, чтобы увидеть человека, который занес лопату прямо у него над головой. Лопата опустилась, но Чет успел увернуться, и человек по инерции врезался прямо в Ану и Эдо, сбив их с ног вместе с еще несколькими рабами. Телега закачалась на краю обрыва.

Человек с лопатой прыгнул вперед – глаза у него были совершенно дикие – и ударил опять, попав Чету в плечо, так, что он упал.

– Ах ты, сука! – орал человек, и Чет вдруг понял, что этот голос ему знаком. Человек поднял лопату над головой и со всей силы обрушил ее на Чета, метя в голову. Он успел перекатиться, и лопата врезалась в грязь рядом с его головой. Чет ударил ногой, попал человеку в живот, и тот опрокинулся, опять врезавшись в толпу у телеги и сбив двух стражников с ног. Телега рванулась вперед, вырвав веревку у них из рук.

Раздался громкий треск – одно из колес сломалось, и телега перевалилась через край. Рабы и стражники бросились врассыпную: веревка просвистела мимо них, извиваясь, как хлыст, и следом за телегой исчезла в пропасти.

Человек – уже без лопаты – барахтался в грязи, пытаясь подняться на ноги. Несколько стражников бросились к нему и быстро скрутили, прижав к земле.

Чет встал. Только сейчас он сумел рассмотреть напавшего на него мужчину. Ошибки быть не могло: под слоем грязи и сажки был человек, которого он сбил машиной.

– Тренер?

– ЭТО ОН! – заорал Тренер, пытаясь вырваться из рук стражников, чтобы добраться до Чета. – Вот этот самый сученок! Он меня убил!

Сит подошел к Тренеру, навис над ним.

– Ты – безумец?

– Он меня убил! – заорал гоблину Тренер. – Это он! Он *убийца!*
Чертов убийца!

На лице Сита забрезжило понимание. Ситуация явно его позабавила – пусть и всего на секунду.

– Поставьте его.

Стражники вздернули Тренера на ноги, крепко держа под локти.

– Теперь ты мой, – сказал Сит, ударив его по лицу дубинкой. – Пойдешь с конеубийцей на Игры. Убивай его там, сколько захочешь.

Глава 34

Чет бросил взгляд на опухшую физиономию Тренера, на его новый ошейник. С тех пор как Сит сковал их вместе, Тренер не произнес ни единого слова.

Прозвучал свисток, и их окутало паром. Чет и большинство остальных пригнулись. Тренер остался неподвижно стоять под дождем из горящих углей, которые выплюнула из трубы Присцилла.

Караван вновь двинулся вперед под барабанную дробь тяжелых шагов голема. Они прошли мимо груды обломков, что остались от телеги, держась подальше от опасного края.

Чет опять глянул на Тренера. Тот повесил голову, не отрывая взгляда от своих шаркающих ног. Чету показалось, что он плачет, но шел дождь, и уверенности у него не было.

– Я не хотел тебя убивать, – сказал Чет.

Тренер ничего не ответил, продолжая пялиться в грязь.

– Это вышло случайно. Клянусь. Просто... Просто все вышло из-под контроля. Может, если...

– Пошел в задницу, – сказал Тренер безо всякого выражения – только холодные, мертвые слова.

– Ладно, – вздохнул Чет. – Конечно. Почему бы и нет? Я уже в заднице, глубже, пожалуй, и некуда.

Его взгляд упал на цепь, качавшуюся взад-вперед перед его носом. Он взял ее в руки, хорошенько дернул. Эта цепь была совершенно целой. Не вырвешься.

Они все шли и шли вперед в полном молчании. Чет старался не думать о том, что ждало его впереди, представляя себе вместо этого Триш, ее милую, теплую улыбку. Какую-то кошмарную секунду он не мог вспомнить, как она выглядит; казалось, будто она была слишком далеко, чтобы существовать в реальности, будто она вообще *никогда* не существовала. Он закрыл глаза, и шум дождя вдруг вернул ему Триш. Теплая летняя ночь, и он помогает ей выбраться из спальни после того, как отец в очередной раз запретил ей видаться с ним. И вот они уже летят в «Мустанге» по пустому шоссе под басовитое мурлыканье триста второго, и она подпевает «Лед Зеппелин», а ее длинные кудрявые волосы струятся по ветру, и такое ощущение, будто в мире никого нет, кроме них двоих. Тогда пошел дождик, и они остановились, съехав на обочину, и просто сидели в

машине, взявшись за руки, зачарованные дальними зарницами, а дождь барабанил по лобовому стеклу. Ему вспомнилось, что в тот момент ему больше не нужно было никого и ничего в целом мире.

Раздался глубокий, резонирующий звук, и Чет открыл глаза. Дождь прекратился, и где-то впереди зазвонил колокол.

Из тумана выплыла высокая арка, увенчанная факелами, и по каравану прокатились радостные крики. Когда они подошли поближе, Чет разглядел сотни глаз, вырезанных в фасаде арки. Глаза провожали караван пристальными взглядами, пока они не миновали арку. Чет вздрогнул – на секунду ему показалось, все взгляды следят только за ним – за ним одним.

За аркой был огромный двор, на котором отдельными группами стояли фургоны и повозки; над каждым лагерем развевался свой флаг. Вокруг фургонов стояли часовые, каждый в цветах своего лагеря; одни – в роскошных доспехах, другие – в потертых дорожных кожанках. В воздухе плыла музыка: барабаны, флейты, гитара. Мимо сновали туда-сюда души в самых немыслимых нарядах, а также – Чет с трудом мог поверить своим глазам – циклопы, мужчины и женщины с рогами и черными оперенными крыльями.

Стайка девушек в воздушных одеждах – кожа у них была такая белая, что, казалось, светилась – поспешно отбежала, уступив дорогу четырем тяжеловооруженным кентаврам, которые галопом пронеслись мимо: пугающего вида создания с гигантскими шипастыми палицами. И тут Чет почувствовал запах и чуть не застыл на месте – цветы, огромная золотая ваза, полная крупных белых цветов. Чет сделал глубокий вдох. «Жизнь, – подумал он. – *Они пахнут жизнью*». Тоска по жизни захлестнула его с головой – не по его собственной, а по жизни вообще.

Караван развернулся, сомкнувшись в круг. Присцилла замедлила шаг, остановилась и, испустив громкий стон, села на землю. Работники и рабы принялись разгружать повозки и фургоны.

– Где они? – закричала какая-то женщина, подбегая к Ситу. – Где ваши кольценосцы?

– Здесь они, – оборвал ее Сит.

– Ну, так поспешите. Они не пропустят Велеса без подношения.

Сит заорал на стражников:

– Давайте сюда рабов! Шестнадцать нужно! Быстро, быстро!

– Нет, только двенадцать. В этом году только двенадцать богов.

– Двенадцать? – Сит нахмурился. – С каждым годом все меньше и меньше.

Покачивая головой, он заорал, чтобы привели двенадцать рабов.

Стражники принялись отцеплять рабов, собирая их в кучу.

Сит подошел к ряду, в котором были Чет, Тренер, Ана и Эдо. Устремил свои холодные глазки на Чета.

– Желаю позабавиться, конеубийца. – Он отомкнул цепь. Кивнул стражнику. – Веди их.

Стражник погнал их через двор, под еще одну арку. Над ними громоздились зубчатые стены и обвитые лестницами башни, гигантские валуны служили опорой для сложных, причудливых сооружений, сплошь покрытых резьбой – суровыми демонами и танцующими зверями. Многие здания стояли, покосившись, под странным, немыслимым углом, будто весь город, крелясь, медленно уходил под землю.

Прямо впереди в скальной стене было вырезано гигантское, искаженное страданием лицо. Его разинутый в муке рот служил воротами. По сторонам стояли два минотавра – мощные, широкогрудые создания, вооруженные топорами. Они посмотрели на рабов темными, ничего не выражающими глазами.

– Подношение Господина Велеса, – сказал стражник.

Один из минотавров кивнул и повел рабов внутрь, вниз по короткой лестнице и дальше, по сырому подземному коридору. В туннеле эхом отдавалась барабанная дробь – все громче по мере их приближения. Коридор привел их в просторное подземное помещение с множеством железных клеток и вырубленных в стенах темниц.

Как они вошли, к ним сразу бросилось несколько десятков низкорослых созданий – даже самый высокий из них не доставал Чет до пояса. Их кожу цвета ржавчины покрывали темные пятна; крошечные глазки прятались за длинными прядями сальных волос; из-под туник, сделанных из шкур и чего-то вроде человеческих волос, выглядывали короткие толстые хвостики. В остальном они очень сильно отличались друг от друга: у кого-то вместо лица было нечто, сильно смахивающее на рыло, с множеством мелких, острых зубов; у других были клювы; у третьих – когти вместо пальцев. Чет у них чем-то напомнил Сита, вот только ростом поменьше и без рогов. И все же в этих созданиях было что-то отчетливо женственное, и до Чета дошло, что, должно быть, это были гоблины-дамы. Или горгульи? Он попытался вспомнить, как называл их Эдо. Троу.

Женщины-троу выстроили рабов в шеренгу, болтая между собой на языке, который, скорее, напоминал лай, чем членораздельную речь. Они быстро сорвали – в буквальном смысле – с рабов одежду. Другие женщины-троу внесли корзины с комковатым жиром, пахнущим горелым мясом, и окатили их с ног до головы. Потом обсыпали их каким-то коричневым

порошком, который, прилипнув к телам, приобрел ярко-красный оттенок.

Чет кашлял и отплевывался, вытирая жирную массу с лица, пытаясь очистить нос, глаза. Кто-то схватил его за руку узловатыми, как корни, очень сильными пальцами. На запястье защелкнулось железное кольцо, которое тут же намертво заклепали с помощью огромных железных клещей.

Все те же минотавры погнали Чета и остальных дальше, в другой конец помещения и под арку – в длинный, вытянутый зал, вдоль одной из стен которого шли загоны.

Там их ждали другие троу, – эти были крупнее, вроде Сита, и у большинства из черепа рос один, два, или даже три рога. На троу были шипастые кожаные жилеты, а в руках – ви́лы. Рабов выстроили вдоль загонов. В первом грудой лежали помятые, выдавшие виды щиты и шлемы. Рабов погнали мимо по одному, и каждому выдавали шлем, а иногда и щит. Чет у в руки сунули шлем с торчащими рогами.

Троу гнали их вперед по залу, распределяя по загонам в случайном порядке. В толчее Чет вскоре потерял Ану и Эдо из виду. Его затолкали в загон в самом конце зала, где уже было с десяток душ, встретивших его испуганными взглядами. Их выстроили перед круглой, обшитой стальными пластинами дверью, какие были в каждом загоне. Многие души явно были в панике; некоторых буквально трясло от ужаса.

Барабанная дробь набрала темп. Откуда-то сверху раздался топот, все сильнее, все громче, так, что пыль посыпалась с потолка.

Рабы молча стояли, уставившись на дверь с таким видом, будто на них вот-вот свалится бомба.

Где-то снаружи протрубил рог, и гигантские шестерни, дребезжа, пробудились к жизни: круглые двери одновременно поползли вверх.

Снаружи их встретил свет костров.

– *Вон!* – заорали гоблины, тыча их в спины вилами.

Рабы выбежали из загонов на арену размером примерно с футбольное поле. В нескольких огромных ямах на поле пылали костры; вокруг каждой ямы торчали десятки стоячих камней. Поле было окружено двадцатифутовой стеной, которая вся была утыкана торчащими в сторону арены лезвиями. Выше бесконечной спиралью уходили вверх, теряясь в тумане, балконы со зрителями.

Увидев игроков, зрители разразились издевательскими воплями.

Троу разогнали рабов по периметру, расставив между ямами; в каждой группе оказалось примерно по десять человек.

Чет принялся оглядываться в поисках Аны и Эдо, но их нигде не было

видно. Зато позади себя он заметил Тренера. Тот молча паялся в землю у себя под ногами, и вид у него был совершенно потерянный.

Мимо прошли троу, которые толкали перед собой тачки с оружием – по большей части это были ржавые, погнутые мечи и копья – раздавая рабам явно в случайном порядке. Души справа и слева от Чета получили оружие, но ему не досталось ничего.

– Надеть шлемы! – закричали гоблины, тыча вилами в каждого, кто, по их мнению, двигался недостаточно быстро.

Чет надел шлем, подтянув ремешком так, чтобы тот держался у него на голове. Все шлемы были с лицевыми пластинами, и, учитывая их голые, одинаково покрытые краской тела, теперь Чет вряд ли мог надеяться узнать Ану или Эдо.

Костры в ямах вспыхнули, потом пламя опало. Затихли барабаны. Трибуны тоже умолкли; в конце арены распахнулись высокие красные двери. Зрители подались вперед, многие даже встали, впиваясь взглядами в темный проем дверей.

Чет сглотнул, пытаясь сосредоточиться на дыхании, на том, чтобы оставаться спокойным, стараясь не думать о том, какие ужасы ждут их впереди.

Движение во мраке, а потом – *монстры*.

Восторженно загудела толпа, и монстры вышли на арену.

Чет отшатнулся.

Двенадцать чудовищных созданий совершали круг по арене. Все они шагали на двух ногах, и во всех было что-то человеческое, но на этом их сходство с людьми заканчивалось. Звериные и человеческие черты мешались в самых чудовищных комбинациях. Но, наблюдая за ними, Чет начал понимать, что за кажущимся безумием стоит определенная логика. Некоторые их черты выглядели скорее преувеличенными, чем искаженными, будто чья-то рука вылепила их так, чтобы сделать как можно более смертоносными.

Многие были даже красивы на свой, пугающий лад: лоснящиеся шкуры, яркие краски; некоторые напоминали глыбы бугрящихся, перевитых венами мышц; другие казались жилистыми и гибкими, опасно быстрыми. У одного создания было даже четыре руки. Чет заметил острые как бритвы кости, торчавшие из локтей, коленей, плеч; смертоносные рога, копыта, клешни и клювы. Доспехов ни на ком не было, но у многих были толстые шкуры, густые перья, мех или чешуя. Оружие тоже было самое разное: мечи, топоры, трезубцы и палицы.

Сделав круг, чудовища застыли напротив ряда пышно украшенных

балконов. На балконах, под яркими балдахинами, в креслах с высокими спинками сидели фигуры, окруженные слугами и стражей. Чет подумал, что это, должно быть, хозяева этого места, может быть, даже сами боги. Он насчитал двенадцать фигур. Заметил флаг Велеса, а потом узнал и самого бога в окружении приближенных.

Одна из фигур – на центральном балконе – встала. Это была женщина, высокая и очень худая, с белой, как кость, кожей. Ее черные одеяния были такими тонкими и невесомыми, что, казалось, плыли вокруг нее в воздухе, точно облако. Из диадемы у нее на голове веером расходились бронзовые пластины и кости, а ее длинные, заплетенные в косы волосы вились по плечам, подобно змеям. Ее черты скрывала вуаль, но Чет сумел все же различить серебряные точки зрачков.

Она шагнула к перилам, сжимая в руках скипетр из меди и кости, и чуть склонила голову.

Вперед выступил слуга с большим бронзовым колоколом и, ударив в него, провозгласил:

– Говорит царица Хель.

Толпа затихла.

– Приветствую, чемпионы, – сказала царица Хель; ее голос разнесся по арене странным эхо. Она обратила взор на монстров и начала выкликать имена. С каждым новым именем один из монстров выступал вперед, салютуя ей оружием. Когда она назвала имя Велеса, настала очередь гибкого, подвижного создания, сложением напоминавшего гимнаста. Внешность у него была почти человеческая, за исключением рогов и чешуи. Существо поклонилось, и тут Чет вдруг понял, что каждый монстр был представителем одного бога.

Она подняла скипетр.

– Наблюдатели могут войти.

Три фигуры в плащах и капюшонах деловым шагом прошли к многоярусной каменной платформе в центре поля. У подножия платформы стоял огромный бронзовый ларец. Положив руки на ларец, они стукнули себя кулаками в грудь, над сердцем, а затем поднялись по ступеням на самый верхний камень и встали там, развернувшись в противоположных направлениях. Один за другим они скинули капюшоны, обнажив бритые головы и сплошь покрытые шрамами лица. На месте глаз у них бугрилась какая-то черная масса. Из капюшонов они достали небольшие мешочки и развязали их, выпустив наружу какие-то белые шарики, немедленно повисшие у них над головами. Чет увидел, что шарики эти были глазами – по три глаза на каждого Наблюдателя.

– Да услышат все законы ристалища, – заговорили они в один голос, и слова их разнеслись далеко над толпой. – Первый участник, который соберет шесть колец и положит их в ларец, выигрывает состязание. Кольца дозволяется добывать любыми средствами.

Кольца? Чет глянул вокруг в поисках колец, заметил, что несколько рабов смотрят на кольца у себя на запястье, и к нему вдруг пришло кошмарное понимание.

– ...твою мать.

– Состоится три состязания, – продолжали Наблюдатели. – Победитель в первом состязании получит в награду одно медное кольцо. Победитель во втором состязании получит в награду два медных кольца. Победитель в третьем состязании будет провозглашен Главным Победителем, и получит в награду шесть медных колец.

Их летучие глаза обратились на богов.

– Понятны ли поименованные здесь правила и почести всем господам? Каждый из богов кивнул.

– Понятны ли поименованные здесь правила и почести всем чемпионам?

Монстры кивнули.

– Чемпионы, по местам.

Монстры прошли в центр поля и встали каждый под флагом своего господина. Все они изучающе разглядывали рабов.

«И даже меча гребаного нет», – подумал Чет.

– Кольценосцы, – продолжали Наблюдатели, – те из вас, кто сохранит кольцо до конца одного состязания, смогут участвовать в следующем. Те же, кто выдержит все три состязания, сохранив кольцо, получают в награду свободу.

Свобода? Чет стиснул кольцо у себя на запястье. Ему стало интересно, удавалось ли когда-нибудь хоть одному рабу добраться до конца состязаний.

С громким стуком закрылись огромные красные двери. По арене загуляло эхо.

– Чемпионы, – воскликнули трое Наблюдателей в один голос. – Приготовьтесь!

Чемпионы взяли оружие на изготовку. У одного из них – поджарой, мускулистой женщины, оружия не было вовсе – только длинные, мощные когти и зазубренные, как у акулы, зубы. Ее маленькие бледные глазки были устремлены на группу Чета.

Троу спешно убрались с арены, крепко закрыв за собой двери.

Кольценосцы начали пятиться, разрушая строй. Мужчина рядом с Четом упал на колени, подняв в мольбе руки. Кто-то, всхлипывая, плакал навзрыд. Еще один человек принялся рубить мечом собственное запястье, чтобы избавиться от кольца.

Чет начал было отступать, но тут заметил, что Тренер сидит на земле, держа меч и шлем на коленях, и просто пялится в землю.

– *Вставай!* – прошипел Чет. – *Давай, поднимай задницу.*

Тренер не пошевелился, даже глаз не поднял.

– Чемпионы, вы готовы? – прокричали Наблюдатели, подняв руки. Монстры кивнули, потрясая оружием. Души начали разбегаться, некоторые даже побросали оружие.

Чет пнул Тренера в бок так, что тот упал.

– Давай, двигай, придурок.

– Отгребись! – заорал Тренер.

– Вставай! – заорал в ответ Чет. – Ты *точно* не хочешь умирать здесь, внизу. Слышишь? *А теперь вставай!*

В глаза Тренера вернулось осмысленное выражение. Он с ненавистью посмотрел на Чета.

– Я уже мертв, – огрызнулся он. – Потому что меня убил один говнюк. Помнишь? *Помнишь?!* – Тренер схватился за оружие и бросился на Чета, неистово размахивая мечом. Чет еле успел отпрыгнуть, чуть не лишившись ноги, споткнулся и упал на одно колено.

– Да одержат победу храбрейшие и сильнейшие! – прокричали Наблюдатели и разом опустили руки.

Рог выдул долгую, громкую ноту; ярко вспыхнули огненные ямы, выбросив вверх столбы яростного пламени. Загрохотали барабаны, и с трибун раздался многоголосый рев: чемпионы, сорвавшись с места, бросились на рабов.

Тренер в ужасе смотрел на чудовищ, будто видел их в первый раз. Чет побежал к стене, туда, где были остальные кольценосцы. Женщина, бежавшая впереди, споткнулась и упала. Не удержавшись на ногах, он тоже покатился на землю. Приземлились они совсем рядом с огненной ямой. Не успел он подняться на ноги, в них врезалось еще несколько душ, и тоже упали прямо на него, придавив к земле. Взревело пламя, и ногу Чета пронзило невыносимым жаром. Он вскрикнул, изо всех сил отбиваясь руками и ногами, пытаясь освободиться.

Дикий вопль. Это была женщина-демон, та, с черной чешуей. Она была уже сверху, терзая своими длинными когтями рабов, которые упали на Чета. Они тоже кричали: демонесса буквально разрывала их на куски,

чтобы добраться до колец.

Неистово брыкаясь, Чет сумел, наконец, выбраться из-под груды тел и убежал, скрывшись в густом дыму.

Крики. Дым. Повсюду мечутся души, сталкиваясь друг с другом, врезаясь в Чета. Чет заметил валяющийся на земле меч и подхватил его. Кончик был отломан, но Чет был рад, что у него в руке хоть что-то есть.

– Держимся вместе! – закричал кто-то. – Держитесь, или погибнете!

Чет не мог не узнать этот голос. Это был Эдо. Чет заметил его жилистую, гибкую фигуру среди стоячих камней; он и еще пять душ стояли там, оцетинившись мечами. Чет бросился к ним.

– Эдо, это я!

Улыбку Эдо было видно даже сквозь решетку забрала.

– Чувствуешь *жизнь*, Чет?

– Что?

– Сохраняйте спокойствие! – крикнул Эдо душам, которые стояли за ним. – Не отступайте. Это наш единственный шанс.

Среди клубов дыма иногда можно было различить монстров, гонящихся за душами, а иногда – изувеченные тела, извивающиеся на земле. Чет заметил еще одну группу рабов, которые, как и они, держались вместе, приготовившись защищаться. Монстры обходили их вниманием, преследуя вместо этого одиночек или тех, кто не делал попыток дать отпор. Только тут Чет понял, что делает Эдо – его цель была не в том, чтобы победить этих монстров, а в том, чтобы не выглядеть жертвой, легкой добычей.

Из дыма к ним выбежал человек без шлема. Это был Тренер. Он бежал с выпученными от ужаса глазами, на груди – три глубоких пореза. Позади него раздался визг, и из дыма выскочила демонесса, сжимая в одной руке несколько колец. Заметив Тренера, она бросилась за ним.

– *Сюда!* – закричал Тренеру Чет. Тренер рванулся к ним, под защиту столбов.

– Покажите суке сталь! – закричал Эдо. – Покажите ей зубы! Рычите на нее!

И все принялись кричать, рычать, размахивать оружием. Чет тоже завыл, кромсая воздух мечом. Тренер орал на монстра, будто умалишенный.

Демонесса остановилась с неуверенным видом, рывкнула на них, но атаковать *не стала*. Из дыма выбежал человек, оглядываясь на что-то позади него, и чуть не врезался в тварь. Она прыгнула на него и одним ударом отхватила несчастному руку. Подняла оторванную кисть, стянула

кольцо. Позади нее в дыму вдруг выросла огромная тень, бросилась на нее, сшибая с ног.

Размерами этот новый монстр был с медведя гризли. Он наступил на демонессу своей огромной лапой, придавив к земле. Она, визжа, извивалась, потом вцепилась ему в ногу своими страшными когтями. Монстр, крутанув в воздухе топор, ударил ее в спину, и визг оборвался. Он вырвал кольца у нее из рук и поднес к глазам. Колец было пять; ему не хватало еще одного. Он оглянулся, заметил Чета, Эдо, Тренера и остальных. Взрыкнув, он бросился на них. Их представление явно не оказало на него большого впечатления.

Один из них сорвался с места и бросился бежать, потом второй.

Монстр врезался в их ряды.

– Стоять! – закричал Эдо, делая шаг вперед, чтобы отразить нападение. Чудовище налетело на них, широким взмахом топора отбросив Эдо в сторону вместе с мечом. Чет пригнулся, стараясь увернуться. Топор врезался ему в руку так, что он взлетел в воздух. Чет даже понять не мог, где верх, где низ, пока не шлепнулся лицом в грязь. Монстр наступил ему на ногу. Раздался кошмарный треск, за которым последовала ослепляющая боль.

Чет закричал.

Монстр поднял над головой топор, и тут над ареной разнесся звук рога. Монстр застыл, забыв опустить топор, и завертел башкой, пытаясь рассмотреть, что творится в центре арены.

Там стоял огромный, весь в перекатывающихся мышцах монстр с синеватой кожей, сплошь покрытой шипами. С торжествующим видом подняв над головой меч, он ухмылялся так, что клыки торчали во все стороны.

Стоявшее над Четом чудовище медленно опустило топор, сплюнуло, и с размаху бросило кольца в грязь. Потом оно просто пошло прочь.

Боль нахлынула на Чета, захлестнув с головой. Он заорал сквозь стиснутые зубы.

Кто-то схватил его за руку.

– Чет!

Даже сквозь боль Чет без труда узнал эту улыбку.

– Чет, у тебя получилось! – сказал Эдо. – Кольцо до сих пор при тебе!

Глава 35

– Поосторожней тут, – сказал Эдо, помогая спустить Чета с носилок.

Двое гоблинов перекатали Чета на лавку, повернулись и ушли.

Чет попытался сесть, и тут только до него дошло, что у него нет левой руки. Ниже плеча просто ничего не было. «О, нет, – подумал он. – О, нет».

Эдо помог ему сесть, прислонившись спиной к стене. Они опять были в подземелье.

– У тебя получилось, Чет.

Чет посмотрел на искореженную массу, в которую превратилась его нога. *Со мной покончено. Я в глубокой заднице. Глубже некуда.* Глубже было только его отчаяние. Он печалился не о ноге, и не о том, что могло с ним теперь произойти, но о Триш – и об их ребенке.

Раздался женский крик, заглушив на мгновение стоны и рыдания, раздававшиеся вокруг. Чет обшарил комнату взглядом.

– Где Ана?

Эдо пожал плечами.

– Я ее не видел.

Повсюду лежали раненые и изувеченные души. Кто-то сидел прямо на земле, кто-то стоял, пустым взглядом пялясь в стену или себе под ноги. Чет вглядывался в лица в поисках Аны, но под слоем краски и жира различить индивидуальные черты было практически невозможно.

– Может, она среди тех, кто потерял свои кольца, – сказал Эдо. Он встал и подошел к железной решетке, отделявшей их камеру от соседней.

Души в соседней камере были, казалось, в еще худшем состоянии, чем они сами – искалеченные, обгоревшие, раздавленные. Еще дальше Чет заметил груды рук, ног, а рядом с ними – и тел. Тел с раздавленными головами, а то и вовсе без голов. «*Мертвые мертвецы*», – подумал он. Рассмотреть лица было, понятное дело, невозможно, и он мог только надеяться, что Аны среди них нет.

Троу обходили помещение, собирая шлемы и оружие, сваливая все в тележки у дальней стены; тем временем с арены вносили все новые и новые тела.

Вернулся Эдо, сел рядом с Четом.

– Ее нигде не видно.

Новая волна рабов с арены. Одна из троу проверяла запястья, отсылая тех, кто сохранил кольца, в камеру к ним с Эдо, а остальных – в соседнюю.

Чет вглядывался в застывшие от шока лица. Аны среди них не было, но он увидел Тренера. Кольцо все еще было при нем; он ввалился, шатаясь, в камеру и рухнул на ближайшую к двери скамью.

– Эй, ты, – рявкнул кто-то. Это была женщина-троу, в годах, с лохматыми седыми волосами и кутившейся на подбородке щетиной. Из уголка рта у нее свисало нечто вроде сигары, но явно не из тех, с прогорклым запахом, какие курили тут все подряд. Эта пахла приятно, почти как корица. Троу ткнула Чета в ногу.

Чет стиснул зубы от боли.

Она взглянула на его культю – все, что осталась от руки, и покачала головой.

– Не повезло. – Она постучала ногтем по кольцу у него на запястье и улыбнулась. – Ты сохранить кольцо. Хорошо.

Она показала сопровождавшей ее женщине-троу четыре пальца.

Та достала из большой сумки, висевшей у нее на боку, четыре кожаных монеты и вручила их Чет, потом перешла к Эдо. Старуха-троу ткнула пальцем в широкий порез у него на груди и показала один палец. Вторая женщина дала Эдо одну монету и перешла к следующему.

Чет посмотрел на монеты.

– Они что, платят нам?

– Платят? Нет. Это чтобы тебя исцелить. Ешь. – Эдо положил свою монету в рот, начал жевать.

– Съесть монеты? – Чет взял монету, сжал между пальцами. На ощупь она была как очень жесткая кожа. – Это что, должно меня вылечить?

– Да.

Чет положил монету в рот, начал жевать. Монета очень быстро растворилась – практически испарилась – у него на языке, оставив во рту привкус горечи.

– Ничего не происходит.

– Подожди.

Повсюду – везде, где у него были раны или ушибы – он вдруг почувствовал щекотку, странный зуд, и боль начала отступать. Чет быстро проглотил оставшиеся монеты.

Сверху, из круглых дверей-люков, до них долетели звуки музыки: прихотливая, сложная мелодия. Кто-то или что-то начало петь душевным сочным баритоном.

Чет запрокинул голову и закрыл глаза, отдавшись музыке. Боль утихала.

– Жаль, королева Ойя этого не слышит, – сказал Эдо. – Турниры ей

никогда не нравились, но музыку она любила. Боюсь, этого больше не будет... Не для нее. – Он вздохнул. – Быть может, завтра, на ристалище, прояви я отвагу... боги улыбнутся мне, и я завоюю себе свободу... Снова вернусь к ее ногам.

Чет открыл глаза.

– Снова станешь рабом?

– Нет, не рабом. Я никогда не был ее рабом. Я был ее слугой.

– А что, есть разница?

– Да, – сказал Эдо, и по его голосу Чет понял, что сильно задел его. – Эти обреченные души, которых ты видишь вокруг – большинство из них воры, бандиты, торговцы плотью. Те, кто оскорбил богов. Я здесь потому, что совершил преступление, посягнув на то, что принадлежало Велесу. – Его тон смягчился. – Я служу Ойе потому, что без нее в сердце у меня пустота. Если служишь богу... Пускаешь его к себе в сердце, эта жизнь, эта магия, она дает тебе целостность. Чет, разве ты не чувствуешь? Прямо сейчас, вокруг нас? Даже в этой яме? Это все боги. Они дают и берут; одни боги берут больше, чем другие. Но в одном ты можешь быть уверен: та толика жизни, что существует в этом мертвом мире – это дело их рук.

– Мне кажется... – Чет вдруг замолчал. – Ничего себе, как странно! – Он видел свою руку, ту, отрубленную: призрачные, точно сотканые из дыма очертания. – Что происходит?

– В каком смысле?

– Посмотри... Моя рука... – Туманные формы словно густели, теряя прозрачность. Чет вдруг понял, что он чувствует руку: ее тепло, а потом – щекотное, зудящее ощущение, будто у него под кожей копошились черви. Как тогда, на барже, когда они пересекали реку.

– Да, это ка.

– Что за хрень это ка?

– Есть ба, и есть ка. Ба – это ты, твоя истинная суть. Ка – лишь глина, из которой ты сделан здесь, в мире ином, сосуд для твоего ба.

– Угу.

– Ба живет здесь. – Эдо постучал его по лбу. – Твой череп – это его клетка. Когда клетка ломается, ба вырывается на волю. Ты разве не видел призраков?

– Э?

– На арене. Те, у кого череп пробит или раздавлен. Их ба, оно вырывается наружу и улетает.

Чет подумал о Джонни, о странном видении, которое вылетело у него из головы.

– А что после этого происходит с твоим ба?

Эдо пожал плечами.

– Большинство из нас верит, что ба, выпущенное на волю, подхватывают ветра хаоса, и так оно скитается до скончания вечности. – Эдо взглянул вверх. – Знаю одно – иногда случается, когда облака низкие и ветер дует, как надо... Их видно. Как они вьются наверху, будто кипящий туман. А иногда их бывает и слышно – их стоны и крики. Не слишком приятные звуки.

– Так, значит, эти деньги, ка... Из чего их делают? Не из других же душ?

Эдо кивнул.

Чет поморщился от отвращения.

Эдо ухмыльнулся.

– Да, есть такие, кому нравится делать вид, будто все мы тут – не упыри. Думаю, монеты – это способ сделать более приемлемым тот факт, что мы едим друг друга. Но есть и другие, кто совершенно не против есть ка прямо с кости. Души, демоны, да много кто еще. Некоторым так даже больше нравится.

Мысли Чета метнулись обратно в Стигу, к тачкам с отрубленными руками и ногами, и тут его отрубленная рука начала обретать вес. Она почти ничего не чувствовала, но он уже мог сжать пальцы. *«Еще не все потеряно, – подумал он, стараясь не давать воли охватившей его радости. – Триш, милая, еще не все потеряно».*

– Видишь. Твое ба придает форму съеденному тобою ка. Если твой дух силен, тебе даже не нужно ка. Твое ба само исцелит себя. Но на это потребуется время, может быть, годы. И наоборот, у того, кто слаб духом, ка гниет и вянет.

Чет сжал свою новую руку в кулак, постучал костяшками по стене. Его плоть все еще казалась какой-то прозрачной, но на ощупь была вполне осязаемой. Он ткнул себя в бедро; оно тоже, похоже, совершенно исцелилось. Упершись в стену, он оттолкнулся и встал, опираясь на здоровую ногу. Осторожно перенес вес на ту, что была сломана. Никакой боли. Он осторожно сделал шаг, потом другой.

– Быстро они работают, эти монеты.

– У одних быстрее, чем у других. Твой дух силен, Чет.

Троу внесли еще два тела на одних носилках. Одно из тел было обезглавлено; другое принадлежало юной женщине.

– О, нет, – сказал Чет, прохромая к решетке. – Ана, – позвал он. – *Ана!*

Она открыла глаза, и на него накатило облегчение. Гоблины свалили ее

на пол. Чет увидел, что кисть руки у нее была оторвана, кольцо исчезло. С трудом поднявшись на ноги – на одну ногу, потому что вторая была явно сломана – она проковыляла к решетке.

Чет просунул руку сквозь прутья, схватил ее за плечо.

– Тебе нужны монеты, – сказал он. Покрутил головой в поисках старухи-троу, и увидел ее у самых дверей – она помогала очередной душе. – Сейчас вернусь.

Обогнув – а где и перешагнув – через несколько душ, Чет подошел к старухе и положил руку ей на плечо.

Она подняла на него взгляд.

– Гы?

– Вон та леди, – Чет указал на Ану. – Ей нужно пару монет.

Троу покачала головой.

– Нет кольца, нет монеты.

– Всего одну. Хотя бы одну получится?

– Нет, нет, – ответила она, косясь на огромного минотавра у дверей. –

Нет кольца, нет монеты.

Минотавр смерил Чета взглядом.

– Нет шуметь, – сказала она, и отпихнула руку Чета. Чет почувствовал, как что-то скользнуло ему в руку. Что-то круглое.

Она подмигнула.

– Спасибо, – прошептал он, и пошел обратно к Ане.

– На, возьми, – сказал он. – Съешь это. Только так, чтобы они не видели. – Он потихоньку сунул монету ей в руку сквозь решетку.

– Что это?

– Просто ешь.

– Это лекарство?

– Да, именно это оно и есть.

Ана сунула монету в рот, разжевала и проглотила.

– Это может занять около минуты, – сказал Чет. – Но оно должно...

В камеру, где была Ана, вошел Сит в сопровождении трех стражников. Они принялись осматривать ошейники рабов, проверяя, где есть метки Велеса.

– Вон один, – сказал Сит, указывая на человека с оторванной рукой.

Один из стражников оттащил человека от стены, проверил ошейник и пихнул в сторону Сита.

– Похоже, идти может.

– Хорошо, – сказал Сит. – Пристегните обратно к Присцилле.

Вошли еще несколько стражников, все – в цветах своих богов, и

начали собирать своих раненых.

– Эй, этот нам нужен? – спросил стражник, стоя над человеком с раздавленными ногами.

– Не, – ответил Сит. – Не стоит монеты. Брось.

– Ты не бросать, – сказала стражнику старуха-троу. – Ты забирать.

Сит сказал ей что-то резкое на их языке, и она выпалила в него тирадой, состоявшей из кряхтения и гортанного гавканья, тыкая в него при этом своим жирным указательным пальцем. Сит стоял и слушал, морщась при каждом ее слове, пока, наконец, она не повернулась и не утопала прочь.

– Я так понимаю, этого парня мы не оставляем, – сказал стражник.

Сит с отвращением фыркнул.

– Забирайте его.

– Куда? – спросил стражник.

– Плевать, – сказал Сит. – Бросьте в канаву.

Стражник пожал плечами, взял несчастного за единственную оставшуюся руку и выволок из камеры, как мешок мусора.

Сит со стражниками нашли еще шесть принадлежавших Велесу рабов и, выстроив их друг за другом, связали одной веревкой. Сит заметил Ану, потом Чета по ту сторону решетки. Подошел.

– Ну, как тебе Игры, конеубийца? Весело? – Он наклонился поближе к решетке. – Сегодня было непросто... Завтра – сильно меньше рабов. Рад, что я – не ты.

Чет только молча глядел на него в ответ.

Темные глазки Сита остановились на Ане.

– Твоя псина плохо выглядит. – Он привязал к ее ошейнику веревку, вздернул на ноги. – Встать, псина. – Ана поморщилась, но благодаря ка поврежденная лодыжка ее не подвела. Ее рука сформировалась только частично, и теперь висела крюком – ей явно была нужна еще одна монета.

Сит направился к выходу, дернув за собой Ану. Она захромала следом, и по ее лицу было видно, что ей очень больно. Сит оглянулся на Чета.

– Не бойся, конеубийца. Уж о твоей псине я позабочусь.

Глава 36

Снаружи, сквозь люки, донесся рев. Чет подумал, что так, наверное, рычит тигр. Рев сопровождался стуком копыт, ревом осла, пением птиц, а потом завyli собаки – хором, будто под музыку. То и дело звучали аплодисменты, смех и приветственные крики.

– Это, должно быть, Велес, – сказал Эдо. – Когда-то у него было самое богатое собрание зверей во всем Нижнем мире... Зрелище, способное посрамить саму Землю. У него было даже несколько настоящих животных из плоти и крови. – Эдо вздохнул. – То были другие времена. Теперь у него, в основном, просто души-перевертыши. Все те же трюки с ка, ничего больше. Хотя, мне кажется, у него имеется и несколько настоящих звериных душ.

– Звериные души? – задумчиво сказал Чет, гадая, почему мысль об этом до сих пор не приходила ему в голову. – Так ты говоришь, у животных тоже есть душа?

– Конечно, есть.

– Ну, так где же тогда они все?

– Ойя говорила, что у них есть свое собственное место, но порой они забредают – или их заманивают – в наши места. Иногда причиной тому – колдовство, иногда – просто случайность... Но, бывает, душа теряется, забредает туда, куда не должна была попасть. Конечно, боги творят с ка чудеса. Но это совершенно особое чувство, когда видишь, что перед тобой – нечто настоящее. Когда знаешь, что глядишь в глаза невинного создания, а не какой-то несчастной души, закованной в форму животного.

– Так, значит, эти монстры, чемпионы – они просто души, как мы?

– Когда-то были такими, как мы, да. До того, как боги накачали их ка. Для богов ка – это как глина... Чем искуснее рука мастера, тем поразительнее его создание. В этом смысл здешнего состязания – не только сила, но и красота, а иногда – и нелепость. Боги любят показать себя.

Сверху донесся еще один взрыв аплодисментов.

– Настоящая касатка, – сказал Эдо. – Хотелось бы мне еще хотя бы раз увидеть представление Велеса.

– А мне хотелось бы увидеть, как он горит огнем.

Эдо рассмеялся.

– В один прекрасный день твое желание может исполниться, друг мой. Этот мир меняется, и не в пользу Велеса. Не в пользу богов. И все же они

предпочитают держать головы в песке. Все пускают пыль в глаза – эта их показная роскошь, празднества. Притворяются, будто ничего не изменилось – но только обманывают себя. Когда-то на Съезде собиралась сотня богов. И я тоже был здесь, служил своей великой богине.

Взгляд у Эдо сделался отсутствующим.

– Воздух кипел жизнью – запахи настоящих растений и животных. Сколько богов... Сколько магии, сколько великолепия... Будто на Земле.

Наверху лаяли собаки; только тут до Чета дошло, что лай складывается в мелодию.

– Видал, какое у него было лицо? – продолжал Эдо. – У Велеса? Эта напряженная улыбка. Его тщеславие обходится ему слишком дорого. Он должен сделать свой вклад – медь, рабы. Меди у него нет. Потом расходы на создание чемпиона... нужно ка, и, хотя это запрещено, все знают, что некоторые боги используют божью кровь. – Эдо помолчал, потом добавил: – Это-то я и пытался украсть... Божью кровь. Это великая магия, редкая, заветная. Единственное, что может исцелить бога, я знаю. Вот я и хотел украсть божью кровь для Ойи. Слышал, что у Велеса ее в достатке. И мне не казалось, что это такое уж преступление. Но теперь я вижу, что даже Велесу приходится нелегко в эти новые времена.

Сверху раздались приветственные крики, свист.

– И что же, помешали трудности Велесу показать товар лицом? – Эдо улыбнулся. – Нет, представление должно продолжаться, невзирая ни на что. – Он вздохнул. – Древние боги, они совсем другие, чем Единобоги. При всех недостатках у них есть сердце, жажда жизни, и они готовы на что угодно, только бы не дать жизни угаснуть, даже в самых темных глубинах смерти. Это-то меня и восхищает.

– Все это, конечно, прекрасно, – сказал Чет, – но не слишком актуально. По крайней мере, до завтра, когда мы снова выйдем на арену.

– Завтра – это возможность, – сказал Эдо, вставая. – Еще один шаг к свободе. Идем.

Он прошел в дальний конец камеры.

Чет, которому стало любопытно, последовал за Эдо. По пути он миновал Тренера, и тот проследил за ним ничего не выражающим взглядом. У дальней стенки было свалено грудой поломанное оружие. Эдо принялся копаться в куче, пока не выудил оттуда два обломка древка примерно одинаковой длины – длины меча – и вручил один Чету.

Чет скосил глаза на минотавра, стоявшего на страже у главной двери.

– Думаешь, нам удастся прорваться?

– Нет, шансов у нас никаких. Но у меня есть идея получше. Друг мой,

мы с тобой *выиграем* нашу свободу. Я имел честь служить в страже богини Ойи, как в жизни, так и в смерти. Никогда не был великим воином, но за века мне удалось научиться нескольким трюкам. Освоить тонкости фехтовального искусства ты не успеешь, но пару ключевых приемов защиты – вполне. Быть может, этого будет достаточно, чтобы склонить чашу весов на нашу сторону.

– Я – «за».

– Тебе нужно помнить еще кое-что. Завтра рабов будет гораздо меньше. Чемпионы тоже выйдут не все, потому что вернуться на арену могут только те, кто накануне вышел оттуда без посторонней помощи. Завтра на арене соберутся храбрейшие. Уже не будет рабов, готовых отдать кольца просто так. Остались те, кто намерен бороться за свою свободу. Остались бойцы. Так что просто показывать зубы будет уже не достаточно. Нам придется драться. Но драться не для того, чтобы победить, а для того, чтобы избежать мясорубки. Понимаешь?

– Думаю, да.

– Встань здесь. Возьми палку. Смотри, вот так, будто держишь меч. Да, так. Ну, оружие к бою. Нет, немного по-другому, смотри. А теперь атакуй.

Чет сделал выпад, но Эдо на удивление легко отбил меч. Он показал прием еще несколько раз, потом дал попробовать Чету.

– Нет, – сказал Эдо. – Помни, силой тебе с ними никогда не сравняться. Не напрягайся так – тебя сломают. Будь гибок, теки, как вода. Уклоняйся. А теперь посмотри на меня. – Эдо показал Чету прием еще раз, медленнее. – А теперь повтори.

Чет попробовал снова, потом еще раз, и еще. С каждым разом у него выходило все лучше и лучше.

– Хорошо. Ты быстро схватываешь, Чет.

Об этом Чет судить не мог, но, по крайней мере, ему казалось, что принцип он усвоил. Они закружились на месте; Эдо показал Чету несколько вариаций, подсказал, как по движениям ног угадать следующий ход противника. Эдо повторял движения раз за разом, пока Чет не научился предугадывать каждый его выпад – или, по крайней мере, большую их часть.

В какой-то момент Тренер перебрался поближе к ним. Чет заметил, что он пристально наблюдает за ними, привалившись спиной к столбу.

– А теперь попробуй-ка это. – Эдо показал Чету пару простых обманных движений. – Искусство фехтования – это искусство обмана. Сбей противника с толку, направь его туда, куда тебе нужно, и воспользуйся преимуществом.

Они потренировались еще, повторяя новые движения. Эдо явно был очень доволен тем, как у Чета идут дела.

– Помни: победа – не твоя задача. Твоя задача – уклоняться, спасаться, отражать удары и выживать. Выживи – и свобода твоя.

Краем глаза Чет вдруг заметил Тренера. Тот направлялся к ним с обломком древка в руке. Чет резко развернулся, держа собственное оружие наготове.

– Держись от меня, на хрен, подальше.

Тренер остановился, опустил свою палку.

– Не хочу умереть здесь, внизу.

Чет не пошевелился.

Тренер нахмурился.

– Я хотел бы потренироваться с вами, ребята.

Эдо посмотрел на Чета.

Чет открыл было рот, чтобы послать Тренера куда подальше, но тут увидел его глаза. Было в них что-то – может, отчаяние. Но гнева не было, и враждебности тоже – уж точно не по отношению к ним.

– Мама у меня в Лете, – сказал Тренер. – Мне бы только ее повидать. Ну, хотя бы раз.

– Трое – хорошая комбинация для защиты, – сказал Эдо.

Чет вздохнул и медленно опустил палку.

– Черт... Ладно.

Эдо улыбнулся.

– Вот и хорошо. – Он поставил их рядом, и еще раз показал основные движения, добиваясь от каждого хорошего результата.

– Ладно, – сказал Эдо. – Тренер, я хочу, чтобы ты постарался коснуться Чета мечом. Готовы?

Оба кивнули.

– Давай.

Тренер начал с нижнего выпада, сфинтил, закончил верхним, обошел защиту Чета и достал его в плечо – сильно.

– Твою мать, – взвыл Чет. – Это называется «коснуться»? Он сказал «коснуться», ты, задница!

Тренер ухмылялся до ушей.

– Завтра, – сказал Эдо, – они будут бить гораздо сильнее. Так... Твоя очередь, Чет.

Чет стиснул палку.

– О, да!

Улыбка Тренера потускнела. Он плавно перетек в одну из позиций,

показанных им Эдо. Но на этот раз досталось и ему: Чет нанес ему хлесткий удар по шее. Так оно и пошло: выпад, удар, защита, каждый старается перещеголять другого. Эдо то подначивал их, то показывал, как уворачиваться от каждой конкретной атаки или отбивать выпады, как читать противника и предугадывать его действия. Через некоторое время он обратился к приемам групповой защиты – рассчитанным на троих комбинациям, призванным сбить с толку агрессивного противника.

Они продолжали тренироваться, попарно, схватка за схваткой, комбинация за комбинацией. Чет окунулся в это занятие с головой – он рад был чем-то себя занять. Вскоре он научился предугадывать атаки Тренера; в движениях появился автоматизм, и Тренеру стало сложнее пробиваться сквозь его защиту. Вокруг них собралось еще несколько душ, посмотреть, но, по большей части, люди держались поодиночке; они сидели или лежали, отстраненные, с пустыми лицами.

Через несколько часов Эдо поднял руку.

– Пока достаточно. Нам нужно отдохнуть.

Только тут Чет заметил, что свет больше уже не пробивается сквозь решетку в потолке.

Они нашли местечко подальше от остальных и сели на пол, привалившись к стене; Тренер примостился рядом с Эдо. Долгое время они просто сидели так и молчали, вслушиваясь в шорох капель, срывавшихся с потолочных решеток. Первым нарушил молчание Тренер.

– Эдо, а ты был когда-нибудь в Лете?

– Да.

– Мне сказали, туда приходят души, когда хотят покончить со всем. С этой жизнью, или как там оно называется. Это правда?

– Да, это так.

Тренера явно что-то беспокоило.

– Моя мать, она вроде как должна быть там. Это мне женщина одна сказала, кроведунья, еще в Стиге.

Эдо кивнул.

– Многие души уходят в Лету.

– Я... я просто надеюсь, что еще не слишком поздно... Мне нужен хотя бы один шанс попросить у нее прощения. Это я виноват, что она умерла, – добавил он хрипло.

Чет глянул на Тренера. Тот сидел, уставившись куда-то вдаль, сдвинув брови.

– Мне всего десять было, когда это случилось, но я все равно должен был что-то сделать. Хотя что-нибудь. Но я... не сделал *ничего*. – Он

прочистил горло. – Он бил ее. Мой папа. Посмотришь на него, так никогда и не подумаешь, что он на такое способен. Худой, в очках, работал в «Сирсе» бухгалтером. Даже не пил. Но, бывало, слетал с катушек. Из-за пустяка, мелочи какой-нибудь. Это-то и было хуже всего. Никогда не угадаешь.

У меня был день рождения... Только мы втроем, больше никого. Сидим вокруг кухонного стола. Мама торт испекла. Долго его украшала. Сделала футбольный мяч из глазури и надпись: «*Ларри – победитель!*».

Ну, и в тот раз его свечи зацепили. Они были фиолетовые, и ему понадобилось срочно узнать, зачем она украсила торт для мальчика фиолетовыми свечами. Она сказала ему, что других не было. Тогда у него и начал дергаться глаз, как всегда, когда что-то его бесило. Он покачал головой, сказал, что нельзя ставить на торт для мальчика девчачьи свечи. Она засмеялась, сказала, все в порядке, никто, кроме нас, не узнает. А он ответил, нет, какой же это порядок – ставить девчачьи свечи на торт моего сына. Я тогда сказал, что я не против. Спросил его: «Можно, пожалуйста, я свечи задую». У мамы руки тряслись, я видел. Она тогда его попросила, очень ласково, не устраивать скандала, только не на мой день рождения. Он ударил ее по лицу... Так, что она на пол полетела.

Мама ничего больше не сказала, схватилась за щеку и ушла в спальню.

А папа просто сидел, и сидел, и глядел на свечи, и глаз у него все дергался. От страха я даже двинуться не мог, замер и смотрел, как оплывают свечи на моем торте. Ну, и спустя какое-то время он встал и пошел в спальню. – Тренер немного помолчал. – Сначала он орал на нее. Она плакала. А потом... Я слышал каждый удар... *Каждый удар*. Она начала кричать, умоляла его прекратить. Помню, я все смотрел на телефон, он был прямо там, на кухне. Мама написала номера – пожарные, полиция – прямо под телефоном, говорила мне, чтобы я сразу звонил, если что. И я все пытался заставить себя поднять трубку. Но я... так этого и не сделал. Я боялся. Боялся, что он меня изобьет.

Ну, и через какое-то время она перестала кричать... Но я все слышал удары кулаков по ее телу. Просто шлеп, шлеп, шлеп. Господи, когда же я перестану это слышать?

– *Мне очень жаль*, – прошептал Эдо.

Тренер взглянул на него.

– Мне плевать, что случится со мной здесь, внизу. Только бы успеть сказать ей, что мне жаль... Жаль, что я был таким трусом.

– Отдохни, – сказал Эдо, укладываясь прямо на землю. – Если хочешь увидеть мать, тебе нужно отдохнуть.

Чет лег рядом с Эдо и закрыл глаза, стараясь заснуть. Но поймал себя на том, что просто пялится в потолок.

– А мы вообще спим?

– Если повезет, – ответил Эдо. – Сон здесь – это редкая драгоценность. Потому что, когда ты спишь... Ты видишь во сне *жизнь*.

С решетки все капала вода – монотонное *шлеп, шлеп, шлеп*, – но Чет слышал только удары кулаков по мертвому телу. Он гнал от себя эти мысли, раз за разом прокручивая в голове приемы, которым научил его Эдо. Мало-помалу его мысли обратились к Триш – он вспоминал ее глаза, улыбку, и как это было, когда его нерожденная дочь толкнула его в ладонь. *Мне необходимо выжить. Необходимо.*

Глава 37

Карлос и его Защитники подъехали к подножию огромной статуи и остановились, задрав головы, глядя на гигантскую фигуру двухголовой женщины с шестью грудями, нависавшими над ее объемистым чревом, и шестью руками, каждая из которых оканчивалась копытом. Одна голова улыбалась небу вечной улыбкой, другая, нахмурившись, глядела вниз, прямо на них. Статуя целиком была отлита из железа, древнего металла, изрытого оспинами и ржавчиной.

Карлос кивнул Хьюго:

– Зажигай.

Живот статуи был огромной клетью – туда с легкостью могло поместиться несколько десятков душ. Под животом находилась гигантская топка. Люди Карлоса набрали обломков костей, набили ими топку и развели огонь. Через некоторое время над ними начал куриться зеленоватый дымок, вырываясь клубами из глаз и рта статуи.

Карлос был рад, что Око-Мать пока еще светило вовсю; даже сейчас, спустя долгие годы, он не слишком жаждал встречаться с демонами в темноте.

– Поглядывайте там, – сказал он. – Они придут с юга.

Он вынул из нагрудного кармана серебряную зажигалку, сигарету и, прикрывая ладонями пламя, закурил. Глубоко затянулся, позволяя кисловатому, прогорклому духу костяной травки проникнуть в каждый уголок легких. Закрыв глаза. Вот он, приход. Похоже на кокаин, насколько ему помнилось – этот внезапный прилив бодрости, и то, как он чувствовал себя наконец-то живым, готовым ко всему, даже ко встрече с демонами из Ада. Про себя Карлос делил души в Чистилище на две категории: те, кто пил Лету, и те, кто курил костяную травку. Те, кто пил Лету – те были ходячие мертвецы, жалкие душонки, которым нужно было одно – уйти из этого мира навсегда. Но курильщики – дело другое. Они хотели жить – добиться чего-то в этой жизни после смерти. Карлос уже пустил псу под хвост одну жизнь, и не намеревался сделать то же самое со второй.

– То еще, наверное, было зрелище, – сказал Ансель.

До Карлоса вдруг дошло, что это говорят с ним.

– Ты о чем?

– Вот эта железная леди, она принадлежала Господину Озирису. Да, наверное, так оно до сих пор и есть, но, видно, ее уже давненько не

навещали. Ее звали Матерью Озириса, и в дни своей славы Озирис, бывало, сжигал у нее в животе по сотне душ за раз. И не каких-то рабов, а его собственных почитателей. Быть избранным для этого дела – это была великая честь. Они верили, что их прах вознесется наверх, на Землю, и они возродятся.

Карлос попытался вообразить себе сотню душ, втиснутых в металлическую великаншу, как они орут и извиваются, медленно поджариваясь на раскаленном железе. *«И пойти на такое добровольно, – подумал он. – Господи, каково же это – обладать подобной силой? Править собственным царством, подчинять души своей воле, жарить их заживо, если такое взбредет в голову. Да, ради такого... стоит просыпаться по утрам».*

– Чистилище станет гораздо лучшим местом безо всех этих богов, – сказал Ансель. – Да, сэр.

«Для некоторых, – подумал Карлос. – Для тех, у кого есть план. Чего не понимают такие дураки, как этот, – всегда будет кто-то, кто будет над ними господствовать. Если не бог, так человек». И Карлос намеревался стать именно таким человеком, потому что всю жизнь он провел, делая то, что ему говорят – сначала монашки в приюте, с их бесконечными правилами и острыми линейками, потом недолгие приключения в армии, а потом – все эти годы в тюрьме. И он был сыт этим по горло. *Всегда есть кто-то, кто хочет тебя сломать. Что ж, если я чему-то и научился – это одному: не хочешь, чтобы тебя сломали, позаботься о том, чтобы плетка была в руке у тебя.*

– Вон там, босс, – сказал Хьюго, указывая на фигуру на ближайшем хребте. Фигура подала какой-то сигнал, и из каньона рысью выехали семеро всадников, а за ними – черный фургон.

Карлос вглядывался в лица своих людей, своих Защитников; не слабаки – лучшие его люди. Большинство из них были с ним еще с тех дней, когда он занимался охотой за душами. И все же им всем было явно не по себе. Есть в демонах что-то такое, что делает это с тобой. Он бросил взгляд в сторону двух людей Полковника. Ансель явно нервничал, но не тот, другой, с холодными глазами – вид у него был чуть ли не скучающий.

Карлос спешил и стал ждать возле телеги. Он узнал Гара, надсмотрщика князя Кашаола, – тот ехал во главе отряда со спокойным, даже расслабленным видом. С Гаром он вел дела вот уже больше десяти лет – начинали они, торгуя помаленьку душами, но постепенно их сотрудничество достигло гораздо больших масштабов. Гар не был одним из Павших, но близко к тому. Карлос до сих пор не совсем понимал тонкости

адской иерархии. Но ему было известно, что существует множество разных типов демонов – больше, чем костей в Чистилище. Что Падшие – изгнанные Богом ангелы – сидят на самом верху, властвуя над обширными княжествами Ада, образуя различные фракции и союзы. И все эти фракции так или иначе являются частью шаткого альянса, во главе которого стоит сам Люцифер.

Гар подъехал и натянул поводья. Адский скакун топнул копытом и фыркнул, разбрызгивая жидкое пламя из ноздрей и глазниц. Лошади Ада не были душами-перевертышами, это были низшие демоны, глупые и опасные. Про них было известно, что они пожирали души, когда имели такую возможность.

За Гаром ехали шестеро демонов. Они явно принадлежали к одной из низших каст – звериного облика создания с вытянутыми, как морды, лицами и пылающими желтыми глазами. Гар на их фоне казался почти человеком, и тут только Карлос заметил, что вид у него был довольно встревоженный: Гар нервно поглядывал по сторонам, будто ему было не по себе здесь, так далеко от своей территории. Раньше – когда Карлос поставлял ему души – они, бывало, назначали встречи гораздо ближе к границам Ада.

– Расслабься, Гар, – сказал Карлос. – Алой Леди поблизости нет.

– Легко тебе говорить, – ответил тот. – Она не за тобой охотится.

– Из Стиги она тебя не учует. Видел ее там не далее как вчера.

Гар, казалось, немного расслабился. Скосил глаза на накрытый парусиной предмет в телеге.

– Это то, на что я надеюсь?

Карлос небрежно отбросил парусину, под которой был Хоркос.

Гар с восхищением воззрился на поверженного бога.

– Вы сделали это? – Гар подвел своего скакуна ближе к телеге, наклонился и поднял Хоркоса за волосы, так, чтобы было видно всем. Демоны испустили ликующий вопль, от которого у Карлоса заныли зубы.

Единственный глаз Хоркоса чуть не выскочил из орбиты при виде демонов. Он явно понял, что ему предстоит. Карлос задумался, что демоны будут делать с богом. Единственное, что сообщил ему Гар – что Хоркос отправится туда, откуда еще никто не возвращался, а это вполне устраивало Карлоса, поскольку у богов имелась дурная привычка к перерождениям.

– Планы князя Кашаола начинают сбываться, – сказал Гар. В его голосе звучал энтузиазм неофита, обретшего веру.

Карлос кивнул. Это князь Кашаол когда-то спросил его – через своего посла: «Зачем быть охотником за душами, когда можно стать князем?». Это

Кашаол в свое время подробно проинструктировал его, как завлечь Полковника на путь соблазна, подсовывая ему именно то, что ему хотелось больше всего; он объяснил Карлосу, что, если хочешь оставить ближнего без штанов, нужно просто сказать, что это делается ради всеобщего блага. После этого все изменилось: присоединившись к революции Полковника, он получил идеальный предлог, чтобы захватить власть, получить контроль над доками, а потом и над большей частью Стиги.

– А теперь, – сказал Гар, спешиваясь, – у меня есть кое-что для *тебя*. – Он подвел Карлоса к черному фургону. У дальней стенки стояли ящики. Гар поднял с одного крышку: внутри лежало несколько мушкетов. Он достал один, передал Карлосу.

Тот провел рукой вдоль ствола.

– Какая работа... Изъянов нет. Вообще.

– Закалены в адском пламени. Эти не взорвутся тебе прямо в лицо, как те, что делают в Стиге. – Он похлопал по одной из коробок поменьше. – Порох здесь, пули здесь. Достаточно, чтобы устроить войну.

– Действительно, – сказал Карлос. – Скажи мне, Гар. Есть ли новости о пушке?

– Это настоящее чудо.

– Она готова?

– Да, оружейники князя Кашаола собирают среди Павших обломки разбитого оружия с Небес, чтобы создать для нее заряды. Это непросто, но Кашаол идет на экстраординарные меры. Все будет готово через несколько дней, и князь намерен доставить ее тебе лично.

Карлос удивленно задрал свои густые брови:

– Лично?

– Да, он желает с тобой познакомиться. Получше узнать душу, которой решил настолько довериться.

До сих пор все дела с князем Кашаолом велись исключительно через Гара. Карлос не знал, радоваться ему или встревожиться. Князя Ада не появлялись в приречных землях без веской причины.

– Передай князю Кашаолу, что для меня будет честью встретиться с ним. Ах, да – у меня еще есть для него небольшой подарок. – Карлос повернулся, и его взгляд упал на двух людей Полковника, которые сидели на передке телеги. Мешок с головами лежал рядом с каменнолицым мужиком. Карлосу потребовалась пара секунд, чтобы вспомнить, как его зовут.

– Гэвин, брось-ка мне мешок.

Тот молча смотрел на него.

– Я сказал, брось мне мешок.

Мужик продолжал молча пялиться на него этими своими мертвыми глазами.

– У тебя проблемы со слухом или ты просто тупой? – Карлос знал, что Гар наблюдает за ними, и почувствовал, что у него горят щеки. – Повторять я не собираюсь.

Гэвин сплюнул на землю.

Карлос потянулся было за оружием, и тут заметил, что Гэвин уже успел вытащить свои пушки. *Господи, он же даже не пошевелился.*

Защитники и демоны тоже схватились за оружие.

– Эй! Эй, потише! – заорал Ансель. – Давайте-ка все сунем пушки обратно в штаны и застегнем ширинки. Вот. Вот ваши гребаные головы, вы, задницы душепродажные.

Он поднял мешок и, размахнувшись, бросил его так, что он шлепнулся перед Карлосом.

– Убери, Гэвин, – сказал Ансель. – Ладно уже тебе.

Карлос втянул воздух сквозь зубы, пытаясь обуздать свой гнев. «*Попозже, – сказал он себе, – я разберусь с ним попозже.*». Он сунул пистолет обратно в кобуру, наклонился, подобрал мешок и подошел с ним к Гару, все еще стоявшему у фургона.

– Это человек Полковника, – сказал он Гару. – У них плохо с дисциплиной.

Демон кивнул.

– Они ненавидят тех, кто охотится за проклятыми.

«*Нда, – думал Карлос, развязывая мешок, – это уж точно.*». Его удивляло, как души вообще терпят проклятых рядом с собой, не говоря уж о том, чтобы их укрывать. Они что, не понимают, что все эти люди – мужчины и женщины – совершили смертный грех, так или иначе? Карлос не видел разницы между ними и уголовниками, с которыми сидел когда-то в тюрьме.

Карлос открыл мешок и продемонстрировал Гару его содержимое.

– Примите этот пустяк в знак наших общих будущих достижений.

Гар заглянул внутрь и просиял.

– О, князь Кашаол будет доволен. – Он забрал мешок.

– Как только Алая Леди перестанет нам мешать, им негде будет больше скрываться.

Гар бросил взгляд назад, в сторону Гэвина, и тихо сказал Карлосу:

– Скажу тебе кое-что... Тот человек, он проклятый. Я чую его метку.

Карлос не был удивлен. Среди рейнджеров была горстка проклятых;

они попадались даже среди его Защитников. Границы Ада были обширны и плохо охранялись. Карлос знал: у него самого метки не было только потому, что он никогда не был верующим. Он всегда был убежден, что религия – это для слабаков, и часто шутил, что является образцовым прихожанином Церкви Карлоса.

– Его пистолеты, – продолжал Гар, – были отлиты в кузницах Ада. И он их не купил. И не выменял. Он *убил* за них... Убил демона одной из высших каст. Доставь голову этого человека князю Кашаолу, и он щедро вознаградит тебя.

Карлос кивнул.

– Мне это будет только приятно.

Глава 38

– Он все еще следует за нами, – сказала Изабель.

Мэри кивнула.

– Знаю.

Этот человек шел по их следу от самой Стиги. Он сделал все, чтобы они его не заметили, но здесь, на Пустошах, среди костей, прятаться было нелегко.

Мэри вновь осмотрела вереницу тележек – в общей сложности их было девять. Сестер – всего сорок шесть, и, пусть даже каждая вооружена мечом либо копьем – им непросто было бы защитить этих детишек здесь, где по холмам и ущельям скиталось бесчисленное множество безымянных созданий, падких на плоть. Но с ними шла Алая Леди, как делала уже много десятилетий подряд. Мэри знала, что ни одна душа, будь она в здравом уме, не осмелится бросить им вызов, пока с ними Леди. Именно поэтому ее беспокоило, что их преследуют.

– Продолжайте двигаться вперед, – сказала Мэри. – Я останусь здесь. Мне кажется, настало время поболтать с нашим попутчиком.

Изабель хотела возразить, но Мэри оборвала ее:

– Мне лучше пойти одной. Больше шансов, что он меня не заметит.

Когда их караван начал петлять между стоячих камней, Мэри потихоньку скользнула в тень покосившегося столпа и, обнажив меч, принялась ждать. Прошло совсем немного времени, и она почувствовала его камнем, что был у нее во лбу – *раздражение, ненависть, наглая уверенность в собственной безнаказанности*. Именно это последнее – она знала – станет для него ловушкой. Мужчины часто недооценивали ее потому, что она была женщиной – ошибка, за которую многим пришлось дорого поплатиться.

Она подождала, пока он пройдет мимо, – крадучись, не подозревая об ее присутствии, – а потом выскользнула из-за камня и нагнала его быстро и совершенно бесшумно. Он обернулся в последний момент, когда ее меч уже был в движении. Перерубив ему шею, она бесстрастно смотрела, как его голова и туловище кувыркаются в пыли.

Присев на корточки рядом с головой, она заглянула в его выпученные от ужаса глаза.

– У тебя есть выбор. Ответишь правдиво на мои вопросы, и я дарую тебе забвение. Солжешь – и я оставлю тебя здесь, на милость безымянных.

Он сморгнул слезы.

– Ты с «зелеными»? – спросила она.

– Нет.

Мэри почувствовала ложь; или, скорее, ложь почувствовал ее камень.

– Ты лжешь. Мне уходить?

– Я не из них... Не из Защитников. Клянусь. Они заставили меня следить за тобой. Сказали, если я этого не сделаю, они швырнут меня в реку.

Опять ложь. Мэри встала, пошла прочь.

– Подожди. Подожди. *Пожалуйста!*

Она не остановилась.

– Ладно, да! – закричал он. – Я с Защитниками.

Она вернулась.

– Почему ты идешь за нами?

– Мне было сказано приглядывать за тем, где вы находитесь.

Она чувствовала, что это было не все.

– И?

– И?

Она ждала.

– Сказать им, если вы пойдете другой дорогой. Не в Лету.

– И зачем бы им хотелось это знать?

– Понятия не имею. Они не сказали мне, зачем. Ничего не сказали. Честно.

Он говорил правду.

– Где они?

– Впереди... Где-то по дороге в Лету.

– Сколько?

– Не знаю. – Он плакал. – Я сказал тебе все.

И она знала, что так оно и есть. Она повернулась и пошла прочь.

– Подожди. Подожди. Ты обещала.

– А ты солгал, – ответила она, не оборачиваясь.

– Нет. Не оставляй меня! – закричал он. – *Нет!*

Она быстро шагала вперед, и крики позади звучали все тише. Вскоре она догнала Изабель, Алую Леди и остальных.

– Нам нужно найти другую дорогу. Что-то происходит. Не знаю, что. Но мне это не нравится. Давайте пойдем мимо Матери Озириса.

– То есть через каньоны? – озабоченно спросила Изабель.

– Да, думаю, это необходимо.

Глава 39

Круглые двери укатились в свои пазы, и под барабанный бой гоблины вывели рабов на арену, распределив по периметру. Чет, Тренер и Эдо стояли рядом, изучая обстановку. Чет прикинул, что осталось, должно быть, около шестидесяти душ, примерно половина от того, что было вчера.

– Сегодня игра пойдет по-другому, – сказал Эдо. – И нам нужна другая стратегия. В этот раз нам нужно избегать больших групп, потому что они будут только привлекать внимание чемпионов. – Он еще раз оглядел поле. – Дым гуще... вон там, у ворот. Когда протрубит рог, мы отправимся прямо туда. Ямы, дым, камни – используйте любое укрытие, чтобы не попадаться на глаза чемпионам.

Чет кивнул, заметив, что большинство из тех, кто остался, держатся настороже и сжимают в руках оружие, явно собираясь его применить.

Открылись высокие красные двери, и вышли чемпионы. Как и вчера, они торжественно обошли арену, приветствуя зрителей и богов, а потом заняли свои места в середине, под флагами. Сегодня их было девять – на троих меньше, чем вчера.

Чет потуже затянул ремешок шлема. В этот раз у них был выбор получше, и ему удалось завладеть неплохим мечом.

На арену вступили трое Наблюдателей и заняли свои места на каменной платформе.

Эдо вдохнул полной грудью.

– Чувствуешь?

– Что?

– Жизнь. Она витает в воздухе. Дар богов. – Казалось, Эдо получает удовольствие от происходящего. На его лице был написан не ужас, как у других, а жажда жизни. – Наслаждайся этим чувством; ближе к жизни ты в этом мире не найдешь ничего.

Чет потряс головой. Он был бы не прочь разделить энтузиазм своего друга, но насладиться этим моментом у него как-то не получалось.

– Посмотри вот на этого, – сказал Эдо, кивая в сторону высокого, массивного чемпиона с синеватой кожей, сплошь покрытой шипами и костяными пластинами. Из угрюмого рта торчали вверх толстые клыки. Чет узнал в нем вчерашнего победителя.

– Его зовут Мортем. Он чемпион царицы Хель, участвовал в последних двенадцати состязаниях и каждый раз становился Главным

победителем. Говорят, он непобедим. Еще говорят, что Хель кормит его божьим молоком из собственной груди. Как бы то ни было, он – это сила, с которой нельзя не считаться. Его боятся даже другие чемпионы. Его метод – кромсать и крушить, уничтожая все на своем пути, а потом подбирать, что осталось. А вон там, рядом с ним, Кван – чемпион Велеса.

В общих чертах Кван сохранил человеческий облик, и Чет показалось, что он был когда-то азиатом, может, китайцем – высокие скулы и цепкий, ястребиный взгляд. Спина у него была покрыта коричневой чешуей, а ниже локтя из рук торчали острые костяные шипы. Казалось, он был полон кипучей энергии; даже сейчас он стоял, покачиваясь на пятках, будто сжатая пружина.

– Маленький и неутомимый, – сказал Эдо. – Но дело даже не в размере. Кто-то делает ставку на скорость, а кто-то – на силу. Каждый бог создает чемпиона, придает ему форму, имея в виду определенную стратегию. Это все часть игры. Мортем играет на жестокости, на чужом страхе – настоящий берсерк. – В голосе Эдо звучало чуть ли не восхищение.

Троу поспешно убрались с поля, и вновь грохнули, закрываясь, красные двери.

Чет сделал глубокий вдох.

– Ну, поехали.

Тренер стоял рядом, внимательно наблюдая за происходящим; на его лице была написана решимость.

– Чемпионы, вы готовы? – прокричали Наблюдатели, поднимая руки.

Монстры кивнули.

Кольценосцы начали рассыпаться, а некоторые, напротив, – собираться в группы и отряды, держа наготове мечи и щиты. Эдо начал потихоньку отступать к воротам, где дым был гуще всего; Чет и Тренер последовали за ним.

– Да одержат победу храбрейшие и сильнейшие! – прокричали Наблюдатели и опустили руки. Протрубил рог; как и накануне, в ямах на поле взвилось пламя, зарокотали барабаны и зрители вскочили на ноги.

Чемпионы устремились на кольценосцев.

Эдо, Чет и Тренер бросились под укрытие дыма, и на какой-то момент им показалось, что стратегия Эдо сработала; все трое остались незамеченными, а чемпионы накинулись на более многочисленные группы.

Мортем взревел и, обнажив клыки, врезался в один из отрядов. Сломал строй, души бросились бежать; Мортем крушил отстающих топором, буквально кромсая их на куски. Удары отдавались эхом по всей арене,

будто выстрелы: топор с одинаковой легкостью рубил плоть, кость и металл.

Со всех сторон неслись крики и вопли; по арене гуляло эхо.

Мимо них пробежали несколько душ. Чет заметил, что один из монстров гонит в их сторону двоих. Чудовище передвигалось, опираясь на костяшки пальцев, как горилла или шимпанзе; пальцы оканчивались острыми саблевидными когтями.

Эдо, Чет и Тренер бросились на другую сторону ямы, так, чтобы пламя заслоняло их от монстра. Тот пронесся мимо и схватил одну из душ за лодыжку, та упала. Он подцепил когтем ее браслет и дернул, оторвав руку. Подняв кольцо над головой, торжествуя заухал, но тут из дыма выплыла огромная тень. Это был Мортем. Одним махом он перескочил через яму, пронесшись сквозь пламя, и приземлился прямо на монстра-обезьяну, сокрушив ее своим весом, и вогнал сопернику топор прямо в затылок.

Толпа взревела.

Мортем схватил кольцо, но обезьяна держалась за кольцо мертвой – буквально – хваткой. Чет не стал ждать, что произойдет дальше. Все трое бросились прочь, скрывшись в густом дыму.

Спрятавшись за одним из стоячих камней, они оглядели поле, пытаясь оценить обстановку. И тут у Чета появилась возможность увидеть Квана, чемпиона Велеса, в действии. Преодолев одним прыжком более тридцати футов, он настиг раба, свалил его точным, аккуратным движением меча, обрубил запястье и забрал кольцо, немедленно устремившись за следующей жертвой – изящным прыжком, точно газель.

Ветер поменял направление; Чет, Эдо, Тренер и еще две души оказались на виду.

– Твою мать, – сказал Чет, заметив Мортема меньше чем в пятидесяти футах от них. Монстр смотрел прямо на них.

Чет рванулся прочь, но Эдо поймал его за руку:

– Нам от него не убежать. Надо встать и стоять. Вместе. Обведем его вокруг пальца.

Буквально все внутри Чета вопило, что надо бежать, но он кивнул. Тренер встал рядом. Лицо у него было мрачное и решительное; в расширившихся зрачках светилась ярость.

– Теки, как вода, – сказал Эдо.

И тут Мортем бросился к ним. Один из рабов ударился в бегство; Мортем нагнал его в три шага и широким взмахом топора перерубил едва ли не пополам, вместе с рукой. Подхватил кольцо. Теперь у него их было пять – не хватало одного. Его взгляд обратился к Чету.

– На позиции! – крикнул Эдо, и они заняли свои места в защитной комбинации, которой он их научил ночью.

Монстр взревел, фыркнул, поднял топор и помчался на них.

– Стоим! – бросил Эдо, принимая стойку, и отвел меч назад, будто теннисную ракетку. Чет и Тренер последовали его примеру, прикинувшись, будто собираются принять атаку в лоб. Чет внутренне подобрался, а Тренер завыл так, будто был зверем сам.

Мортем прыгнул; его топор описал широкую дугу и обрушился на них с невероятной силой. Чет с Тренером в последний момент одновременно отступили – в разные стороны, в точности, как им показывал Эдо, и на какое-то мгновение монстр заколебался, выбирая, куда направить удар. Эдо сделал ложный выпад, отвлекая внимание на себя, и прыгнулся. Лезвие топора просвистело в воздухе, и гигант, потеряв равновесие, пронесся мимо, споткнулся и упал.

На трибунах взревела толпа.

Монстр, перекатившись, сел, мотая башкой, будто пытаясь понять, что с ним только что произошло.

Толпа была уже на ногах, когда Чет, Тренер и Эдо бросились бежать.

Краем глаза Чет увидел, как что-то летит в его направлении. Топор Мортема врезался ему в бок, опрокидывая наземь, сокрушая ребра. Чет, несмотря на боль, попытался встать, чтобы бежать. Но Мортем вдруг оказался рядом и, наступив ему на спину своей огромной ногой, пришил к земле. Когда он, как следует упершись, выдернул топор, у Чета вырвался крик. Мортем занес топор над головой.

Прыгнувшись, Эдо быстро скользнул ему за спину и со всей силы, с разворота, ударил Мортема мечом, угодив в левую лодыжку. Лезвие глубоко погрузилось в плоть, почти перерубив монстру ногу.

Мортем испустил вой и прыгнул на Эдо. Не успел он сделать и шага, как раненая лодыжка переломилась под его весом, и он рухнул на землю. Он взвыл опять, скорее от ярости, чем от боли, и попытался схватить Эдо, но тот был уже далеко.

С дальней стороны арены донеслись приветственные крики. К центру поля бежала фигура. Это был Кван с шестью кольцами в руке.

– Нет! – взревел Мортем. Он опять попытался подняться на ноги – и упал.

Один из чемпионов, огромный, похожий на медведя зверь, попытался перехватить Квана. Чемпион Велеса прыгнул в сторону, легко увернувшись, прыгнул к ларцу и с грохотом швырнул туда кольца.

Протрубил рог, и трибуны взорвались восторженными криками;

зрители повскакали на ноги, топоча, хлопая в ладоши, скандируя.

Мортем, не мигая, смотрел на все это с недоуменным выражением лица, будто никак не мог взять в толк, что происходит. Потом он испустил сдавленный стон и тяжело осел на землю.

Тренер опустился на колени рядом с Четом, помог ему сесть и снять шлем.

– У нас получилось, Чет. У нас, на хрен, получилось!

Чет, преодолевая боль, ухмыльнулся.

– У нас получилось.

К ним подошел Эдо.

– Эдо! – закричал Тренер. – У нас получилось!

Эдо был мрачен.

– Может быть.

– Может быть?

Эдо смотрел, как Мортем пытается встать, и толпа тоже смотрела – все ждали, замерев, наблюдая за раненым гигантом.

– Они хотят знать, вернется ли он завтра, чтобы отстоять свою честь.

Гигант с трудом поднялся на одно колено.

– Чемпионы должны уходить с арены самостоятельно, – сказал Эдо. – Или они не смогут вернуться.

Мортем встал, опершись на одну ногу, пытаясь удержать равновесие, пытаясь не переносить вес на сломанную лодыжку. Он прыгнул, но потерял баланс, пошатнулся и упал, сильно ударившись о землю.

Улюлюканье, смех.

Мортем встал на четвереньки и застыл, уставившись в землю. Чет подумал уже было, что гигант сдался.

Кто-то с трибун заорал: *«Ползи, ползи, как червяк»*. Еще несколько голосов подхватили этот крик, скандируя хором:

– Пол-зи, чер-вяк, пол-зи!

Губы Мортема сжались, облепив клыки. Он поднял голову, посмотрел на толпу яростным, гордым взглядом и встал. Встал на обе ноги, его лицо исказилось от боли, но он даже не вскрикнул. В этот раз он не стал прыгать. Он шагнул, опираясь на сломанную лодыжку с вывернутой вбок ступней. Смотреть на это было практически невыносимо. Один шаг, другой. Еще один.

Толпа умолкла, наблюдая, как гигант шаг за шагом продвигается все ближе к дверям гротескной, невозможной походкой. Страшно было даже представить себе, какую он испытывает боль, но он шел, и толпа начала кричать в такт его шагам, поддерживая его. И когда, сделав последние

несколько шагов, он упал вперед, ухватившись за дверь, толпа взорвалась торжествующими криками.

Мортем повис на двери, дрожа всем телом. Он оглянулся на Эдо, – просто посмотрел, – но было совершенно ясно, что означает этот взгляд.

– Боюсь, завтрашний день будет для меня последним, – сказал Эдо.

Глава 40

Старуха-троу вложила Чету в руку две ка-монеты и двинулась дальше. Чет сунул их в рот и, пытаясь не обращать внимания на раздававшиеся вокруг стоны и крики, разжевал и проглотил. Привалился к стене и стал ждать, когда пройдет боль.

Тренер и Эдо сидели рядом с ним и молчали. Никто не сказал ни слова с тех пор, как они покинули арену.

– Не будет он тратить время на то, чтобы тебя найти, – сказал Тренер.

Эдо не ответил.

– Подумай. Как он тебя найдет? Мы все вымазаны этой красной гадостью, все в шлемах, так что лиц не видно. Да еще дым и суматоха. Он плюнет и будет охотиться за кольцами.

– Он найдет меня, – сказал Эдо. – Для него это вопрос чести.

– Но все-таки ему придется...

– Не жалец, – раздался холодный голос. Сит, не моргая, смотрел на них сквозь прутья решетки своими бездушными змеиными глазками. – Так про тебя теперь говорят, черный человек. Нет ставок на то, что ты сохранишь ба. Только на то, когда именно Мортем раскрошит тебе череп. Я ставлю на то, что у тебя нет ни шанса. А ты как думаешь?

– Я думаю, не пошел бы ты в задницу, – сказал Чет.

Тонкие губы Сита растянулись в кошмарной пародии на улыбку.

Подошел один из стражников Велеса, ведя за собой троих рабов.

– Это все.

– Хорошо, – сказал Сит, поворачиваясь, чтобы идти. – Завтра, – бросил он Чету через плечо, – я сяду поближе. Хочу посмотреть на твое ба, как оно улетает.

Эдо молча глядел на свои руки; у него было лицо человека, который принял свою судьбу.

– Сит считает, что шансов у нас нет, – сказал Чет. – Ну, а я считаю, что есть... Если будем держаться вместе. – Оттолкнувшись от стенки, он встал, чувствуя, как затягивается дыра в боку. Подошел к груде поломанного оружия, нашел обломки древков, с которыми они уже тренировались, и принес обратно. Дал одну палку Тренеру, другую протянул Эдо.

– Ты сказал, что мог бы научить нас еще паре трюков.

Эдо взглянул на палку, а потом, мимо Чета – на дверь, ведущую из камеры. За дверью, разговаривая о чем-то со стражниками-минотаврами,

стояла массивная фигура в плаще с капюшоном. Размеры фигуры не оставляли сомнений в том, кто это был.

Чтобы войти, Мортему пришлось пригнуться. Он отбросил капюшон, обнажив костистую голову, и оглядел комнату. Увидел Эдо, и глаза у него вспыхнули, а губы сжались, обтянув клыки. Он направился прямо к ним. Чет заметил, что он уже едва прихрамывает.

Эдо забрал у Чета палку.

– Вы двое, уходите.

– Нет, – сказал Чет. – Пошел ты.

Тренер тоже встал, присоединившись к ним.

Мортем остановился в нескольких футах от них, посмотрел на палки.

– Я не вооружен, – сказал он, распахнув плащ, чтобы они убедились: он говорит правду. – Я здесь не для того, чтобы сражаться. Я пришел поговорить... Сказать, что ценю вашу храбрость и умение обращаться с мечом.

Ни один из троих не опустил оружия.

– И предложить вам шанс. – Он по очереди посмотрел на каждого из них. – Я не люблю убивать храбрых. Но завтра я должен выиграть любой ценой. Поэтому у меня к вам предложение. Попадётесь мне на пути – просто *сдайтесь*. Протяните мне руку, я заберу кольцо и пощажу вас. Будете сопротивляться... Я вас *раздавлю*. Отправлю ваше ба к Око-Матери.

Устремив взгляд на Эдо, он тихо добавил:

– За тобой я приду в первую очередь. Иначе никак. Этого требует честь. – Он постучал пальцем по своему широкому ремню. Темная кожа была сплошь покрыта рядами насечек. – Одна душа – одна насечка. За двадцать игр я сразил больше душ, чем любой другой чемпион за всю историю Игр. Не будь глупцом. Запомни мое предложение, и спасешь свое ба.

Эдо молчал.

Мортем набросил капюшон и вышел из камеры.

Чет посмотрел на Эдо.

Тот встретил его взгляд и улыбнулся.

– Ни шанса, значит?

Глава 41

Вздвогнув, Триш проснулась. Сколько проспала, она не знала. Снаружи было темно; в окно между планок пробивался лунный свет.

Ясно было, что Ламия дала ей какой-то наркотик, но теперь, подумала Триш, его действие, похоже, заканчивалось. В голове у нее прояснилось. Триш потихоньку встала с кровати, подошла к окну и посмотрела в щель между планками. Луна светила ярко, и ей был виден весь двор и – вдалеке – болота. Внизу, у подножия холма, она заметила кладбище, подумала о Чете, как он лежит там совсем один под землей, и сделала глубокий вдох, чтобы не заплакать. *Прекрати. Плакать будешь потом. Чета нет. Он не вернется. Если хочешь отсюда выбраться, придется сделать это самой.*

Она проверила каждую планку; ни одна не шаталась. Зато ей удалось найти криво забитый гвоздь, и она принялась расшатывать его, пока, наконец, у нее не получилось его выдернуть. Этим гвоздем она стала расцарапывать дерево вокруг второго гвоздя, выколупывая каждый раз по крошечному кусочку дерева. Работа шла медленно, но где-то через час ей удалось расшатать второй гвоздь. Ей хотелось есть, пить, у нее были ободраны пальцы, но она не унывала: ясно было, что, будь достаточно времени, ей удастся вытащить все гвозди из планки.

Из коридора слышались шаги. Триш задернула занавески и сунула гвозди под матрас. Открылась дверь, и вошла Ламия с подносом в руках. Она ткнула в выключатель локтем, и над их головами, зажужжав, ожила тусклая лампочка.

Ламия оглядела комнату цепким взглядом и сказала:

– Добрый вечер, Триш. Надеюсь, ты хорошо спала?

Триш молча смотрела на нее.

– Нашей крошке нужно хорошо питаться. Я тут приготовила овощи с травами, прямо из моего сада. – Она приподняла салфетку; на тарелке лежала горка исходящих паром овощей.

От запаха у Триш заурчало в животе. Она не представляла, сколько времени прошло с тех пор, как она ела в последний раз. Казалось, это было несколько дней назад.

– Ламия, я понимаю, что ты расстроена из-за Чета. Мы все расстроены... Не в себе. Но ты не можешь держать меня здесь вот так... Как пленницу. Это плохо для всех.

– Триш, дорогая, ты не понимаешь. Я не держу тебя тут в плену... Я

защищаю тебя. Защищаю твоего ребенка. А теперь... поешь.

Триш потрясла головой.

– Нет. Я не буду есть твой яд.

– Яд? Нет, девочка, я никогда бы не дала тебе то, что может повредить нашей крошке.

«Нашей крошке», – подумала Триш. Она думает, что ребенок принадлежит и ей тоже.

Ламия взяла щепотку зелени и положила в рот.

– Смотри, никакого яда тут нет.

Но Триш не дала сбить себя с толку.

– Я не стану есть ничего, что даешь мне ты.

– Пойдем, выйдем на крыльцо, – сказала Ламия. – Хочу кое-что тебе показать.

Взяв тарелку, Ламия вышла из комнаты и пошла по коридору. Триш глядела на открытую дверь, не веря своим глазам, потом встала и, пройдя по коридору, нашла Ламию на крыльце.

– Позволь, я покажу тебе, почему тебе нужно оставаться в доме.

Триш огляделась; над низинами курился легкий туман. *Она пытается меня надуть.* Триш вгляделась в кусты, гадая, где может быть Джером, работник Ламии, и попыталась прикинуть, сможет ли она убежать от взрослого мужчины на восьмом месяце беременности.

– Они сейчас будут здесь. – Ламия поставила тарелку на столик между двумя качалками, стоявшими на крыльце. – Смотри вон туда, где опушка... Вон там, в тумане над болотами.

– И кто же там будет?

– Мои дети.

Они подождали еще несколько минут, но ничего не случилось. Триш покосилась на Ламию. У той на губах играла легкая полуулыбка, как у королевы, обзоревающей свои владения. Триш посмотрела на дорожку, ведущую к шоссе, пытаясь вспомнить, какое там расстояние. Ей казалось, там мили две, или три – не больше. Сможет ли она пройти столько в своем нынешнем состоянии? Она решила, что сможет. Она, наверное, сможет все, что угодно, только бы сбежать от этой безумной женщины. Она сделала шаг к лестнице.

– Вот и они.

Триш не видела ничего, кроме светлячков. Она шагнула еще раз, оценивая расстояние, отделявшее ее от Ламии. И тут заметила кое-что странное: все светлячки летели к ним, вверх по склону. Но еще более странным было то, что двигались они парами. «Словно глаза», – подумала

она.

Они подплывали все ближе, и туман свивался вокруг них воронками, постепенно сгущаясь в призрачные фигуры. Триш ахнула, не в силах поверить тому, что видит.

– Дети, – сказала она. – Это же дети.

– Да, я же говорила. Это мои дети.

Они начали кричать, звать печальными голосами. У Триш мурашки пробежали по коже: звук был невероятно грустным, исполненным бесконечного отчаяния.

– Мама, мамочка, – шептали они. Все они звали ее, Ламию. Все ближе и ближе. Они толкались, протягивали руки.

Ламия улыбнулась. Она просто сияла.

– Детки мои. Я люблю вас всех.

Дети подошли к крыльцу и остановились, замерев на нижних ступеньках, глядя на Ламию глазами, полными жажды и тоски.

Ламия рассмеялась.

– Они чудесные, правда? Как они любят меня. Всей душой.

Одна девочка – на вид ей было года два – случайно натолкнулась на нить, протянутую поперек лестницы, и колокольчики нежно зазвенели. Дети отпрянули, зажимая ладонями уши, с искаженными от боли лицами.

– Что с ними?

– Это просто колокольцы. Они не могут пройти мимо них. Это чтобы они не ходили в дом. И демонов это тоже держит на расстоянии. Они охраняют тебя, Триш.

– Какие демоны?

– Билли, Дэйви, – позвала Ламия. – Все в порядке, можете выходить. Пусть эта милая барышня на вас посмотрит.

Глаза у детей расширились от страха. Проследив за их взглядами, Триш увидела дуб – старое дерево, которое росло у самого крыльца. Из-за ствола появились двое мальчиков и неспешным шагом подошли к крыльцу. Все дети как один отступили на шаг.

Мальчики мило улыбались, но глаза... что-то у них было не то с глазами.

– Покажите милой барышне какой-нибудь фокус. Давайте, не стесняйтесь.

Мальчики обменялись хитрыми улыбочками, а потом оба посмотрели на Триш. Их улыбки стали шире, и еще шире, рассекая лица, растекаясь за уши, и стало видно, что во рту у них полно мелких, острых зубов. Глаза у них вдруг запали в глазницы, будто плавая в лужах темноты.

– Они чувствуют твое нерожденное дитя.

Триш сделала шаг назад.

– Ладно, не пугайте барышню. Идите. Идите, поиграйте.

Демоны волчком развернулись на месте и бросились на детей.

Дети закричали и кинулись бежать в разные стороны. Демоны отрезали одного из них от остальных – маленького мальчика, и закружили вокруг него, как шакалы, взрыкивая и хохоча. Мальчик попытался было проскользнуть мимо, но тот демон, что побольше, схватил его за руку и, закружив, повалил на землю. Младший демон бросился на жертву и вонзил свои острые зубки прямо в мальчику в живот, терзая его.

Мальчик закричал. Триш тоже. Она отвернулась, закрыла руками лицо.

– Останови их. О, пожалуйста, останови их.

– Ну, дитя, – спросила Ламия. – Ты все еще хочешь уйти?

Глава 42

Триш кралась по темному коридору, ведя рукой по стене. По лицу у нее катились слезы, но она не издавала ни звука. Она проскользнула через гостиную, открыла дверь. Тихо ступила на крыльцо, в ночь. В лунном свете она заметила, что подол ночной рубашки спереди у нее весь пропитан кровью. Кровь текла у нее между ног. Тихонько вскрикнув, она спустилась по лестнице, осторожно, стараясь не задеть колокольчики, переступила через нить. Сошла во двор и остановилась, глядя испуганными глазами на открывшуюся перед ней дорогу. Смех – казалось, он раздается со всех сторон. Она резко обернулась. Перед ней, улыбаясь, стояли двое мальчиков. Их улыбки были какие-то неправильные – слишком, слишком много зубов. Она повернулась, чтобы бежать, но они прыгнули на нее, впиваясь зубами, добираясь до горла. Она закричала.

Чет, задыхаясь, сел. Крики Триш до сих пор звенели у него в ушах. *«Это был сон, просто сон»*, – старался он убедить себя, неистово надеясь, что это было не видение, вроде тех, что показывала ему Ивабог. Он не сразу вспомнил, где находится и что он мертв. Он даже не помнил, как заснул, – только что они с Тренером и Эдо большую часть ночи упражнялись с оружием. Эдо гонял их, раз за разом заставляя повторять одни и те же движения, пока они не вымотались, как собаки. Чет увидел Эдо – тот сидел под решеткой, глядя вверх, и вид у него был совершенно отсутствующий. Где-то звонил колокол. Чет вздохнул, задумавшись, будет ли хоть один из них здесь завтра.

Приближающиеся шаги. Лязг ключей в замке. Дверь широко распахнулась. Вошли троу и пошли по камере, поднимая рабов на ноги. Сегодня троу вели себя по-другому – не толкали их и не тыкали копьями – обращались с ними чуть ли не уважительно. Они провели их по коридору, через круглые двери, и на поле, где их встретили не издевательские крики и проклятия, а рукоплескания – в такт их шагам. Чет, обернувшись, взглянул на оставшихся кольценосцев и подумал, что они не были уже больше обычными рабами, но душами, которые смогли пережить два дня на арене с чемпионами.

Троу распределили их вокруг арены. Чет, Тренер и Эдо вновь встали вместе.

Сегодня оружие разносили четыре женщины в долгополых золотых одеяниях. Каждому из троих они дали шлем, меч и щит. И это было не то

ржавое, выдавшее виды оружие, которое служило им в предыдущих битвах; полированная сталь блестела так, что глазам было больно, а мечами можно было бы побриться.

– Они хотят, чтобы мы могли укусить в ответ, – сказал Эдо. – Они хотят, чтобы это было стоящее зрелище.

Чет отложил щит, – он его только замедлил бы, – и застегнул под подбородком ремешок шлема. Шлем, оказалось, был с подкладкой и удобно сидел на голове.

– Сегодня вам придется держаться от меня подальше, – сказал Эдо, и показал им свой шлем. Сначала Чет не понял: шлем выглядел в точности, как и все остальные. Эдо постучал по одному из рогов.

– Вот дерьмо, – вырвалось у Чета.

Рога на шлеме у Эдо были темно-коричневыми, почти черными. У всех остальных были красные рога.

– Меня поместили, друзья.

– Что за херня, – сказал Тренер и направился было вслед за девушками, которые раздавали оружие.

Эдо схватил его за руку.

– Нет. Это неважно. Смотри. – Он кивнул в сторону трибун. Почти все глаза были устремлены на Эдо. Мортему не придется искать раскрашенные рога, чтобы узнать его.

Эдо натянул шлем и застегнул пряжку ремешка.

– Чет, Тренер, послушайте меня. Держитесь от меня подальше. Ему нужен только я. Не выбрасывайте свой шанс выйти на свободу.

Чет посмотрел ему прямо в глаза.

– Наш шанс – держаться вместе.

– Это наш единственный шанс, – сказал Тренер.

Эдо отвел взгляд.

Отворились высокие красные двери и – в третий раз за три дня – чемпионы торжественно обошли поле под восторженный рев толпы. Их осталось шестеро.

«Шесть чемпионов на двадцать рабов, – подумал Чет. – Да есть ли он у нас вообще, этот шанс?»

– На всех колец не хватит, – сказал Эдо. – Поэтому-то сегодняшний день и называют «Состязанием чемпионов». Сегодня им придется столько же сражаться между собой, сколько собирать кольца. Это всегда было самое интересное.

Чемпионы встали на свои места вокруг центральной платформы. Мортем занял место прямо напротив Эдо.

Вошли Наблюдатели, поднялись на свое возвышение.

Мортем уперся взглядом в Эдо.

Красные двери захлопнулись с громким, окончательным стуком.

Наблюдатели как один подняли руки.

Стадион притих.

– Третье испытание, – объявили они. – Испытание чемпионов. Сегодня мы узнаем, который чемпион принесет почести и славу своему богу.

– Скажу еще раз, – произнес Эдо. – Не выбрасывайте свой шанс добыть свободу.

– Да, мы и в первый раз тебя слышали, – сказал Чет, стараясь, чтобы его голос звучал храбро.

– Говорю тебе, – сказал Эдо. – Не будь глупцом.

– Я знаю, что вчера один глупец спас меня вместо того, чтобы сбежать. Эдо покачал головой.

– Ты – хороший друг, упрямый друг, но, может, не очень умный друг. – Он даже рассмеялся, но Чет услышал в этом смехе отчаяние.

– Чемпионы готовы? – прокричали Наблюдатели. Чудовища кивнули.

– Ладно, – быстро заговорил Эдо. – Если вы собираетесь стоять вместе со мной, вот что нужно делать. Встретить его лицом к лицу мы не можем. Наш единственный шанс – потерять его в дыму. – Он указал на ближайшую группу камней, стоявших вокруг огненной ямы. – Мы должны добежать до этих камней быстрее него.

Чет с Тренером кивнули.

Мортем принял стойку, как спринтер на низком старте, и его рот исказила угрюмая ухмылка.

– Приготовьтесь, – сказал Эдо Чету и Тренеру, кладя руки им на спины.

Чет сделал пару шагов в направлении камней.

– Сражаться рядом с вами было великой честью, – сказал Эдо. – Теперь все в руках богов.

– Нет, – сказал Чет. – В наших.

Эдо ухмыльнулся.

– Да, в наших.

– Да одержат победу храбрейшие и сильнейшие! – прокричали Наблюдатели и опустили руки. Протрубил рог, взметнулось пламя над огненными ямами, загрохотали барабаны. Трибуны взорвалась криками.

– *Вперед!* – закричал Эдо, толкая их в спины.

Чет побежал к камням; он несея изо всех сил, зная, каким быстрым может быть Мортем, зная, что ему надо выжать из себя все, чтобы

добраться до дыма первым.

Толпа, вскочив на ноги, взревела.

Чет добежал до камней, рискнул глянуть назад, и увидел сразу за собой Тренера, – но не Эдо. Он резко остановился, Тренер врезался в него.

– Двигай! – заорал Тренер. Чет не мог, просто не мог. Эдо с ними не было, потому что он бежал, нет, *несся* навстречу Мортему.

– Нет! – закричал Чет, поняв, что Эдо их надул. Чет бросился было к другу на помощь, но Тренер вцепился в него, стараясь затащить в дым.

– Чет, *нет!* Ты ничего не сможешь сделать.

– *Отпусти!* – заорал Чет, отталкивая Тренера, оставляя его позади – он уже бежал, быстро, как только мог – к Эдо.

Тот встретил атаку Мортема лицом к лицу. В последнюю секунду сделал ложный выпад, метя мечом низко, в лодыжку. Мортем просто перешагнул через меч и, замахнувшись, обрушил топор на плечо Эдо, начисто отрубив ему руку. Удар был таким, что Эдо упал. Он попытался было встать на ноги, но Мортем уже был рядом. Он занес свой огромный топор – «Эдо!» – вскрикнул Чет – и топор упал, раз, другой, кромсая шлем Эдо, дробя его череп.

Толпа взревела.

– Нет! – закричал Чет. Пошатнувшись, он остановился, будто это он получил удар. Он упал на колени.

– *Нет! Нет!*

– Еще одна засечка во славу богов! – закричал Мортем, и отрубил Эдо руку. Сорвал кольцо и поднял его высоко над головой, так, чтобы видели все.

Из дыма донесся дикий вопль. Чет заметил женщину, похожую на ящерицу, с ятаганом в руках. Она гналась за одним из рабов, и Чет не сразу понял, что это был Тренер. У женщины уже было два кольца, и Мортем, видимо, заметил их, потому что он тут же устремился за ней. Женщина-ящерица была настолько поглощена погоней, что не заметила его. Он обошел ее, появившись вдруг из дыма с занесенным топором, и обрушил лезвие поперек туловища, почти перерубив соперницу пополам. Вырвав у нее кольца, он устремился за Тренером.

Тренер продолжал бежать, но перед ним не было ничего, кроме открытого пространства арены.

– Стой! – закричал гигант. – Стой, и я пощажу тебя.

Только тут Тренер увидел, кто за ним гонится, и, споткнувшись, замер. На лице у него были написаны полнейшее отчаяние и покорность судьбе. Упав на одно колено, он протянул Мортему руку с кольцом.

«Нет, – подумал Чет, – нет, глупый ты ублюдок!»

Мортем нагнал Тренера, пинком бросил его на землю, но вместо того чтобы срезать кольцо, как обещал, он, дико оскалась, со всей силы наступил Тренеру на голову, дважды, разmozжив ему череп. Чет замер, не в силах даже двинуться. Это была чудовищная жестокость.

– И еще одна засечка во славу богов! – проревел Мортем, по-мяснички отхватывая Тренеру руку и забирая кольцо.

Чет поднялся на ноги и бросился бежать к ближайшему укрытию – к платформе, на которой стояли Наблюдатели. Он ни разу не оглянулся, пока не добежал, куда хотел, а когда, наконец, поглядел назад, то увидел Мортема, несущегося прямо на него. Чет отчаянно завертел головой в поисках выхода – или хотя бы чего-то, что могло бы дать ему преимущество. Но вокруг раздавались только крики и лязг оружия. Меч, который Чет сжимал в руке, вдруг показался ему совсем маленьким, но он не собирался совершать ту же ошибку, что и Тренер. Он принял одну из защитных стоек, которые показывал ему Эдо, и направил оружие на несущегося в его сторону монстра.

С трибун раздался неистовый рев. Чемпион Велеса, Кван, стоял над здоровенным, дикого вида зверем, вонзив ему в шею меч. Чудовище лежало на спине, сжимая горло одной рукой. В другой у него было три кольца. Кван вырвал кольца, и монстр сделал слабую попытку схватить его, но ловкий и быстрый Кван уже бежал к центру поля – с шестью кольцами в руке.

– Нет! – взревел Мортем, меняя курс, чтобы перехватить Квана.

Зрители, вскочив на ноги, принялись топать и кричать, наблюдая, как сокращается расстояние между двумя чемпионами.

Заметив Мортема, Кван принялся на бегу метаться туда-сюда, резко меняя направление, вынуждая Мортема то и дело терять равновесие. В самый последний момент Кван сделал вид, что наносит удар, но вместо этого пригнулся и припал к земле. Топор Мортема просвистел мимо, а Кван, перекатившись, поднялся на ноги и бросился к ларцу.

– Да! – заорал Чет, почти забыв, что он на поле, а не на трибунах. Ничто больше не стояло между Кваном и ларцом, и Чет уже было поверил, что ему удастся-таки сохранить кольцо – и обрести свободу.

Мортем взревел и метнул топор – мощный, точный бросок. Топор, вращаясь в воздухе, полетел в цель, и Кван, должно быть, что-то почувствовал, потому что он обернулся на бегу. Топор вошел ему прямо в висок. Кван рухнул на землю, кольца выпали у него из руки и, покотившись, врезались в подножие платформы меньше чем в пяти футах

от Чета.

Мортем издал триумфальный вопль.

Чет чуть не бросился бежать, но увидел чемпионов, которые неслись к нему со всех сторон, и его взгляд метнулся назад, к кольцам. «Кольца, – подумал он. – Просто кинуть им гребаные кольца!» Он прыгнул, подхватил кольца с земли.

– Сюда! – послышался громоподобный крик. Мортем шел к нему, протянув руку. – Давай их сюда, прямо сейчас, и я тебя пощажу!

– Не сегодня, говнюк! – заорал Чет.

Лицо Мортема исказила неистовая ярость, и он бросился вперед.

Чет, развернувшись, побежал в обход платформы, к другим чемпионам.

– Брось их! – закричал Мортем. Его шаги грохотом отдавались у Чета за спиной. – БРОСЬ! – Шаги звучали все чаще, все ближе, ближе. Мортем взревел, прямо за ним, и тут Чет пошел на уловку – не прием из тех, что показывал Эдо – просто обычная детсадовская выходка. Он упал – просто упал, как бревно, в тот момент, когда у преследователя уже не оставалось времени на реакцию.

Мортем зацепился ногой за бок Чета, споткнулся и рухнул вперед, как подрубленное дерево. От удара Чет покатился в сторону, затормозив в каких-то двух футах от ларца. Тут он заметил Эдо – его тело, до сих пор валявшееся в пыли. И вдруг все это – жертва, на которую пошел его друг, бессмысленная жестокость Мортема – ударило его, будто камнем под дых.

И в этот момент его ярость, его ненависть к монстру пересилили в нем страх. Чет знал, что с ним покончено. Но пусть даже это будет его последний поступок – он не допустит, чтобы Мортем заполучил кольца. Он встал, сделал шаг к ларцу и поднял руку, держа кольца над ящиком.

Мортем, перекатившись, уже успел подняться на одно колено. Он посмотрел на кольца, потом на Чета. Чет поймал его взгляд, и улыбка, злая, безумная улыбка расплзлась у него по лицу.

Мортем сдвинул брови.

– Что ты делаешь?

Подбежали еще два чемпиона и, увидев Чета, неуверенно остановились.

Толпа замолкла.

– Ты не можешь это сделать, – выплюнул Мортем. – Это запрещено.

– За Эдо, – сказал Чет и уронил в ларец одно кольцо. Оно гулко ударилось о дно – звук прокатился по полю, долетев до самых верхних трибун.

– Прекрати! – крикнул Мортем, поднимаясь на ноги.

Чет уронил еще кольцо, потом еще, и еще.

– *Сейчас ты прекратишь!* – заорал Мортем, и бросился вперед.

Чет с размаху грохнул в бронзовый ларец все кольца.

Протрубил рог.

Мортем резко затормозил и, задрав голову, поглядел вверх, на Наблюдателей, пылающими от ярости глазами. Барабаны стихли. На трибунах все души до единой смотрели на них, не веря своим глазам. И тогда, только тогда Чет задумался, что же он совершил.

Глава 43

– Клянусь... богами, – зарычал Мортем, – ты *заплатишь* за это оскорбление. – Он сделал движение к Чету, но тот отпрыгнул, держа наготове меч.

– Прекратить, – зазвучали три голоса в унисон. Наблюдатели подняли руки.

Мортем обратил на них тяжелый взгляд.

– Прекратить?

– Он положил кольца в ларец.

– Он – кольценосец. Кольценосец не может собирать кольца.

– Он положил кольца в ларец.

– Я этого не допущу! – вскричал Мортем. Прошагав мимо платформы, он встал перед богами.

– Хель, моя царица. Что ты скажешь на это безумие?

Хель, как и все прочие боги, давно уже стояла, вскочив с трона, у перил: вуаль отброшена в сторону, на лице – выражение крайнего удивления. Она помрачнела; резко бросила что-то двум стражникам, стоявшим за ее спиной, и рассерженно указала им на Чета. Стражники бросились вон, через дверь в дальней стене ложи. Хель еще раз мрачно взглянула на Чета и последовала за ними.

«*Господи*, – подумал он, медленно поднимаясь на ноги. – *И что же они теперь со мной сделают?*» Бежать было некуда, так что он ждал – все ждали.

Отворились высокие красные двери, и на поле появилась Хель в сопровождении двух минотавров. Все оставшиеся чемпионы преклонили колено, положив оружие на землю перед собой. Один из минотавров, шедший впереди богини, выбил меч из руки Чета и швырнул его самого на землю.

– Не вставать с колен.

Хель подошла и остановилась в нескольких шагах от Чета с мрачным выражением на худом, похожим на череп, лице.

– Сними шлем, раб.

Чет повиновался.

Она окинула его взглядом, даже не пытаясь скрыть свое отвращение.

– Ты прервал мои Игры. – Не оглядываясь, она протянула руку одному из минотавров. Он вытащил свой меч – короткий, широкий клинок – и

вложил в руку богине. Меч явно был тяжелым, но она держала его легко, безо всяких усилий. Она шагнула к Чету.

– Опустит голову, раб.

Чет взглянул на меч, потом на богиню и покачал головой.

– Нет. Ни за что. Это неправильно. Я положил кольца в ларец. Значит, я победитель.

Глаза богини вспыхнули, толпа ахнула как один человек.

Минотавр ударил Чета, и тот опять упал.

Но поднялся снова.

– *Их спроси!* – крикнул он, стоя на коленях, и ткнул большим пальцем в сторону Наблюдателей. – Они так сказали. Сказали, я положил кольца в ларец. И в соответствии с правилами – с вашими правилами – это делает меня гребаным победителем!

Минотавр опять сбил Чета на землю.

По толпе пронесся шепот, многие начали возмущенно орать.

Чет поднялся – уже в который раз – и посмотрел Хель прямо в глаза.

Она сжала губы. Подняла меч, шагнула вперед.

– ПОГОДИ! – раздался глубокий, низкий голос. Все повернулись. К ним приближался великан с оленьей головой. Велес посмотрел на Наблюдателей.

– Что вы скажете на заявление этой души? Может ли кольценосец стать победителем Игр?

– Нет! – прервал его Мортем. – Это безумие. Он – раб. Он оскорбил...

– Молчать, – сказал Велес, обращая на гиганта тяжелый взгляд.

Мортем отступил на шаг.

– Велес, – сказала Хель, бросив на него уничтожающий взгляд, – да как ты смеешь?!

Велес кивнул Наблюдателям:

– Отвечайте.

– Свод правил был утвержден с согласия всех богов. Первый участник, который соберет шесть колец и положит их в ларец, выигрывает состязание. Кольца допускается добывать любыми средствами.

– Участник? – переспросил Велес, глядя на Чета. – Может ли кольценосец также считаться участником?

– Прецедентов не было, – ответили в один голос Наблюдатели. – Никогда раньше кольценосец не клал кольца в ларец. Правила ничего не говорят о том, что кольценосец может быть участником.

– Вот! – закричал Мортем. – Раб не может...

Велес всадил кулак Мортему в лицо, гигант рухнул на колени; потом

бог-олень вновь посмотрел на Наблюдателей.

– Пожалуйста, продолжайте.

– Правила также ничего не говорят о том, что кольценосец *не* может быть участником.

– Вот! – вскричал Велес, обводя взглядом трибуны. Он поднял руки, и толпа замолкла. – Что скажете? – Его мощный голос эхом прокатился до самых верхних трибун. – Эта душа – участник? Доказал ли он, что равен доблестью чемпионам? Чего он заслуживает – победы или смерти? Победа или смерть? Что это будет?

Все руки взметнулись, устремив большие пальцы вверх. Толпа вскочила на ноги, напирая на перила трибун, крича: «Победа! Победа!», пока, наконец, не начала скандировать хором.

Хель наблюдала за беснующейся толпой; на ее мрачном лице медленно появилась тонкая улыбка. Воздев меч вверх, к хмурым тучам, клубящимся над их головами, она прокричала:

– *Победа!*

Толпа взревела с новой силой и затопала ногами. Казалось, вся арена сотрясается от этого грохота.

Хель отдала меч минотавру и дала знак двум стражникам, замершим в ожидании у красных дверей. Последовала заминка, но спустя несколько мгновений на поле выбежали двое троу в сопровождении юной женщины, которая несла поднос.

Хель наклонилась к Велесу:

– Ты неплохо разыграл свои карты.

Олень-великан улыбнулся.

– А теперь скажи мне... Тебе-то какая выгода? Что ты задумал, старый пес?

– Дух Игр важен для меня. Это все. Мои мотивы чисты.

– Да, чистый эгоизм, – ответила она.

Велес пожал плечами.

– Я ведь бог.

Она рассмеялась, наблюдая своими холодными глазами за Четом, с которого в этот момент как раз снимали ошейник и кольцо.

– Как твое имя? – спросила Хель.

– Чет.

– Полное имя.

– Чет Моран.

– Встань, Чет Моран. Ты свободен.

Чет колебался. *Свободен?* В это трудно было поверить.

– Встань. Победа – твоя.

Чет встал.

Подошла юная женщина с подносом. На зеленом бархате лежал сплетенный из свежих еловых веток венок. Хель подняла венок и надела его на шею Чету. Он глубоко вдохнул и замер – ель была настоящей.

Толпа принялась скандировать его имя.

– Чувствуешь, Чет Моран? – сказала Хель. – Ты пробудил их дух и, по крайней мере, в это мгновение, они живы. Тот, кто способен на такое, заслуживает зваться Главным Победителем.

Хель подняла с подноса зеленый бархат; под тканью лежал короткий меч полированной стали, ножны и перевязь. А еще – кожаный, расшитый золотом кошель. Она взяла в руки меч, который казался очень острым: оружие для боя, не для парада. Она подняла меч над головой; толпа притихла.

– Да будет известно, что я, Хель, царица смерти, сим объявляю Чета Морана Главным Победителем нынешних состязаний. – Она прикоснулась мечом к одному плечу Чета, потом к другому, и вручила ему оружие и перевязь.

Толпа опять взревела.

Хель взяла с подноса кошель и повесила Чету на шею. Кошель был неожиданно тяжелым. Хель положила руки Чету на плечи и, притянув к себе, сказала ему на ухо:

– Будь у нас побольше таких, как ты, Нижний мир цвел бы на зависть Верхнему.

Ее дыхание отдавало прелыми осенними листьями.

И в этот момент, купаясь в окружавшем ее невидимом сиянии, Чет чувствовал себя – почти – живым.

Хель повернулась и пошла к красным дверям, и Чет к своему удивлению обнаружил, что какой-то его части хотелось последовать за ней.

Велес шагнул к Чету и встал рядом, задрав голову, наблюдая за беснующейся от восторга толпой.

– Сладкий нектар победы. Насладись им сполна, – сказал он и последовал за Хель к выходу с арены.

Начала играть музыка – громкий, бравурный марш, – и один за другим оставшиеся чемпионы – те, кто мог еще передвигаться – покинули арену.

Мортем медленно поднялся на ноги, держась за щеку. Один из его клыков был сломан. Он в последний раз мрачно взглянул на Чета и пошел к дверям следом за остальными чемпионами.

На поле вышли троу и принялись подбирать оружие и расчищать арену

от прочих последствий резни, в то время как зрители начали покидать трибуны. Боги уже ушли со своих балконов, и слуги начали снимать флаги, паковать в корзины меха, кубки и прочие предметы божественного обихода.

Барабаны смолкли, и вместо них вступили колокола – далекий, глубокий звон. Чет медленно брел по полю, пока не нашел тело Эдо. Он опустился на колени рядом с мертвым другом и просто сидел так посреди медленно пустеющего стадиона. Наконец, Чет снял с себя венок и положил на грудь Эдо.

Часть четвертая Богобойца

Глава 44

Стоя за одним из надгробий посреди маленького кладбища, Джошуа смотрел на Сеноя. Он наблюдал за ангелом с самого рассвета, а теперь было уже далеко за полдень. Сеной, сгорбившись, сидел на каменной скамье, стоявшей сразу за оградой. Сложив руки на коленях, он молча смотрел в землю. За все это время он едва ли моргнул.

Джошуа подошел к воротам. Ему не хотелось беспокоить ангела, но они так ни разу и не поговорили с тех пор, как Чет ушел вниз, и Джошуа страшно хотелось узнать, нет ли новостей. Мальчик устало покосился вокруг, окинув взглядом поле и опушку – не видно ли где демонов. Прикусив губу, он выскользнул за ворота, тенью проплыл над скамейкой и сел рядом с ангелом.

Насколько Джошуа помнил, вид у Сеноя всегда был так себе, но в этот раз мальчика поразило, насколько он казался изможденным. Глаза совсем запали, а кожа обтянула кости.

Сеной так и не пошевелился, и еще одну долгую минуту Джошуа собирался с духом, чтобы заговорить.

– Мистер Сеной? Сэр?

Ангел даже не моргнул.

– Мистер Сеной? Вы как?

Нет ответа.

Джошуа потянулся было к ангелу, но остановился, так и не притронувшись к нему. Никогда раньше он не осмеливался прикоснуться к Сеною. Он даже не знал, возможно ли это. Снизу, из-под холма, из гущи леса, донесся стон. Мальчик замер, потом быстро постучал ангела по плечу – к его удивлению, у него и вправду получилось к нему прикоснуться.

Сеной сморгнул, медленно выпрямился и обратил свой взор – суровый и грозный – на Джошуа.

Джошуа отпрянул.

– Я страшно извиняюсь, мистер Сеной. Просто хотел узнать, как вы.

– *Джошуа*, – проговорил ангел, тихо, как ветер.

Джошуа подождал, не скажет ли Сеной что-нибудь еще, но к тому уже вернулся отсутствующий вид, и Джошуа решился:

– Мистер Сеной, я тут подумал... Вы ничего от Чета не слышали? Ну, может, у вас опять чувство какое было?

Сеной апатично кивнул.

– Когда он берется за нож, я его чувствую. – Сеной говорил очень медленно, будто в трансе.

– Так он его нашел? – спросил Джошуа. Он по-настоящему разволновался. – Волшебный ключ?

Сеной покачал головой.

– Нет. Пока нет.

– А, – сказал Джошуа, не в силах скрыть разочарование. – Но он уже близко?

Взгляд Сеной обратился к дому на вершине холма.

– Каким же я был глупцом, Джошуа. – Голос у него стал совсем грустным. – Каким глупцом.

Джошуа уже знал, к чему это приведет.

– Не говорите так, мистер Сеной.

– Я потерял все из-за собственной самонадеянности.

– Она надула вас, мистер Сеной. Вот и все.

– И вот теперь мы сидим... в заточении под моим же собственным покровом.

За долгие годы Джошуа много раз слышал от ангела эту историю. Простертый над островом покров скрывал его от света Небес, ото всех ангелов, так, что они не могли найти их, а если бы и нашли, то не смогли бы к ним проникнуть. Это означало, что и Сеной не мог покинуть остров, а Джошуа не мог отправиться домой, к маме на Небеса.

– Это должно было стать тюрьмой для нее, – сказал Сеной. – Для Ламии. Чтобы я мог немного поиграть с ней... Она казалась такой интересной. Но не ей я выстроил тюрьму. Нет. – Его слова были пропитаны горечью. – Я выстроил ее себе.

Джошуа покачал головой. Каждый раз, как Сеной заводил этот разговор, ему становилось грустно.

Ангел поднял свою иссохшую руку.

– Ангелы не могут быть долго без света Небесного. Боюсь, мое время истекает.

Такого Джошуа прежде не слышал, и это его напугало. Что случится, если ангел умрет? Как вообще он сможет добраться домой, к маме?

– Но когда ты вернешь себе ключ, ты поправишься? Правда ведь? И тогда мы сможем пойти домой?

Сеной моргнул и посмотрел на Джошуа так, будто видел его в первый раз.

– Да... Ключ опустит стену, Джошуа. И мы будем свободны. И тогда ангелы спустятся к нам и отнесут тебя в Царствие Небесное, к твоей

матушке. – Взгляд у ангела опять стал отсутствующим. – Ламия... Она была такая... интересная, – сказал он невнятно.

Джошуа посмотрел на косой солнечный луч, пробивающийся из-за облаков, и подумал: «Правда ли, что где-то там, наверху – рай?»

– *Мама*, – прошептал он. – *Я хочу домой.*

Глава 45

Какой-то человек подошел к Чету сзади.

Чет повернулся, держа меч наготове.

Человек слегка поклонился и сказал:

– Меня зовут Мартин.

Он был похож на индуса или пакистанца и стоял очень прямо, чуть ли не по стойке «смирно», прижав руки к бокам. Он был небольшого роста, узкое лицо, узкие плечи, узкие бедра. На нем были сандалии и вышитая шелковая рубаша до колен поверх пестрого саронга.

– Я – дворецкий Велеса. Он послал меня за тобой.

– Послал? Зачем?

– Привести тебя к нему. Он хочет с тобой поговорить.

– О чем?

– Не знаю.

– А Ана там? В караване?

– Кто?

– Ана. Женщина, которая была со мной.

– Прошу меня простить, но я не знаю, о ком вы говорите.

– Она выходила на арену вместе со мной.

Мартин помотал головой.

– А Сит там?

– Да. Сит там.

– Хорошо, – резко сказал Чет, затягивая на поясе перевязь с мечом. – Идем.

Мартин кивнул и повел Чета к красным дверям.

Несколько женщин троу смотрели, как они подходят. Одна из них, та старуха, которая раздавала им ка-деньги, шагнула навстречу. Она коснулась руки Чета – совсем легко, как мать могла бы коснуться своего ребенка.

– Ты благословен богами, – сказала она и улыбнулась; все троу улыбались ему. Чет не знал, что на это сказать, поэтому просто кивнул и пошел дальше.

Они вышли с поля и пошли по длинному коридору с железными дверями. Ближе к концу коридора их ждали четверо вооруженных стражников в цветах Велеса. Чет узнал двоих: грузного мужика с носом-луковицей и еще одного парня – обоих он помнил еще по Стиге.

– Эти люди будут вас сопровождать, – сказал Мартин.

– Агась, – сказал парень помоложе с ухмылкой, – на тот случай, если ты сам идти не захочешь.

Мартин метнул на него сердитый взгляд.

Грузный стражник приветливо улыбнулся Чету.

– Боги уж точно улыбаются тебе, сынок.

– Агась, – вставил молодой стражник. – Ты, блин, герой.

– Вы не видели Ану? – спросил Чет. – Та женщина, которая была со мной?

Стражники обменялись взглядами, но ни один из них ничего не ответил.

– Такая молодая пуэрториканка с короткими волосами?

– Мы знаем, о ком ты, – сказал старший стражник. – Понимаешь, просто...

– Ее Сит забрал, – сказал молодой. – Ей нелегко пришлось. Ну, знаешь, какой он.

Чет стиснул зубы и, миновав стражников, быстро пошел дальше по коридору. Ему было не совсем понятно, что означает его новый статус, на что он вообще имеет право, но ясно было одно: он должен был забрать Ану от Сита.

Он вышел на широкую улицу; праздничные толпы веселых, нарядных душ сновали туда-сюда по булыжной мостовой. Был день – насколько это можно было назвать днем в Нижнем мире, – и густые облака цвета ржавчины текли низко над городом. Черная каменная кладка блестела от влаги, в воздухе висел легкий туман, и отовсюду – с домов, со стен, со статуй – свисали яркие флаги.

Чета нагнали стражники.

– Куда? – спросил Чет.

Молодой стражник ткнул пальцем вниз по склону холма, и Чет пошел дальше, решительно раздвигая толпу. Завидев его, души останавливались; многие просто смотрели; другие звали его, звали по имени. Кто-то даже пытался притронуться к нему, будто он был какой-нибудь пророк или рок-звезда. Но Чет едва их замечал – он думал об Ане, а в голове у него все вертелось, как Сит утаскивает ее прочь за веревку на шее, и выражение боли на ее лице. И чем больше он думал о Сите, тем быстрее шагал вниз по улице, пока, наконец, почти не перешел на бег.

– Не знаю, что там у тебя на уме, Чет, – сказал стражник постарше, – но если это насчет той девушки, лучше бы тебе чуток убавить пары.

– Агась, – добавил молодой. – Погладишь Велеса против шерсти – и здравствуй, ошейник, давно не виделись.

– Вы просто не забывайте, что он – бог, – вставил Мартин. – Хотите что-то ему предложить – помните об уважении.

Чет резко затормозил.

– Предложить? Это ты о чем?

– Предложить купить девушку, – ответил Мартин. – О чем же еще?

– Я могу это сделать? Купить ее?

– Можете попробовать, – сказал Мартин. – Вы ведь только что выиграли приз богов. – Он постучал по кошельку, висевшему у Чета на шее.

Чет до сих пор так и не посмотрел, что там внутри. Распустив шнурок, он заглянул в кошелек; там лежало шесть медных колец и несколько монет белого цвета.

– А, это ка-монеты, – сказал Мартин. – Собственноручной чеканки самого Господина Хоркоса. Они белые, потому что в них нет никаких примесей. Это традиция – давать двенадцать монет победителю... Чтобы он мог залечить любые раны, полученные во время битвы.

Чет положил монету обратно и пошел дальше, вдоль по извилистой улочке, к караванам, раскинувшимся лагерем ниже, в бесчисленных двориках и площадках. И тут Чет застыл. Там, во дворах, на брустверах и парапетах, на каждом балконе, на каждой клумбе сияли белые цветы. В воздухе плыл их сладкий аромат. Он посмотрел на Мартина.

– Великолепное зрелище, – сказал тот. – Не правда ли?

– Да, – ответил Чет.

– Это асфodelи... Настоящие живые асфodelи. Они растут на лугах асфodelей, а здесь появляются только когда приходят боги.

Чет быстро шагнул мимо фургонов, мимо бесконечных ларьков и палаток, где продавалось оружие, сигареты, одежда, шелковые цветы, музыкальные инструменты, украшения – и много чего еще; была пара мест, где играли в азартные игры, в других принимались ставки; в третьих подавали густой, темный напиток под названием «лета». Грохотали барабаны, пищали волынки. Души в звериных масках танцевали вокруг шестов и плетеных чучел, смеясь и распевая песни. Атмосфера немного напоминала сельскую ярмарку – ничего похожего на то, что было в Стиге. Здесь души тоже останавливались, чтобы на него поглазеть, кто-то кивал ему, кто-то кланялся или пытался прикоснуться, а некоторые даже что-то ему дарили – ожерелья из асфodelей и стеклянных бусин, фигурки, сплетенные из волос.

Впереди показался флаг Велеса.

– Его повозка вон там, – сказал Мартин, и Чет последовал за ним.

Он вошли в круг из клеток на колесах, в которых сидели самые разные

животные. Между двумя телегами на земле лежала лошадь. Она не двигалась. Похоже, это была вторая лошадь из той пары, которую он пытался угнать. Рядом с лошадью, положив руку животному на спину, на коленях стоял Велес.

– На нем *проклятие*, – простонал бог.

Мартин, остановившись, дал Чету знак, чтобы тот тоже не двигался.

– Нет на нем никакого проклятья, просто у тебя не достает таланта его исцелить, – сказал кто-то, и Чет узнал голос. Рядом с Велесом прямо на земле стояла большая птичья клетка. В клетке, облокотившись на лиловую шелковую подушку, полулежала Ивабог. Она плела куклу из шелковых нитей, которые вытягивала прямо у себя из живота. Вид у нее был цветущий.

– Нет, – резко сказал Велес. – Я могу это сделать.

– Так сделай, – ответила Ивабог. – Я бы... – Тут она заметила Чета, и сухая улыбка медленно раздвинула ее губы. – Похоже, Велес, у тебя гости.

Огромный олень обернулся и устремил на Чета взгляд своих золотистых глаз.

– Чет Моран... Чемпион и Великий Победитель. Спасибо, что пришел. – Он встал и улыбнулся, но Чету было плевать на его улыбки.

– Чет, посмотри на моих животных, – сказал он, обведя рукой клетки. – Самые великолепные звери во всем Нижнем мире. Как ни грустно, я лишился своего любимого скакуна, – его глаза сузились, – потому что *кто-то* врезался на нем в стену.

– Ты хочешь сказать, потому что он *сам* врезался в стену? – вставила Ивабог.

Велес мрачно взглянул на нее.

– Жаль, он между делом не вышиб из тебя дух. – Он опять переключил внимание на Чета. – Чет, я полагаю себя довольно прогрессивным божеством. Подумать только, ведь я тебя спас. Человека, который *украл* у меня.

Чет ничего не ответил.

– Видишь это несчастное создание? – Велес указал на лошадь. – Она... Как бы это получше сказать... Распадается, да. Ей нужна медь. Тебе тут кто-нибудь объяснил, почему медь так ценится здесь, в Нижнем мире?

Чет помотал головой.

– Медь необходима для заклинаний, проклятий, для алхимии... Но самое важное – она связывает ка. И, похоже, с медью у меня сейчас негусто.

– Он имеет в виду, – вставила Ивабог, – что ухнул всю свою медь на

создание Квана. Только поглядите, чего он этим добился.

Велес нахмурился.

– Я имею в виду, Чет, что мне было бы гораздо легче закрыть глаза на некоторые нанесенные мне обиды, если бы ты, скажем, решил сделать мне подношение... Благородный жест, призванный помочь мне исцелить вот этого зверя и, может, создать новую лошадь. Что скажешь?

– Сколько? – сказал Чет.

Велес улыбнулся.

– Три медных кольца.

Ивабог расхохоталась.

– Это же был сляпанный наспех перевертыш, а не скакун Хоркоса. Хочешь его ограбить – так и скажи.

Велес явно напрягся.

– Ладно, тогда два кольца.

– Нет, – сказал Чет.

Мартин ахнул, и все вокруг выпучили на Чета глаза, даже Ивабог.

– Что? – спросил Велес низким, грозным голосом.

– Нет, если девушка не входит в сделку.

– Девушка?

– Он имеет в виду ту женщину, с которой они вместе появились, – быстро вставил Мартин.

Чет открыл кошель и достал пять медных колец.

Теперь настала очередь Велеса выпучивать глаза.

– Две за лошадь, три за Ану. Достаточно?

Ивабог кашлянула.

– Это слишком много, Чет. На это можно купить сотню рабов.

– Это очень справедливое предложение, – быстро сказал Велес, протягивая к кольцам руку.

Чет отступил.

– Мне нужен проезд до Леты для Аны и для меня. И моя собственность. Мне должны вернуть мою собственность.

– Собственность?

– Мой нож. Он мне дорог, и сейчас он у Сита.

– Да. Да, конечно. Твоя собственность и проезд до Леты. Считаю, ты и твоя рабыня – мои гости. – Велес взял кольца.

– Велес, ты – жулик, – сказала Ивабог.

– А ты – исключительно надоедливое насекомое. Вы двое, – Велес поманил к себе двоих слуг. – Заберите ее. Поставьте куда-нибудь, где мне не нужно будет слушать эту непрерывную трескотню.

Слуги унесли Ивабог прочь, и Велес вновь обратился к Чету.

– Любопытная ты душа, Чет Моран, – сказал он. Еще пару секунд он изучающе смотрел на Чета, а потом приказал Мартину: – Притащи ему эту рабыню, и какую там собственность он потерял, если найдешь. И еще какую-нибудь одежду поновее.

– Да, мой Господин, – сказал Мартин и поклонился.

– И, – сказал Велес, – как найдешь эту его служанку, вернись с ними обоими ко мне. Нам надо будет еще кое-что обсудить.

Мартин опять поклонился, и они с Четом отправились дальше.

Глава 46

– Вот, – сказал Мартин, кладя руку на борт повозки. Он откинул парусину; внутри лежала грудa одежды. – Выбирайте, что вам угодно.

– Потом, – сказал Чет, оглядываясь в поисках голема. Завидев голову Присциллы, возвышавшуюся над крышами фургонов, он направился в ту сторону.

Мартин схватил его за руку, остановил.

– Подожди здесь, – резко сказал он. – Я схожу за рабыней.

Чет покосился на руку Мартина, лежавшую у него на локте, потом перевел взгляд на него самого. Мартин отпустил его, и Чет пошел дальше; Мартин поплелся следом.

– Лучше бы ты подождал здесь, – сказал Мартин.

– Лучше для кого? – спросил Чет, не замедляя шага. Обогнув вереницу фургонов, он заметил, что рабов уже запрягли. Ее он заметил сразу – она была пристегнута во внешнем ряду, совсем рядом с големом; ее кожа, как и его, была вся вымазана красной краской. – Ана.

Она не подняла головы.

– Ана! – позвал он опять, кладя руку ей на плечо.

Вздрогнув, она вся съежилась; вскинула на него испуганный взгляд.

– Ну, Ана, – сказал он мягко. – Все в порядке. Это я.

– Чет?

– Да, нам пора... – И тут он увидел раны. Никто не позаботился дать ей никакой одежды, и вся ее спина, ягодицы, бедра были в глубоких отметинах от плети. – О, Господи Боже... Ана.

Она умудрилась выдавить улыбку.

– Чет. У тебя получилось? Ты свободен? Скажи, что ты свободен.

Чет обнаружил, что не в силах ответить. Ярость грозила захлестнуть его с головой. Ухватившись за крепеж, он принялся расшатывать его, дергая взад-вперед, пытаясь голыми руками вырвать ее цепь из скобы.

– Чет, нет, – в ужасе умоляла она.

– А ну, пошел вон! – раздался крик. Чет резко развернулся и увидел Сита, который направлялся к ним, помахивая плеткой.

Мартин шагнул вперед, выставив ему навстречу ладонь.

– Погоди. Велес дал ему разре...

Чет пронесся мимо Мартина, прямо на гоблина. Сит, узнав его, отшатнулся, но Чет врезался в него, вогнав колено ему в живот, а локоть – в

лицо, и они вместе покатались по земле. Подмяв под себя Сита, Чет вырвал у него плеть и принялся его охаживать.

Сит только рычал, пытаясь загородиться от ударов руками.

– *Прекратить!* – заорал Мартин.

Чет не прекратил. Он хлестал и хлестал, вкладывая в удары всю свою ярость, вспарывая Ситу кожу – на поднятых для защиты руках, на лице, на животе, будто пытался освежевать его заживо. Он даже не услышал грохота приближающихся шагов, когда подбежала стража.

Что-то твердое врезалось Чету в висок, и внезапно он обнаружил, что лежит на земле, навзничь, и ему в лицо направлены пять копий.

– *Прекратить!* – закричал Мартин. – Приказ Велеса. Прекратить!

Стражники не стали пускать оружие в ход, но копий не отвели. «*Только попробуй*», – говорили их взгляды.

– Закончил? – спросил Чета Мартин.

Чет сел, зло глядя на Сита.

– Закончу, как только сукин сын вернет мне нож.

Гоблин лежал на спине, стиснув руками лицо. Между пальцев у него струилась кровь.

– Нож у тебя? – спросил Мартин у Сита.

– Пошел ты, – выплюнул Сит.

– Ты должен его вернуть, – сказал Мартин. – Приказ Велеса.

– Не могу вернуть то, чего у меня нет.

– Где он?

Сит сел, с ненавистью глядя на Чета.

– Пропал.

Мартин вздохнул.

– Где нож, Сит?

– Потерял.

– Гребаный лжец, – сплюнул Чет, поднимаясь на ноги.

Стражники встали между ними.

– Обыскать, – приказал Мартин.

Стражники изумленно уставились на Мартина.

– Вы меня слышали.

Стражники, пожав плечами, сделали, как им было велено – обшарили плащ Сита, его котомку.

– Ножа нет, – сказал один из них.

Гоблин утер с лица кровь и выдал Чету свою странную пародию на ухмылку.

– Как тебя зовут? – спросил Чет у одного из стражников, разумного

вида детины.

– Томас.

– Томас, я хочу, чтобы ты пошел и обыскал хижину Сита.

Томас с сомнением посмотрел на Сита.

– Смотри, – сказал Мартин, – Велес приказал, чтобы Сит отдал этому человеку его нож. Найдешь какие-нибудь ножи – принесешь мне. Это понятно?

Стражник кивнул.

– Ну, и чего ты ждешь?

Стражник ушел.

– Если нож здесь, – сказал Мартин Чет. – Мы его найдем.

Один из стражников протянул было Ситу руку, чтобы помочь ему подняться. Сит грубо оттолкнул ее, подхватил с земли плетъ и встал. Плюнул под ноги Чет. и пошел прочь.

– Мы еще не закончили, – крикнул Чет ему вслед.

Сит обернулся и тихо зашипел.

– Нет... *Не закончили*, конеубийца.

Повернувшись, он пошел дальше вдоль вереницы фургонов.

– Сюда, – окликнул Мартин стражников. – Может кто-то из вас снять с этой женщины ошейник?

Чет подошел и взял Ану под руку, чтобы она не упала.

Стражник, с которым они разговаривали, кивнул вслед гоблину.

– Тебе лучше держать ухо востро. Сит всегда платит по счетам.

– Ага, я тоже, – ответил Чет.

Ана, сделав шаг, поморщилась: ее лодыжка как-то странно подворачивалась внутрь.

– Вот, Ана, – сказал Чет. – Погоди секундочку. – Пошарив в кошель, он достал две белые монеты и дал ей. – Ка-монеты. Помнишь?

– А, волшебные конфетки. – Она взяла их и положила в рот, медленно пережевывая.

– Пойдемте, – сказал Мартин.

Чет перекинул руку Аны через плечо, приняв на себя ее вес, и они двинулись вслед за Мартином обратно в лагерь.

К тому времени, как они добрались до повозки с одеждой, Анины раны уже начали затягиваться, а хромота почти прошла.

Порывшись в куче одежды, Чет выудил пару джинсов, армейские ботинки, фланелевую рубаху и потрепанную кожаную куртку. Ана нашла себе футболку, вельветовый пиджак, сапоги и джинсы, которые были ей немного велики.

Свисток.

– Пойдемте, – сказал Мартин. – Караван отправляется в Лету.

– *Лета*, – повторила Ана с тоской. Очень тихо, едва ли не шепотом.

Глава 47

Тропа была скользкой, и тяжелый, груженный мушкетами фургон зарылся колесами в грязь, угрожая увязнуть. Гэвин соскочил на землю и взял лошадей под уздцы, направляя в обход глубокой лужи.

Карлос глядел Гэвину в затылок. *Надо бы пустить в него пулю прямо сейчас. В них обоих. Сказать потом Полковнику, что их медведь съел, или еще какую-нибудь хрень.* Вот только было у Карлоса ощущение, что, вернись он без обоих людей, которых послал с ним Полковник, это сильно осложнит ситуацию. А Карлосу совершенно не хотелось усложнять ситуацию, только не сейчас, когда на кону стояло абсолютно все. Он приотстал, пропустив караван мимо себя, и пристроился в самом хвосте, рядом с Хьюго.

– Не нравятся они мне, – сказал Хьюго, кивая в сторону Гэвина. – Думают, что они лучше нас.

– Да, им нравится делать вид, будто у них чистые ручки. Интересно, где бы их Полковник был, если бы не мы? Уж, наверное, в какой-нибудь дыре – еще один мародер, читающий проповеди горстке фанатиков.

– Хочешь, чтобы мы о них позаботились? – спросил Хьюго.

– Да... Вообще-то хочу. Просто не прямо сейчас.

Джимми – один из людей Карлоса, который ехал впереди отряда – остановился и поднял руку. Карлос на своей лошади протрусил вперед. Джимми указал вниз, в долину, где в сухом речном русле к скале лепились глинобитные хижины.

Карлос достал из кармана подзорную трубу и обозрел открывшийся вид.

– Больше, чем я думал.

– Многие хижины пустуют, – сказал Джимми. – В нынешние времена эдда осталось мало. И видишь, вон там? – Он указал на сложенное из белых камней строение, венчавшее скалу над городом. – Это храм Велеса. Свое представление они устраивают как раз под ним. Вон тот холм позади храма – это то место, о котором я тебе говорил.

Карлос внимательно изучал местность.

– Да... Понимаю, что ты имеешь в виду. Как стемнеет, мы сможем незаметно расставить там людей.

Джимми кивнул.

– Велес дает настоящее представление, босс. Фейерверки, танцы,

музыка, барабаны. Прикрытие – идеальное. Нам надо будет только дожждаться фейерверков.

Карлос сложил и убрал трубу.

– Это точно. Двадцать мушкетов – достаточно, чтобы уложить их всех до единого.

Вот только он знал, что все совсем не так просто. Дай Велесу хоть один шанс, и он спалит всю армию Полковника. Главное будет – застать бога врасплох.

– Это ведь дорога в Лету, там, внизу?

– Да, это она, – ответил Джимми. – Три Камня как раз за той горкой. Пока не обогнем деревню, нам лучше бы держаться каньонов.

– Три Камня – хорошее место для встречи с Полковником, – сказал Карлос. Он махнул одному из всадников:

– Брент, скачи к Полковнику. Скажи ему, что мы будем ждать его у Трех Камней. Скажи, у нас для него есть двадцать мушкетов. Это должно его подбодрить.

Карлос смотрел, как всадник исчезает за поворотом каньона. «Фейерверки», – пробормотал он. Давненько он не видел фейерверков. Он готов был держать пари, что финал у праздника будет на этот раз запоминающийся.

Глава 48

Раздался грохот. В голове каравана в воздухе вырос фонтан пара, за которым последовала огненная вспышка, и ветер донес до них облако дыма. Чет поморщился, представив, каково приходится несчастным душам, прикованным к повозкам. Огромный голем шагнул вперед, и весь караван – телеги и пешеходы – двинулся следом по уже знакомой горной дороге.

Чет с Аной шагали рядом с фургоном Велеса. Хромота Аны совершенно прошла – ка сделало свое дело. Вскоре облака начали редеть, обнажив скалистые пики, тянущиеся вверх, к другим вершинам, что тянулись им навстречу из туч. У Чета закружилась голова; ему показалось, что в любой момент он может свалиться вверх. Ему впервые удалось взглянуть как следует на Око-Мать; оказалось, что это вовсе не глаз, а сочащаяся ржаво-красным светом сфера. Вокруг нее парило несколько сфер поменьше. Дорога тем временем выровнялась, стала шире; караван уверенно двигался вперед.

– Чет, – раздался чей-то голос. С ними поравнялся Мартин. – Вот ты где. Пойдем. Велес желает тебя видеть.

– Ну, лично мне класть на это с прибором, – сказала Ана.

Мартин бросил на нее укоризненный взгляд.

– Будь осторожна. Ты же видела, что бывает с теми, кто его оскорбил. Никогда не забывай... он – бог.

Прямо на ходу они забрались по лестнице на крышу фургона. Здесь, среди шелковых подушек и мягких пледов, лежал, развалившись, огромный олень и, покуривая длинную, изогнутую трубку, вглядывался вдаль, туда, куда двигался караван. Рядом в клетке сидела Ивабог, продолжая плести все ту же куклу – маленькую беловолосую девочку с пугающе реальным лицом.

Чет схватился за перила, чтобы не упасть – фургон порядочно трясло. Завидев его, Ивабог просияла; на ее маленьких губах появилась плутоватая улыбка.

– Мой Господин, – сказал Мартин, кланяясь. – Я привел вам Чета Морана.

Велес повернулся к ним:

– А, мой Великий Победитель.

Мартин толкнул Чета локтем.

– Поклонись.

Чет не поклонился.

Велес внимательно разглядывал Ану.

– И это та самая рабыня, за которую ты заплатил подобную цену? Ты уверен, что она того стоит? У меня найдутся и получше.

Ана издала странный звук, нечто среднее между рычанием и вздохом.

– Это Ана. Она не рабыня. Она свободна.

Велес пожал плечами.

– Хочешь освободить ее – пожалуйста, дело твое. А теперь, прошу, садитесь.

Они сели на подушки рядом с клеткой Ивабог.

Потянувшись между прутьями решетки, паучиха коснулась Чета рукой – почти ласково – и заглянула ему в глаза. Она явно рада была его видеть.

– Почему она в клетке? – спросил Чет.

– Известно ли тебе, Чет Моран, что это неразумно – подвергать сомнению волю богов?

– Я привык учиться на ошибках.

Улыбка мелькнула на губах Велеса.

– Ивабог в клетке потому, что иначе она будет высасывать души. Ваши, моих слуг... Даже мою. Она – дьявольское создание. К таким никогда не стоит поворачиваться спиной.

– Это, – сказала Ивабог, – бесстыдное преувеличение, Чет. Он до сих пор дует на то, что я сожгла один из его храмов.

– Два, – сказал Велес.

– Видишь... До сих пор меня не простил... Это через три-то тысячи лет.

– Она больше демон, нежели божество, – сказал Велес, повернувшись к Чету. – Нельзя допускать, чтобы по лагерю у тебя рыскал демон. Это действует всем на нервы.

– Демон? Бог? – сказала Ивабог. – Что-то я не вижу разницы. Всем им нужно одно – твоя душа.

– Разница есть. Бог – настоящий бог – придает смысл твоему существованию... Боги дают тебе что-то взамен.

– Да очень многие демоны оказывают душам услуги, – сказала она. – За кровь, за кусочек души, иногда просто за хорошую партию в домино. Просто они честнее.

– Тебя не в клетке надо держать, нет. В дыре. В глубокой, глубокой дыре, чтобы никому не приходилось слышать твою бесконечную болтовню.

Ивабог рассмеялась.

– Ты, дорогой мой, будешь страшно скучать по моей болтовне.

Велес помахал рукой, будто отгоняя муху.

– Хватит глупостей. Я хотел бы послушать тебя, Чет Моран. Скажи мне, Чет – что это за душа, которая смеет красть лошадей у бога, потом побеждает лучших чемпионов и, наконец, бросает вызов самой царице Хель? Кто ты такой, Чет Моран?

Чет пожал плечами.

– Ну же, мне хочется услышать твою историю.

– Не тот задаешь вопрос, – сказала Ивабог. – Спроси лучше, кто его бабка.

Любопытство в глазах Велеса разгорелось еще сильнее.

– А... Звучит интригующе. Так скажи мне, Чет, что же у тебя за бабушка?

– Ламия.

– Ламия? – Сдвинув брови, бог задумался. – Неужели та лилит?

Ивабог кивнула.

– Она самая.

– В тебе есть кровь лилит? – Лицо Велеса омрачилось. – Это невозможно... Тогда она должна быть... – Он опять взглянул на Чета. – Ты хочешь сказать, Ламия до сих пор рыщет среди живых?

– Это так, – сказала Ивабог. – Я пробовала его кровь. Ошибки в его происхождении быть не может.

– Чет, ты и вправду полон сюрпризов, – восхищенно сказал Велес. Подавшись вперед, он во все глаза смотрел на Чета. – Давай, Чет. Расскажи мне, как такое случилось.

И Чет рассказал – рассказал ему все, что знал о себе. Рассказал о том, как Ламия убила его. Потом – о Сеное, о ловушке, в которую тот сам себя поймал, но ничего не сказал ни про ключ, ни про нож, ни о том, что должен найти Гэвина.

Велес слушал очень внимательно, кивая в нужных местах. Когда Чет закончил, Велес некоторое время молча смотрел на горы, посасывая трубку с сосредоточенным выражением лица. Наконец он заговорил: – Как ты думаешь, Ивабог, возможно ли, что Ламия каким-то образом заманила Сеноя в ловушку?

– Думаю, да. Сперва мне так не казалось, но чем дальше, тем больше я думала об этом.

– Ангел должен был бы сразить ее, – сказал Велес. – Отправить ее сюда, в Нижний мир. Как и всех остальных.

– Да, но то, что он этого не сделал... Что они до сих пор вместе... заставляет задуматься. Может, она каким-то образом обвела его вокруг

пальца или, может, оплела чарами.

– Ты думаешь, что Ламия способна соблазнить ангела?

– Да.

– Только не Сеноя. Он же из старой Габриэлевой гвардии. Его сердце... оно как камень.

– Если кто и способен соблазнить камень, то это Ламия, – сказала Ивабог. – Подумай. Она и ее древняя магия гораздо старше любого ангела. Она умеет плести чары на крови. Если ей удалось украсть хотя бы каплю его крови – *ангельской* крови – подумай, что она могла натворить.

Велес ухмыльнулся, будто ему рассказали неплохую, но крайне сальную шутку.

– Даже мне не выдумать для Сеноя лучшего конца, чем попасть в ловушку того самого существа, которое он должен был уничтожить. – Он рассмеялся. – Надеюсь, она до сих пор питается им, даже сейчас. Надеюсь, он страдает. – Глаза Велеса затуманились: он явно смаковал эту мысль. Наконец, он вздохнул. – Мне греет душу сознание, что одна из нас до сих пор бродит по Земле. Слишком многие пали под мечами ангелов, слишком многие были изгнаны сюда, вниз – духи и боги Земли, древний народ, звери и чудовища, все, кому не нашлось места в их великом замысле.

– И будто недостаточно было, что нас изгнали с Матери-земли, – добавила Ивабог, – разлучили с нашими милыми звездами и луной... Теперь нас выживают из чрева самой Смерти.

– Что ты имеешь в виду?

– Будто ты не знаешь. «Зеленые», эта новая порода безбожных душ. С тех пор, как господин Нергал оставил Стигу, они захватили город. Захватили доки, все укрепления, а теперь они жгут храмы, изгоняя древних.

Лицо Велеса омрачилось.

– Есть хоть какие-нибудь известия о том, что случилось с Нергалом?

– Только слухи – что он уехал на переговоры с Кали. Больше никто о нем ничего не слышал.

Велес нахмурился еще сильнее.

– Они не остановятся, – сказала Ивабог. – Никогда. Пока мы все не исчезнем... Не будем забыты.

– Глупцы, – холодно сказал Велес. – Что, как они думают, случится, когда нас не будет? Душам придется прятаться по пещерам, чтобы спастись от демонов. Нижний мир воистину станет пристанищем смерти.

– Они сожгли мой храм, моих мужей... моих *любимых*, – сказала Ивабог, рассеянно поглаживая куклу. – Наше время уходит.

– Глупости, – сказал Велес, качая головой. – Миру без богов не бывать никогда.

– У них есть свои боги.

– Да, все эти Иисусы, Будды и Магометы – они такие холодные... отстраненные. Да они даже явить себя как следует не могут. Как можно поклоняться богу, которого даже увидеть нельзя? – Он встал, покачал головой и принялся расхаживать взад-вперед. – Пора напомнить этим безбожным душам, что такое истинный бог. Пора стать светочем во тьме их посмертия, маяком во мраке. – Он поднял кулак, и в воздухе затрещало; прямо над их головами вспыхнула молния. Души, шагавшие рядом с фургоном, поспешно отбежали подальше.

Ивабог заплодировала – трескучий, сухой звук.

– О, фейерверки! Да они толпами к тебе побегут. – Ивабог оглядела вереницу потрепанных фургонов, телег, понуро тащившихся душ и покачала головой. – Мы были богами, а теперь только посмотрите на нас... Мы сбываем душам милости и благословения, как торговки на базаре, устраиваем цирковые представления и доим ищущих забвения паломников.

Велес нахмурился.

– Ну почему ты вечно напускаешь мрака? Что случилось с кровавой богиней, которую я когда-то знал? С диким, свободным духом, который испепелял каждого, кто осмеливался посягнуть на ее кланы?

Взгляд Ивабог упал на куклу у нее в руках.

– Жизнь не вечна, даже божественная.

– С такими настроениями мы и вправду все скоро обратимся в прах. – Велес осел обратно на подушки и мрачно уставился вперед, на караван. Вид у него был несчастный. Некоторое время они ехали в тишине, а потом Чет почувствовал на себе взгляд бога-оленья.

– Ивабог, – сказал Велес. – У Чета в жилах и вправду течет кровь Ламии? Ты ведь пробовала ее, да?

– Да. А что? Что ты задумал?

– Чет, мне нужен новый чемпион. Храбрая душа. Тот, кто будет достоин подобной чести.

– Честь, – фыркнула Ивабог. – Это же верная смерть. Ты потерял больше чемпионов...

– Молчать, – рявкнул Велес. – Славы без риска не существует. Чет, ты выказал великую храбрость, и на арене, и вне ее. Я вижу в тебе великого чемпиона. Может быть, даже величайшего.

Чет при всем желании не мог представить себе худшей судьбы, чем вернуться на арену.

– Ты что, не видишь? – сказала Ивабог. – Он твоей любви к славе не разделяет.

– Он пока не понял, что я ему предлагаю. Мартин, моя шкатулка.

Мартин поклонился и, раздвинув занавески, исчез наверху.

– Чет, ты никогда не задумывался, почему чемпионы такие сильные, быстрые, ловкие? Они, чемпионы, были когда-то самыми обыкновенными душами, но боги накачали их ка, придали им форму, выковали им новые тела и превратили в несравненных воинов.

Вернулся Мартин с маленькой медной коробочкой и с поклоном передал ее Велесу.

На коробочке не было никаких видимых швов, ни замка, ни защелки. Велес пробежал пальцами по поверхности, и шкатулку рассекла тонкая линия голубого света, обозначив крышку. Велес открыл ее, достал сверток синего бархата и развернул. На бархате сияли четыре серебряные звезды, каждая размером с крупную монету.

– Божья кровь. Моя кровь.

Божья кровь. Чет подумал об Эдо, который потерял все, пытаясь добыть одну из этих звезд.

Велес снял с бархата звезду.

– Для обыкновенной души это – яд. Но, Чет, ты – *не* обыкновенная душа. В твоих жилах течет кровь Ламии. Ты... ты сможешь принять ее. Полубог, вскормленный кровью богов... Какая это будет сила! На арене ты будешь непобедим!

– Он не полубог, – сказала Ивабог. – Всего лишь душа с примесью крови лилит. А кровь лилит еще никого не превратила в лилит. Невозможно сказать, что сделает с ним эта вещь.

– Ну, так давайте же узнаем. – Велес отломил от звезды один луч и протянул Чету.

Чет посмотрел на звезду, и ничего не сказал.

– Ну же, – сказал Велес. – Такая толика не причинит тебе вреда. Ведь я буду рядом. Попробуй.

Чет раскрыл ладонь, и бог вложил туда кусочек звезды. Величиной он был не больше ногтя, но Чет сразу ощутил его тяжесть.

– Только представь, какого я смогу выковать из тебя воина. Победа будет нашей!

– Это же будет нечестная игра, – сказала Ивабог.

– Нечестная игра? – ответил Велес. – Да они все играют нечестно. Вот только у некоторых это получается лучше, чем у других. Хель использует колдовство. Как еще ее чемпион может выигрывать год за годом?

– Ковать ка – это *и есть* колдовство. Просто ее колдовство лучше твоего.

– Ну, в этом-то году ее человек не выиграл, правда? – парировал Велес. – Нет, выиграл раб. Мой раб. Полагаю, это делает победителем меня.

Ивабог улыбнулась.

– Мечтатель. Ты живешь будто во сне.

Велес пожал плечами.

– Все мы живем во сне. Однажды, когда бог всех богов проснется, все мы просто исчезнем. – Он положил руку Чету на плечо. – Давай, попробуй. Узнай, каково это – быть богом.

– Не делай этого, нет. Это даст ему слишком большую власть над тобой.

– Клянусь луной, ты не знаешь, когда нужно заткнуться. – Велес подхватил с подушек мех и набросил на клетку с Ивабог. – Давай, Чет. Попробуй.

Чет потряс головой.

– Нет, я не ищу славы... Мне просто нужно кое-кого найти.

Он попытался отдать серебряный луч обратно Велесу.

На лице бога отразилась не ярость, но печаль.

– Нет нужды решать прямо сейчас, – сказал огромный олень. – Пусть это будет у тебя. Поразмысли на трезвую голову, и отведай кусочек. Когда ты поймешь, каково это – чувствовать себя богом, ты вернешься ко мне.

Чет подумал, что Велес использует ровно те же выражения, что и наркодилеры, но луч все же решил оставить – сунул его в карман куртки.

Глава 49

Карлос с Полковником сидели, скорчившись, за грудой валунов на краю обрыва и смотрели на долину внизу. Карлос, прижав к глазу подзорную трубу, наблюдал, как караван Велеса ползет по дороге в Лету, мало-помалу приближаясь к деревушке в долине.

– Они и понятия не имеют, – сказал он, передавая Полковнику трубу. – Посмотрите, даже разведчиков нет. Знай они о Хоркосе, были бы настороже.

Полковник принялся внимательно разглядывать фургоны, потом опустил трубу.

– Я склонен согласиться.

– Они соберутся внизу, под храмом. Будут фейерверки, барабаны, – они упрощают нам задачу.

– Угу, – сказал Полковник. – Все, что мне надо – подобраться как можно ближе к Велесу прежде, чем кто-либо начнет стрелять.

– Ну, я тут подумал. Мне кажется, вам не стоит идти на такой риск. Если мы потеряем вас сейчас, как раз тогда, когда все только начинает разворачиваться, это может погубить все. Думаю, нам нужно найти для Богобойцы кого-то еще.

– Трудно просить человека сделать то, на что сам пойти не собираешься.

– Хьюго с радостью согласится. Когда-то он был у Велеса рабом. Он так и рвется ему отомстить.

– Думаю, у меня есть для этой работы более подходящий человек. Я говорю о Гэвине.

– Гэвин? – Карлос потянул себя за ус. – У него не все дома.

– Может быть, но в трудной ситуации я предпочел бы иметь при себе именно его.

– Вчера у меня были из-за него неприятности. Он чуть всю сделку не сорвал.

– Гэвин не большой любитель общаться с демонами. Должен сказать, что здесь я на его стороне.

«Но это тебя не останавливает, правда?» – подумал Карлос, борясь с желанием вывести этого человека на чистую воду, здесь и сейчас; спросить его, где была бы эта его революция, не будь у него Богобойцы.

– Ну, так или иначе кто-то должен научить его выполнять приказы.

Полковник рассмеялся.

– Посмотрим, как это у вас получится.

Карлос почувствовал, что начинает злиться.

– Он ваш человек, Полковник. Но со мной он больше не поедет.

Полковник вздохнул.

– Я тебя услышал. С Гэвином в принципе непросто иметь дело. Как и многие здесь, внизу, он сражается со своими собственными демонами. Но, конечно, у него есть зуб на богов. Вы вряд ли найдете душу, которая ненавидела бы их сильнее. Я подобрал его во время рейда. Он был весь переломан – я чуть не бросил его прямо там, думал, не жилец. Он был рабом у господина Нергала. Но с тех пор он со мной, и, повторюсь, лучше него у меня никого нет. Он всегда готов к схватке с кем угодно – будь то демон, зверь или душа. Ты при случае погляди на эти его пистолеты. Забрал их у адского надзирателя, после того, как отхватил этой сволочи голову.

– Вот оно как?

– Да.

Они еще некоторое время наблюдали за ползущим по долине караваном. Оба молчали. Наконец, Полковник нарушил тишину:

– Раньше, на войне... Перед битвой у меня всегда бывало предчувствие. Хорошее или плохое. Это предчувствие никогда меня не подводило. В общем, это я к тому, что... У меня хорошее предчувствие. Не только насчет Велеса. Насчет всего.

Карлос хмыкнул.

– Ты когда-нибудь думал, сколько хорошего мы сможем сделать, когда их не будет? – спросил Полковник. – Когда боги перестанут путаться под ногами, и души будут свободны от их посягательств на власть, от их постоянного вмешательства? Какого прогресса мы сможем добиться? Мы сможем организовать все как следует. Начать производство. Как я понимаю, на Земле сейчас есть устройства, которые работают на электричестве. Кареты, которым не нужны лошади. Ты же их видел, правда?

– Да, изобретений у них там полно. Некоторые даже летать могут.

– Да, слышал, – продолжил Полковник. – Ну, учитывая, сколько здесь ресурсов, не вижу, почему бы и у нас не сделать то же самое. Почему бы нам не сделать это место пригодным для нормального существования.

Карлос подумал об этом – каково это будет, иметь телефоны, радио, машины, может, даже самолеты – здесь, в Чистилище. Что такой, как он, человек – человек с воображением – мог бы сделать, будь у него под рукой танки и немного авиации.

– Звучит просто здорово. Проблема в том, чтобы мотивировать всех этих несчастных дохляков. Да половина из них – самоубийцы, и все, что им надо, – это убраться отсюда куда подальше. Остальные слишком жалеют себя, им вообще на все плевать.

– Им нужна цель, вот и все, – ответил Полковник. – Каждому нужна цель. Все так же, как и у живых. Только подумай обо всех этих душах, влачащих свое существование здесь, внизу. Почему? Почему они с такой охотой строят, торгуют, роют шахты? Не ради пропитания, это каждому понятно. Это потому, что все эти занятия дают им цель в жизни. Хотя бы в качестве ритуала. Они изголодались по смыслу существования.

– Или, может, им просто нужна пара монет, чтобы купить себе бутылку леты либо костяной травки курнуть.

Полковник улыбнулся.

– Я хочу дать им *настоящую* цель.

– Вы уже это сделали. Убивать богов. Никогда не видел, чтобы души выглядели настолько живыми.

У Полковника сделался задумчивый вид.

– Я всегда думал, что есть два типа фанатиков: те, кто посвящает жизнь тому, чтобы что-нибудь построить, и те, кто разрушает построенное другими. Я на своем веку слишком многое разрушил... Тогда, на войне между штатами, и сейчас, со всеми этими скверными делами. Но после того, как боги исчезнут, я надеюсь стать человеком, который строит. Надеюсь, что за мной пойдут и другие. Подумай об этом. Мы все, вместе, работаем сообща, чтобы сделать это место лучше. – Он похлопал Карлоса по плечу. – Мы не хуже этих фальшивых богов можем дать им цель, которую они все ищут, Карлос. Вот только мы будем делать это ради всеобщего блага, а не ради горсточки избранных.

– Ты говоришь прямо как коммунист, – сказал Карлос.

– Коммунист?

– Такое политическое движение, уже после твоего времени. Люди должны работать вместе на государство ради общего блага.

– По мне, это как раз то, что нужно.

Карлос улыбнулся и, поглядев на Полковника, понял, что тот принял это как знак, что они теперь единомышленники. «Полковник, – подумал Карлос. – Людям всегда нужен будет кто-то, перед кем они будут гнуть спину – кто-то, кто будет говорить им, что делать. И я намерен стать этим человеком».

Глава 50

Подошел Мартин.

– Мой господин.

Велес приоткрыл свои золотые глаза.

– Храм.

Огромный олень приподнялся на подушках, вглядываясь в даль, подернутую пыльной дымкой. Близился вечер, и небо окрасилось в темно-бордовые тона. Прищурившись, Чет разобрал в отдалении сотни две фигур, столпившихся по обеим сторонам дороги. За их спинами возвышалось строение, сложенное из местного белого камня.

Вокруг была сушь, и после долгой дороги все были покрыты мелкой серой пылью. Пыль была в волосах, на одежде, на коже – повсюду, и все в караване смахивали на призраков.

Велес вглядывался в фигуры встречающих, и его лицо становилось все более напряженным.

– Каждый год их все меньше и меньше. Настанет время – и меня поприветствует лишь ветер.

Дальше, внизу у дороги, ведущей мимо храма, Чет разобрал глинобитные хижины и пещеры, высеченные в скальной стене над высохшим руслом реки.

Велес встал, схватившись за поручень, на фургоне, который сильно качало на неровной, каменистой дороге. Он поднял руку, и фигуры разразились приветственными криками. Они все были низкорослыми, коренастыми людьми с густыми рыжеватыми волосами, сильно выступающими вперед челюстями и массивными надбровными дугами. Тела большинства из них покрывала лишь ритуальная раскраска того же травянисто-зеленого цвета, что и Велесов мех.

– Они похожи на неандертальцев, – сказала Ана. – На маленьких неандертальцев.

– Они – первый народ, – сказала Ивабог. – Эдда. Они делали каменные орудия тогда, когда человек еще с дерева не слез. Но войну они никогда не любили, потому и пали под мечами людей. Меня они считали демоном, но своего обожаемого Велеса почитали всегда. Он пытался спасти их, но, в конце концов, войны, рабство и межвидовое скрещивание с ними покончили. Теперь их души – точнее, то, что от них осталось – перебирают здесь, в долине, песок в поисках меди.

Пальцы оленя-гиганта затанцевали в воздухе, и золотой нимб, сиявший меж его могучих рогов, вспыхнул с новой силой. Воздух вокруг них затрещал.

Эдда ответили восхищенным гулом; многие принялись, прищелкивая языками, вращаться на месте. Загрохотали барабаны, и те эдда, которые держали в руках корзины, принялись бросать в воздух пепел.

– Посмотри на Велеса, – сказала Ивабог ядовитым тоном. – Только посмотри, как он перед ними ломается, точно выпрашивающая подачку собачонка. У него в приречных землях есть несколько храмов, несколько кланов и племен. Все свое время он проводит, путешествуя от одного племени к другому вместе со своим бродячим цирком и жалким зверинцем. Хочешь знать, почему?

Чет пожал плечами.

– Потому что без них он станет таким же, как и я, – сказала она горько. – *Забывтым*.

Когда фургон миновал выстроившихся вдоль дороги эдда, Велес, эффектно развернувшись, покинул платформу, исчезнув внутри.

Ивабог вздохнула.

– Я так понимаю, на данный момент представление окончено.

Караван продолжал двигаться вверх по дороге, пока не достиг голого каменистого поля, где, описав круг, остановился. Процессия эдда прошествовала дальше, в храм. Мартин, спрыгнув с фургона, присоединился к ним. Подойдя к храму, они зажгли огонь в двух больших чашах у входа, а затем скрылись внутри.

Чет и Ана наблюдали с платформы, как души выпрыгивают из фургонов и телег, как они ставят шатры и палатки. Вскоре вернулся Мартин.

– Господин Велес, – крикнул он. – Все готово. Они ждут вас в храме.

Занавески раздвинулись, из каюты выступил Велес в длинных развевающихся одеяниях бирюзового цвета; рога у него были увиты остролистом и ярко-алыми ягодами.

– Как подношения?

Лицо Мартина приняло такое выражение, будто у него болит зуб.

– Не слишком много, мой господин.

Велес, сжав губы, кивнул.

– Что ж. Я уверен, они дали все, что могли. А теперь я должен дать им все, что могу.

– Да, спляши им как следует, – сказала Ивабог.

Велес хмуро покосился на нее.

– А она что здесь до сих пор делает? Поставьте ее к остальным животным и диковинкам. Рядом с Хрюшей.

– Да, господин, – сказал Мартин, и Велес, решительно раздвинув занавески, удалился.

Мартин быстро подозвал пару слуг; те подняли клетку с Ивабог и понесли ее вниз по ступенькам.

Мартин посмотрел на Чета с Аной.

– Думаю, вы пока Велесу больше не нужны. Можете идти.

– Это страшно мило с его стороны, – сказала Ана, даже не пытаясь скрыть сарказм. Лавируя между фургонами, они пошли следом за слугами, которые несли клетку с Ивабог. Чет подумал, что никогда еще не видел богиню настолько несчастной.

– Чет, – сказала она. – Сделай мне одолжение. Возьми, пожалуйста, этот твой симпатичный меч и выколи им Велесу глаза. Сделаешь это для меня? Я очень тебя прошу.

– Будь ты с ним помягче, он, наверное, лучше бы с тобою обращался.

– И какой тогда в этом интерес? – ухмыльнулась Ивабог.

Чет покачал головой.

– Да, знаю, – сказала она. – Я – сварливая и злобная старая перечница.

Мимо медленно прошли две женщины-эдда; обе воззрились на Ивабог так, будто она в любую секунду могла плюнуть в них ядом. Богиня, оскалив зубы, зашипела на них. Женщин как ветром сдуло. Ивабог горько вздохнула.

– Я бы предпочла, чтобы Велес превратил меня в пепел, чем выносить это.

– Думаю, он в курсе, – сказала Ана.

– Да, а мне должно бы уже быть все равно, – сказала Ивабог уныло. – Но это не так. Я все напоминаю себе, что впереди меня ждет забвение. Что скоро все кончится.

Ана кивнула.

– Да, я понимаю.

– Пойдем, – сказал Чет. Ему не нравилось, какой оборот принял разговор. Он потянул Ану за рукав. – Пройдемся, поглядим что здесь и как.

Повсюду ставили разноцветные палатки и тенты. Но открылось пока всего несколько заведений – в основном, торгующих одеждой и инструментами. Блуждая между палатками, они наткнулись на торговца темным напитком. Его вывеска гласила: «ЭЛИКСИР ЛЕТЫ».

– Как насчет немного выпить? – спросил торговец. – Два по цене одного.

Ана и Чет с любопытством поглядели на бутылку.

– А, вы, ребята, еще совсем сырые, да? В общем-то, ничего особенного в этом нет. Заставляет тебя забыть – ненадолго. Ну, что ты умер и все такое.

– О, – выдохнула Ана, явно заинтересовавшись.

– Вот, присаживайтесь, попробуйте глоток. За счет заведения. Будет хотя бы *похоже*, что кто-то что-то покупает.

Они сели, и продавец поставил на прилавок два мутноватых стакана, вынул из бутылки пробку и начал было наливать.

Чет предостерегающе поднял руку.

– Нет, спасибо.

– Уверен?

– Ага.

– Мне только капельку, – сказала Ана.

Он нацедил ей с чайную ложку.

Ана подняла стакан, разглядывая темную жидкость.

– Да уж, – сказал продавец. – Эдда, они насчет выпивки не очень. Все деньги, которые я здесь делаю, я делаю на паломниках и людях из каравана.

Ана подняла было стакан к губам, но тут ее глаза, расширившись, остановились на чем-то у Чета за спиной.

Чет резко развернулся и заметил Сита, спешившего куда-то вдоль ряда фургонов. Сам гоблин их не заметил.

– Говнюк, – уронил Чет и, спрыгнув с табурета, устремился следом.

Ана схватила его за руку.

– Чет, что ты делаешь?

– Просто хочется посмотреть, куда это он.

Она недоверчиво сощурилась.

– Правда, – сказал он.

Они последовали за Ситом, стараясь держаться на расстоянии. Тот казался каким-то вымотанным, уставшим; он шел, опустив голову и не глядя по сторонам. Они добрались до фургона, который стоял на самом краю каравана. В боковой стенке было несколько дверей. Сит выудил из своей котомки ключ, поднялся по лестнице, открыл одну из верхних дверей и заполз внутрь.

Прежде чем гоблин закрыл за собой створку, Чет успел разглядеть, что за дверью была спальная каморка размером чуть побольше гроба.

– Думаешь, твой нож там?

– Есть только один способ узнать. – Чет шагнул вперед.

Ана схватила его за руку.

– Чет, ты что, с ума сошел? Оглянись вокруг. Слишком много народу.

Она была права. Чет сделал глубокий вдох.

– Ладно, можешь отпускать. Глупостей делать не стану. – Он ухмыльнулся. – По крайней мере, пока.

Глава 51

Барабаны.

Прижавшись спиной к стене храма, Гэвин снял шляпу и глянул вниз, в чашу амфитеатра. Было уже темно, и у проходов шипели и плевались факелы, освещая лица эдда, сидевших на нижних скамьях. Многие уселись прямо на землю, скрестив ноги; в руках почти у всех были выкрашенные в зеленый цвет фигурки из волос и костей, с глазами, сделанными из золотистых камешков; такие же фигурки, только поменьше, свисали с браслетов и ожерелий. Весь караван Велеса тоже был здесь: слуги, торговцы, паломники и стража. Гэвина порадовало, что стражники вели себя расслабленно: они сидели, кто где, курили, болтали; кто-то даже задрал ноги на спинки передних скамеек. Гэвин знал, что его единственный шанс – застать бога врасплох. Если Велес почует хоть что-то, он сожжет их всех живьем.

Появился Карлос в сопровождении нескольких Защитников. Бесшумно скользнув позади Гэвина, они рассыпались вдоль низкой стены, окружавшей амфитеатр. Все были вооружены мушкетами, и Гэвин не без удовольствия отметил, что им хватило ума пригнуть головы. Полковник со своими рейнджерами ждал поодаль, чуть ниже ближайшего к ним скального гребня. Согласно плану, они должны были выдвинуться вперед, как только Велес начнет свое маленькое шоу с фейерверками.

В центре амфитеатра стояла сделанная из обломков костей фигура гигантского оленя, высотой около тридцати футов. Внутри огромной фигуры были сотни оленьих фигурок поменьше, тоже сделанных из кости. На каменном возвышении, лицом к статуе, спиной к Гэвину, стояло кресло или, скорее, трон. Гэвин прикинул оптимальный маршрут – надеялся подобраться к богу со спины. Он стиснул в руке копье, думая о том, каково это будет – сразить Велеса. Избавит ли это от боли? Заставит ли забыть крики собственных детей? *«Может быть, – подумал он, – на какое-то время. Просто...»* Тут Гэвин подобрался, увидев, как в амфитеатр входит высокий парень. *Это он. Тот парнишка... Из моего видения.*

Глава 52

– Начинают, – сказала Ана.

– Хочешь посмотреть? – спросил Чет.

Она пожала плечами.

– Почему бы и нет?

Они пошли на грохот барабанов и оказались на краю амфитеатра, врезанного в скальную стену под храмом. Большинство мест было занято эдда. Клетка с Ивабог была тут же, стояла у трона, явно в виде трофея. Сразу за ней помещались клетки с козлом и свиньей. Ивабог, кажется, была не слишком счастлива этой расстановкой.

Чет слегка подтолкнул Ану, и они прошли вперед, заняв места поблизости от Ивабог.

– Что, добыла себе лучшие места на этом представлении? – спросил Чет.

Ивабог бросила на него кислый взгляд.

– Да. Велес только и думает, что о моих удовольствиях.

Барабаны замолкли, и на амфитеатр опустилась тишина. Из-под высокой каменной арки на арену выступил Велес. Остановился, оглядел зрителей. Окинул костяного оленя оценивающим взглядом, а потом неспешно двинулся по кругу, разговаривая с эдда на их наречии – причудливая смесь жестов, щелканья языком и кряхтящих звуков. Эдда тянулись к нему, и он прикасался к каждому. Эдда следили за ним во все глаза, впитывая каждое движение, каждый мельчайший жест. И Чет увидел это, увидел на их лицах не просто преданность – любовь. Они начали хором выпевать имя своего бога.

– Они его обожают, – сказал Чет.

Ивабог горько вздохнула.

– Да. Это-то и раздражает. – Она вздохнула опять: все тот же безнадежный звук. – Вы видите перед собой бога, который един со своим народом. Так было всегда. Велес всегда был со своими кланами, путешествовал от храма к храму, распространяя свое имя, и его паства росла. Я же редко делала подобные вещи, слишком была горда, слишком ленива. Ха, вот поэтому-то у него до сих пор есть последователи, а у меня – никого. – Она покачала головой. – Только никогда не рассказывайте ему, что я такое о нем говорила. Но Велес в былые времена не жалея сил боролся с болезнями, поветриями и темными духами. Его народ процветал.

Он всегда давал больше, чем брал, поэтому-то он и был великим богом. – С минуту она молчала, потом по ее губам скользнула застенчивая улыбка. – И поэтому я сожгла его храмы. Потому что даже тогда я была злобным, ревнивым созданием.

Чет расхохотался – он просто не мог удержаться.

– Не надо бы мне это вам рассказывать, – продолжила Ивабог, – но он дал мне божью кровь, чтобы меня исцелить. Еще тогда, в Стиге. Не могу сказать, что я сделала бы то же самое для него.

Велес поднялся по ступеням к трону, стоявшему на возвышении, и немного постоял, положив руки на бедра, оглядев зрителей. Медленно поднял руки, закрыл глаза и опустил голову, будто в глубоком раздумье. Его пальцы затанцевали в воздухе, и над головой с новой силой засиял золотой нимб. Все факелы вспыхнули, над ними взвились искры. У каждой искры вдруг выросли крылышки, и они огненным роем затанцевали вокруг костяного оленя, будто настоящие бабочки.

Эдда ахали и охали.

Бабочки вились вокруг гигантской фигуры, и везде, где они прикасались к ней, расцветал маленький синий огонек, и вот великанский олень уже весь был охвачен пламенем.

Велес открыл глаза, и вновь заговорили барабаны.

Один за другим эдда поднимались и входили в круг, топая ногами в такт барабанам. Схватив друг друга за бока, они выстроились вереницей и принялись, пританцовывая, кружить возле горящего оленя и выкрикивать имя своего бога. Темп становился все быстрее, и все больше эдда вырывались из хоровода, – они ухали, прыгали, вертелись на месте.

Позади Чета раздался громкий вой, и, к его удивлению, Велес прыгнул вниз, на арену к эдда, и принялся плясать, прыгать и вертеться вместе с ними. Он выл и смеялся – и этот звук, гулкий, щедрый и сердечный, далеко разносился в ночи. Казалось, все зло, таящееся во тьме, отступало перед этим смехом.

Эдда тоже начали смеяться, и Чет вдруг обнаружил, что тоже улыбается и притоптывает ногами в такт барабанам, и что какой-то его части тоже хочется быть там, вместе со всеми, хочется выть и танцевать, и забыть обо всем.

Барабаны стучали все быстрее, и кое-кто из душ, что пришли вместе с караваном, действительно присоединились к танцующим, и эдда приветствовали их радостным уханьем и широкими улыбками.

– Ты чувствуешь, да? – спросила Ивабог. – Дух Велеса?

– Да, – кивнул Чет. Он и вправду чувствовал это – везде, в воздухе

вокруг него; казалось, это можно было пощупать. Он вдохнул полной грудью – сладостное ощущение, как бывает в конце зимы, когда вдруг повеет весной. Он вдруг заметил, что Ана улыбается и притоптывает в такт. Вид у нее был счастливый.

– Видишь, – сказала Ивабог, – их энергия... сплетается. Боги и души. Это – настоящая сила, и, когда у бога достаточно последователей, он способен сделать этот мир похожим на Землю. Были когда-то времена – давно ушедшие, – когда древние боги создавали целые леса и сады, с цветами и зверями: Елисейские поля, луга асфоделей. Какое это было чудо. Но верующих становилось все меньше, и сила богов угасла. И теперь все, что осталось от былой славы – лишь осыпающиеся статуи и храмы.

Ритм замедлился, и движения эдда стали более плавными. Велес, кружась, вышел из круга, взошел по каменным ступеням к трону и занял свое место. Теперь он казался больше, мощнее – он будто кипел энергией. И эдда тоже словно ожили – их кожа, казалось, изменила цвет, будто под ней в венах струилась настоящая, живая кровь. Чет смотрел, как они танцуют вокруг пылающего великана, и у него было такое ощущение, будто ему позволено было заглянуть в иные времена, в прошлое Земли. Он почувствовал, что в какой-то мере начал понимать благотворные, целительные связи, что существовали некогда между богами, людьми и Землей.

Ана встала.

– Ну, Чет, давай. Пойдем?

– Что?

– Давай потанцуем.

Чет смотрел на нее, не веря своим ушам.

– Ты это серьезно?

– Почему нет?

Чет колебался.

– Иди, – сказала Ивабог. – Может, это твой последний шанс почувствовать себя живым.

Чет пошел за Анной вниз, но танцевать не стал. Он стоял на краю круга, кивая и притоптывая в такт барабанам. Он смотрел, как Ана танцует – неторопливо, изящно, – покачиваясь под музыку. Она улыбнулась ему – теплой, милой улыбкой, – и что-то в этой улыбке напомнило ему о Триш, о счастливых временах. «*Это все магия Велеса*», – подумал он, но поддался этому чувству, позволив воспоминаниям унести его обратно, к Триш, к запаху ее волос, вкусу ее губ. И вдруг краем глаза он увидел Сита. Сморгнув, он очнулся, будто его ударили. Он совершенно забыл о гоблине,

о ноже – обо всем. Его взяло зло – на себя, за то, что позволил чарам Велеса отвлечь себя от цели. Поглядев вокруг, он понял, что здесь, на празднике, был практически весь караван. Если он хотел осмотреть каюту Сита, сейчас было самое время.

Ана двигалась в такт музыке, танцуя с закрытыми глазами. Чет выскользнул из амфитеатра и быстро пересек лагерь, стараясь держаться в тени. Стражников нигде не было видно – ему навстречу попала только пара случайных душ. Он подошел к фургону, где располагалась каюта Сита. Одна из дверей была открыта; в мерцающем свете факела Чет разобрал фигуру лежащего человека. Казалось, он спит; к груди он прижимал бутылку леты.

Чет тихо подошел к двери Сита. Он подергал за ручку, но оказалось заперто. Вытянув из ножен меч, он торопливо оглянулся. Никого. Он быстро сунул кончик лезвия в замок, резко дернул. Язычок замка с громким скрежетом вышел из паза.

– Че... Че? – пробормотал сосед Сита. Он поднял было голову, но тут же плюхнулся обратно.

Чет открыл дверь и забрался внутрь. Каюта пахла илом и мокрыми тряпками. Он отодвинул в сторону матрас, а потом обшарил тюк с одеждой, лежавший под койкой. Ничего. Тут он обнаружил сумку, вывалил содержимое – ничего, только какие-то инструменты. И тут его рука наткнулась на что-то твердое. Сундук! Он придвинул сундук к себе, потряс – внутри что-то звякнуло. *Это он. Должен быть он.* Сев на кровати, Чет подсунул кончик меча под дужку замка и скovyрнул его одним сильным движением.

Открыл крышку и высыпал все на кровать. Да, нож там был, а еще бронзовый кастет и кучка монет. Вот только нож был не тот.

– Это то, что тебе нужно?

Чет вздрогнул, попытался встать, стукнулся головой о низкий потолок и упал обратно на койку.

Гоблин стоял в дверях, перегораживая выход. В руке у него был нож Сеноя. Направив на Чета смертоносное лезвие, он сказал:

– Думаешь, я глупец, конеубийца? Думаешь, я не видел, как ты за мной шел? Да ты...

Тут у него за спиной раздался какой-то хлопок. Вспышка, взрыв, и небо над ними озарилось. Сит на секунду отвел взгляд, и Чет швырнул в него сундук, нож, кастет, попав ему шею и в лицо. Сит пошатнулся, и Чет довершил дело сильным пинком в живот. Гоблин полетел на землю.

Чет выкатился из тесной каюты, одновременно делая замах мечом,

метя Ситу в шею. Сит парировал удар ангельским ножом, наискось срезав лезвие меча у самой рукояти и заставив Чета потерять равновесие. Блеснуло белое золото, и нож рассек Четую руку и – ниже – колено. Чет вскрикнул, попытался отпрыгнуть, но колено подогнулось, и он тяжело врезался в колесо.

В небе цвели фейерверки. Было слышно, как толпа охает и ахает. По чешуйчатой шкуре Сита скользили разноцветные отблески, и Чет разглядел у него на губах все ту же страшную пародию на улыбку.

Чет вцепился в колесо, стараясь не упасть. Другой рукой он направил на Сита обломок меча, надеясь удержать его на расстоянии.

Сит взглянул на остатки меча, фыркнул, а потом шагнул вперед. Отступать было некуда. Гоблин провел лезвием у Чета перед лицом, а потом быстрым движением располосовал ему щеку.

Чет стиснул зубы от боли.

– Это – за Стигу, – прошипел Сит и полоснул ножом опять, по другой щеке.

– Твою мать! – вскрикнул Чет.

Глазки гоблина вспыхнули.

– Это...

Тут опять послышались хлопки, и что-то – много чего-то – просвистело мимо них. В воздух полетели щепки, ночь вдруг наполнилась криками.

Сит поморщился, когда доска рядом с ними взорвалась фонтаном щепок, и Чет бросился на него, сбил с ног и навалился сверху. Сит пырнул его под ребра ножом, и Чет почувствовал, как лезвие глубоко пронзило его грудь, и, прорвав кожу на спине, вышло наружу. Он вцепился Ситу в руку с ножом, не давая ему двигаться, и воткнул тупой обломок меча гоблину в шею, в мягкую ямку под горлом, навалился, пиля и кромсая изо всех сил.

Сит издал тихое бульканье и обмяк.

Глава 53

Ана лежала на спине и смотрела, как в небе вспыхивают фейерверки. Здесь, сейчас, в этот самый момент она была не в Чистилище, она не была даже мертва, и ее ребенок – тоже. Ей было шесть, был канун Нового года, и мир был хорошим местом.

Черeda громких взрывов. «Гранд-финале», – подумала Ана, и ей стало немного грустно, что шоу почти закончилось.

И тут послышались крики.

Ана резко села.

Вокруг нее была бойня. Души – в основном, стражники – лежали, извиваясь, вокруг; все они были страшно изранены.

Откуда-то из-за спины Велеса раздался крик.

Еще один взрыв.

Вокруг разлетались на куски головы, взрывались тела, все новые и новые души падали на землю.

Что-то ударило Ану в плечо, сильно, так, что она опять упала. Она вскрикнула от острой, обжигающей боли. «*Это пули*», – подумала она; камни вокруг то и дело взрывались осколками. Больше она встать не пыталась.

Велес испустил рев; его лицо исказилось от ярости. Он воздел руки к небу, и воздух над ним затрепал.

Третий залп был сделан почти в упор. Трон разлетелся на щепки, Велеса сбilo на землю. Бог лежал на земле; его порванные одежды дымились. Он сел, трясая головой. Он казался оглушенным, но никаких ран не было видно – он был совершенно невредим. Из темноты выбежал человек с холодными, мертвыми глазами и угрюмым лицом; в руке у него было копье. Он не кричал, не издавал ни звука, он просто нессa со всех ног прямо на Велеса, который как раз поднимался на ноги. Человек, размахнувшись, подсек Велеса под бабки, над копытами, перерезав ему сухожилия. Велес повалился на землю навзничь, в глазах – недоумение и гнев. Он поднял руки, пошевелил пальцами, и в облаках затрепало. Человек с холодными глазами ударил опять, размахнувшись копьем, как мечом. Одним ударом он срезал Велесу обе руки, одну по локоть, другую – в запястье. Глаза Велеса расширились от шока, но, не успел он даже вскрикнуть, как человек снова взмахнул копьем, и золотое лезвие вошло богу в щеку, отхватив ему часть челюсти и морду.

Раздались громкие крики, и арену затопили люди с дикими глазами, на всех виднелись красные шарфы. У некоторых нападавших были мушкеты, у большинства – мечи, копья и топоры. Они врубались в толпу, кромсая на куски каждого, кто стоял у них на пути.

Небольшая группа стражников – всего несколько человек – устремились навстречу пришельцам, и Ана поспешно нырнула за какой-то столб, чтобы не попасть в гущу сражения.

Какой-то человек – один из нападающих – упал прямо перед ней с расколотым черепом. Ана подхватила выпавший из его руки меч и, подумав, сорвала с него красный шарф и повязала вокруг своей шеи. Потом поднялась на ноги и побежала прочь с арены.

Ана скользнула в тень фургона и остановилась, пытаясь перевести дыхание. Чета нигде не было видно. Здесь и там горели фургоны. Мимо то и дело пробегали души из обоих лагерей. Отовсюду доносился лязг оружия и крики. «*Черт, Чет, куда ты подевался?* – И тут ее осенило. – *Сит*».

Глава 54

Чет открыл кошель, торопясь, достал оттуда три ка-деньги, разжевал и проглотил их как можно скорее. Фургон над ним горел, мимо бежали души в красных шарфах – бежали по направлению к лагерю, убивая всех на своем пути. Чет закрыл глаза, стараясь не обращать внимания на крики, на разгорающийся рядом огонь, зная, что он никуда не пойдет, пока не заживет колено.

Сверху раздался громкий треск, и фургон просел, сея вокруг искры и раскаленные угли. Одно колесо треснуло, и пылающая масса у него над головой опасно накренилась.

– Вот дерьмо! – вскрикнул Чет, выкатываясь из-под охваченного пламенем фургона. Рана – та, что в груди – открылась. Было такое ощущение, что кто-то скручивает его, выжимая, как тряпку. Не удержавшись от крика, он остался лежать, тяжело дыша, на самом виду и ждать, пока боль станет, наконец, выносимой.

В его направлении бежали еще несколько нападающих.

Чет замер, хотя на нем уже занялась рубашка, и лежал неподвижно, притворяясь мертвым, ожидая, когда они пробегут мимо. Когда они исчезли из виду, Чет сел и принялся сбивать пламя ладонями. Боль в груди и в колене наконец-то начала утихать, и Чет надеялся, что теперь сможет стоять. Стиснув зубы, он встал на одно колено.

Опять шаги.

Обернувшись, Чет увидел фигуру – силуэт на фоне пламени, с мечом в руке и красным шарфом на шее. Чет выхватил нож, свой ангельский клинок.

– Чет?

– Ана?

– О, слава Богу! – Подбежав, она перекинула его руку через свое плечо и помогла подняться. – Нам надо выбираться...

Крики. Топот. Люди, бегущие в их направлении. Чет с Анной поспешили прочь, настолько быстро, насколько позволяло колено Чета.

Вокруг них во всех направлениях метались души, но Чет заметил, что все эда бежали в одном направлении – вверх по склону, на котором громоздились валуны. Чет указал в их сторону.

– Туда.

Они направились к валунам; по пути Чет обнаружил, что может

опираться на больную ногу, и вскоре он уже шел самостоятельно.

Когда добрались до валунов, он бросил взгляд назад. Амфитеатр был прямо под ними; повсюду валялись тела. Он заметил клетку Ивабог, валявшуюся на боку. Попытался разглядеть, была ли она все еще внутри, но тут мимо клетки прошел высокий человек в длинном узком пальто и сапогах. В руке он нес копье.

– *Гэвин*, – прошептал Чет.

Ана потянула его за рукав.

– Пойдем. Нам надо уходить.

Человек в пальто остановился и задрал голову, будто знал, что Чет там, наверху. Его мертвый взгляд ощупывал склон.

На гребень холма рядом с Четом выбралась лошадь. В седле сидел человек в зеленой куртке. В одной руке у него был факел, в другой – мушкет. Он заметил Ану, потом Чета, и выпучил глаза.

– *Эй! Это он!* – заорал «зеленый», наставляя на Чета мушкет. – А ну, не двигаться!

Чет бросился вперед.

Выстрелил мушкет; камень рядом с головой Чета брызнул осколками.

Чет подрезал ногу лошади ангельским ножом, начисто ее перерубив. Лошадь завизжала и упала, скинув седока. Не успел он удариться о землю, как Ана рубанула ему по шее мечом. Он заорал, и Ана взмахнула мечом опять. Крик прервался.

– Они здесь! – закричал кто-то. Из-за гребня холма появились еще всадники, все с факелами и мушкетами. Чет встретился глазами с человеком на передней лошади. Это был Карлос.

– *Давай!* – крикнул Чет, толкая Ану в спину. Они перевалили через гребень; Чет бежал быстро, как мог, стараясь не отстать. Но тут гребень – перемешанный с мелкими камешками песок – поехал у Чета под ногами, и он упал, налетев на Ану и сбив ее с ног. Они оба покатались вниз по крутому склону, пока не оказалось, что они лежат среди валунов на дне узкого, темного ущелья. Далеко наверху на фоне неба вырисовывались силуэты преследователей.

– Они здесь, внизу! – проорал кто-то. Прозвучали выстрелы, и вокруг беглецов фонтанчиками взлетела в воздух пыль. Чет и Ана вновь бросились бежать.

Глава 55

Гэвин прислонил богобойное копьё к валуну и посмотрел вниз, себе на живот. Из живота торчала рукоять меча; лезвие, соответственно – из спины. В обычной ситуации он обхватил бы рукоятку двумя руками и вытащил меч. Проблема состояла в том, что у него оставалась только одна рука. Вторая была отрублена по локоть. Под конец схватки приняла довольно жесткий характер. Группа Велесовых жрецов совершила отчаянный рывок, пытаясь добраться до своего бога.

Гэвин оперся острием меча о валун, как следует нажал, и рукоять начала потихоньку выходить из живота. Обхватив ее оставшейся рукой, он потянул; стиснул зубы и, немного расшатав, потянул опять. С кряхтением высвободив меч, он отбросил его прочь и сел, привалившись к валуну.

Он смотрел, как тени мертвых трепещут в пламени догорающих костей. Появился Карлос, подошел к Велесу. Бог навзничь лежал на земле в оцеплении из людей Карлоса. Кисти рук и копыта у него были обрублены, а то, что оставалось от его рук и ног – связано веревками. Карлос встал над Велесом; на лице Защитника, освещенном догорающими огнями, играла самодовольная ухмылка.

– Я, наверное, поклониться, должен? Чтобы тебе угодить? – спросил Карлос и плюнул богу в лицо.

Велес смотрел на него, на сводя влажных от кровавых слез глаз; рот – одна сплошная зияющая рана.

Карлос кивнул своим людям, и они набросили Велесу на голову мешок, обвязав вокруг шеи веревкой.

– Ты же любишь огонь. Любишь жечь души. Ну, там, куда ты вскоре отправишься, ты узнаешь, что это такое – гореть. – Карлос с силой ударил бога ногой в голову, раз, другой.

Гэвин, покопавшись в карманах своего длинного плаща, достал кошелек. Положил на колени и развязал – одной рукой. Из кошелька выкатилось несколько ка-монет. Подобрал три штуки, он сунул их в рот и принялся жевать.

Собрал оставшиеся монетки, он сунул их обратно в кошель, а потом, привалившись к камню, принялся ждать, пока магия ка сделает свое дело. Монеты ка значили для него не меньше, чем пули, и он всегда следил за тем, чтобы был запас. Иногда он жевал ка даже во время битвы, если было необходимо, и сражался, не дожидаясь, пока его раны полностью

исцелятся. Он был убежден, что в Чистилище победа часто зависит не от того, насколько ты быстр и силен, а от того, насколько ты готов терпеть боль. Можешь ли ты сражаться – и сражаться хорошо – с распоротым животом, со сломанной ногой или лишившись половины лица. Гэвин давно потерял счет полученным ранам. Знал только, что, будь он живым, он успел бы умереть уже несколько сотен раз.

Тепло медленно растекалось по рукам, ногам, обволакивало раны. Гэвин закрыл глаза; накатило облегчение. Со временем он полюбил это щекочущее, зудящее ощущение, когда плоть срастается вновь. Рука мало-помалу обретала форму, затягивалась глубокая рана в животе. Но исцеление никогда не было полным. Всякий раз оставался шрам – как напоминание. Его кожа вся была иссечена этими шрамами.

Гэвин, кряхтя от боли, поднялся, опираясь на копье. Ждать, пока его раны полностью исцелятся, он не мог; времени не было. Выйдя из амфитеатра, он направился в лагерь сквозь дым от догорающих фургонов, перешагивая через мертвые тела. Пахло горелым ка – запах, не столь уж отличный от запаха горелой плоти. Криков уже почти не было, только стоны раненых.

Гэвин поймал себя на том, что вглядывается в лица.

– *Мальчишки здесь нет*, – пробурчал он себе под нос. – *Ты это знаешь*.

Он еще раз оглядел холм, на котором видел парнишку в последний раз, и решил, что тот либо сбежал, либо лежит где-то мертвый.

И тут Гэвин заметил то, что искал: высокий фургон под стягами Велеса. Он было направился к фургону, но остановился: что-то бежало прямо на него в дыму. Это был тигр с очень испуганными глазами. Пробежав мимо, тигр исчез в ночи, и, проводив его взглядом, Гэвин взобрался на фургон.

Внутри он обнаружил двух мужчин, явно занятых грабежом. Оба резко развернулись, держа мечи наготове.

– Выметайтесь, – сказал Гэвин.

Разглядев, кто перед ними, они сочли за лучшее исчезнуть.

Гэвин быстро обшарил шкафы, ящики, сундуки, игнорируя драгоценности и меха, пока не нашел то, что искал. Вытащив из плетеной корзины маленькую медную шкатулку, он поставил ее на пол. Шкатулка была заперта; не было видно ни замочной скважины, ни даже щели. Гэвин вытащил один из своих пистолетов, поддел ногтем большой плоский винт на рукоятке, и повернул. Рукоять раскрылась – внутри, в потайном отделении, лежал ключ красной меди. Гэвин взял ключ и притронулся им к шкатулке, которая тут же опоясалась тонкой светящейся голубой линией, и

крышка отскочила. Гэвин быстро сунул ключ обратно в револьвер, и вернул оружие в кобуру. Метнув быстрый взгляд через плечо, он откинул крышку шкатулки. Отодвинув в сторону несколько медных колец, он вытащил из шкатулки что-то тяжелое, завернутое в синий бархат. Развернув ткань, он встряхнул ее, и ему в ладонь упало четыре серебряных звезды.

Гэвин с присвистом втянул воздух сквозь зубы.

– *Четыре*, – прошептал он. – *Целых четыре штуки!* – Когда-то давно ему удалось заполучить кусочек божьей крови, размером с мелкую монетку. Божья кровь сослужила ему хорошую службу; тот кусочек ему удалось растянуть на несколько лет. А теперь у него в руках было четыре целых звезды. Он едва мог в это поверить.

Он отломил крошечный кусочек, не больше срезанного ногтя, и поднес к глазам. Он знал, какой это риск – принимать божью кровь без бога, который мог бы придать ей форму своим мастерством. Ему довелось как-то видеть, как человек буквально взорвался плотью, проглотив кусок чуть побольше того, что он держал сейчас в руке. Он положил божью кровь в рот и закрыл глаза.

Приход был быстрым, жестким. Пульсирующее давление откуда-то изнутри тела, все шире, все сильнее. У него вырвался стон. Крепко зажмурившись, он сцепил зубы и скорчился, хватаясь за живот, пытаясь сдерживать это, сдерживать внутри себя. А потом, когда он уже думал, что его кишки вот-вот вырвутся наружу, и кости прорвут кожу, оно вдруг утихло, и неистовая пульсация стала стуком крови в ушах. Привалившись к стене, он глубоко вздохнул, позволяя жизненному теплу свободно растекаться по телу. Он улыбнулся. Это было, будто к нему опять вернулась жизнь, молодость, кипучая энергия. Это было, будто глоток виски с кокаином: чувство, будто он готов перевернуть мир.

– Гэвин? – послышался чей-то голос. – Это ты?

Гэвин сунул звезды в карман пальто и встал. Мир вокруг покачнулся, а потом вернулся на место – четкий, как никогда. Слышал и видел он с поразительной ясностью.

– Я здесь, – сказал Гэвин.

Полковник раздвинул занавески, при взгляде на Гэвина его лицо осветила широкая улыбка.

– Гэвин! Гэвин! Ты это сделал! – Полковник шагнул вперед, стиснул товарищу плечи и хорошенько встряхнул. – Клянись Небесами, ты это сделал!

– Там медь, – сказал Гэвин, кивая на шкатулку.

– Медь? Да как ты можешь беспокоиться о подобных вещах в такой

момент? Ты только что сразил Велеса. Ты бога сразил! Подумай, Гэвин. Сколько еще душ могут сказать о себе то же самое? Тебе надо научиться как следует ценить подобные моменты. Их не так много бывает.

Гэвин поднял копье, передал его Полковнику. Полковник взял его в руки, любуясь золотым острием.

– А, Богобойца. Какой дар. Какой... дар.

– И не бесплатный к тому же, – сказал Гэвин.

Его слова отрезвили Полковника.

– Не начинай, Гэвин. Мы уже в деле. Назад пути нет.

Снаружи послышались крики. Полковник вышел на платформу; Гэвин последовал за ним.

Внизу они увидели Карлоса с его Защитниками – всего семь душ. Все – верхами, позади одной из лошадей – маленькая тележка, в который лежал Велес, связанный и частично прикрытый парусиной.

Карлос, широко улыбаясь, отдал Полковнику честь.

– Мы это сделали! – крикнул он.

Полковник тоже отсалютовал ему.

– Точнее не скажешь.

– Надо двигаться, – сказал Карлос. – Пока не рвануло. Слишком много их разбежалось по каньонам. Очень скоро об этом узнают все.

Полковник кивнул, и Защитники ускорились.

– Чувствуешь? – спросил Полковник Гэвина. – Революция. Она в воздухе.

Часть пятая
Лета

Глава 56

Вдалеке прогрехотал гром. На щеку Ане упала тяжелая капля. Над их головами тяжелыми волнами катились облака, затмевая и без того тусклое небо. Она просто поверить не могла, что совсем скоро опять будет темно, что всю ночь и большую часть дня они шли и шли все по тому же ущелью, сквозь бесконечный лабиринт скал, валунов, расселин, каждая из которых вела в новом направлении. Шли, прилагая немалые усилия, чтобы не свалиться в одну из бесчисленных дыр и бездонных провалов. Шли и шли, и все же не пришли абсолютно никуда.

– Ты уверен, что это был твой дед? – спросила она Чета.

– Это был он.

– Но он же был *с ними*? С этими налетчиками... С Карлосом?

Чет ничего не ответил.

– Тебя это не беспокоит? То есть, ты правда думаешь... – Она пыталась подобрать нужные слова. – Чет, ты уверен, что ты *хочешь* найти его теперь, после всего?

– Я должен.

– Что это? – спросила Ана. Из темных провалов пещер и ям вокруг них доносился еле слышный шепот, почти шипение, от которого по коже побежали мурашки. – Оно же должно где-то кончиться, – сказала она. – Правда?

Чет прикусил губу; по нему было видно, что он зол и разочарован. Ане подумалось, что ни одному из них не хотелось говорить вслух очевидное: они – в Чистилище, и да, каньоны здесь *могут* тянуться бесконечно. Или все это время они просто бродили по кругу. Или, что еще хуже, направлялись напрямиком в Ад.

Ана еще раз оглядела высившиеся над ними черные утесы. Казалось, они были высечены из обсидиана или какого-нибудь другого твердого полупрозрачного камня. Стены были скользкие, с острыми, как бритва, сколами, вскарабкаться по ним не стоило и думать. Они пытались, дважды, и оба раза дело заканчивалось тем, что один из них – или оба – срывались.

– Эй, – сказала Ана. – Смотри. Следы!

В этот раз следы принадлежали не им. Тропа, по которой они шли, пересекалась с другой, более широкой дорогой, и в пыли темнели десятки отпечатков копыт.

– У них и фургон есть – видишь? – Она указала на две колеи,

отпечатавшиеся поверх следов копыт. – Думаешь, это они? Кто-то из банды Карлоса?

– Какая, в общем-то разница, – сказал Чет. – Лишь бы вывели нас отсюда.

Они пошли по следам, и впервые за много часов Ана ощутила что-то вроде надежды. А потом на нее упало еще несколько капель – крупных, тяжелых. Минуту спустя дождь шел уже вовсю, быстро превращаясь в ливень. У них под ногами потекла вода; дорога становилась ручьем.

– Господи, – сказал Чет.

– Что теперь?

– Следы.

Вода смывала их.

– Черт, – сказала Ана. – Будем надеяться, что вскоре перестанет так лить, или нам придется плыть.

По каньону прокатился долгий, пронзительный визг – как ногтем по стеклу. Казалось, он никогда не прекратится; у Аны заломило зубы.

У Чета был мрачный, но решительный вид.

– Мы справимся, – сказал он, ускоряя шаг. Они шли так быстро, как могли, но небо становилось все темнее, и все гуще хлестал дождь, барабанил по голым скалам вокруг. Каньон погрузился во тьму, и вскоре они перестали видеть даже тропу у себя под ногами. Ане показалось, что она видит, как что-то движется в скалах: при каждой новой вспышке молнии они будто меняли очертания.

– Осторожно! – закричал Чет; очередная молния высветила разверзшуюся перед ними расселину. Ана попыталась остановиться, но поскользнулась; Чет успел поймать ее до того, как она упала, и оттащил от обрыва.

– Мы не можем идти дальше! – крикнула Ана. – Только не так!

Чет помотал головой.

– Мы должны.

– Чет, ничего же не видно! – Вода уже почти достигала колен. – Вон там! – крикнула Ана, указывая скальный выступ футах в двадцати над дном каньона.

Чет неохотно кивнул, и полез за ней по каменистому склону. Под выступом они обнаружили небольшую пещерку, совсем сухую. Ана заползла внутрь, рухнула на землю и шумно вздохнула. Чет пролез следом и сел рядом, привалившись к камню спиной. По каньону эхом прокатился еще один визг. Такой же, какой они слышали раньше. Только гораздо ближе. Чет вытащил нож, внимательно наблюдая за входом.

Грохотал гром, дождь барабанил по скалам. Ана закрыла глаза и попыталась представить себе, будто она – опять маленькая, дома, в Сан-Хуане, и слушает гром, лежа у себя в кровати. Чет положил руку ей на плечо, и она сжала ее. Всего одно движение, но в тот момент оно значило для нее все.

Мало-помалу она погрузилась в сон.

Глава 57

Сеной смотрел на Ламию, которая вышла на крыльцо. В тусклом лунном свете над ней еще витал призрак былой красоты, той Ламии, которую он полюбил, прежней Ламии – до той страшной трагедии, до того, как Гэвин выстрелил в нее, до того, как время поступило с ней безжалостно.

Она прикрыла глаза, купаясь в бледном свете луны.

Он подкрался ближе, держась теней, смакуя ее образ, как ценитель искусства – свое самое любимое произведение: ее грациозную длинную шею, ее тонкий стан. Он жаждал прикоснуться к ней, провести пальцами по обнаженной коже, взять за руку, – казалось, его сердце вот-вот разорвется. *«Какая часть моей любви, этой всепоглощающей страсти – истинна, – подумал он, – и какой частью я обязан ее чарам? Не все ли мне равно? Если эти чувства – лишь колдовство, пусть я буду околдован навечно. Ведь весь этот мир – лишь иллюзия, дым и зеркала».*

Он сделал еще один шаг, ближе.

– Я знаю, что ты здесь, мой ангел, – сказала она. – Я слышу, как бьется твое сердце.

Он усмехнулся, зная, что его сердце больше не бьется, что оно мертво, так же, как и его плоть. Что, если бы не его воля, если бы не сила его эфирного духа, он сейчас был бы уже кучкой гниющих костей.

Она приоткрыла глаза, посмотрела на него сквозь ресницы.

Будь у него сердце, оно бы, наверное, выпрыгнуло из груди.

– Ламия, любовь моя.

– Мой верный страж следит за мной?

Ее голос звучал музыкой у него в ушах. Он знал, что это – часть ее колдовства, но ничто не могло отравить его сладость.

Он выступил из тени, и женщина не смогла скрыть своего потрясения.

– Сеной... Надо же, ты увядаешь.

Он поморщился, гадая, как еще ему придется расплачиваться за собственную глупость. Ламия знала, даже тогда, годы назад, о той силе, которую даровал ему ключ Небес. Она дразнила его, заманивала обещаниями о том, что она сможет сделать, позволь он ей его использовать. Она клялась, что может отомкнуть ключом заклинание, которое позволит им смешать кровь и обратить его эфирное тело в плоть. Он только посмеялся над этим, но она напомнила ему, что издревле умела плести

чары на крови. Разве не она с помощью собственной крови связала себя и столь обожаемых Богом людей, превратив их в сосуды собственного бессмертия? «Почему бы не рискнуть?» – спросила она тогда. И он *рискнул*, и она *сделала* это – совершила невозможное. Он закрыл глаза, вызывая в памяти то ощущение – теплая кровь пульсирует в его жилах, – те драгоценные минуты, которые ему довелось *пережить*. До того, как Гэвин ударил его в грудь ножом, до того, как Гэвин умертвил его тело, заточив ангела в ловушку собственного трупа на все эти долгие годы.

– Иди сюда, – сказала она, подходя к садовым качелям, стоявшим на крыльце. – Посиди со мной.

Она уже давно не позволяла ему приближаться к себе – он даже подумал было, что ослышался. Она опять поманила его к себе, и он вдруг ясно понял, что ей движет лишь жалость, а не желание близости. Но нет, он не поддастся, не даст своей гордости – тому, что от нее осталось – встать между ними.

Он поднялся по ступенькам, бережно переступив через колокольчики. Она похлопала по сиденью рядом с собой, и он сел – осторожно, зная, насколько ей ненавистно его прикосновение.

– Я слышала, ты послал Чета на гиблое дело.

– У тебя повсюду глаза и уши.

– Зачем ты это с собой делаешь?

– Не покидай меня, Ламия, – сказал он, ненавидя этот свой умоляющий тон, ненавидя себя за то, что уже в который раз нарушает данную себе клятву – никогда больше не играть эту роль, роль влюбленного глупца.

Она посмотрела на него, не как на равного, и уж точно не как на возлюбленного, а как на что-то жалкое и несчастное.

– Мальчик вернется, – сказал Сеной. – Дай ему только время.

– Ты – бессовестное, коварное создание, Сеной. Предать его доверие, использовать Чета в собственных целях.

Сеной покачал головой. Каждый раз он поражался, насколько слепа была Ламия по отношению к собственной природе. Она просто не замечала, какие страдания она несла своим собственным детям.

– У нас снова будет ключ, – сказал он. – И я буду свободен. Только подумай о том, что мы сможем совершить.

Ее вздох прозвучал ударом молота: он ясно говорил о том, что она поставила на нем крест, что она не верит, будто он сможет когда-либо покинуть этот остров, не говоря уж о том, чтобы последовать за ней.

– Сеной, мы оба знаем, что ты хватаешься за соломинку.

- Я хватаюсь за все, что попадается мне под руку.
- Когда ты в последний раз чувствовал ключ?
- Совсем недавно. Всего мгновение, но это был Гэвин, я уверен.

Она окинула его скептическим взглядом.

- Иногда мы видим то, что нам хотелось бы видеть.

– Нет, это точно был Гэвин. Я всегда чувствую, когда он использует ключ. Всего на одно биение сердца, но сомнений нет – это сердце Гэвина, его черное сердце.

Ее лицо прояснилось.

- Так, значит, надежда *есть*?

Он увидел в ее глазах желание, но знал, что не его она жаждет, а ключ, ту силу, которую он дает.

– Да, – сказал он. – Надежда есть. Но только если ты останешься. Ключ... Без тебя мне от него будет мало пользы.

Не было никакой необходимости это говорить. Она знала, что только ее кровь, ее чары смогут вновь возродить его плоть к жизни. Но Сеною *необходимо* было это сказать.

Она не ответила, и он знал, что не должен продолжать, не должен на нее давить. И все же он это сделал – как всегда.

– Ты останешься? Ты будешь ждать вместе со мной? – Из всех сделанных им глупостей эта терзала его больше всего. Наброшенный им покров не мог ее удержать – ни ее, ни ее демонов. Он был предназначен только для духов Небес. Даже Джошуа мог уйти, знай он об этом и сумеет обойти демонов. Все эти годы Ламия оставалась на острове только затем, чтобы дожидаться возвращения своей крови, своего потомка. И теперь у нее это было.

- Я останусь.

- Да?

Она кивнула.

- Столько, сколько смогу.

Он взглянул ей в лицо, и она опустила глаза, как делала всегда, когда лгала ему. Он знал, как ненавистно ей это место, полное пережитого ужаса и страшных воспоминаний, что оно убивало ее так же верно, как убивало его. Он боялся одного – что она не вытерпит, что в своем стремлении выбраться отсюда она не станет дожидаться, пока ребенок подрастет достаточно, чтобы занять его тело, но будет питаться им, и, набравшись достаточно сил, чтобы уйти, она увезет его куда-то в другое место. И все будет потеряно.

- Это слишком опасно, – сказал он.

И опять она не ответила. Он знал, что ему нужно остановиться прежде, чем он зайдет чересчур далеко.

– Тебе опасно выходить за пределы этого убежища, без меня, без моей охраны, – сказал он настойчиво. – Ангелы найдут тебя. Ты это знаешь. Я знаю, ты это знаешь. – И тут он увидел это. Увидел, как ее лицо становится холодным, замкнутым. И почему он всегда это делает? Поэтому-то они и перестали общаться: ей надоели его мольбы и угрозы. И вот он опять пытается ее запугать.

– Это – не убежище, – сказала она. – Это – тюрьма. Это – смерть. Я лучше рискну попасться своре Габриэля, чем проведу здесь хоть один лишний день.

Сеной поднял глаза, туда, где небо встречалось с океаном, гадая, понимает ли она, какую боль только что ему причинила. У него тоже не было ни малейшего желания жить в клетке, но он бы предпочел клетку свободе без нее. Его взгляд упал на ее руку, лежавшую между ними, на сиденье. *Так близко.* И, несмотря на ее слова, на ее холодность, желание притронуться к ней было слишком велико.

И он притронулся – всего лишь провел пальцем по запястью.

Она отдернула руку. Ее лицо исказилось отвращением, и ему показалось, что его ударили.

– Прости, – сказал он. – Это непросто – быть так близко.

Она встала.

– Не нужно извинений. Просто твое тело... Это все равно что притронуться к смерти.

– Я знаю... Поверь. Мне же приходится жить внутри этого трупа.

– Если бы только... – Она не закончила.

– Да, если бы только.

«Сотни и сотни „если-бы-только“, – подумал он. – *Если бы только Гэвин не явился в тот самый момент. Если бы он не положил конец всем их мечтам. В моих жилах в эту самую минуту текла бы горячая кровь – ее кровь, моя кровь, переплетенные, смешанные воедино. Мы были бы братом и сестрой, мы были бы любовниками, мы были бы единым целым. Мы вместе прожили бы тысячи смертных жизней. Если бы только. О, если бы».*

– Давай не будем хоронить себя в прошлом, – сказала она. – Давай вместо этого будем надеяться на Чета. Вскоре я снова стану сильнее и, как только у нас будет ключ, мы сможем довершить то, что начали.

И только теперь, услышав это от кого-то еще, он понял, насколько смехотворными были его надежды: «*Да, если Чет найдет ключ – найдет в*

стоге сена иголку... Если он сумеет избежать всех опасностей Нижнего мира, если демоны не настигнут его, если Гэвин его не убьет... Если он успеет вернуться до того, как Ламия покинет меня, до того, как я угасну и стану еще одной тенью среди множества других теней. Как много „если“».

Все дети собрались здесь, на вершине холма, глядя на Ламию своими маленькими светящимися глазками. Их лица, как и его, были переполнены жадой – жадой быть с ней. И он вдруг увидел, насколько он был теперь жалок. Он, который был когда-то великим охотником, сокрушителем богов и чудовищ, он, ангел, которого Габриэль звал Мечом своей силы. Он дошел до того, что умолял лилит позволить сесть рядом с ней – с той самой лилит, которую он послан был сразить. Трудно представить себе унижение горше.

Дети все звали ее, и она улыбнулась, поощряя их.

– Они любят меня, – сказала она, просияв.

А ведь и они, эти заблудшие души, могли оставить этот остров, только пожелай. Вот только они никогда этого не сделают, пока их мать здесь; за ней они последуют и в Ад.

Сеной вздохнул: *«Я должен был убить ее. И как только до этого дошло? Как случилось, что я пал так низко?»*

– Ради тебя я отказался от света Господня. Ради тебя я отказался от всего.

Ее улыбка потускнела.

Это было худшее, что он мог сказать, он знал это, но все-таки сказал, сказал, потому что ему нравилось, что это ее задевает. Ведь это значило, что ей не все равно, до сих пор. Вот только в этот раз он не увидел ни сожаления, ни печали. Он не увидел ничего.

– Ламия, эта плоть, которой ты меня связала, эта плоть, в которой когда-то текла наша общая кровь – она умирает. Умирает по-настоящему. Ты должна понимать, что, когда я закрыл нас покровом, я закрыл нас и от света Господня. А без него мой дух голодает. Совсем скоро он станет чересчур слаб, чтобы носить на себе этот труп.

Она все так же смотрела мимо него, на своих детей, будто совсем не слушала.

– Мне нет освобождения, Ламия. Даже в смерти. Разве ты не видишь, – без тебя я не смогу освободиться от этих гниющих костей. Я буду заточен здесь навечно, Ламия. Одна тюрьма внутри другой, и я никогда не смогу ни взойти наверх, ни спуститься вниз. Это что, ничего для тебя не значит?

Она отвернулась.

– Мне осталось не так много времени, пожалуйста, я умоляю тебя...

да, умоляю... не покидай меня. Прошу, дай Чету еще немного времени.

Она одарила его тихой, грустной улыбкой и ушла в дом. Оставила его одного со всеми ее детьми.

Из-за дубовых стволов слышалось хихиканье. Дэйви и Билли выступили из теней, и дети бросились врассыпную, вниз по склону, в лес.

– Она тебя бросит, – сказал Билли. – Бросит тебя подышать... *одного*.

Глава 58

– Думаю, худшее уже позади, – сказала Изабель, выталкивая тележку на более твердую почву. Ее сапоги и плащ – как и у них у всех – были целиком заляпаны грязью.

Мэри знала, что им придется нелегко – путь по каньонам никогда не бывал легким, – но такого ливня, какой случился вчера, она никак не ожидала. И все же, хотя это сильно их замедлило, она чувствовала, что приняла верное решение.

– Вон там, – сказала Изабель, указывая на небольшую возвышенность, торчавшую из грязи. – Похоже, неплохое место для отдыха.

Сестры подкатали остальные тележки поближе и сели, радуясь тому, что нашли сухое место. Мэри смотрела, как они возятся с детишками, успокаивая тех, кто в этом нуждался, утешая тех, кто плакал.

Девочка, совсем малютка, потянулась к Мэри, доверчиво глядя на нее. Укол вины застал Мэри врасплох. Конечно – в этой девочке она увидела свою дочь. «Они убили моих деток, – подумала она. – Все равно, что горло перерезали...» И все потому, что никто не смел о них позаботиться. Пока она сидела в тюрьме по обвинению в ведьмовстве, предъявленном ей губернаторским советом Салема, все трое, – а старшей едва исполнилось шесть, – погибли от голода и холода в ту страшную зиму. *«Они же предупреждали меня, говорили – собери свои дьявольские инструменты и уходи. И что же, я ушла? Нет, слишком была горда, чтобы делать то, что указывают мне какие-то фанатики. И расплатилась за гордость жизнями дочерей. Так кто же, кто виноват?»* – Мэри взяла на руки девочку, обняла ее. Ребенок обнял ее в ответ, боль и чувство вины вновь отступили.

Алая Леди вдруг села, нюхая воздух. Она поглядела в небо, и Мэри проследила за ее взглядом. Там, высоко в облаках, стоял столб зеленого дыма.

– Думаешь, это над Матерью Озириса? – спросила Изабель.

– Да, – сказала Алая Леди и топнула своей огромной лапой. Шерсть у нее на спине встала дыбом.

– Что это? – спросила Изабель. – Демоны? Это демоны?

Мэри посадила ребенка обратно в тележку и обнажила меч.

Глава 59

– Вон там еще один, – сказала Ана.

Дождь смыл отпечатки копыт, но колеса фургона оставили глубокие колеи, и временами они натыкались на то, что от них осталось. Следы увели их с широкой тропы, вниз по узкому ущелью. Здесь вода совершенно смыла колеи, оставив только камень да черный песок, но края ущелья становились все более пологими и низкими, так что они продолжили путь. Где-то час спустя облака поредели, и каньон затопил тусклый янтарный свет. Под ногами было уже почти сухо, а скалы вокруг приобрели оттенок ржавчины.

Чет огляделся.

– Мне кажется, здесь мы сможем подняться. И осмотреться.

Ана кивнула.

– Попытаться стоит.

Они принялись карабкаться вверх, перелезая с одного скального выступа на другой, пока не выбрались на плато, усеянное иззубренными скалами и валунами. Красноватого оттенка породу пронизывали алые хрустальные прожилки. По другую сторону узкого плато им открылась долина. Со дна поднимались каменные столпы невероятной высоты; земля была покрыта кратерами и расселинами, над которыми курился пар.

– Погляди-ка на это, – сказала Ана, указывая на струйку зеленоватого дыма, поднимающуюся к небу. – Как думаешь, стоит пойти посмотреть?

Чет кивнул, и они принялись петлять между стоячими валунами, пытаясь найти лучшую точку обзора. Добравшись до противоположного края плато, они резко остановились.

– Вот это да, – сказала Ана.

Далеко внизу, среди каких-то руин, стояла гигантская статуя двухголовой женщины. Над ее объемистым животом нависало шесть грудей; из глаз и изо рта валил зеленый дым.

Чет уловил внизу движение – фургон, лошади и люди в зеленых куртках.

– Это они, – сказала Ана.

Чет начал осторожно пробираться поближе к обрыву, чтобы лучше рассмотреть то, что происходило внизу. Он обогнул очередной валун и замер.

Существо, завернутое в грязный малиновый плащ, сидело верхом на

высоком скакуне. Лицо у существа было какое-то вытянутое и напоминало козлиную морду. Надо лбом изгибались длинные рога. Существо внимательно вглядывалось в долину внизу. Скакун – тощее, напоминавшее скелет создание с пастью, в которой было тесно от стесанных и поломанных зубов – дернул в их сторону головой. Ударил копытом и взревел; из носа и изо рта у него посыпались искры.

Чет скользнул обратно за валун и дернул Ану вниз, надеясь, что существо не успело их заметить. Скорчившись за валуном, они стали ждать, когда существо уедет. Но оно явно никуда не собиралось. Вместо этого оно начало курсировать взад-вперед по краю плато, лишая их возможности уйти незаметно.

Чет вытащил нож и помолился о том, чтобы ему не пришлось его использовать.

Глава 60

В кольцо руин въехали трусцой двое демонов. Кивнув Карлосу, они разъехались, огибая гигантскую статую с двух сторон и внимательно осматривая окружавшие ее разрушенные здания. Когда они вновь съехались в том же месте, откуда начали, один из них помахал копьем кому-то на тропе, ведущей из каньона. От теней отделились фигуры всадников и поскакали к ним, поднимая тучи красноватой пыли.

Карлос обменялся взглядами с Хьюго.

– Готов? – спросил Хьюго.

Затянувшись в последний раз сигаретой, Карлос бросил окурок в пыль.

– Как никогда.

Раньше ему не доводилось встречаться с князем Кашаолом лицом к лицу; он не знал никого, кто видел хотя бы одного из падших ангелов. Ходили слухи о могуществе и коварстве этих существ – существ, которые сражались с самим Богом. Он сглотнул и выпрямился в седле, полный решимости не выдать своего страха.

– А ты никогда не боялся, что, когда Алой Леди не станет, кто-то из этих адских князьков решит воспользоваться случаем? – спросил Хьюго.

– Что, демоны, открыто распоряжающиеся в приречных землях? – фыркнул Карлос. – Единобоги никогда этого не допустят. Как я понимаю, существует своего рода соглашение, ну, знаешь, между всеми этими Единственными богами – христианскими, индийскими, буддийскими и тому подобными, что ни один из них не должен владеть приречными землями. А теперь представь, что один из князей Люцифера попытается повернуть подобное дерьмо. Да сама Кали явится сюда и раздавит его в лепешку. Понимаешь, в том-то и вся прелесть нашей ситуации. Мы нужны князю Кашаолу не меньше, чем он – нам. Может, даже больше. Если он хочет заполучить побольше душ, ему придется иметь дело с нами.

Карлос насчитал семь фигур: шесть – верхами, а седьмая – на козлах черного фургона. До него дошло, что это и есть княжеская свита. Он был поражен, насколько она была малочисленной, особенно учитывая, как далеко они были от границ Ада. Когда они подъехали ближе, Карлос заметил, что оружие у них было старое, доспехи разрозненные. Они были больше похожи на шайку бандитов, чем на элитную стражу. И ни флажков, ни знаков отличия. Это озадачило Карлоса. Конечно, он не ожидал увидеть

золотого и черного – цветов Люцифера, но это были демоны низших каст, чуть повыше рангом, чем заурядные грешные души. Карлосу доводилось слышать, что Ад не был единым царством, а скорее конгломератом княжеств, вроде средневековой Европы, где князья боролись между собой за милости Люцифера. Ясного представления о положении Кашаола у Карлоса не было, но, судя по его разношерстной страже, оно было не слишком высоким.

Процессия добралась до руин, и стражники Кашаола рассыпались, впиваясь подозрительными взглядами в окружающий ландшафт. Подъехал Гар и улыбнулся Карлосу понимающей улыбкой. Потом, спешившись, он подбежал к сгорбленной фигуре, сидевшей верхом на бледной, похожей на труп, лошади. У той были длинные, состоявшие, казалось, из одних костей ноги – это явно был не боевой конь, а создание, основным предназначением которого был бег.

Фигура была завернута в темно-пурпурный покров, украшенный золотыми кистями и сложной орнаментальной вышивкой. Но, хотя ткань и была роскошной, выглядела она довольно потрепанной, потертой на сгибах и побуревшей от времени. И не только она. Демоны обычно были жадны до золота и меди, а этот не носил ни того, ни другого – на нем была только пара ожерелий из бисера, костей и бледных голубых цветов, чьи заостренные лепестки извивались, подобно щупальцам. Карлос продолжал гадать, каким же был настоящий ранг этого князя Ада.

Гар принял поводья, и фигура соскользнула с лошади. Гар сделал жест в сторону Карлоса, прошептав несколько слов. Фигура шаркающей походкой направилась к нему, волоча по пыли подол своего одеяния. Остановившись в нескольких шагах от Карлоса, существо откинуло капюшон, под которым оказался изрытый оспинами бронзовый шлем; сплошное забрало закрывало все лицо, кроме рта и костистого подбородка. На бледной коже проступали темные вены и какие-то пятна. Поведя плечами, существо стряхнуло покров, тут же подхваченный Гаром.

Карлос кивнул – почти поклон. Он слышал, что Господь лишил падших ангелов былой красоты и величия, но тот факт, что искореженное создание, стоявшее перед ним, когда-то разгуливало по небесным чертогам, принять было нелегко.

Князь Ада склонил голову налево, потом направо, будто прислушиваясь к чему-то.

– Где она? – прохрипел Кашаол. Голос у него был такой же изломанный, как и тело.

– Она? – переспросил Карлос, и тут до него дошло. – Алая Леди?

Князь кивнул; между обломанными зубами метнулся язык, обмахнув черные, сморщенные губы.

– По последним донесениям она была в Стиге, собирала детей. Это было примерно два дня назад. Сейчас ее караван должен быть на пути в Лету. По крайней мере, в дне езды отсюда. Иначе бы мы об этом услышали.

Демон прохрипел что-то неразборчивое себе под нос и принялся внимательно оглядывать высившиеся над ними скальные стены. На дальней стене Карлос заметил часового. Тот поднял копье, опустил, и это, казалось, успокоило его собеседника. Его внимание опять переключилось на Карлоса.

– Я пошел на огромный риск, переступив границу приречных земель, – сказал князь Кашаол. – Но мне важно было встретиться с человеком, чья судьба теперь переплетена с моей. – Он прикоснулся к забралу, и из шлема вверх и в стороны проросли шипы, образовав неровную звезду. Шипы, в свою очередь, брызнули колючими отростками, которые, отделившись, начали вращаться вокруг них. – Что ты за человек, Карлос?

Карлос сдвинул густые брови. Он и понятия не имел, как ответить на этот вопрос.

Внутри трех меньших шипов, венчавших шлем Кашаола, сформировались три глаза, и каждый смотрел прямо на Карлоса, внутрь него.

– Знаешь ли ты, чего хочешь? Связан ли ты чувствами или сам пишешь себе заветы? Преклоняешь ли ты колена с мучениками – или сетуешь с филистимлянами? Несешь ли ты на плечах вес тысячи крестов? Может, ты садист, кровожадный ублюдок? Кто ты, Карлос? – Существо склонилось к нему, и Карлос встретился глазами с собственным отражением в тусклом зеркале забрала. И эти глаза – его собственные – зажали отдельной жизнью, впиваясь в него яростным, пробирающим до печенок взглядом. Сперва Карлос увидел себя еще мальчиком, вот он еле сдерживает слезы, а сестра Филлис все хлещет и хлещет по его пальцам своей острой линейкой, брызжет кровь. Вот слезы все-таки полились, он всхлипывает, рыдает взхлеб, и весь класс смеется над ним – не громко, а потихоньку, у него за спиной. А вот он – рядовой-первогодок в армии, и сержант Джонсон, этот зверь в образе человека, вновь и вновь цепляется к нему, только к нему, на потеху остальным. Вот он стоит всю ночь напролет по стойке «смирно», в одном нижнем белье, пока другие упражняются в остроумии за его счет, сыплют шуточками. Потом тюрьма, и Педро, толстяк Педро и его шайка, пользующие его по очереди, и вкус вазелина во рту. Но

Педро он убил. Решил, что с него хватит. Решил, что никогда, *никогда* больше не позволит себя иметь – ни монашкам, ни копам, ни гребаным урмам в тюрьге. И когда отморозки Педро явились за ним, перерезали ему горло и оставили истекать кровью на полу камеры, он подумал о Педро, о его мозгах, брызгами застывших на гантели, и улыбнулся, да, улыбнулся. И сейчас Карлос видел в отражении ту маниакальную улыбку, то дикое лицо, и окровавленные пальцы, тщетно зажимающие шею, и, когда он уже думал, что больше не вынесет, его глаза – те, что в отражении – закрылись, отпуская его.

Карлос отшатнулся, моргая и протирая глаза. Они горели так, будто он смотрел на солнце. Он заметил на губах демона тонкую улыбочку; создание, казалось, получало удовольствие от его дискомфорта.

Три глаза на шлеме князя Кашаола закрылись.

– У тебя что-то есть для меня?

– Что?.. – На секунду Карлос забыл, зачем он вообще сюда приехал. – О... Да, – сказал он неуверенно, стараясь собраться с мыслями и выкинуть из головы видение собственной смерти. – Да, есть. – Карлос помахал Джиму и Хьюго, и те вручную подкатили к ним маленькую тележку. Карлос отбросил парусину, под которой лежало обвязанное веревками, искалеченное тело Велеса.

Князь Кашаол подошел, глядя сверху вниз на поверженного бога.

Карлос сорвал с головы Велеса мешок.

Велес сморгнул, увидел князя Кашаола, и его глаза широко распахнулись, задрожали уголки изуродованного рта.

Князь Кашаол улыбнулся.

– Два бога за два дня. – Он протянул руку и ущипнул Велеса за морду. – Ну и как оно тебе, Велес, знать, что никто никогда больше не услышит твой голос? – Он опять обратился к Карлосу: – Скажи мне, как прошла битва? Какие потери? Надеюсь, твоя армия не сильно пострадала?

– Да это была просто прогулка. Мы застали их врасплох. Велес был повержен прежде, чем понял, что вообще происходит.

Князь Кашаол кивнул; казалось, он был доволен.

Приободрившись, Карлос продолжил:

– Теперь, когда Господин Хоркос и Велес больше нам не мешают, Стига и Лета, считайте, наши. Остальные боги все слишком обособлены, и в любом случае гордыня помешает им объединить силы. Даже царица Хель не сможет продержаться долго сама по себе. Как только я захвачу контроль над портовыми городами, что ж, игра будет окончена. Беглецам из Ада прятаться будет негде. Мы будем вам головы телегами возить. – Карлос

разгладил себе усы. – Осталась только одна проблема. Старая добрая Алая Леди.

– Пойдем, – сказал князь Кашаол. – Я кое-что тебе покажу. – Он подвел Карлоса к черному фургону и кивнул Гару. Тот прыгнул внутрь фургона и поднял крышку длинного ящика; внутри лежало нечто среднее между небольшой пушкой и мушкетом – короткий ствол с раструбом, костяной приклад и спусковой механизм в форме дракона.

– Только посмотрите на это, – сказал Карлос. Не удержавшись, он провел рукой по черному металлу. На ощупь он казался гладким, как стекло: ни трещины, ни оспины, ни малейшего изъяна. – Божественно, просто божественно.

– Да, божественно. Выковано в адском пламени великим чародеем Джараолом. Когда-то – кузнецом Небес. Мы сражались вместе, Джараол и я. В великой войне против Бога. А теперь мы снова объединили силы ради общего дела. Ему тоже с лихвой досталось от князей Люцифера.

Карлос поднял на него глаза. В первый раз он услышал хоть какой-то намек, что Кашаол был у Люцифера не в фаворе.

Князь Кашаол, порывшись, достал откуда-то у себя из одежд сверток размером с кулак и положил рядом с мушкетом. Карлос вдруг понял, что это и был заряд – осколки металла, тщательно завернутые в промасленные тряпки.

– То золото, что находится здесь, – сказал князь Кашаол, указывая на сверток, – и то, из которого выковано копье – оно родом из самого Рая. Оно упало вместе с ангелами... Это их мечи и копья. Среди князей оно считается величайшей ценностью, и добыть его крайне непросто. Мне пришлось пойти на экстраординарные меры, чтобы достать это. Но только благодаря алхимии Джараола нам удалось создать сплав, годный для подобного выстрела. И... Я покажу тебе кое-что еще. – Демон откинул плащ, открыв висящий у него на поясе большой револьвер, сделанный из того же черного сплава, что и пушка. Он вытащил оружие из кобуры. – Пули для этого пистолета покрыты тем же самым золотом.

– Это шутка? – восхищенно сказал Карлос.

– Когда мне удастся раздобыть еще Божьего золота, Джараол обещал выковать еще один. Быть может, однажды такой будет и у тебя.

Карлос был не в силах отвести глаза от пистолета. *«Пистолет, из которого можно убить бога, – думал он. – Ну, вскоре убийство этих хренососов станет практически спортом».*

– Наши планы близятся к воплощению, – сказал князь и улыбнулся. Он погладил оружие своими длинными скрюченными пальцами, будто

любимое животное. – Победа над Велесом еще больше укрепит мои позиции. Вскоре я смогу вернуть себе все, что было у меня украдено... А потом и кое-что добавить. – Его голос теперь напоминал рычание.

Демон бросил пистолет обратно в кобуру и поднял забрало. К удивлению Карлоса, на него глядели не какие-нибудь красные буркала, полные ненависти и огня, а ясные, светящиеся живым умом глаза. А еще в этих глазах была грусть – глубокая, страшная грусть того, кто потерял все.

– Карлос, я использовал все мои связи, дернул за все нити, чтобы создать это оружие, отдал все, что у меня было, мои кольца, мой собственный небесный клинок. Я украл у самого Люцифера. Если меня постигнет неудача, моя участь будет куда горше, чем судьба Хоркоса и Велеса. Так что я не буду играть с тобой в игры. Я не буду оскорблять тебя речами о лояльности и преданности, о каких-то возвышенных идеалах. Потому что я вижу в твоём сердце, что ты – человек, который служит лишь самому себе, и именно такую душу я искал. Потому что такой, как ты, поймет, что своих целей мы сможем добиться лишь сообща, а нет союза крепче, чем тот, что основан на необходимости. – Он немного помолчал, вглядываясь в нависающие над ними скалы. – Армии у меня нет, и потому риск пойти на монстра, подобного Алой Леди, был бы для меня слишком велик. Но, что более важно, мы оба знаем – мое участие не должно быть раскрыто, иначе на меня обрушится кара как Люцифера, так и каждого из Единобогов. Но ты – *душа*. Ты ничем не связан, и у тебя *есть* армия. Уже доказавшая свою силу. Карлос, ты сможешь выполнить свою часть уговора. Ты сможешь сразить Алую Леди, а затем все портовые города станут твоими. Ты сможешь стать императором. Подумай об этом. Пока ты будешь отсылать мне души, я продолжу снабжать тебя оружием, способным защитить твоё королевство. Мое собственное королевство тоже будет расти, а вместе с ним – и влияние при дворе Люцифера. Поверь, неплохо иметь союзника при дворе Люцифера. Старые боги слабеют. Кто знает, быть может, однажды, с моей помощью, ты завоюешь себе Елисейские поля.

Карлос поймал себя на том, что согласно кивает. *«Как же это просто – поддаться на сладкие речи»*, – подумал он. И все же не мог не признать, что для него убеждения этого демона гораздо ближе, чем Полковник со всеми его идеалами. Не надо притворяться, не надо прятаться за всей этой героической риторикой. Он опять взглянул на пушку: *«Я смогу выстроить свое собственное королевство, свою собственную империю. Когда Полковник не будет больше путаться под ногами, кто сможет меня остановить? Только подумать... От торговца плотью до императора. А почему бы и нет?»*

Глава 61

Чет осторожно выглянул из-за валуна. Демон все так же сидел на своем скакуне, спиной к ним, наблюдая за фигурками внизу. К первой группе присоединилась еще одна, и они, похоже, обменивались какими-то предметами. Чет смотрел, как обе группы вновь разделились, и каждая покинула развалины через противоположные ворота. Вторая группа, которая состояла явно не из людей – из демонов? – направилась к скальной стене – к ним.

Чет чуть сменил позу, чтобы лучше видеть, и у него под ногой стукнул камень. Лошадь всхрапнула, и демон обернулся. Чет дернулся обратно за валун, прижавшись к камню спиной, молясь, что демон его не заметил. Ана, подобравшись, держала наготове меч.

Снова фыркнула лошадь; приближающийся стук копыт. Чет было слышно, как демон сопит, принюхиваясь – все ближе, ближе. Он стиснул нож, готовый прыгнуть в любой момент.

Лошадь показалась из-за валуна со стороны Аны. Всадник заметил ее, выхватил меч и испустил сверлящий воздух вопль, эхом прокатившийся по долине внизу. Снизу ему ответили десятки таких же голосов.

Огромная лошадь щелкнула зубами в сторону Аны, и та, отшатнувшись, запнулась и упала на камни. Животное прыгнуло следом, и Чет, в два прыжка обогнув валун, напал сзади, подрезав лошадь ножом под бабки. Ангельский нож не подвел, начисто перерезав зверю ноги. Лошадь пронзительно завизжала и рухнула на камни, выбросив всадника из седла.

Чет прыгнул следом. Демон попытался развернуться вместе с мечом, но Чет рубанул ему по руке, срезав ее чуть ниже плеча. Демон взвыл, и Чет завыл в ответ, направляя лезвие вверх, под подбородок, кромсая, как сумасшедший, пока голова демона не покатилась на землю.

– Берегись! – вскрикнула Ана, и тут же что-то вцепилось Чету в руку и дернуло так, что он упал на спину. Это была лошадь. Чудовище, рыча сквозь зубы, трясло головой, молотя Четом по камням. Ана ударила его мечом по морде. Оно взвизгнуло, отпустило мужчину и повернулось к женщине. Ана нырнула за валун, а зверь, брыкаясь и цепляясь за землю, щелкал в воздухе зубами – несмотря на отрезанные ноги, он все еще пытался до нее добраться.

Чет отшатнулся, стремясь оказаться вне пределов досягаемости рычащего чудовища.

Снизу, из долины, опять донесся вой. Гораздо ближе, чем раньше.

– Давай, давай же! – закричала Ана, помогая Чету подняться на ноги.

Послышался стук копыт, все ближе и ближе – вот только направление Чет определить не мог.

– Сюда! – закричала Ана.

– Нет, они же оттуда... – Через хребет перевалили две лошади. – Вот дерьмо! – заорал Чет. Они повернулись было, чтобы бежать, но из-за хребта показалось еще четыре лошади, дорога была перекрыта.

Демоны кружили возле них, держа копья наготове.

– Ну, давайте! – закричал Чет. – Давайте, вы, ублюдки!

Появились еще два всадника, за ними – черный фургон. Один из всадников, – сгорбленное создание, закутанное в пурпурный покров, – откинул капюшон, обнажив глухое, без единого отверстия, забрало. При виде открывшейся перед ним сцены он склонил голову набок, внюхиваясь в воздух. Его внимание явно сосредоточилось на Чете, и тот почувствовал, как ладонь с меткой начинает печь.

– Не слишком удачное место для проклятой души, – сказала создание, обращаясь к Чету. – Разве тебе не известно, что по этим холмам рыщут демоны? И что они чувствуют проклятых?

– Я в Ад не пойду, – сказал Чет с абсолютной убежденностью. В этот момент он не думал о Триш, о ребенке. Он думал о проповедях пастора Томаса, где фигурировали пытки в адском пламени: плоть, обгорающая до костей, снова и снова, на протяжении вечности. – Я вас порежу. Всех порежу. – Чет поднял нож так, чтобы всадники разглядели неестественно-светлый блеск клинка.

Создание в шлеме улыбнулось.

– Какой пыл, какая отвага... Будь у меня хотя бы сотня таких, как ты, душ... Я мог бы завоевать целое царство. – Горький вздох. – На Небесах – одни овцы. А в Аду находятся те, кто сделал мир таким, какой он есть. Люди, которые сами пробили себе путь, храбрые люди, смелые люди – они оказываются среди проклятых. Мне больно это говорить, но тебе, отважная душа, сегодня не победить. Твоя судьба – это...

Раздался звон – тихий, мелодичный звук, как у ветряных колокольцев. Все головы повернулись в сторону большого валуна, выросшего в склон. На камне, наблюдая за ними спокойными зелеными глазами, сидела Алая Леди, и легкий ветерок ерошил шерсть у нее на спине. Она заговорила – глубоким, низким, и все же очень женственным голосом:

– Вы шумите, и вы очень плохо пахнете.

Демоны застыли, как статуи, явно не в силах пошевелиться, и молча

смотрели на нее, разинув рты. Алая Леди склонила голову набок, глядя на них как на нечто забавное, вроде игрушек.

– Взять ее! – закричал главный демон, и голос у него вдруг сделался какой-то слабый и писклявый. Лихорадочно пошарив под плащом, он выхватил огромный черный пистолет, но прежде, чем он успел даже прицелиться, Алая Леди, зарывав, прыгнула на ближайших к ней демонов.

Те попытались отразить ее нападение, но сфинкс уже врезалась в них, так что одна лошадь свалилась на вторую, и обе покатались по земле. Демоны и кони истошно визжали, а она рвала их на части, трепала, била о фургон, попутно обратив его в груды щепок.

Оставшиеся демоны прыснули во все стороны в поисках спасения, все – кроме одного, того, что с револьвером. Тщательно прицелившись, он спустил курок. Оглушительный выстрел прогремел по долине, и в груди Алой Леди появилась огромная дыра. Ее сбило с ног.

Она посмотрела вниз, на рану у себя в груди, на кровь. Казалось, она в явном замешательстве.

– Настал твой последний час! – заорал демон и выстрелил еще раз.

Алая Леди расправила крылья и скрестила их на груди, как щит.

Пистолет прогремел еще четыре раза. С каждым выстрелом в воздух ключьями взлетали шерсть и перья, а потом послышались щелчки бойка о пустой барабан.

– Сдохни, сдохни, ты, шлюха Ра! – прошипел демон, но, когда дым развеялся, Алая Леди все еще стояла. Одно крыло у нее явно было сломано, по груди бежала кровь, и все же ее глаза – живые, как никогда – были сфокусированы на демоне.

– *Монстр!* – вскрикнул демон; его губы дрожали. Он всадил каблуки в бока своего скакуна, и тот прынул вперед. Алая Леди, рыкнув, прыгнула следом. Прыжок вышел неловким, слишком коротким – что-то явно было не так. Лошадь пронеслась мимо нее и исчезла внизу, среди скал.

Алая Леди зарывала еще раз, и эхо рванулось в погоню за улепетывающими демонами. Она сделала еще два неуверенных шага и упала.

Глава 62

Триш выкрутила еще один гвоздь, потом, спустя час – еще один, пока ей не удалось целиком высвободить один конец планки. Она сунула пальцы в рот, слизнула кровь, а потом оторвала планку – с громким треском. Триш замерла, прислушиваясь. Никто не пришел. Она спрятала гвозди, а потом выглянула из окна.

До земли было футов шесть – достаточно, чтобы заставить ее нервничать. Ей придется высвободить, по крайней мере, еще одну планку, прежде чем она сможет выбраться. Она надеялась, что с помощью одной планки у нее получится отодрать остальные. Триш посмотрела на доску, которую держала в руках, на гвоздь, торчавший из торца, и вдруг поняла, что держит в руках вполне достойное оружие – если что. *«А как же демоны? Как мне пробраться мимо демонов?»* Она подумала, что, возможно, знает ответ – она могла бы оторвать кусок нитки с колокольчиками, и взять их с собой. *«Но точно ли это подействует? – Триш вздрогнула, понимая, что есть только один способ узнать. – Иногда ведь людям приходится прыгать из горящих домов, верно? Когда у них выбора нет».*

Шаги в коридоре; она быстро поставила планку на место, задернула шторы и юркнула обратно в кровать.

В замке повернулся ключ, и дверь распахнулась. Вошла Ламия. Поглядела на поднос с нетронутой едой, стоявший в ногах кровати.

– Ох, дорогая, ты так и не поела? – Она взяла с подноса тарелку овощей и села на кровать рядом с Триш. Вонзила вилку в кусочек брокколи. – Ну, открой рот. Поешь.

Девушка молча глядела в стену.

– Ты только вредишь ребенку, – сказала Ламия строго. – Я не могу позволить тебе причинить вред нашей крошке. А теперь ешь.

Триш продолжала глядеть мимо нее.

Ламия вытащила из волос длинную булавку и, прежде чем Триш успела хотя бы моргнуть, вонзила булавку ей в шею.

– Ох, Господи! – вскрикнула девушка, отталкивая Ламию. Триш скатилась с кровати и бросилась к двери, вот только дверь вдруг оказалась гораздо дальше, чем она думала. Ноги у нее ослабели, рука врезалась в стену, и она сползла на пол. Все вокруг стало каким-то размытым.

Лицо Ламии нависло над ней, искажаясь, вытягиваясь, превращаясь во

что-то злобное, что-то первобытное, беззубая старуха, потом – соблазнительная красавица, потом – чешуя, и рога, и желтые, змеиные глаза. Вот все они вместе, сразу, а потом – никто, никого. Триш, вскрикнув, отпрянула.

– Думаешь, ты первая, кто решил поводить меня за нос? Я топтала эту землю задолго до того, как забрезжила заря человечества. Для меня танцевали тысячи дев. Я богиня... *твоя богиня*. А теперь, дитя, открой рот.

И Триш вдруг обнаружила, что не в силах послушаться.

Ламия сунула кусок брокколи ей в рот.

– Ешь.

И Триш принялась жевать, десять раз на одной стороне, десять раз на другой, как ее учила бабушка. Потом она проглотила еду, и ей сунули в рот еще кусок, и этот она тоже послушно съела. Она будто стала пассажиром в собственном теле и, сидя на заднем сиденье, наблюдала, как кто-то другой ведет машину.

– Ешь, – скомандовала Ламия, поднося ей ко рту следующую порцию, и опять Триш жевала и глотала, и так продолжалось, пока тарелка не опустела.

– Ну вот, – сказала Ламия добрым, нежным голосом. – Хорошая девочка. А теперь, давай... обратно в кровать. – Триш подползла к кровати, и Ламия помогла ей взобраться на матрас.

Триш лежала, глядя в потолок, и не могла пошевелить даже пальцем.

Ламия забралась в кровать, села ей на ноги верхом и приложила ухо к животу девушки. Потом сунула руку ей под рубашку, нежно поглаживая округлившийся живот. *«Еще немножечко, еще чуть-чуть, моя крошка, – прошептала Ламия. – Уже совсем скоро».*

Триш хотела оттолкнуть ее, хотела закричать, завизжать, но все, что она могла – лежать неподвижно и глядеть в потолок, и только слезы катились у нее по щекам.

Глава 63

Демон застонал. Цепляя когтями грязь, он пытался утащить свое искалеченное тело прочь, подальше отсюда. Чет подошел сзади и всадил нож ему в затылок, потом еще раз, и еще, пока демон не перестал шевелиться. Чет встал и внимательно осмотрелся: вокруг лежали изувеченные тела демонов и лошадей, но все они были уже мертвы – или, по крайней мере, не представляли угрозы.

Ана села рядом с Алой Леди и зажала ей рану своим шарфом, пытаясь остановить кровь. Алая Леди лежала на боку и смотрела на кровь так, будто не могла поверить, что это все ее.

Кто-то кричал – сдавленный, хриплый вой, доносившийся из разбитого фургона рядом со сфинксом. Разбросав доски, Чет обнаружил под ними изувеченного Велеса. Он вынул кляп у него изо рта, потом перерезал веревки, которыми были опутаны руки и ноги Велеса, и помог ему сесть. Кисти рук у бога отсутствовали, а рот напоминал одну сплошную рану, на которую трудно было смотреть. Он попытался заговорить, но изо рта донеслось только хриплое клокотание.

Раздался женский вскрик, и, повернувшись, Чет увидел Мэри – женщину из доков. Она бежала вверх по склону с мечом в руке, и плащ бился у нее за плечами. Заметив Алую Леди, она бросилась к ней.

– Ох, помилуй нас, Око-Мать, – ахнула Мэри, падая на одно колено рядом со сфинксом. – Сехмет, у тебя кровь идет. Но как? – Мэри сбросила с плеч котомку и, порывшись там, достала четыре ка-монеты. Сунула их в рот сфинксу. – Ей нужно больше! – Мэри посмотрела на Чета и Ану отчаянными глазами; камень тихо светился у нее во лбу. – Нужно ка. Скорее, давайте, что там у вас есть!

Чет отложил нож, достал из кошелья несколько белых монет и передал ей.

Мэри скормила все сфинксу и потребовала еще.

Чет дал ей еще несколько штук.

– Хватит дурака валять! – резко сказала она. – Давай все, что у тебя есть.

Чет отдал ей кошель, и Мэри вытряхнула все, что там было, на землю, взяла еще несколько монет и сунула в рот сфинксу.

Раздался громкий вой, и Мэри подняла глаза. Увидев Велеса, она нахмурилась.

– Велес? Да что *происходит*? – прежде, чем кто-то успел ответить, она собрала пригоршню монет и вручила Чету. – Ну-ка, дай ему это.

Чет заколебался; это были последние его монеты.

– Быстро! – прикрикнула Мэри.

Чет скормил их Велесу.

Алая Леди все так же истекала кровью.

– Мало, слишком мало, – сказала Мэри. В ее голосе слышалась паника.

Чет, неожиданно для себя самого, сунул руку в карман и достал оттуда серебряный луч – обломок звезды из божьей крови.

Глаза Мэри остановились на луче.

– Как?.. – не дожидаясь ответа, она выхватила у Чета божью кровь и собиралась уже дать ее Алой Леди, как вдруг Велес издал булькающий вопль – он тоже неотрывно смотрел на обломок звезды.

Мэри заколебалась; она явно взвешивала возможности. Наконец, она разломил луч пополам и скормила одну половину Алой Леди, а вторую дала Чету. Тот сунул ее Велесу в рот.

– Помогает, – сказала Мэри с облегчением. – Клянусь именем Вирд, это помогает.

И в самом деле, раны Леди начали затягиваться, и кровь уже не текла, а капала.

– Теперь остается только молиться – пусть этого будет достаточно, чтобы остановить кровь. – Мэри посмотрела на Чета; камень у нее во лбу медленно гас. – Ты – Чет? Верно?

Чет кивнул.

– Прости, что я на тебя прикрикнула, – сказала Мэри. – Просто Алая Леди не как они, не как боги. Она – божественное создание, но все же смертна. В ее сердце стучит настоящая кровь.

Тут Чет заметил, что, несмотря на страшные раны Велеса, крови было немного. И она была другой – был в ней какой-то серебристый отблеск.

Мэри взглянула на пустой кошель у Чета в руках.

– Мы вернем все, как только сможем. Даю слово.

Чет помотал головой.

– Я бы сейчас в реке плавал, если бы не ты.

Мэри быстро улыбнулась ему, потом посмотрела на свои руки, испятнанные кровью.

– В первый раз ее ранило так сильно. То есть, раньше она вообще ни разу ранена не была. Насколько я помню.

– Еще, – прозвучал булькающий голос. Это был Велес. Его рот практически зажил, по крайней мере, настолько, чтобы он мог говорить.

Призрачные очертания рук и копыт медленно загустевали на своих местах. – Принесите мне еще, – плевался он. Глаза его горели. – Принесите мне...

– Мы дали тебе все, что у нас было, – прервала его Мэри. – А теперь успокойся. Сосредоточься лучше на исцелении.

По лицу Велеса ясно было видно – он не привык, чтобы с ним так разговаривали.

Снизу, из долины, подбежали еще две женщины. В одной из них Чет узнал Изабель, ту вспыльчивую девушку, с которой они тоже познакомились в Стиге. При виде Алой Леди их лица омрачились, и они поспешно бросились к сфинксу.

– Что произошло? – воскликнула Изабель. – Господи, она умирает?

– Нет, – решительно ответила Мэри. – Она *не* умирает. Так, у кого-нибудь есть ка?

Изабель потрясла головой, но вторая женщина выудила из заплечного мешка четыре монеты. Мэри дала их Алой Леди, а потом принялась осматривать огромную рану у нее в груди.

– Похоже на пулевое ранение.

– Тот демон в нее выстрелил, – сказала Ана.

– Но в нее же стреляли и раньше, – сказала Изабель. – Никогда даже царапины не было. Не понимаю.

– Давай, помоги мне, – сказала Мэри. – Подержи крыло.

Изабель расправила крыло Алой Леди, и Мэри внимательно его осмотрела. И облегченно вздохнула.

– Остальные пули только перья задели. Беспокоиться нужно лишь о той, что у нее в груди. – Порывшись в котомке, она достала небольшой нож.

– Ладно, Сехмет, боюсь, это ты почувствуешь. – Мэри осторожно погрузила нож в рану. – А, вот она. Не слишком глубоко. – Она вытащила пулю и стерла с нее кровь. – Надо же, никогда не видела ничего подобного. – Она показала пулю сфинксу. – А ты?

Алая Леди помотала головой.

– Ну-ка, – прошепелявил Велес – говорил он так, будто у него не было зубов. – Дайте взглянуть. – Он протянул руку, которая теперь выглядела совершенно плотной, хотя и тщедушной. – Это новый сорт колдовства. – Он попробовал наконечник пули на вкус. – Золото Небес.

– То есть, одного из Падших? – спросила Изабель.

– Да. Когда ангелы были изгнаны с Небес, их оружие пало вместе с ними. Но чтобы расплавить металл, и чтобы выковать это, потребовалось

могущественное колдовство. – Велес крикнул. – И даже в этом случае это оружие не должно было причинить ей вреда. Она же Алая Леди, Око Ра, страж богов. Были времена, когда все на Земле трепетало перед ней. Люди, ангелы и демоны. – Он покачал головой. – Боюсь, в словах Ивабог все же есть доля правды. Мы уже не те, что были когда-то, а демоны... они это чувствуют.

– А ты? – спросила Мэри. – Как ты попал сюда? В таком-то виде?

– Рейнджеры и «зеленые», – скривился он. – Вооруженные мушкетами и адским клинком – это было копье. Напали на мой караван во время праздника... Перерезали всех, кого могли.

– У них был адский клинок? – переспросила Мэри.

– Я ехал сюда с мешком на голове, – сказал Велес. – Уши были залиты кровью. И все же я слышал достаточно. Ясно, что они в союзе с этими демонами. Мушкеты, адский клинок... Все это было доставлено из Ада.

Мэри внимательнее пригляделась к мертвым демонам.

– Не вижу ни гербов, ни знаков отличия.

– Я слышал от них имя князя Кашаола, – сказал Велес. – Вам о нем ничего не известно?

Мэри и Алая Леди покачали головами.

– Может, кто-то из низших князей, – сказала Мэри. – Их так много.

– Но мог ли он действовать сам по себе? – спросил Велес. – Трудно представить, что к этому приложил руку Люцифер. Он никогда бы не наделал столько глупостей.

– Мне казалось, существует какое-то соглашение, – сказала Изабель. – Между древними и Люцифером.

Велес фыркнул.

– Теперь подобные вещи значат очень мало. Когда ангелы еще только пали и были совсем слабы, древние боги – истинные боги Нижнего мира, такие как Хель – провели по здешним землям черту. И убивали любого демона, который смел ее пересечь. А теперь боги редко покидают свои храмы. Если кто до сих пор и держит демонов в узде, то это Алая Леди.

– Демоны и души вступают в союз, чтобы сражаться с богами, – Мэри покачала головой. – Как только эти души не видят, что их дурачат? Если они считают, что сейчас плохо, что, как они думают, случится, когда ими будут править демоны?

– Нет, – с ужасом сказала Изабель. – Демоны не могут захватить власть в приречных землях. Единобоги никогда этого не допустят.

– Это, конечно, правда, – сказал Велес. – Единобоги не дали бы им здесь хозяйничать. Но они и не стали бы им мешать перебить нас всех до

единого. Мы для них – только досадная помеха. Они только рады будут от нас избавиться.

– Так пойдемте же и найдем этих безбожников, – сказала Алая Леди рядом в голосе. – Выследим их всех до единого и отправим их ба к Оку-Матери.

– Никто никуда не пойдет, – сказала Мэри. – Пока вы не исцелитесь. Вам обоим нужна божья кровь.

– Лета, – сказал Велес. – Мы пойдем в Лету. У Господина Хоркоса есть божья кровь. Настало время богам забыть свои мелочные ссоры и очистить наши земли от этого отребья.

Глава 64

Мэри остановилась, поджидая остальных. Ана встала рядом с ней и обернулась, глядя, как Чет и двое сестер помогают Велесу преодолеть подъем. Алая Леди прихрамывала следом с повисшим на перевязи крылом. Перевязь была сделана из плаща Мэри. Леди упорно отказывалась принять чью-либо помощь.

– Она просто кипит, – сказала Мэри. – Полна решимости добраться до Леты как можно скорее. Но все будет зря, если она себя этим убьет.

Они перевалили через гребень и увидели впереди, далеко внизу, девять тележек, которые везли женщины в плащах, вооруженные мечами и копьями; было их около сорока. Несколько женщин, отделившись от каравана, побежали навстречу Мэри. Добежав, они засыпали сестру вопросами – вид Алой Леди их страшно встревожил. Мэри рассказала им обо всем, что случилось.

Дети – совсем маленькие и чуть постарше – сидели и стояли в тележках. Ана прикинула, что здесь их, наверное, было около сотни, и большинство орало благим матом. Мэри принялась обходить тележки – она брала их по очереди на руки, укачивала, говорила им что-то низким голосом, а камень у нее во лбу горел тихим зеленым светом. Детишки успокаивались один за другим.

Когда Велес и Алая Леди догнали их, караван вновь двинулся в дорогу, следуя изгибам тропы между черных стен ущелья; колеса тележек постукивали по камням.

Мэри взяла из тележки плачущего младенца, девочку, и передала ее Ане.

Ана принялась ее укачивать.

– Ты ее не узнаешь?

Ана заглянула ребенку в личико и вдруг поняла, что да, узнает.

– Это?..

Мэри кивнула. Это был один из тех двух малышей, которых она привезла с собой с другой стороны. Ана начала тихо напевать простенький гимн, тот, что, бывало, ей пела мать. Девочка посмотрела Ане в глаза и перестала плакать, как и несколько других детишек, что были поблизости.

– У тебя есть дар, – сказала Мэри.

Ана заставила себя не думать о том, насколько близок был этот милый ребенок к тому, чтобы потонуть в той темной, страшной реке. И тут ее

ударила кошмарная мысль. *Мой малыш, мой маленький мальчик... может, он где-то здесь?*

– Мэри, а что здесь делают все эти дети?

– То есть?

– То есть как они вообще попали в Чистилище? Они же невинны. Как они могли сделать что-то плохое? Почему Бог повернулся к ним спиной?

– Если ты имеешь в виду Христа, то он и не может ничего для них сделать – они же не его.

– Как это – не его?

– Насколько я понимаю, бог не может просто так взять и забрать себе душу. Если уж на то пошло, демоны – тоже. Душа должна отдать себя сама... Иисусу, Будде, Магомету, Одину и так далее... Да хоть Сатане. Свободная воля, вот что делает душу – душой. Поэтому-то боги так яростно и борются между собой за верующих. Бог только тогда получает власть над душой, когда она добровольно передает себя ему. Все логично, да?

– Думаю, да, – сказала Ана. Но про себя подумала, что она лично особой логики здесь не видит.

– Когда человек верит в Христа, он отдает свою душу Христу и подчиняется его правилам, его догматам. Если в итоге Христос не сочтет его достойным, он может проклясть его душу, или просто не пустить в Царствие Небесное, – тогда душа попадает в Чистилище. Ирония в том, что все эти души не горели бы сейчас в Аду, если бы не верили при жизни в Христа.

Некоторое время Ана шла молча, пытаясь как-то осмыслить услышанное.

– Так какое же место занимают во всем этом дети? Они слишком малы, чтобы отдать кому-то свою душу. Да? Слишком маленькие для такого выбора?

– Именно. Если ребенок не окрещен – или не прошел через какой-то схожий ритуал другой религии – он не принадлежит ни одному богу. И если никто его не забрал, он просто остается, потерянный, никому не нужный.

– Но у них же с самого начала шанса не было!

– Нет.

Мальчик Аны был крещен. Хуан настоял, хотя она сама была против. И теперь она, сама того не замечая, благодарила Бога за то, что так получилось. При мысли о том, как он плакал бы тут по ней, брошенный, забытый, у нее на глаза наворачивались слезы. Она крепче прижала к груди

девочку.

Мэри не сводила с нее глаз.

– У тебя есть ребенок? Был?

Ана кивнула.

– В Чистилище полно детей, которым нужна мать.

– А они растут? То есть, могут ли они вырасти здесь, внизу? Или они всегда остаются такими?

Мэри ответила ей грустным взглядом.

– Они никогда не вырастают. Никогда даже не смогут осознать, что с ними произошло.

Ана кивнула.

– Но они... привязываются. Им хочется того же, что и любому ребенку. Чтобы их взяли на руки, поговорили с ними... Чтобы их любили.

– Что же с ними будет, с этими детьми?

– Это решит река.

– Река?

– Скоро ты сама увидишь.

Глава 65

– Что происходит? – спросил Хьюго. – Что ты видишь?

– Ничего, – ответил Карлос, продолжая осматривать холмы в подзорную трубу. С того места, где они засели на вершине плато, вид открывался на многие мили.

– Были выстрелы, а потом этот крик. Только не говори мне, что ты его не слышал.

– Я слышал.

– Вон там, – сказал Хьюго.

Карлос опустил трубу и, сощурившись, поглядел в ту сторону, куда показывал Хьюго:

– Где?

– Там. Видишь? У скал. Там их много.

Карлос, наконец, заметил черные точки далеко внизу, в долине, среди россыпи огромных валунов. Он опять поднял к глазам трубу.

– О... Вот дерьмо, это же они, сестры со своими сопляками. Какого хрена они там делают... Хрен собачий, да он тоже с ними.

– Кто, кто с ними?

– Тот парень, рыжий. Думаю, это он. – Карлос передал Хьюго подзорную трубу. – Погляди-ка.

– Ага, это точно он, и *она* тоже там.

– Она?

– Алая Леди. Она там. Твою мать, она правда *там*. Похоже, что-то с ней не так.

Карлос выхватил у него трубу, поднес к глазам, но увидел только, как сфинкс исчезает за скалами. Однако он успел разглядеть, что она хромает, и что крыло у нее вроде как перевязано.

– Ты ее видел?

Карлос кивнул.

– Плоховато она выглядит, да? – сказал Хьюго.

– Да, будто кто-то подстрелил ее золотой пулей.

– Ты думаешь?

– Ага.

– Интересно, как там Кашаол.

– Ну, – сказал Карлос, – судя по тому, что она все еще здесь – полагаю, так себе.

– Пари держу, он пожалел, что расстался с пушкой. Тогда, может, у него был бы шанс.

– Да, такого у нас в планах точно не было, – сказал Карлос, размышляя, как им теперь быть, если Кашаола в расчет можно больше не принимать. И тут до него дошло, что теперь у них была и пушка, и все эти мушкеты. Может, не так это и плохо, что им не придется больше держать ответ перед одним из адских князей. *Похоже, ситуация только что стала еще интереснее.*

– Слушай, а может, нам за ними пойти? – сказал Хьюго. – Ну, знаешь, она же ранена. Может, это наш шанс?

– У нас только шесть человек.

– Знаю, но у нас же еще и пушка есть.

– Да, действительно.

Хьюго кивнул.

– Я бы лично чувствовал себя спокойнее, будь у меня за спиной отряд с мушкетами. А ты?

– Да, думаю, и со мной то же самое, – сказал Хьюго, поразмыслив.

– Эта дорога ведет через одно местечко. – Карлос отложил трубу и ухмыльнулся. – Как ты посмотришь на то, чтобы добраться до Полковника, а потом организовать небольшую приветственную встречу?

Хьюго ухмыльнулся в ответ.

Глава 66

Хлопнула дверца автомобиля.

Триш открыла глаза и села, стиснув голову руками. Перед глазами все плыло, но, по крайней мере, она вновь могла двигаться по собственной воле. Соскользнув с кровати, она подошла к окну и отдернула шторы. За окном, за планками, что-то двигалось.

Голоса.

Это не Ламия.

Она пошатнулась, чуть не потеряв сознание, но устояла на ногах. Взялась за одну из досок, ту, что успела расшатать, и вынула ее, надеясь разглядеть, что творится на улице.

Полная женщина лет шестидесяти в мятно-зеленом полиэстеровом костюме стояла рядом с белым «шевроле-импала». Пригнувшись, она разговаривала с кем-то, кто сидел на пассажирском месте. Дальняя дверца открылась, и из машины вылез молодой человек – лет под двадцать, большой ребенок, похож на футболиста. В руках у него был желтый пластиковый контейнер.

Пока парнишка обходил машину, женщина достала из «импалы» какие-то листовки. Выпрямилась, улыбнулась парнишке, поправила ему галстук и отряхнула плечи его темно-синего пиджака от перхоти. По тому, как они были одеты, Триш догадалась, что они, должно быть, заехали сюда по дороге из церкви. Уверена она была в одном – этого шанса она упускать не собиралась.

Триш поддела доской вторую планку, снизу вверх, и навалилась на нее. Заскрипели гвозди, и на какую-то секунду ей показалось, что доска сейчас отойдет. Но потом та планка, которую она держала в руке, обломилась, и Триш по инерции врезалась в стену.

Выпрямившись, она начала было по новой, но тут увидела Ламию – та шла по тропинке по направлению к женщине и пареньку. Дама приветствовала Ламию широкой улыбкой и начала что-то говорить. Слов Триш разобрать не могла, но по тому, как та размахивала руками, было ясно, что говорила она с большим подъемом.

Ламия улыбалась в ответ, но вся ее поза говорила «нет», а когда дама попыталась вручить ей листовки, Ламия их не приняла.

Триш опять поддела доской планку, подергала, но рычаг был слишком короткий. Она навалилась на доску всем весом. Та сорвалась, и Триш опять

отлетела к стене. Руку пронзила острая боль, и Триш, не удержавшись, вскрикнула. Взявшись за доску, она попыталась высвободить ее, но та застряла намертво.

Дама с крайне разочарованным видом шла обратно к машине.

– Нет! – закричала Триш. – Нет! – Она заколотила по доскам. – Эй! – орала она. – *Эй! Помогите!*

Ламия покосилась в ее сторону – она явно напряглась, – но дама, казалось, ничего не слышала. Парень, обогнув машину, сел на свое место. В руках он все еще держал таппервейровский пластиковый контейнер.

– *Нет! Только не бросайте меня здесь!* – закричала Триш и, размахнувшись, ударила обломком доски в окно, вдребезги разбив стекло.

Все посмотрели в ее сторону.

– *Помогите!* – орала Триш. – *Помогите!*

Женщина смотрела на Триш с недоуменным выражением на лице, и поэтому не заметила, как Ламия вынула из рукава нож. Ламия вспорола женщине шею, сбоку, где вены. В воздухе закружились листовки; она упала на капот, зажимая шею, из которой фонтаном била кровь.

Триш было видно лицо мальчика, какими огромными стали у него глаза. Нашарив ручку, он распахнул дверцу и практически вывалился из машины. Поднялся на ноги и на мгновение застыл – видимо, он колебался, то ли помочь даме, то ли бежать. А потом он увидел двух мальчиков, которые вышли из-за дуба.

– *Беги!* – заорала Триш. – *Беги отсюда!*

Демоны выдали ему свои фирменные улыбочки, те, где зубов не сосчитать, и прыгнули на него. Один погрузил зубы парнишке в пах. А когда того согнуло пополам, второй вцепился ему в шею, мгновенно разорвав горло.

Триш отвернулась, соскользнула на пол. Заплакала, закрыв руками лицо. И вдруг ее пронзила острая боль. Она стиснула руками живот. Несколько минут спустя боль повторилась. Потом опять, и опять. Это ребенок, она знала это. Время пришло.

– О, Господи, – сказала она. – Господи, Боже мой.

Глава 67

Гэвин заметил всадников, быстрой рысью приближавшихся к лагерю.

– Вернулись, – сказал Полковник. В его голосе прозвучало облегчение.

Подъехав, Карлос спешил. Его лицо светилось воодушевлением.

– Она у нас! – крикнул он. – И какая же она красotka.

Следом подъехал Хьюго – он сидел на козлах фургона, а за ним – и остальные Защитники, усталые, покрытые пылью.

Пока Карлоса не было, в лагерь из Стиги прибыл большой отряд «зеленых». Увидев их, Карлос просиял.

– Она у нас! – крикнул он, махая им рукой, чтобы подошли.

– Вот, поглядите, Полковник, – сказал Карлос, подходя вместе со всеми к фургону. Он откинул борт и открыл длинный ящик, лежавший на дне. Внутри была пушка.

Полковник провел рукой по черному, гладкому стволу, приподнял за один конец, прикинул вес. Положил обратно.

– Чертовски тяжелая. Можно ли управиться с ней в одиночку?

– Думаю, да.

– А что за снаряды?

– Это. – Карлос выудил заряд из кармана куртки и положил рядом с пушкой. – Шрапнель, из того же металла, что и копье. Только представьте, что она сделает с Алой Леди.

Полковник явно представил, судя по выражению его лица.

– И это еще не все.

– Да ну?

– Ну да. Алая Леди, она почти у ворот Леты.

– Что? Каким образом она...

– Прошла по каньонам.

– Странно. Я думал...

– Странностей тут достаточно. Только послушайте. Она ранена. Сильно. Мы практически уверены, что у нее вышла стычка с князем Кашаолом.

Полковнику явно требовалось время, чтобы все это переварить.

– Это наш шанс, – Карлос торопился, глотая слова; в его голосе звенело воодушевление. – Мы устроим засаду в Лете. Ударим прямо сейчас. Ударим, пока она ранена. Лучшего шанса у нас не будет никогда.

- Эй, погоди, погоди. Ты сказал, у нее было столкновение с Кашаолом?
- Я практически в этом уверен.
- Кашаол мертв? Где же тогда Велес?

Карлос пожал плечами.

– Какая разница. Самой драки мы не видели, и Велеса не видели тоже. Но послушайте! Кого мы видели, так это того типа, Чета. Заставляет задуматься, что дело в нем, понимаете? Что он каким-то образом навел ее на демона. То есть... поневоле спрашиваешь себя, как это он появляется всякий раз, как у нас неприятности.

«Парнишка жив», – подумал Гэвин, удивленный, что это имеет для него значение.

- И ты хочешь устроить засаду именно в Лете? – спросил Полковник.

Карлос кивнул.

– Да, хочу. И вот почему. Если Велес с ними, мы не знаем, в каком он состоянии. Я могу предположить, что этот тип сливал им информацию о нас. Что он старается объединить против нас богов. Но в чем я уверен, так это в том, что они пока не знают про смерть Господина Хоркоса. Думаю, они идут туда в надежде на его помощь. Так где, по-вашему, они будут меньше всего нас ожидать?

- В Лете, – сказал Полковник.

– Именно.

- Но это твои догадки.

– Это то, на что я готов сделать ставку. И если вспомнить все, что нам известно, сразу становится ясно: дело верное.

Полковник молча смотрел в землю. Гэвин прямо видел, как он пережевывает все это у себя в голове. Спустя минуту он поднял на Карлоса глаза.

- Что именно у тебя на уме?

Карлос засунул большие пальцы за пояс с пряжкой в виде скорпиона и улыбнулся.

– Учитывая детей и то, как сильно хромает Алая Леди, доберутся они нескоро. Это дает нам время на подготовку, если мы будем действовать достаточно быстро. Можно взять столько людей и мушкетов, сколько унесут лошади. Поедем по двое. Вряд ли в Лете осталось много стражи. Сестры с детьми направятся прямоком в храм, так что мы просто незаметно проникнем туда и будем их ждать.

Подумав с минуту, Полковник кивнул.

– Что ж, пусть мы полубезумны, но добились того, чего добились, – он улыбнулся. – Похоже, мы едем в Лету.

Глава 68

Триш чувствовала, как нарастает схватка; живот стиснуло, будто свело судорогой. Она мелко, быстро дышала сквозь стиснутые зубы, сжимая руками живот, а боль захлестывала ее волнами.

Открылась дверь, и вошла Ламия все в том же белом платье, которое теперь было забрызгано кровью женщины из церкви. Она подошла к Триш, и на лице ее не было написано ничего, кроме заботы.

– Время пришло, – нежно сказала Ламия. Она помогла Триш забраться на постель, а потом ушла. Триш было слышно, как быстрые шаги удаляются по коридору.

Девушку скрутила еще одна схватка, потом еще одна. Вцепившись в простыни, она переживала боль, но каждая новая схватка была хуже предыдущей. *«Господи, – подумала она, – неужели это так и должно быть? Настолько плохо?»*

Когда она открыла глаза, рядом была Ламия, а в руках у нее – знакомая черная шкатулка с зельями и кореньями, а еще – корзиночка с какими-то свежесрезанными растениями. Поставив корзинку на тумбочку, Ламия опять ушла, но тут же вернулась с чистыми отрезами ткани и кастрюлей воды, над которой поднимался пар.

Еще несколько быстрых, не таких сильных схваток, а потом Триш показалось, что ее живот скрутило жгутом и не отпускает. У нее вырвался крик.

– Сядь, дитя, – сказала Ламия, пытаясь переместить Триш в сидячее положение.

– Нет! – заорала Триш: малейшее движение усиливало боль.

– Триш, – сказала Ламия мягко, будто она была ее матерью. – Так будет легче. Пожалуйста. Сядь.

С помощью Ламии Триш смогла подтянуться и сесть, опершись спиной об изголовье кровати. Но когда пришла следующая волна схваток, особой разницы – или облегчения – она не почувствовала.

Ламия обмакнула пригоршню листьев в исходящую паром кастрюлю, а потом провела ими по лбу Триш, по шее, по соскам. Она оставила охапку влажных, теплых листьев у Триш на груди; пахли они мятой и черной лакрицей, и почему-то этот запах казался Триш успокаивающим. Пришла следующая схватка, и боль вроде бы никуда не делась, но теперь она казалась какой-то далекой, и Триш обнаружила, что способна

сосредоточиться и начать тужиться.

– Она уже выходит, – сказала Ламия взволнованно. – Ты прекрасно справляешься, дитя.

И снова схватки, волнами, одна за другой, без перерыва, все сильнее и сильнее, пока, наконец, Триш уже не начало казаться, что ее сейчас разорвет.

– Я ее вижу! – воскликнула Ламия. – А теперь тужься. Тужься, дитя. Тужься!

И Триш напряглась изо всех сил, вцепившись в простыню, и застонала, потом заорала сквозь стиснутые зубы. И вдруг давление исчезло; будто с живота у нее убрали груз. Она услышала крик, открыла глаза и сквозь пелену слез увидела ее, увидела свою маленькую девочку.

Ламия перерезала пуповину, потом взяла теплые листья и обтерла ими ребенка.

– Ты молодец, – сказала она и положила ребенка Триш на руки, к груди, так, что тот мог взять губами сосок.

Ребенок начал сосать, и в этот момент Триш забыла о Ламии, о демонах, о женщине из церкви, которая мертвая лежала на дорожке, ведущей к дому. В целом мире были только она и ее ребенок. Триш заплакала.

– Моя малышка. Милая моя малышка.

Глава 69

Туман низко стелился над рекой, украдкой выползая на берег; Око-Мать медленно гасло, и тени незаметно захватывали скалистую равнину. Вверху, в облаках, иногда грохотало, но пока не было даже намека на дождь. С того места, где они засели – на вершине скалы – Карлосу было прекрасно видно, как стражник – он был всего один – зажигает факелы над восточными воротами Леты.

– Возвращаются, – сказал Полковник.

Карлос, убрав подозрную трубу, встал, наблюдая, как двое его людей торопливо взбираются вверх по каменистой тропе. Одетые в оборванные плащи, они ничем не отличались от прочих паломников, пришедших к реке.

– Ну? – спросил Карлос.

– Ничего там особенного не происходит, – сказал один из них, отбрасывая с головы капюшон. – Все тот же парад жалких ублюдков, по большей части выживших из ума из-за напитка.

– Да уж, – поддержал его второй. – Это местечко всегда напоминало мне гробницу, а теперь оно вообще кажется полумертвым. Большинство стражи уехало вместе с Господином Хоркосом, а что с ними произошло, мы все знаем.

Карлос кивнул.

– Хоть какие-нибудь признаки, что кто-то знает о Хоркосе? О нападении?

– Да они и понятия ни о чем не имеют. Никакой дополнительной стражи, никаких часовых; мы поговорили с парочкой стражников, так они дуются, что их оставили.

Карлос кивнул.

– Хорошо, именно это я и надеялся услышать.

– Значит, мы готовы? – сказал Полковник.

– Думаю, да, – ответил Карлос, сделав глубокий вдох. – Пора начинать отправлять вниз людей.

Полковник собрал отряд человек в тридцать и тихо заговорил:

– Значит так. Похоже, все идет по плану. Максимум – три человека в группе. Оружие прячем, сливаемся с толпой и, разделившись, входим через разные ворота. Если не знаете, где находится храм Леты, находите того, кто знает. Заходите в храм. Половина из вас нужна мне на балконе. Ожидайте

сигнала Карлоса. – Он похлопал по пушке у Карлоса в руках и улыбнулся, показав зубы. – Вы его не пропустите.

Их люди начали спускаться к городу небольшими группками, всякий раз выжидая по несколько минут.

Из каньона выехал всадник, и несколько человек обнажили мечи. Факелов они зажигать не стали, и в темноте трудно было сказать, кто это, пока он не подъехал совсем близко.

– Это я, Хьюго, – прозвучал негромкий голос, и из мрака вынырнул Хьюго собственной персоной. Он спешился, и кто-то из отряда подхватил его коня под уздцы, чтобы отвести к остальным лошадям. – Они еще в двух часах отсюда, – сказал Хьюго. – И – только послушайте – Велес и *вправду* с ними.

Карлос и Полковник обменялись взглядами.

– Это осложняет дело, – сказал Полковник.

– Может, и нет, – отозвался Хьюго. – Алая Леди и Велес – оба они выглядели так себе. Алая Леди идет даже медленней, чем раньше. А Велесу настолько худо, что его везут на одной из этих их тележек.

– Так, значит, между ними и Кашаолом все-таки что-то произошло, – сказал Полковник.

– Отдал бы половину ба, чтобы на это посмотреть, – сказал Хьюго.

– Что ж, пора кончать с этим делом, – сказал Полковник. Глаза у него горели.

– Пора, – сказал Карлос. – Чертовски пора.

Глава 70

Карлос пересек короткий мост и оказался в храме Леты. Храм был выстроен на островке неподалеку от берега. Карлос нашел местечко в тени у главного входа. Отсюда ему было прекрасно видно крытую арками галерею, которая вела от храма ко второму мостику – единственному пути к бассейнам. Он знал наверняка, что они пройдут мимо него. Перед выходом он обернул оружие тряпьем, так, чтобы было похоже на скатку с одеялом. Сейчас он предельно аккуратно поставил скатку к стенке. Дело было даже не в том, что пушка была очень тяжелой. Внутри уже сидел заряд, одобренный хорошей порцией черного пороха. Замок был кремниевым, поэтому спуск вряд ли мог сработать от сильного толчка, но Карлос предпочитал не испытывать судьбу.

Привалившись спиной к стене, Карлос достал сигарету, закурил и позволил себе ненадолго расслабиться. Его взгляд, блуждая, обжегал внутренность храма. В центре огромной ротонды возвышалась статуя женщины с ребенком на руках. Ее голова была окутана вуалью, но все же можно было разобрать выражение лица – оно было полно решимости. По обеим сторонам статуи тихо журчали два источника, каскадами переливаясь по мраморным ступеням постамента. Плеск воды эхом отражался от стен, взмывая под самый купол.

Души самой разной наружности сидели и лежали грудami на ступенях под статуей. Десятки других бесцельно слонялись по залу, сидели группками на полу, на лестницах, на подоконниках, свешивались с балкона под куполом, с галереи второго этажа, блуждали во внешних двориках. Все новые души, входя, глядели на статую, задирали головы, чтобы увидеть поблекшую роспись на потолке, или выглядывали из окон, посмотреть на реку, струившую свои воды вниз. Потерянные души, давно уже сдавшиеся души: у кого-то не хватало руки, у кого-то – ноги или половины лица; шаркая, они бродили вокруг, и их плоть была серой, тронутой гниением и тленом. Большинство явно были пьяны темным напитком Леты; прижимая к груди бутылки и фляги, они, всхлипывая и перешептываясь, переходили с места на место, будто на поминальной службе.

Люди Карлоса продолжали прибывать; у многих были при себе бутылки. Они волочили ноги, шаркали, играя свою роль, сливаясь с толпой. Рассредоточившись, они заняли стратегические места – у окон, на балюстрадах. Тут и там из-под плащей у них выглядывали мечи и

пистолеты, но Карлос вдруг понял, что это неважно – никто не обращал на них внимания. С тех пор, как они вошли в город, ему попался навстречу всего один патруль, и то это была пара скучающих часовых, несущих стражу в центре города.

Мимо прошаркало несколько душ. Спотыкаясь, они сошли вниз по ступеням, потом наружу, под арки галереи, ведущей к бассейнам. Карлос сменил позицию, так, чтобы ему был виден весь коридор. У него был всего один выстрел, и он не намеревался потратить его зря. Спустя секунду вошел Полковник; у него было копье. Он настоял, и в этот раз Карлос не стал спорить, поскольку ему начало казаться, что Полковник свою ценность уже исчерпал.

Полковник предварительно вымазал острие копья грязью, чтобы скрыть золотистый блеск. Подойдя к статуе, он опустился на колени; в своих грязных лохмотьях он был точь-в-точь еще один отчаявшийся пилигрим на пути к забвению.

Подошел Хьюго и, будто случайно, опустился на пол рядом с Карлосом.

– *Мы все здесь*, – прошептал он.

Карлос кивнул и нашел взглядом всех своих людей: двенадцать стволов у окон, остальные – вверху, на балконе. «*Все равно, что по сельди в бочке стрелять*», – подумалось ему, и тут он поймал на себе взгляд холодных, мертвых глаз Гэвина – тот тоже стоял на балконе. Карлос наклонился к Хьюго.

– Только не смотри. Там, на балконе – человек Полковника, Гэвин. Какая будет жалость, если в пылу боя случайная пуля снесет ему половину его тупой, уродливой башки. Правда?

– Истинная правда, – ответил Хьюго. – Тогда, наверное, эта пара пистолетов ему больше не понадобится. То есть, если у него головы не будет.

Карлос, задрав голову, опять поглядел на Гэвина и одарил его улыбкой.

Глава 71

Перевалив через гребень, Ана увидела внизу, в долине, призрачные очертания города, подсвеченные пламенем факелов. Света еле хватало, но было видно, что размерами город не уступал Стиге.

Мэри объявила привал, чтобы дать Алой Леди возможность нагнать их. Она пыталась уговорить сфинкса остановиться хотя бы на ночь, но Леди настояла на том, чтобы они продолжали идти. Велес настолько ослаб, что им пришлось расчистить ему место на одной из тележек, и теперь многие из них тащили на руках детишек, в том числе Чет.

Девочка у Аны на руках не спала, явно замороженная открывшимся видом: к городу по дороге, следовавшей изгибам реки, текла еще одна река, река огней. Движущаяся россыпь факелов уходила к горизонту, так далеко, что огни казались звездами на ночных небесах. И тут Ана заметила, что факелы двигались лишь в одну сторону – в город. Из города уходили очень немногие. Чет и Мэри стояли рядом с Аной и тоже наблюдали за движущимися огнями.

– И все они ищут забвения? – спросила Ана, хотя уже знала ответ, знала, что все это – такие же, как она, души, жаждущие положить конец своему безотрадному существованию.

– Все они слышали о том, что обещает река, – сказала Мэри. – Люди идут отовсюду, со всех концов Нижнего мира, сюда, в храм Леты. Они верят, что, когда они принесут храму дары – или покаются там в своих грехах, оставят там свои сожаления, река примет их и унесет прямоком в забвение.

– А ты... Ты веришь в это?

– Кто-то считает, что река отправляет их в небытие навечно... Забвение... Его многие ищут. Другие говорят, что река, очистив душу от воспоминаний о прошлом, уносит ее обратно на Землю, где она рождается заново. Не очень понимаю, чем одно отличается от другого.

– Но во что веришь ты?

Мэри посмотрела на Ану.

– Я верю, что Лета улыбается детям. Насчет остального не знаю.

Ана кивнула, а потом вдруг заметила слабое красноватое свечение далеко на горизонте, в той стороне, откуда они пришли. Оно пульсировало, будто билось гигантское сердце, но было в этом ритме что-то пугающее, голодное.

– Там, позади – это Ад?

Мэри кивнула.

– На южной границе у нас Ад, к востоку от Ока-Матери – Джаханнам, а с севера наступает Нарака. И каждый откусывает, где только может. Мне трудно это понять, при том, что места в Нижнем мире сколько угодно – зачем им нужно так упорно выдавливать старых богов. Велес говорит, это потому, что здесь встречаются пять рек. А мне кажется, дело в том, что Единобогам и их демонам всегда мало того, что у них есть. Довелось мне как-то увидеть Кали, как она шествует по северным равнинам, будто у себя дома. Высотой с башню, в каждой из шести рук – пламенеющий меч, и ожерелье из голов сотни демонов, поющих для нее песню смерти. То еще зрелище, и я надеюсь, что больше никогда не увижу такое опять. – Она вздрогнула. – Но если древние потеряют великую Сехмет, Око Ра, их защитницу... Кто встанет на пути таких, как Кали?

– Сехмет... Это Алая Леди?

– Да. У нее много имен. Давным-давно Ра и другие древние объединили силы и создали ее, чтобы охранять свои земли. Но они становятся все слабее, а с ними угасает и сила Алой Леди.

Алая Леди перевалила через гребень холма. Вид у нее был усталый, но решительный.

– Ты дошла, – сказала Мэри. – Чуть не убила себя из-за этого, но дошла.

На губах сфинкса появилась слабая улыбка, но в глазах у нее не было и тени радости, только огонь. Даже не остановившись, она продолжила свой путь вниз.

Вздохнув, Мэри двинулась за ней.

– Ка связывает плоть слабее, чем божья кровь. Со временем она исцелится, но только если перестанет так выматывать себя.

Они выбрались на приречную дорогу и влились в процессию паломников, исчезающую в широких воротах.

Единственная стражница подпирала стену, бессмысленно пялясь в пустоту.

Алая Леди деликатно кашлянула, и та, заметив ее, чуть не выронила копье. Начала было кланяться – и замерла.

– Ой... А вы в порядке? О, Боже, что случилось? – Она посмотрела на Мэри. – Что с ней произошло?

– Демоны, – ответила Мэри. – Ты лучше скажи, где Господин Хоркос?

– Его нет в городе. Он поехал на Съезд.

– Хоркоса на Съезде не было, – вмешался Велес, садясь в тележку.

Стражница явно была в замешательстве.

– Но он должен был там быть. Уехал уже несколько дней назад.

Велес поднял глаза на Мэри.

– У меня нехорошее чувство.

– Были какие-нибудь неприятности? – спросила Мэри у стражницы.

– Неприятности? Здесь? Нет, конечно, нет. А что? Что-нибудь случилось?

– Мы пока не знаем. Слушай, приглядывай тут, нет ли у кого оружия.

– Я не понимаю.

– Не важно. Видишь что-то подозрительное – бей тревогу. Поняла?

Стражница кивнула.

– Ладно, – сказала Мэри, обращаясь к Велесу. – Предлагаю пойти прямо в храм. Найдём кого-нибудь из жрецов. Они, наверное, смогут помочь тебе и Алой Леди.

Велес кивнул, и они вошли в город.

Ана нашла, что Лета ничем не напоминает Стигу: город был тихим, каким-то торжественно-серьезным, даже грустным. Ни лавок, ни торговцев. Тусклые фонари едва давали достаточно света, чтобы они могли найти дорогу в лабиринте узких, вымощенных булыжником улочек. Они проходили мимо бесконечных домов без окон – многие были вырезаны прямо в белом камне скал, окружающих город. Краем глаза Ана уловила какое-то движение в тенях, среди груд мусора. Послышался чей-то шепот, и вдруг до нее дошло, что это был вовсе не мусор, а души, сгрудившиеся вместе в узких переулках, у сточных канав.

Потом им попало навстречу питейное заведение. Бар, салун или что еще – трудно было сказать; вывеска представляла собой просто изображение черного напитка. У входа валялось – другого слова не подберешь – несколько десятков душ; большинство привалилось спиной к стене, но кто-то лежал прямо на мостовой. Из дверей, пошатываясь, вышла женщина. Была она полностью обнажена, без одной руки; пустыми глазами она смотрела в небо и улыбалась.

– Почему они просто не пойдут и не утопятся, чтобы со всем покончить? – спросил Чет.

– Мне кажется, – ответила Мэри, – что даже в этой недожизни какая-то их часть боится уйти. С напитком проще – он отбирает у тебя память небольшими кусочками. Самое грустное, что многие отдают черному зелью слишком много, и забывают, зачем вообще они сюда пришли. Дело кончается тем, что они забредают в каньоны, и их там съедают, или они просто тихо угасают здесь, на улицах или в пещерах.

До них долетел вдруг запах реки, влажный и свежий. Ана набрала полную грудь воздуха и ощутила, как на нее снисходит покой. И дети тоже это почувствовали. Они притихли. Будто знали – или, по крайней мере, чувствовали, – что это было за место.

Они прошли террасу, выходящую на реку. В середине был небольшой фонтан, окруженный белыми, блестящими стоячими камнями. Вокруг лежала стопками одежда, монеты, оружие. Даже пока они проходили мимо, у фонтана кто-то раздевался, аккуратно складывая одежду в общую стопку.

– Вот, – сказал Велес, даже не пытаясь скрыть раздражения. – Вот откуда у Хоркоса его богатства. Он смог убедить этих идиотов, что, если они оставят ему все свое имущество, это умилостивит речных богов.

– Не вижу, чем это отличается от всех прочих религий, – сказала Ана.

Улица, которой они шли, выровнялась, свернув к реке. Окруженные туманными ореолами факелы бросали зыбкий свет на статуи, арки, террасы.

– Храм Леты, – сказала Мэри.

Из мрака перед ними выступило увенчанное куполом здание. Оно стояло на островке белого камня; ко входу под аркой вел единственный мост. По мосту брела группка душ; многие свешивались через перила, глядя на черные воды внизу. Когда они подошли ближе, Ана заметила вокруг храма несколько бассейнов: расположенные кольцами ступени, уходившие в темную воду, на глубину. На ступенях сидели души; другие бродили по ступеням, спускаясь все ниже и ниже; они пили, зачерпывая руками черную воду, и, наконец, погружались в реку.

Ана смотрела, как какая-то женщина исчезает под водой со счастливой улыбкой на лице. Как же Ана понимала эту улыбку. *«Скоро все закончится, – подумала она. – Никогда больше мне не придется слушать, как кричит мой сын... Никогда, никогда больше».*

Женщина исчезла, будто ее и не было. К ней не тянулись никакие руки, не было никаких истерзанных пыткой лиц. Она просто медленно погрузилась в воду, все так же блаженно улыбаясь.

– Так, значит, это совсем не похоже на Стикс? – спросила Ана.

– Нет, тут совсем другое, – ответила Мэри. – Хотя Стикс тоже дарит конец. Вот только сначала очищает душу. Или, по крайней мере, так говорят.

Велес кивнул.

– Это правда. После столетия пыток Стикс отдает обратно то, что взял. Ана содрогнулась.

Они покатали тележки с детьми по мосту, вошли в ротонду храма.

Повсюду лежали тела; голоса детей вывели многие души из ступора, и они глазели на них с зачарованным, ничего не понимающим видом.

Сестры начали выгружать младенцев; они спускались с ними вниз по ступеням в короткую сводчатую галерею, ведущую во внешний дворик между бассейнами.

Алая Леди, пригнувшись, вступила под своды храма. Подняла голову и посмотрела на статую. Ее пошатывало, будто в любую секунду она могла упасть.

– Сехмет, – сказала Мэри. – Пойдем, время отдохнуть. – Она положила руку на плечо сфинкса и повела ее вниз по ступенькам, по коридору, ведущему к бассейнам. Велес, поддерживаемый с двух сторон сестрами, последовал за ними; Чет и Ана тоже пошли следом, и никто не заметил скрывавшегося в тених мужчину с густыми, подкрученными кверху усами.

Глава 72

Ана подошла к кромке бассейна: широкие, пологие ступени спускались все ниже и ниже в темные воды реки. Она смотрела, как Изабель передает Мэри одного из младенцев; как Мэри медленно, шаг за шагом, спускается по ступеням, оказавшись по грудь в воде, а потом тихо опускает ребенка в воду.

К удивлению Аны, тот не плакал и не бился у Мэри в руках; напротив, он казался очень спокойным. Мэри покачала его, шепча что-то на ухо; камень у нее во лбу сиял мягким зеленым светом. Дитя улыбнулось. Мэри поцеловала его в лоб и отпустила. Ребенок медленно погружался в воду, и на личике у него не было ни страха, ни тревоги – он будто просто засыпал.

Сестры работали молча, предавая детей по одному вниз по ступеням, где их принимала Мэри. С каждым она повторяла все тот же ритуал, не торопясь, каждого ребенка укачивала и целовала, будто он был ее собственным, а потом отпускала в реку.

Смотреть на это было почти невыносимо. *«Но что еще можно для них сделать?»* – думала Ана, пытаясь представить себе, каково бы им пришлось – одиноким, покинутым, ничего не понимающим. *Вечное одиночество.* Ее пробрала дрожь. *«Это милосердие»*, – сказала она себе. Лица детей сияли покоем, будто река была для них объятиями родителей, именно тем, чего эти невинные души желали больше всего на свете. Ана шагнула в воду. Она все еще держала на руках девочку, прижимая ее к груди, будто не собиралась отпускать, никогда. *«Я мертва*, – напомнила она самой себе, и сделала еще шаг, потом еще, и еще. Вода была теплой, такой приятной. – *Мы все мертвы»*. Вода уже доходила ей до пояса; Ана неотрывно глядела в реку. А река никого не судила, она всем была одинаково рада. С того пожара ей не хотелось ничего, кроме этого – чтобы все кончилось, по-настоящему, навсегда. И все же здесь, на самом краю, она колебалась. *Почему?*

Кто-то подошел, встал рядом. Это была Мэри; казалась, она читает ее мысли.

– Обратно хода нет. Никакого второго шанса, чтобы все исправить.

«Исправить?» – подумала Ана. – *Мой сын мертв... из-за меня. Как это вообще можно исправить?»*

Малышка у нее на руках потянулась к воде, заплескала ручками. Ана знала, что время пришло, и для ребенка, и для нее самой. Борясь со

слезами, она протянула девочку Мэри.

Та покачала головой:

– Это тебе она доверяет. Тебе и отдавать ее Лете.

Ана посмотрела ребенку в глаза, кивнула. Сделала еще шаг вперед, окунувшись по грудь; вода окутывала ее, будто теплое одеяло в детстве. Девочка издала тихий, воркующий звук. Ана колебалась. *Здесь для нее ничего нет, ничего. Ни для нее, ни для меня. Пора, моя малышка... Пора нам уйти.*

Она отпустила ребенка, и вода подхватила девочку. Малышка, схватившись за ее руку, заглянула Ане в глаза; ее личико было исполнено спокойствия. Она улыбнулась Ане, и эта тихая улыбка сказала больше, чем все слова на свете. А потом она просто отпустила Анин палец и уплыла прочь, мало-помалу исчезая под мягкими волнами, все с той же улыбкой на губах.

Ана вдруг поймала себя на том, что улыбается, и это ее смутило. Какое право она имела улыбаться, какое вообще имела право чему-то радоваться? Но она радовалась, и знала почему: несмотря на все усилия ее рассудка исказить то, что произошло, наказать ее, – ее сердце знало, что она сделала. Она спасла ребенка от невыразимых страданий, может быть, даже от вечности, наполненной пытками.

Ана закрыла глаза, готовясь к последнему шагу.

– Сначала прости себя, – сказала Мэри.

– Нет, – ответила Ана, – Я не могу.

– Можешь. По одному ребенку за раз.

– Что?

– Здесь остались еще невинные. Ты им нужна.

– Но их так много.

– Страданиям никогда не будет конца. Делает, что можешь. *Только то, что можешь.* Мир душе приносит знание о том, что ты помогла, кому могла.

Ана бросила взгляд назад, на берег, на пустые тележки. *Сколько еще их ждет, чтобы кто-нибудь о них позаботился?* И тут Ана подумала о своем ребенке. *«Что, если бы он попал сюда, вниз? Плакал бы, звал меня. Ждал бы меня всю оставшуюся вечность?»* – От этой мысли у нее на глаза навернулись слезы. *– Хотелось бы мне тогда, чтобы кто-нибудь отнес его к Лете? Да, конечно».* Она сделала шаг назад, потом еще один.

– Может быть, – прошептала она воде. – Может, еще несколько детей, может, десять, может сто, может тысяча... Может быть, тогда я заслужу право оставить все это позади.

И ей подумалось, что – может быть – первый шаг к этой цели она уже сделала. Потому что в первый раз с тех пор, как случился тот пожар, она не чувствовала всепоглощающей ненависти к себе.

И Мэри была здесь, она протягивала ей руки. Ана шагнула к ней, и Мэри заключила ее в объятия. Ана всхлипнула.

– Ты не одна, дитя, – сказала Мэри. – Все мы идем той же дорогой.

Глава 73

Неужели он тоже из Моранов? Гэвин смотрел на Чета из окна второго этажа. Выглядит как Моран, это точно. Так кто он тогда? Мой внук? Нет, не может быть. Ведь тогда это значит, что Ламия выжила... А эта сука точно мертва. Он окинул взглядом двор, прикидывая, как бы ему добратся до парнишки. Дети уже все были в реке, и последние две женщины шли от бассейнов обратно к храму. Одна из них, девушка с короткими волосами, подошла к Чету. Они обнялись, немного отстав от остальных, которые вслед за Алой Леди уже подходили к храму.

Гэвин бросил взгляд вниз, на первый этаж, и нашел глазами Карлоса, который как раз гасил ближайший факел, освещавший коридор. Потом он занял позицию рядом с входом в галерею. Коридор представлял собой идеальную ловушку: другого пути с острова не было, негде прятаться и некуда бежать.

Полковник встал по другую сторону входа в коридор, копьё наготове. Остальные – и люди Полковника, и Защитники Карлоса – тоже начали подтягиваться. Отдельные души стали замечать, что происходит что-то не то, и принялись обмениваться сконфуженными взглядами.

Алая Леди шла, пошатываясь, чуть не падая; вид у нее был совершенно измотанный. *«Господи, – подумал Гэвин, тоже доставая пистолеты, – мы, наверное, могли бы обойтись и одним копьём».*

Когда Велес и Леди с сестрами вошли в коридор, Гэвин потерял их из вида. Мгновение спустя эхо шагов, обогнав их, зазвучало под куполом храма, все громче и громче, а потом огромная тень Алой Леди упала на три широкие ступени, ведущие в храм. Велес, который шел впереди, поднялся по ступеням. Он говорил что-то, обернувшись через плечо, и поэтому не заметил Карлоса, который стоял совсем рядом, с мерзкой улыбкой нацелив на него дьявольское оружие.

– Бу-у-у, – сказал Карлос, давая Велесу достаточно времени, чтобы тот увидел его и понял, что сейчас будет, а потом нажал на курок. Последовала вспышка – это кремь ударил по кресалу, а потом – оглушительный взрыв. Отдача швырнула Карлоса на пол, а заряд ударил в Алую Леди, в Велеса, в сестер – во всех, кто был в коридоре, и они, крича, попадали на пол грудой изодранной плоти.

Глава 74

От храма донесся грохот выстрела, эхом прокатившийся по реке. За ним последовал мушкетный огонь, крики и стоны. Дым. Чет с Аной инстинктивно пригнулись.

«*Это происходит опять,* – подумал в ужасе Чет. – *Как это может быть?*» Выстрелы явно доносились из храма. Он огляделся вокруг в поисках пути к отступлению, но они были на острове. Он двинулся было к краю воды, думая добраться до берега вплавь, но, взглянув на черные воды, остановился: до него вдруг дошло, что река может забрать их, если они попробуют ее переплыть. Их шанс, – решил Чет, – попробовать обогнуть храм по валунам и обломкам скал, выступающим из воды вокруг фундамента.

– Пошли! – крикнул он, вздергивая Ану на ноги. Они бросились к скалам.

Опять выстрелы, на этот раз одиночные. Из-под арки, ведущей в галерею, повалил дым, и из коридора, пошатываясь, выбежали сестры – всего человек двадцать. Чет увидел среди них Мэри; она была ранена в ногу и ее с двух сторон поддерживали сестры.

Сверху прозвучали выстрелы; стреляли из окон. Окровавленные куски плоти, оторванные руки и ноги сыпались на землю и в бассейны. Те, кто уцелел, бросились врассыпную, ища укрытия. Женщины, поддерживавшие Мэри, рухнули на землю, подкошенные пулями. Лишившись опоры, Мэри упала на одно колено.

– Твою мать! – вскрикнул Чет и бросился назад. Он подхватил Мэри и оттащил ее обратно к камням. Вокруг них взрывались осколками камни.

– Нам нельзя здесь оставаться! – прокричала Ана.

Чет заметил несколько балконов, лепившихся к низкой стене, которая огибала башни в тыльной части храма. Похоже, там налетчиков не было. Чет обхватил Мэри рукой.

– Нам нужно добраться до этой стены. Сможешь?

Нога Мэри была разворочена ниже колена, и по лицу сестры видно было, насколько ей больно. Но она кивнула. Ана взяла Мэри под другую руку, и они поставили ее на ноги.

– Раз, – сказал Чет, – два, *три!* – И они втроем бросились к стене, а вокруг них взрывали землю пули. Пригнувшись, они покатались по земле и нырнули за ряд крупных плоских камней, тянувшийся вдоль стены. Пройдя

немного, они оказались прямо под балконом. Чет взобрался на камень и протянул руку Мэри.

– Берегись! – вскрикнула она.

Над самым ухом Чета прогремел выстрел.

Вскрикнув, Ана упала на землю.

На балконе, перезаряжая мушкет, стоял человек.

– Ублюдок! – заорал Чет. Его захлестнула ярость. Ухватившись за нижнюю перекладину ограды, он подтянулся и вскарабкался на балкон как раз в тот момент, как человек закончил перезаряжать. Его противник взмахнул прикладом, но Чет уже врезался в него, и они повалились назад, в темное помещение, из которого выходил балкон. Мушкет выстрелил, и пуля просвистела у самой головы Чета, он чуть не оглох.

Дважды сильно ударив человека в лицо, Чет вырвал мушкет у него из рук. Размахнувшись, он со всей силы обрушил приклад на голову противника, раз, другой, третий, размозжив ему череп. В темной, душной комнате стояла столбом пыль; пахло дымом. Чет закашлялся; в ушах у него звенело. В комнате кроме него был кто-то еще – Чет это чувствовал. Он повернулся, зная, кто это, еще до того, как увидел в дверях высокую фигуру.

Гэвин стоял и смотрел прямо на него, целясь в Чета из двух пистолетов.

Их глаза встретились.

– Ты кто? – спросил Гэвин. Лицо у него было холодным, как камень.

– Я твой внук.

У Гэвина на лице не дрогнул ни один мускул, будто он ожидал именно такого ответа. Он кивнул.

– Как звали твою мать?

– Синтия.

И в этот момент каменное лицо Гэвина дало трещину. В его глазах Чет увидел глубокую, отчаянную боль.

Выстрел. Из-за спины у Гэвина. Гэвину разворотило плечо; по инерции он шагнул вперед и ввалился внутрь комнаты. Тот, кто в него стрелял, один из Защитников, вбежал в комнату с обнаженным мечом, чтобы закончить дело. Гэвин поднял здоровую руку и выстрелил, один раз, снеся Защитнику макушку. Тот успел шагнуть еще раз, врезался в Гэвина, и оба упали на пол.

Гэвин столкнул с себя тело, но прежде, чем он успел даже попытаться встать, Чет прыгнул на него с ангельским ножом в руке. Удар вышел очень удачным: лезвие вошло Гэвину прямо под подбородок, и его голова слетела

с плеч и откатилась, ударившись о стену, а тело сразу обмякло.

Визг, крики снаружи.

«Ана!» – подумал Чет и бросился обратно на балкон.

Их не было.

– Ана! – заорал он. – АНА!

Крики, лязг оружия: внизу несколько сестер каким-то образом умудрялись оказывать сопротивление. Чет осмотрел скалы. Ана и Мэри исчезли без следа, будто растворились.

– АНА! – крикнул он еще раз, и собирался уже спуститься с балкона, но остановился. – Ключ. Надо достать гребаный ключ.

Чет бросился обратно в комнату, к телу своего деда, и принялся обыскивать его карманы.

Из зала опять донесся шум; несколько душ пробежали мимо с испуганными, ничего не понимающими лицами.

– Ты бы лучше поторопился, – сказал кто-то позади Чета. Он рывком развернулся, выставив нож. Никого.

– Они будут здесь в любую секунду, и тогда ты попал. – Это была голова Гэвина. С ним разговаривала голова его деда.

Чет проигнорировал его, продолжив рыться в карманах.

– Его здесь нет, – сказала голова.

– Заткнись, – бросил Чет, продолжая поиски, обыскивая по очереди все карманы, которые находил: пальто, жилет, брюки. Ничего. Он расстегнул котомку Гэвина, вывалив содержимое на пол: целая куча монет, пули, даже несколько звезд божьей крови. Но Чет едва все это заметил; ему нужна была одна-единственная вещь.

Крики, мужские голоса эхом донеслись из храма.

– Где ключ? – рявкнул Чет.

Гэвин только ухмыльнулся в ответ.

Чет прыгнул к нему, наставил острие ножа ему в глаз.

– Где он?

Гэвин даже не моргнул.

– Я сказал, где он? Где ключ?

– А я думал, ты мне заткнуться велел?

Чет отрезал Гэвину ухо.

Гэвин слегка поморщился.

– Ты думаешь, я настолько глуп, чтобы таскать его при себе?

– У тебя остался последний шанс, или я всажу это тебе в череп! – зарычал Чет.

И тут Гэвин рассмеялся. По-настоящему рассмеялся.

– Сделаешь это – и никогда не найдешь ключ. Это я тебе гарантирую.

– Где он? – Еще раз спросил Чет, ненавидя себя за прозвучавшее в голосе отчаяние.

– Говорю тебе, здесь его нет. Но, если вытащишь нас отсюда, то, конечно, я тебя к нему приведу.

Он водит тебя за нос. Чет знал это. Но также он знал, что деваться ему некуда.

– У тебя нет времени, – сказал Гэвин таким ровным, таким спокойным голосом, что Чет захотелось пнуть его в лицо.

Доносившиеся снизу крики становились все громче: они приближались.

– Ладно, – сказал Чет. – Черт, ладно.

– Хорошо. А теперь подобрал бы ты мои пистолеты, и поскорее.

Чет сунул нож обратно за пояс и подхватил с пола один из тяжелых револьверов Гэвина.

Топот сапог – похоже, к ним бежали несколько человек.

– Пригнись, – прошипел Гэвин. – Быстро, в угол. В тень. Первым делом они на трупы уставятся.

Чет скорчился в углу. Секунду спустя в комнату ворвались двое мужчин – один с мечом, второй с мушкетом – и, действительно, их глаза устремились на обезглавленное тело Гэвина.

Чет выстрелил; отдача чуть не вырвала пистолет у него из руки. Он не попал ни в одного, ни в другого, и еще успел удивиться, как это он промахнулся с четырех футов. А потом тот, что с мушкетом, выстрелил, и пуля, попав Чету в грудь, отбросила его к стене. Второй кинулся к нему.

Чет выстрелил опять, и на этот раз попал нападающему прямо в лицо. Человек с мушкетом, развернувшись, бросился к двери. Чет выстрелил еще раз, но промахнулся – пуля ударила в косяк. Его противник тем временем уже бежал, вопя, по коридору.

– Стреляешь ты хуже, чем пьяный в подкурке, – сказал Гэвин. – Ты уверен, что ты Моран?

– Пошел ты, – отозвался Чет. Он попытался встать, но не мог, боль в груди была невыносимая.

– Плюнь на боль, – сказал Гэвин. – Надо идти.

Стиснув зубы, Чет умудрился встать на колени.

– Возьми у меня пару монет. Не стесняйся.

Чет, стиснув одной рукой грудь, подполз туда, где валялось содержимое котомки Гэвина, взял три монеты и сунул их в рот.

– Бери обе кобуры и перевязь с патронами. Тебе придется стрелять,

чтобы выбраться отсюда.

Чет неловко возился с кобурами; боль сильно ему мешала. Поморщившись, он опять схватился за рану. Грудь будто горела огнем.

– Хватит херней страдать, шевелись.

Скривившись, преодолевая боль, Чет собрал кобуры, перевязь и второй револьвер и торопливо запихнул все в котомку.

– Ка-монеты, – сказал Гэвин. – Судя по тому, как ты стреляешь, они тебе понадобятся.

Чет сгреб монеты и все остальное, что вытряхнул раньше, обратно в котомку.

– А теперь надень мой плащ и шляпу. Скрой лицо. Давай, парень, соображай.

Чет содрал с тела пальто, натянул его, нахлобучил шляпу, сдвинув ее на самый лоб. Потом взял Гэвина за волосы, забросил котомку за плечо и вынудил себя подняться на одно колено. Со свистом втянул сквозь зубы воздух, встал и, пошатнувшись, шагнул к двери. С пистолетом одной руке, и головой деда – в другой.

Коридор вел в обе стороны, а куда именно – не было видно из-за плавающего в воздухе порохового дыма.

– Направо, – сказал Гэвин.

И только когда Чет сделал первый шаг по коридору, они услышали приближающийся топот.

– Двигай, парень.

И Чет побежал – так быстро, насколько позволяла ему боль в груди.

– Это он! – раздался крик, и в стену перед носом Чета ударила пуля.

– Стреляй, парень, – крикнул Гэвин. – Покажи им, что ты умеешь кусаться.

Чет наугад выстрелил назад, в дым. Это их не остановило, но уж точно замедлило.

Растолкав небольшую группку оторопевших душ, он бросился дальше. Еще выстрелы. Шальная пуля попала стоявшей впереди него женщине в шею, она упала, и Чет пришлось через нее перепрыгнуть.

Коридор в этом месте слегка изгибался; несколько ступеней вело вверх, а потом – длинный прямой проход. И тут, наконец, начало действовать ка – Чет почувствовал, как уходит боль.

– Фонари! – крикнул Гэвин. – Срывай их и бросай об пол!

Фонари висели на стене через каждые пятьдесят футов, еле освещая узкий коридор. Чет на ходу подхватил тот, мимо которого пробежал, и, размахнувшись, бросил за спину. Позади вспыхнул огненный шар, коридор

заволокло черным дымом от горящего масла.

Сзади слышались проклятия – и выстрелы. Чет в щеку брызнуло каменными осколками.

– По лестнице вниз, – сказал Гэвин.

Коридор впереди раздваивался: лестницы, вверх и вниз. Чет побежал вниз и оказался в длинном туннеле с сырыми, сочащимися водой стенами и лужами на полу; по туннелю гуляло звучное эхо.

Сзади прогремел еще один выстрел. Чет выстрелил в ответ, в очередной раз заставив преследователей остановиться. Он нажал на курок опять, но курок только щелкнул о пустой барабан.

– Беги, парень. Просто беги.

И Чет побежал, сшибая по дороге все фонари, которые ему попадались; туннель позади него погружался в темноту. Звуки погони медленно отдалялись. Чет добежал до лестницы, ведущей вверх – один пролет, другой, – и он оказался в просторном темном помещении, из которого в разные стороны вело четыре коридора.

– Который? – спросил он.

– Не двигайся. Почувствуй воздух.

Чет застыл, закрыл глаза, и сначала не почувствовал ничего, но потом до него долетело легкое дуновение – справа. Открыв глаза, он бросился по правому коридору, дыхание ночного свежего воздуха становилось все сильнее.

Коридор закончился железными воротами. За ними был переулок, и ночной город. Чет взялся за засов, дернул. Без результата – засов был замкнут на железный замок.

– Твою мать, – прорычал Чет, и с силой дернул замок еще раз. И еще.

– Они идут, – сказал Гэвин.

Чет тоже слышал их – близко, слишком близко. Он посмотрел по сторонам, но другого выхода на улицу не было.

– Заряжай пистолеты, парень. Тебе придется отбиваться.

– Нет, – сказал Чет. – Сделаем по-другому.

И теперь это его голос звучал уверенно и спокойно. Сунув пистолет под мышку, он достал нож Сеноя. Прижал лезвие к дужке замка и принялся пилить. Лезвие резало металл, не так легко, как плоть, но результат был тот же. Замок упал.

– Ну, – сказал Гэвин. – Приятно видеть, что ты не такой уж дурак.

Чет толкнул створку ворот и исчез в ночи.

Часть шестая
Гэвин Моран

Глава 75

Чет задыхался. Рана у него в груди поджила, но продолжала гореть и пульсировала болью. Он остановился, привалился к большому валуну и посмотрел вниз. Огни Леты остались далеко позади.

– Не стой, – сказал Гэвин. – Надо двигаться дальше.

Чет продолжал смотреть на город. Он думал об Ане, о тревоге в ее глазах, о том, что, в конце концов, она, похоже, смогла примириться с собой – хотя бы отчасти. Он говорил себе раз за разом, что ничего не может для нее сделать, по крайней мере, сейчас. Но что если это было не так?

– Я оставил кое-кого там, внизу.

– Все твои друзья мертвы, либо в реке. Вернешься – и тебя схватят. Таковы голые факты.

«Он прав, – подумал Чет. – Река – она же была прямо у них за спиной. Что еще ей оставалось делать? И ведь этого-то она и хотела. Разве нет? – Чет встал, обернулся к городу. – Может быть? А может быть и нет. Я могу сказать себе все, что угодно, но правда-то мне известна. Правда в том, что Ана мертва. Я мертв, Гэвин мертв, Мэри и все те детишки – они тоже мертвы. Но Триш и моя малышка – они живы. И если я хочу, чтобы они продолжали жить, нужно идти». Он кинул последний долгий взгляд на город внизу. Сделал глубокий вдох, стиснул зубы и пошел дальше, так быстро, как только мог в почти полной темноте. *«Господи, Ана, я надеюсь, ты обрела покой».*

– Заряди пистолеты.

– Уже зарядил.

– Оба пистолета. Там, куда мы идем, тебе понадобится каждая пуля.

Чет подумал, не потратить ли одну пулю, чтобы вышибить деду мозги. Вместо этого он достал второй револьвер и принялся перезаряжать его на ходу.

– Днем на дороге нам делать нечего – будем там, как на блюдечке.

– Я знаю, ты уже говорил.

– Придется дать кругалю, но по этому пути мало кто ходит. Много пещер, есть где укрыться. Там сможешь передохнуть.

По словам Гэвина, ключ был спрятан в одной из гробниц на окраине Стиги вместе с остальными его сокровищами, которые дед успел собрать за долгие годы. Чет на это не купился. Сеной предельно ясно дал ему понять, что доверять этому человеку не стоит. Чет был почти уверен, что ключ

спрятан где-то среди вещей Гэвина, он просто не смог его обнаружить. Но Чет намеревался так или иначе это выяснить – как только непосредственная опасность минует их.

Грохот копыт позади, в ущелье.

– Всадники, – сказал Гэвин. – По крайней мере, трое. Прячься.

Чет поспешно убрался с дороги и укрылся в тени большого камня. Спустя секунду мимо пронеслись галопом три лошади.

– Спешат, – отметил Гэвин. – Похоже, люди Карлоса.

В темноте трудно было что-либо разобрать, но Чет у показалось, что Гэвин был прав. Он встал и снова пошел вперед. Вскоре они свернули с главной дороги в узкое, каменистое ущелье.

– Мне надо передохнуть, – сказал Чет. – Недолго.

– Ладно. Как насчет вон там, наверху, под тем козырьком? Если кто попробует к нам подобраться, можно будет прыгнуть на него сверху.

Преодолев короткий подъем, Чет обнаружил пещеру. Забравшись внутрь, он рухнул без сил на покрытый песком пол. Он лежал неподвижно, с закрытыми глазами, и у него ломило каждый мускул, каждую кость. Снаружи набирал силу ветер, взметая песок. Низкий вой пронесся по ущелью, и Чет мог только надеяться, что это ветер. Его мысли незаметно обратились к Триш, и, к своему ужасу, он вдруг понял, что ему все сложнее и сложнее вспомнить ее лицо. Чем дольше он находился здесь, в Чистилище, тем чаще земная жизнь казалась ему лишь прекрасным сном.

– Чет, – сказал Гэвин, и что-то в его голосе заставило Чета открыть глаза. – Расскажи мне о Синтии, твоей матери. Как ей удалось... То есть, я думал, она умерла. Я думал, они все умерли. Что произошло?

Чет сел, зло глядя на Гэвина.

– Ты их убил. Вот что произошло. Пытался убить их всех, а теперь делаешь вид, что тебе не плевать?

Гэвин поморщился.

– Это не так. Это не то, что...

– Слушай, ты, задница. Я здесь не для того, чтобы ты мог облегчить свою совесть, или чего еще тебе там надо. Не дашь мне ключ – можешь отправляться в Ад.

Гэвин опустил глаза. Потом, спустя долгую минуту, он заговорил опять:

– Ключ. Что для тебя этот ключ?

– Мне он нужен. Нужен, чтобы спасти мою жену. И мою дочь.

– Дочь? У тебя есть дочь? – И, шепотом: – У меня есть правнучка? – Тут лицо у него застыло. – Спасти их от чего?

Чет не ответил.

– Поговори со мной, Чет. Хочешь ключ – тебе придется со мной разговаривать. Как ключ должен помочь твоей дочери?

– Ключ мне нужен, чтобы вернуться.

– Вернуться? То есть, обратно на Землю?

– Да, потому что ты облажался, – сказал Чет. – Ты оставил Ламию в живых. Короче, если ты сейчас...

– Ламия? – Гэвин явно был ошарашен. – Чет, погоди, в этом нет никакого смысла. Ламия до сих пор жива? До сих пор на Земле?

– Да, до сих пор. И у нее моя Триш.

У Гэвина был такой вид, будто весь мир только что перевернулся вверх тормашками.

– Ламия? – выплюнул он. – Будь проклят тот день, когда я впервые увидел эту ведьму. Скажи мне, Чет, почему ты думаешь, что ключ вернет тебя на Землю?

Чет зло расхохотался.

– Что, пытаешься выкрутиться? Знаешь, Сеной предупреждал меня о тебе. Сказал, что ты будешь лгать и изворачиваться.

– Сеной – это кто?

– Хватит строить из себя идиота, – рявкнул Чет. – Я знаю, что произошло. Он мне все рассказал. Рассказал, как ты украл у него ключ. Что ты продал души собственных детей.

Гэвин зажмурился так, будто хотел отгородиться от всего мира.

– Слушай, – сказал Чет. – Я тут не затем, чтобы вершить возмездие или еще из-за какой херни. Мне на тебя плевать. Я просто хочу спасти жену. Так что давай сделаем так: ты отдаешь мне ключ, а я – клянусь – я дам тебе сколько угодно ка-монет, и мы разойдемся, каждый своей дорожкой. Как тебе это?

– Сеной, – сказал Гэвин. – Ты говоришь о человеке с черной, как сажа, кожей и золотым обручем на голове? – Он смерил Чета взглядом. – Да, явно о нем. Так этот самый Сеной, он послал тебя сюда по мою душу, да? Ключ добыть?

Чет не ответил.

– Чет, Сеной... Он использует тебя.

– Да, забавно, что ты это говоришь, потому что Сеной так и сказал...

– Чет, твою мать! – заорал Гэвин. – Да плевал я, что там тебе Сеной наболтал! – Он понизил тон. – Я не ищу ни сочувствия, ни прощения, мне только нужен шанс кое-что исправить. И... и... черт, спасти мою правнучку. А теперь, если ты тоже хочешь ее спасти, тебе придется

послушать, что я скажу. Тебе придется выслушать правду. Потому что твоя жена и дочь, они умрут, и самой худшей смертью, если ты этого не сделаешь. – Гэвин поглядел Чету в глаза. Он ждал.

Помолчав секунду, Чет резко выдохнул.

– Давай, я слушаю.

– Я застрелил их. Это правда. Давай сразу с этим покончим. Я застрелил Ламию. Я застрелил обоих моих мальчиков. Что ты должен знать, так это *почему* я их застрелил.

Впервые я увидел Ламию на венгерской границе. Это еще на войне было. Наш патруль проезжал мимо лагеря беженцев, и ее как раз собирались сжечь заживо. Наши глаза встретились, и она взяла меня за душу, сразу, намертво. Я попал под ее чары. Освободил ее, конечно, угрожая застрелить всякого, кто попыбует мне помешать. Был там один старик, он умолял меня оставить ее, говорил, она ведьма, она пьет у детей кровь. Господи Всемогущий, не было потом ни дня, чтобы я не пожалел о том, что не послушал того старика.

Привез ее с собой домой, на Моран-Айленд. У нас пошли дети, двое мальчишек, потом Синтия. Нельзя сказать, чтобы я был хорошим человеком. Можно, конечно, винить во всем войну, то, что она сделала со мной, или Ламию. Но мне кажется – по большей части меня просто вечно тянуло на неприятности. Если чья душа и заслуживает вечногo проклятья, так это моя. Но когда дело касалось детей, особенно моей девочки, я поступал правильно. *Всегда*.

– А потом настала та ночь. Та проклятая ночь. – Гэвин помолчал, глядя перед собой невидящими глазами. – Я услышал ее, знаешь, еще когда из машины выходил. Ее крики. До костей меня пробрало. «Папа, папа», – раз за разом. Никогда в жизни так не бегал. Подумал, может, медведь, или собака бешеная в дом пробралась. Вот так она кричала. Вытащил пистолет, вбежал... К тому, что там увидел, я, конечно, готов не был.

Они лежали на полу, подстелив под себя красное одеяло. Ламия, голая, вся в поту, лицо и руки в крови, глаза закрыты. Вид у нее был утомленный. Рядом лежал человек, мужчина, которого я прежде не видел, кожа гладкая, будто смазанная жиром, черная, как ночь, и тонкий золотой обруч на голове. Он тоже был весь в крови – лицо, шея, грудь. А потом я увидел моих ребят, вот только они больше не были моими ребятами, кожа покрыта чешуей, вместо глаз – какие-то провалы. И они что-то прижимали к полу.

Гэвин помолчал; глаза у него были влажными.

– Это была Синтия, моя девочка. Бледная, неподвижная. Я подумал, она мертва. – Он прочистил горло и продолжил звенящим от эмоций

голосом: – Нож, вот этот самый, который сейчас у тебя, лежал рядом с ней. Видно было, где они ее порезали, вверху с внутренней стороны бедер. Еще они ее расписали, ее собственной кровью – она вся была покрыта какими-то знаками. Не знаю, сколько я там простоял. Помню только, что не мог шевельнуться, не мог даже дышать. А потом один из ребят заметил меня и издал какой-то адский вой, и, клянусь, у меня просто крышу снесло. Я выстрелил в него, выстрелил прямо в грудь, потом – в его брата, Дэйви. Ламия приподнялась, села, и тогда я выстрелил и в нее тоже, два раза. Потом тот странный человек открыл глаза, и я увидел, что это не человек. Он попытался сесть, попытался что-то сказать, но он почему-то был очень слаб, еле двигался. Две последние пули я вогнал ему в грудь, но он все смотрел на меня этими своими глазами. Моя жена с ребятами, все трое, убежали – вон из комнаты и через заднюю дверь... А я остался, стоял и смотрел на это создание. Взял с пола нож, который лежал рядом с моей несчастной Синтией, вот этот твой нож, и всадил ему прямо в сердце. Убил его. Вот только, похоже, не совсем.

Гэвин опять помолчал, нахмурившись.

– Взял винтовку, фонарь, и пошел за Ламией. После этого все стало каким-то мутным, будто меня там и не было, будто отчасти я уже был мертв. Она была сильно ранена, и я отыскал ее по кровавому следу – она была у ручья, неподалеку от форта, который я для ребят выстроил. Стояла на коленях и царапала что-то на земле красным квадратным ключом, покрытым какими-то странными символами. Я выстрелил ей в голову, а потом просто стоял и смотрел на эти странные знаки, которые она нарисовала, пока из нее вытекала кровь.

А потом я услышал их голоса, голоса моих ребят. Они были в форте. Я просто не мог вынести этого – не мог взглянуть на них хоть еще раз. Боялся, что дам слабинку. Поэтому я просто поджег форт и сжег их. Сжег заживо своих собственных сыновей. – Гэвин прикрыл глаза, будто пытаюсь избавиться от видения. – После этого... Все, чего я хотел – это чтобы боль кончилась. Сунул дуло винтовки под подбородок и нажал на курок.

Он замолчал; ветер снаружи набирал силу. Гэвин открыл глаза.

– Вот только – как тебе, думаю, уже прекрасно известно – никто не может вот так просто взять и сбежать от своих грехов. Урок, который до многих тут, внизу, доходит слишком поздно. Я очнулся, стою, смотрю на собственное мертвое тело, а пламя лижет небо над фортом моих ребят. Я услышал какой-то странный звук, который шел от того места, где лежал ключ. Я наклонился, поднял ключ и тогда тот квадрат, который Ламия нарисовала на земле, вдруг открылся, как дверь в самую черную темноту,

какую я когда-либо видел.

И тут я услышал вой со стороны болота. Луна и звезды исчезли, и я почувствовал страх, какого никогда не знал. Я был уверен, что Сатана идет забрать меня. И я заполз в ту дверь. Из одного кошмара в другой. С тех пор я только и делал, что старался забыть ту ночь... Пока не появился ты.

Вдалеке грохотал гром. Чет пристально глядел в лицо Гэвину, стараясь разглядеть, что там, за этими резкими чертами, стараясь найти ответ – правда ли то, что говорит ему этот человек.

– Ты должен это знать, – сказал Чет. – Моя мать умерла, покончила с собой.

Гэвин стиснул зубы, и в его глазах Чет увидел боль, настоящую боль. *«Что бы он ни задумал, – подумал Чет, – маму он любил. Это, по крайней мере, действительно так».*

– Демоны Ламии, – сказал Чет. – Это они свели ее с ума. Довели ее до этого.

– Чет, револьвер. Возьми его.

– Что?

– Пистолет. Тот, что в моей сумке.

Чет, нахмурившись, поглядел на котомку.

– Давай, доставай.

Чет достал, повертел пистолет в руках.

– Вставь ноготь в тот большой винт. И поворачивай.

Чет сделал, как ему было сказано, выкрутил винт. Накладка на рукоятке отошла; внутри лежал ключ, красный медный ключ.

– Я тебе не враг, Чет. Другого способа доказать это у меня не было. Я хочу... того же, что хочешь ты... спасти твою дочь и убить Ламию. Это все, чего я желаю. Подумай, прежде чем бросать меня здесь. Если есть хоть какие-то шансы спасти твою дочь, вместе у нас их будет больше.

Глава 76

Карлос въехал в лагерь; в утреннем свете Ока-Матери обгорелые ребра Велесовых фургонов отбрасывали на землю длинные тени.

– Быстро мы добрались, – отметил Полковник.

Карлос кивнул, покосившись назад, на вереницу всадников и фургонов, тянущуюся за ними – ему хотелось проверить, как там Алая Леди. Он поймал себя на том, что все время на нее смотрит, не потому, что боялся, будто она может напасть или попытаться спастись – нет, это было совершенно невозможно после того, что сделала с ней шрапнель, – просто он никак не мог поверить, что они ее заполучили.

Она лежала на спине в одном из фургонов, опутанная цепями, и вокруг головы у нее было заклепано железное ведро, полностью закрывавшее лицо. Полковник жестоко над ней потрудился, не оставив ей ни шанса: он отрезал ей крылья и лапы. Было много крови, и Карлос с тех пор ни разу не видел, чтобы она шевельнулась или хотя бы вздохнула, и порой он был практически уверен, что она уже мертва. Рядом с ней лежал Велес; несколько сестер, у которых нашли метки проклятых, тоже были в фургоне позади них. Фургоны они забрали со двора самого Хоркоса, и часть лошадей – тоже. Могли бы забрать все, что угодно – вялое сопротивление стражников Хоркоса было окончательно сломлено, когда они открыли огонь из мушкетов.

– Это не твой ли друг? – спросил Полковник. – Человек Кашаола?

Фигура в капюшоне поджидала их, стоя рядом с вороным конем.

– Гар, – воскликнул Карлос, не в силах скрыть удивление. – Черт, вот уж не думал увидеть тебя здесь. Как князь Кашаол? Все ли с ним в порядке?

Гар, казалось, сперва его не услышал. Он не отрываясь смотрел на Алую Леди, явно не веря своим глазам.

– У вас *получилось*. Именем князя Люцифера, у вас *получилось*!

– Да, получилось, – сказал Карлос. – А теперь скажи мне, князь Кашаол все еще с нами?

– Так ты знал... о нападении?

– Да, странно было бы не услышать весь этот шум, а потом мы опять нашли Велеса... Два и два сложить было нетрудно.

Гар все не мог оторвать взгляда от Алой Леди.

– Князь Кашаол все еще с нами.

– Что ж, чертовски рад это слышать, – ответил Карлос, и вдруг понял, что говорит это вполне искренне: неплохо, что у него до сих пор был союзник в Аду. Краем глаза он уловил выражение лица Полковника. Тот явно не разделял его чувств, и Карлос надеялся, что у него хватит ума не ляпнуть какую-нибудь глупость.

Гар, наконец, посмотрел на него.

– Князь Кашаол будет очень доволен. Он уже думал, что все потеряно. Мы будем ждать вас через два дня, с трофеями, у Матери Озириса. – Сказав это, он вскочил на коня и удалился.

Глава 77

Чет сидел на краю обрыва, свесив ноги, и смотрел, как Око-Мать медленно пробуждается к жизни, пронизывая низкие облака лучами цвета меди и заливая тусклым светом пейзаж. До него долетел звук – совсем тихий, почти неразличимый стон, и он подумал было, что это ветер. Но стоны стали громче, в них вплелись всхлипывания и крики. Он не сразу понял, что эти звуки доносились откуда-то сверху, а когда поднял голову, то заметил облако, каких ему раньше видеть не доводилось. Клубящееся, багровое, оно, казалось, бурлило на лету. А потом он разглядел их – зыбкие, туманные фигуры, мужские, женские, свивающиеся, развивающиеся, то теряющие, то обретающие форму, – их были сотни, тысячи, сотни тысяч, и на всех лицах была одна и та же страшная, неизмеримая скорбь. Облако, бурля, пролетело мимо, и стоны затихли вдали, но, казалось, продолжали звучать у Чета в ушах, пробирая до костей. Он вздрогнул и подумал, что это, должно быть, были потерянные души, вырвавшееся на волю ба. Может, и Ана тоже была там, наверху? Эдо? Джонни? Может, глупо было доверять Гэвину, может, совсем скоро он будет с ними, таким, как они, может, последний шанс для Триш и его дочери вот-вот будет потерян. «Куда ни кинь, всюду клин», – прошептал он, умудрившись выдавить из себя безрадостную улыбку, и пошел обратно в пещеру.

Гэвин наблюдал, как он собирает револьверы и котомку. Чет поглядел ему прямо в глаза.

– Ты отправляешься со мной, – сказал Чет. – Пока.

– Ладно, пойдет.

Чет привязал голову к лямке котомки, закинул на плечо, ползком выбрался из пещеры, встал и поглядел вниз, в ущелье.

– Куда?

– К черным камням.

Чет двинулся вперед по тропе, и стены ущелья вокруг поднимались все выше, все круче, и, наконец, он очутился в каньоне с черными, гладкими, как стекло, обсидиановыми стенами. День медленно полз вперед, а длинные ноги Чета отмеряли милю за милей.

Гэвин вел их ущельными тропами, всякий раз уверенно выбирая дорогу. Прошагав добрую часть дня, Чет обнаружил, что совершенно не представляет, где находится в этом лабиринте из скал и гигантских валунов.

– Как это у тебя получается? – спросил он.

– Что?

– Как ты помнишь, куда идти?

– Помню я не всегда. Видишь отметины, там, у края каньона?

– Да.

– Это от ветра. Сильнее всего дует там, где есть сквозной проход. Нет отметин – значит, ущелье, скорее всего, закончится слепым каньоном или тупиком. Ветер всегда дует в направлении от Ока-Матери. Око-Мать всегда стоит на одном месте, как и ее луны. Так что, если знать, куда дует ветер, и смотреть, как падают тени, потеряться довольно сложно. Понятно?

– Вроде, да.

– На дураков эта система не рассчитана, но, по крайней мере, не будешь ходить кругами. Чтобы добраться до Стиги, нам нужно идти по ветру и придерживать главного русла каньона. Для этого нужно следить, где глубже ветряные отметины.

Чет начал приглядываться к скалам и вскоре уже мог с некоторой долей уверенности предсказывать, куда они свернут в следующий раз.

– Стоп, – сказал Гэвин. – В тень.

Чет скользнул за камень.

– Что там?

– Вверх, на гребне, в направлении к Ока-Матери.

На одной из дальних вершин стоял всадник.

– Должно быть, демон, – сказал Гэвин. – Конь уж точно из Ада.

Фигура исчезла за скалой.

– Странно, демоны обычно так далеко не забираются, – сказал Гэвин. – Что-то происходит. Пошли.

Тут Чет заметил еще одного всадника, где-то в миле от первого.

– Эй, смотри...

– Знаю, – сказал Гэвин. – Не показывай, что ты их заметил.

– Их?

– Они идут за нами, вот уже с полмили или около того. Я надеялся, они оставят нас в покое, но теперь я так не думаю. Поглядывай по сторонам, ищи место, где можно будет обороняться. Где-нибудь повыше. Пещеру или карниз. Если они поймут, что выйдет себе дороже, могут решить, что лучше не связываться.

Выстрел. Камень рядом с головой Чета брызнул осколками.

– Вот дерьмо! – вскрикнул Чет, пригибаясь и пытаясь сообразить, откуда стреляли.

– Вставай! – заорал Гэвин. – Беги!

Чет встал и побежал вперед по тропе, заметил язык застывшей крошащейся лавы, ведущий к скальному карнизу, и полез вверх. Дважды он поскользнулся на осыпающихся камнях, оба раза чуть не упал, но, перевалив через небольшой бугор, заметил лестницу, взявшуюся непонятно откуда.

Опять выстрел. Сзади.

Он бросился вверх по ступеням; они привели его ко входу в небольшую пещерку. Вход был квадратным; по сторонам в обсидиане были довольно грубо высечены какие-то фигуры. Следующая пуля угодила Чету в руку чуть ниже плеча, едва не сбросив его вниз. Он мигом нырнул за грудку камней у входа, потом – в пещеру и, кривясь от боли, вжался в каменный пол.

Еще несколько выстрелов. С потолка на Чета посыпались осколки.

– Их, по крайней мере, четверо, – сказал Гэвин. – Не будешь стрелять – полезут к тебе.

Чет стиснул раненое плечо здоровой рукой. Двигать плечом он мог, но боль была невыносимой.

– Не стой! – крикнул Гэвин. – Стреляй, скорее!

– Твою мать! Ладно! – заорал Чет и выхватил револьвер. Выглянув из-за камней, он заметил внизу одного из демонов, – тот осторожно двигался вверх, – и выстрелил, дважды. Он понятия не имел, попал или нет, но демоны попритихли.

– Ладно, – сказал Гэвин. – А теперь достань две ка-монеты.

Чет отложил револьвер и потянулся за ранцем.

– Скорее, парень. Хочешь выбраться отсюда – нужно шевелиться.

Чет вытащил две монеты и сунул их в рот.

– Хорошо, а теперь попробуй прицелиться. Не торопись. Смысл в том, вообще-то, чтобы попасть.

Чет опять взял револьвер и медленно, осторожно высунул из-за камня голову, чтобы поглядеть вниз, в ущелье. Послышались выстрелы, и по камням вокруг него защелкали пули.

– Вот дерьмо! – вскрикнул Чет, ныряя обратно в укрытие.

– Дай мне ка, Чет.

– Что? Ну, уж нет.

– Их слишком много. По крайней мере, шестеро. И, может, еще кто на подходе. Хочешь унести отсюда ноги – тебе придется дать мне ка.

Снизу опять донеслись выстрелы, на этот раз – ближе.

– Лезут вверх, – сказал Гэвин. – Скоро будут выше тебя, и тогда, считай, все кончено. Хватит уже херней страдать.

Пуля зарылась в землю рядом с Четом. Перекатившись в сторону, он заметил демона на противоположной стороне ущелья, прямо напротив него. Чет выстрелил в ответ, трижды, а потом боек щелкнул по пустому гнезду. Он не знал, удалось ли ему снять демона или нет, но Гэвин был прав в одном – как только они окажутся выше него, он превратится в легкую мишень. Чет отполз в глубь пещерки, там, где тень была гуще, торопясь, достал из ранца перевязь с патронами и принялся перезаряжать пистолеты.

– Чет, это демоны. Они заберут нас с тобой в Ад, обоих. Ты хоть представляешь, что это значит?

Чет поглядел Гэвину в глаза.

– Я – твоя кровь, – сказал Гэвин.

– Черт, – простонал Чет. Он взял еще три монеты, положил Гэвину в рот и, пока тот жевал, продолжил перезаряжать пистолеты.

– Еще. Скорей.

Чет дал ему еще четыре монеты; он уже мог различить призрачные очертания тела Гэвина.

Чет пополз обратно, стараясь держаться теней, и глянул вниз, поджидая хорошего момента, чтобы выстрелить. Слышно было, как демоны медленно продвигаются вверх по осыпи.

– Чет, сюда.

Быстро оглянувшись, он увидел, что Гэвин стоит, опираясь на стену, около круглого барельефа, вырезанного в стене. Он был совершенно наг; его тело уже, казалось, обрело плотность, но было очень бледным.

– Давай сюда, – помахал ему Гэвин. Чет заметил, что местами он еще немного просвечивает. – Ключ, скорее.

– Ключ?

Гэвин положил руку на рельеф. Высотой изображение было как раз с него; по краю шли грубо высеченные руны.

– Ключ. *Быстро.*

Ключ был у Чета в кармане, на веревке, привязанной к ремню. Он вытащил его и дал Гэвину.

Гэвин прикоснулся ключом к высеченному в стене кругу, повел по краю, и руны вспыхнули.

– Что ты делаешь?

– Думаю, это дверь, – ответил Гэвин. Ключ в его руке завершил круг, раздался какой-то щелчок и треск камня. Круг отделился от стены и провалился внутрь, открывая проход.

Гэвин, пошатнувшись, отпустил стену и нырнул в лаз.

Чет подхватил котомку и последовал за ним. Они оказались в огромной рукотворной пещере. Откуда-то сверху лился свет; у стены лежала гигантская статуя какого-то одноглазого зверя, наполовину погребенная в собственных обломках. Гэвин уже пробирался к дыре, зиявшей рядом с постаментом. Чет нагнал его.

Гэвин остановился рядом с дырой.

– Нужно еще ка. Двух монет достаточно.

Чет выудил две монеты и передал их Гэвину. Только тут до него дошло, что ка сделало свое дело и в его случае: рука снова действовала. А Гэвин шагал уже вполне уверенно; его высокая, худощавая фигура обросла жилистой, мускулистой плотью.

Гэвин вытащил из дыры пару камней побольше, так, чтобы они могли туда проползти. Чет последовал за ним. Вылезли они на узкий скальный карниз, по которому можно было выбраться обратно в каньон.

– Пригнись, – прошептал Гэвин.

Чет пригнулся. Впереди, довольно далеко, по карнизу ползли трое демонов. Они явно подбирались к пещере. До Чета дошло, что они сумели обогнуть их прежнюю позицию с тыла.

Гэвин протянул руку:

– Пистолет.

Чет передал ему револьвер и одну из перевязей с патронами. Гэвин забросил перевязь на плечо.

– У них мушкеты, – тихо сказал Гэвин. – Перезаряжать приходится после каждого выстрела. Штука в том, чтобы вызвать огонь на себя, а потом атаковать, пока они перезаряжают.

Чет кивнул.

– Судя по виду, они – из низших каст, а это значит, что они живые. Их можно убить. – Гэвин, проверив все ли пули на месте, со щелчком закрыл барабан. – Ты побежишь вон к тому камню, они начнут стрелять. Как только они это сделают, я атакую. Когда мне надо будет перезарядить, постреляешь по ним, чтобы они не высывались. Все понятно?

Чет кивнул.

Гэвин улыбнулся ему – еле заметно.

– Пора повоевать.

Чет резко вдохнул сквозь стиснутые зубы, встал и побежал к камню. Трое демонов испустили вопль и принялись стрелять. Казалось, все ущелье звенит от истошного воя. *Господи, сколько же их здесь?* Чет нырнул за валун. Пули летели отовсюду, взрывая землю, щелкая по камням. Потом, как и предсказывал Гэвин, настала пауза – они перезаряжали.

Тут Гэвин встал и, обогнув скалу, не спеша направился к демонам – будто вышел прогуляться. Поднял руку, спокойно прицелился и выстрелил. Голова первого демона разлетелась на куски. Потом, точно так же, он снял второго, лихорадочно перезаряжавшего мушкет. Третий, плюнув на оружие, бросился бежать. Гэвин сбил его выстрелом в затылок.

– Охренеть, – вырвалось у Чета.

С противоположной стороны ущелья прозвучало два выстрела. Пуля ударила Гэвина в бок, сбив его на землю. Гэвин поднялся на ноги и, углядев двух демонов, выстрелил. Прятаться им было негде. Одного он достал в живот, другого – в плечо.

Еще выстрел, снизу. Пуля попала Гэвину в живот.

Оглянувшись, Чет заметил еще, по крайней мере, четырех демонов, прятавшихся за камнями и скалами.

Гэвин пошатнулся, а потом направился вниз, прямо на них. Один было высунул голову, чтобы прицелиться, но Гэвин выстрелил первым, попал демону в плечо, и тот упал навзничь, завизжал, и Гэвин выстрелил еще раз, попав на этот раз прямо в горло, так что демону чуть не оторвало голову.

Упав на одно колено, Гэвин переломил револьвер, вытряхнул стреляные гильзы и принялся заряжать в барабан свежие патроны. Его пальцы, казалось, летали над оружием.

Демоны встали было, чтобы прицелиться, но Чет начал стрелять, и им опять пришлось искать укрытие, давая Гэвину время для перезарядки. Демоны принялись стрелять по Чету.

– Спокойно, – проворчал он сквозь стиснутые зубы, стараясь брать пример с Гэвина, отодвинуть собственный страх и целиться как следует. Он попал в плечо одному из демонов, а потом что-то горячее стукнуло его в грудь, и он упал навзничь.

Застонав, Чет откатился за камень. Он прижал руку к груди. Казалось, думать о чем-либо, кроме этой боли, невозможно.

– Вставай, – прорычал он себе, полный решимости не бросать Гэвина без прикрытия. Он сел, попытался поднять оружие, но Гэвин уже стрелял: три выстрела, три упавших демона. Последний из них вскочил на ноги и бросился бежать. Гэвин выстрелил дважды; в первый раз промахнулся, во второй – попал демону в нижнюю часть спины, и тот покатился по земле.

После этого стало тихо. Выстрелов больше не было, только стоны раненых и умирающих.

Чет вынудил себя встать на четвереньки, потом попытался подняться. Господи, как этот человек мог продолжать сражаться с двумя дырами в теле? Он достал еще одну ка-монету, сунул ее в рот, поднялся на ноги и,

спотыкаясь, пошел по склону вниз.

Когда он увидел деда, тот стоял над одним из демонов. Гэвин был наг, покрыт грязью, в животе и боку зияли раны, ноги изрезаны острыми, как стекло, осколками лавы. И все же единственной его заботой явно было создание, лежавшее на земле перед ним.

– Это – истинные демоны. Только погляди на доспехи, на оружие... Все указывает на князя со статусом. Князя, приближенного к Люциферу. Такого в этих местах еще никто никогда не видел.

– Держи, – сказал Чет, протягивая Гэвину две монеты.

Гэвин взял их, одну отдал обратно.

– Надо экономить. Думаю, неприятности на этом не кончились. – Тут он заметил рану у Чета в груди. – Ты, парень, неплохо справился.

Чет помотал головой.

– Пороху пока хватает.

– Хорошо. Так держать.

Поверженные демоны были самых разных обличей и размеров. Гэвин подошел к одному, который был почти человеческой наружности, стянул с него сапоги и штаны, и надел на себя. Потом протянул Чету ключ.

– Это теперь твое.

Кивнув, Чет взял ключ.

– Как думаешь, могу я получить обратно мои пальто и шляпу?

– Что? О, да, конечно. – Чет сунул пистолет за пояс и стянул с плеч долгополое пальто. Повернувшись к Гэвину, он обнаружил, что тот наставил на него пистолет.

– Если кому не доверяешь, никогда не теряй при нем бдительности, – сказал Гэвин.

У Чета пересохло во рту.

Озорная улыбка расплзлась по лицу Гэвина.

– Я понимаю это так, что ты мне доверяешь. – Его улыбка стала теплой, настоящей. Крутанув пистолет, он развернул его рукояткой к Чету. – На-ка, поддержи, пока я пальто надену. Если, конечно, не возражаешь.

– Пошел ты, – ответил Чет, взяв револьвер. Но он тоже улыбался. Он не знал, был ли этот человек тем бездушным убийцей, каким его описал Сеной. Все, что он знал – сейчас, в этот момент, они искренне улыбались друг другу – он и его дед, – уложив вдвоем больше десятка демонов. И это было чертовски хорошее ощущение.

Глава 78

Они двигались в хорошем темпе – оба высокие, худощавые, похожие, будто братья, – и их длинные ноги пожирали милю за милей. Око-Мать было уже на ущербе, заливая янтарным блеском гладкий, как зеркало, обсидиан скал.

Гэвин замедлил шаг, бросил взгляд назад, потом вперед.

– Какое-то время с укрытиями будет плохо, так что поглядывай по сторонам.

Чет кивнул, и они пошли дальше, в узкое ущелье, зажатое между двумя скальными стенами.

– Гэвин, та дверь. Ну, в пещере. Откуда ты знал, как она открывается?

– Я и не знал. Ключ знал. Он может открыть любую дверь, любой замок. Я обнаружил, что достаточно провести им вокруг любой двери, а иногда – просто прикоснуться к замку; остальное ключ сделает сам. Но, конечно, мне это мало дало, когда я был рабом у Нергала, поскольку мне там веревку сквозь ребра пропустили, вот здесь. – Он прикоснулся к груди. – Нечего отпирать.

– Что, прямо сквозь кости?

– Да. Тогда-то я и повстречал Полковника. Он напал на лагерь, освободил нас, рабов. Ключ мне удалось сохранить, я все это время прятал его в собственном теле. Сунул его прямо внутрь руки, вот сюда – он засучил рукав и показал тонкий шрам на внутренней стороне руки, над локтем. Подумать только – все это время он был у меня, а я и понятия не имел, что он может вернуть меня обратно. Да если б и знал, не уверен, что пошел бы. Думаю, в правильных руках он может не только открывать – *делать* двери. Ламия сделала одну, когда пыталась спастись – ту, которая привела меня сюда. Но, как ты знаешь, она – вроде ведьмы, не совсем человек. Я тут подумал о том, что ты рассказал, и мне кажется, она украла ключ у этого демона, Сеноя. Думаю, это нечто вроде талисмана, который как-то помогал им направить чары.

– Сеной сказал, он ангел.

Гэвин хмыкнул.

– Велес и Ивабог, похоже, тоже так думают.

– Ангел. Демон. Какая разница? Падшие, они же все раньше были ангелы. О чем это тебе говорит?

– Сеной сказал, если я принесу ключ обратно, он сможет остановить

Ламию... Спасти Триш. Думаешь, есть в этом хоть какая-то правда?

– Чет, все, что я знаю об этом Сеное – что у него все лицо было вымазано кровью твоей матери. У него, и у Ламии тоже. Они пили из нее, из моей девочки, душу. Все они – вампиры и пожиратели душ. Просто помни об этом.

Чет примолк, задумавшись о том, как ему теперь действовать. Кому он может доверять? Он так мало знал о человеке, шагавшем рядом с ним.

– Поэтому ты за ними охотишься? За богами. Для тебя это вроде мести?

– Может, так оно и было. В самом начале. По крайней мере, думаю, мне это было нужно... Что-то, на что можно было направить всю эту ненависть, весь этот гнев. Не сразу сообразил, что это себя я так ненавижу. Ну и в последнее время, можно сказать, я над этим и работал... Над тем, чтобы покончить с собой. Сам не понимаю, почему у меня ушло на это столько времени. Может, я просто трус. Но я надеюсь, что каким-то образом я знал, я хотел продержаться. Чтобы быть здесь, когда придешь ты... Чтобы помочь тебе.

Некоторое время они шли в молчании.

– Это не то, чем кажется, – сказал Гэвин. – Как и все остальное.

Чет не был уверен, что понимает, о чем говорит Гэвин.

– Убийства. Начиналось-то все хорошо. Полковник сбился с пути, вот и все. Спутался с этим подонком, с Карлосом... И с демонами. В начале он много делал хорошего. Нападал на богов, освобождал рабов, вылавливал торговцев плотью и охотников за душами. – Гэвин рассмеялся. – Если вдуматься, это даже забавно. То есть, этот человек – он просто хочет сделать Чистилище лучшим, более цивилизованным местом для нас, для душ. Только представь: Чистилище – лучшее место для жизни. Приезжай сам, привози жену, детишек. Вечность в твоём распоряжении.

Чет только потряс головой. Все это было немного чересчур. Ему требовалось время, чтобы разобраться.

– Чет, твоя мать. Ты сказал, она умерла. Какой была ее жизнь?

– Я едва ее знал. Она умерла, когда мне было только...

Гэвин поднял руку, и Чет замолчал.

– Кто-то идет.

Они вжались в скальную стену узкого ущелья, глядя в том направлении, откуда пришли.

И тут Чет тоже это услышал. Приближающийся топот.

Секунду спустя из пыльного марева выплыли фигуры – целый пеший отряд; а за ними – всадники.

– Вот дерьмо, – сказал Гэвин. – Похоже, целый полк. Надо же, у них даже флаги имеются. Охренеть... Да это же *один из князей Ада*!

Чет разглядел высокую фигуру на лошади, скакавшую впереди отряда. Фигуру окутывал пламенный ореол. Чет почувствовал, как по хребту холодком крадется ужас. Должно быть, подумал он, это и есть тот *Горящий Человек*, которым грозили ему Дэйви и Билли. И теперь он все-таки утащит его в Ад – несмотря на все, через что ему пришлось пройти.

Гэвин хлопнул Чета по плечу:

– Надо идти.

Чет кинул в сторону демона последний затравленный взгляд и побежал вслед за Гэвином.

Глава 79

– Тебе имя нужно, малышка, – прошептала Триш ребенку, который, посапывая, сосал грудь. – Как насчет Эми? В честь бабушки.

Шторы были отдернуты, и между планками сочился солнечный свет. Несколько дней назад пришел Джером и приколотил на место оторванной планки кусок фанеры. Дверь была распахнута настежь, и Триш было слышно, как наверху скрипуче играет фонограф – какая-то старая джазовая мелодия. Рядом с ней стоял поднос, на котором остались только апельсиновые корки да виноградные косточки. Сначала она собиралась съесть совсем немного, но фрукты были такими сладкими, что, в конце концов, она съела все, гадая, какие чары позволили вырастить все это, особенно в такое время года.

Голос Ламии разносился по дому – она подпевала фонографу. Счастливый, полный жизни голос. Триш попыталась отгородиться от этого голоса, убедить себя, будто в этом мире не было никого, кроме нее и ее дочери. Она провела пальцами по мягким волосикам, и тут только заметила какую-то грязь у девочки на животе, чуть ниже пупка. Попытавшись стереть пятно, она обнаружила, что это была вовсе не грязь, а надпись – какие-то странные символы. Потом она нашла еще символы, чуть пониже первых, и принялась искать дальше. Нашла два пятнышка на внутренней стороне бедра Эми – и ахнула. Это были не пятнышки, а ранки – два крошечных прокола.

– О, Господи, Боже мой!

Триш слезла с кровати и с Эми на руках подошла к окну. Джером грузил вещи в старенький «универсал», тот, что угнали они с Четом: несколько выдавших виды чемоданов, какой-то сундук и корзины с растениями Ламии.

Триш было ясно, что Ламия собиралась забрать ребенка и уехать. Но когда именно, и куда? Собиралась ли Ламия взять с собой и ее тоже? Или просто убить? Так или иначе, Триш была уверена, что Ламия не собиралась долго держать ее при себе.

Когда они добирались сюда, Триш видела, как Чет замыкает зажигание напрямую. Она была, в общем-то, уверена, что сможет соединить нужные проводки, так, чтобы машина завелась. Нужно просто каким-то образом попасть в машину вместе с Эми. Триш повернулась и вздрогнула. В дверях, глядя на поднос с фруктами, стояла Ламия.

– Приятно видеть, что ты хорошо кушаешь, – сказала Ламия с улыбкой. – Свежие фрукты очень полезны, как для матери, так и для ребенка. – Старая женщина, казалось, светила здоровьем и энергией. Подойдя к окну, она взглянула на универсал. – Ты когда-нибудь бывала в Бразилии?

Триш не ответила.

– Я читала о тамошних джунглях... О людях, которые там живут. Думаю, там найдется местечко и для меня.

Ее взгляд упал на ребенка, и Триш увидела в ее глазах жажду, томление, – но это было отнюдь не материнское чувство. Было в этом взгляде что-то еще. Почти голод. Ламия протянула к ребенку руки, и Триш отступила.

Взгляд Ламии потемнел.

– Я не хочу, чтобы ты ее трогала, – сказала Триш.

Ламия склонила голову набок.

– Вот эти отметины, – Триш указала на крошечные ранки. – Что ты с ней делала?

Ламия пожала плечами.

– Это где я пью.

В том, как она это сказала – будто эта самая естественная на свете вещь, – было что-то, от чего сердце Триш стиснуло холодом.

Глава 80

Наткнувшись на узкую расселину, отходившую от основного каньона, Гэвин остановился. Свернул, прошел несколько ярдов и вернулся, качая головой.

– Тупик, – он хлопнул по гладкой обсидиановой стенке, задрал голову, оглядывая отвесные черные скалы, а потом поглядел на Чета. – Вылезти мы отсюда не можем, спрятаться тоже негде. Адский князь наступает нам на пятки. Стоит ему приблизиться – и он нас почует, если этого уже не случилось. Этот каньон приведет нас к Матери Озириса... Мили, наверное, через две. Оттуда ведет много троп. Нам только нужно не дать им себя нагнать.

– Сделай дверь, – сказал Чет. – Просто сделай дверь этим ключом, и все.

– Не могу. Не знаю, как.

– Но... Как же – там, в пещере?

– Там дверь была с самого начала.

Они побежали дальше по каньону. Мили через две Гэвин остановился.

– Почти на месте, – сказал он. Но по его лицу было видно – что-то не так.

– Что теперь? – спросил Чет.

– Слышишь? Кажется, впереди кто-то есть. Души или, может, еще демоны.

– Еще и впереди. Просто здорово.

Там, куда они направлялись, уже был виден конец каньона, место, где расступались скалы. Чет глянул назад: демонов не было видно. Впрочем, он знал, что они должны быть совсем недалеко.

Они вновь двинулись вперед и, пройдя очередной поворот, осторожно выглянули из-за огромного обсидианового осколка.

Чет увидел гигантскую железную статую и вдруг понял, что именно здесь он впервые увидел демонов. А потом он заметил солдат.

– Это *они*. Твои друзья.

Среди руин тут и там виднелись фургоны, мелькали лошади и люди – люди в зеленых куртках и алых шарфах. Две сотни мародеров, не меньше.

– Они мне не друзья, – сказал Гэвин. – Эти люди вон там, те, в зеленом, хотят моей смерти. Так что послушай меня хорошенько еще раз, Чет, и постарайся понять. Они мне *не* друзья. Придется попробовать

пробраться мимо них незамеченными.

«И как же мы это сделаем?» – подумал Чет. Устье каньона открывалось прямо в развалины; с обеих сторон – отвесные скалы, и больше ничего. Стоит им выйти из-за поворота, и они окажутся на виду, как на блюдечке. Дальше, за развалинами, были горы, россыпи валунов, группками торчали стоячие камни – тысячи мест, где они могли бы спрятаться. Но с тем же успехом все это могло быть на луне, потому что другого пути, кроме как через лагерь «зеленых», просто не было.

Позади из скального коридора эхо донесло топот копыт. «Выхода нет», – подумал Чет. Гэвин явно разделял его мысли – его лицо вдруг стало непроницаемым, угрюмым.

– Есть идея, – сказал он вдруг, и потянул Чета обратно за поворот. – Дай-ка мне твой нож.

– Мой нож? Что?

– Скорее. У нас мало времени.

Чет вытащил нож и отдал Гэвину. Тот указал на кучу щебня позади Чета.

– Можем попробовать вон с тем кирпичом.

Чет оглянулся, но никакого кирпича не увидел. Зато почувствовал, что его кобура вдруг опустела. Он резко развернулся, и Гэвин всадил локоть ему в грудь, сбив с ног. Навалился сверху, вдавливая Чета лицом в землю. Прижал к шее нож.

– Не хочу отрезать тебе голову. Но будешь дергаться – будь уверен, именно это я и сделаю.

– Гэвин, что... Почему? – Но Чет уже и сам знал, почему. Догадаться было не сложно. Просто все это время его водили за нос. Сеной был прав. – Ах ты ублюдок! Ублюдок гребаный!

– Ага. Именно он, – сказал Гэвин. Вытащив из котомки веревку, он связал Чета, прикрутив руки к бокам. Покончив с этим, он отрезал у Чета рукав и использовал его в качестве кляпа. Потом – мгновенная жгучая боль. Чет, несмотря на кляп, закричал: Гэвин отрубил ему кисти рук. Он дернулся, попытался вырваться, но Гэвин держал его крепко. Он снял с него перевязь с кобурой, а потом забрал ключ.

Выпрямившись, Гэвин забросил котомку на плечо, а потом вздернул Чета на ноги и потащил его в сторону лагеря, то и дело отвешивая пинки, чтобы Чет двигался.

– Ты уж прости насчет этого. Правда. Я на твоей стороне. Просто в Ад я отправиться не могу. Ни ради тебя, ни ради кого другого.

В их сторону поворачивались головы, одна за другой. Все глазели на

высокого мужчину в долгополом пальто и парня, которого он тащил за собой.

Чет заметил Карлоса. Тот, сдвинув брови, смотрел на них темными глазами. Он подозвал еще четверых мужчин с мушкетами, и они стояли, наблюдая за приближающимся Гэвином.

– Ближе не надо, – сказал Карлос. – Не хочешь сообщить мне, где ты был?

– Нет, не хочу.

Карлос напрягся.

– Это не шутка. У тебя есть две секунды...

– Гэвин! – закричал кто-то. Это был человек в офицерском конфедератском мундире.

Гэвин ударил его под коленки, и Чет упал.

– Я тут кое-что тебе привез, Полковник.

Полковник подошел к Гэвину и хлопнул его по плечу.

– Чертовски рад тебя видеть. Думал, в этот раз мы тебя потеряли. – Его взгляд упал на Чета. – Ну, ничего себе. Это же он, правда? – Он повернулся к Карлосу. – Он?

Карлос кивнул.

– Ну, и как тебе это? – Полковник рассмеялся. – Говорил я тебе, вы с Гэвином поладите. Ну, как бы ты еще поймал этого сукиного сына?

– Заметил его, когда он пытался скрыться под шумок, – сказал Гэвин. – Еще там, в храме. Карлос прав, он не то, чем кажется. Колдун или там шаман какой-нибудь, не уверен. Знаю только, что он скользкий, как угорь. Выследил его уже в каньонах. Он явно знает пару фокусов, и попытался проверить их со мной. Честно, думал уже, что не справлюсь.

Полковник настороженно поглядел на Чета.

– Но больше никаких неприятностей я от него не видел, – сказал Гэвин. – С тех пор, как отрезал ему руки.

Карлос явно не верил ни единому слову, но Полковник только кивнул.

– С этими колдунами иначе никак. Почему бы тебе не отвести его к остальным. Мы их держим связанными там, в фургонах этого цирка.

Гэвин, кивнув, вздернул Чета на ноги.

– погоди, – сказал Карлос. – У этого парнишки был при себе нож. Необычный такой нож, может даже, адский клинок. Ты, случайно, его не нашел?

Гэвин, не обращая на него никакого внимания, пинками погнал Чета к фургонам.

Карлос заступил ему дорогу.

– Эй, я тебе задал вопрос.

Гэвин испустил терпеливый вздох.

– Нож я не нашел.

– А что, если я загляну вот в эту твою сумку?

– Как хорошо, что я тебя знаю. А то бы уж подумал, что ты бросаешь мне вызов.

– Думай что хочешь, но сумку твою я осмотрю.

Рука Гэвина упала на рукоять револьвера; еле заметная, угрожающая улыбка тронула уголки его губ.

– Эй, ну-ка! – воскликнул Полковник. – Ну-ка, тихо! Придержите коней, вы оба. Да что с вами такое? Неужели нельзя хоть раз без этих ваших разборок?

– Эй, босс, – сказал один из солдат. – Похоже, у нас появилась компания.

Карлос, Полковник и все остальные посмотрели в сторону каньона: из-за поворота показались первые ряды армии демонов.

Глава 81

Карлос во все глаза смотрел на приближающуюся орду, на флажки, на их оружие и доспехи, и пытался понять, что же он такое видит. Это демоны. Да, определенно демоны. Но это не князь Кашаол. Просто не может быть он. Кто бы это ни был, Карлос поразился его наглости – целое подразделение демонов, среди бела дня, здесь, в приречных землях.

– Что они здесь делают? – спросил Полковник, даже не пытаясь скрыть раздражение. – Карлос, я думал, что достаточно ясно дал понять – я хочу встретиться с Кашаолом в каньоне, не на глазах у людей. Черт возьми, последнее, что мне нужно – это чтобы мои люди видели, как я веду переговоры с...

– Это не князь Кашаол, Полковник.

– Что? Что ты сказал?

– Я сказал, что не знаю, кто это.

Полковник, сощурившись, взгляделся в приближающийся отряд.

– А, черт, что же тут происходит?

Карлос и сам хотел бы это знать. Единственное, что было ясно и так – тактическое преимущество было не на их стороне. Это явно были истинные демоны, может быть, даже элитное подразделение. Прекрасные доспехи, и вооружение под стать – среди мечей и копий он разглядел мушкеты, и немало.

Полковник резко развернулся и принялся выкрикивать приказы. Его люди, подхватывая оружие, начали строиться вдоль края руин. В голосах звенела тревога, и Карлос чувствовал, как сгущается напряжение.

От приближающегося отряда отделился всадник и галопом поскакал к ним.

– Приветствую тебя, Карлос, – сказал он, приблизившись. Это был Гар, и на его лице блуждала загадочная ухмылка.

– Где князь Кашаол? – спросил Карлос. Улыбка Гара стала еще шире.

– Этот червяк там, где ему самое место... Поджаривается на сковородке.

Повернувшись, Гар сделал широкий жест в сторону приближающейся орды.

– Это – князь Беелбет. Он проделал весь этот путь, чтобы встретиться с тобой. Я уже сообщил ему, какой ты верный и полезный слуга. Он благоволит к тебе. А теперь пойдем, я познакомлю тебя с твоим новым

господином.

«*Слуга?* – повторил про себя Карлос. У него было чувство, будто его ударили кулаком в живот. – *Слуга?*» Он опять взглянул в сторону орды, в ее красные, голодные глаза, и по хребту у него пробежал холодок.

Глава 82

Трое Защитников Карлоса проводили Гэвина с Четом к двум большим фургонам, сдвинутым вместе торцами друг к другу. Это были фургоны-клетки, те самые, из Велесова каравана, в которых держали животных. По трем сторонам шла решетка из железных прутьев, четвертая стенка была глухая, из досок. Когда они проходили мимо первого фургона, Чет заметил в глубине неподвижное тело Алой Леди. Она лежала на боку в луже собственной крови. Все ее тело было покрыто глубокими, зияющими ранами, на месте крыльев и лап – кровавые обрубки. Ее лицо было закрыто импровизированной маской, сделанной из стального ведра, обмотанного проволокой и цепями. Никаких признаков жизни.

Они остановились у соседнего фургона.

– Открывай, Билл, – сказал Защитник, обращаясь к одному из двух солдат, которые стояли на страже. – У нас тут еще один.

Билл, казалось, их даже не заметил. С отвисшей челюстью он наблюдал за приближающейся ордой демонов.

– Эй, – сказал Защитник, пихая Билла в бок. – Открывай чертову дверь.

– Что происходит? – спросил тот. – Что тут делают все эти демоны?

– Да хрен их разберет. А теперь открывай дверь. Мне нужно обратно, и быстро.

Билл выудил из кармана связку ключей и открыл дверь, не сводя с демонов глаз.

– Не нравится мне это, – сказал он. – То есть ни чуточки.

– Н-да, я тоже от этого не в восторге, – сказал Защитник и сделал движение, чтобы затолкать Чета в клетку.

– Нет, – сказал Гэвин. – С этим я сам управлюсь.

– Да, пожалуйста, – ответил Защитник.

Гэвин втолкнул Чета вверх по ступенькам и втолкнул в фургон.

Велес лежал в торце, привязанный к прутьям решетки. Он был весь изранен; руки обрублены. Рот был замотан какой-от окровавленной тряпкой, а единственный оставшийся глаз со злостью глядел на Гэвина. Рядом с Велесом лежала Ивабог; ее руки, все шесть, тоже были отрезаны. Она бросила на Чета взгляд, и ее лицо омрачилось еще сильнее. Мэри сидела рядом с Ивабог, связанная и с кляпом во рту. У нее явно была сломана нога, но, по крайней мере, они не отрезали ей руки и никак больше

не покалечили. Чет не знал, рад он ее видеть или нет. Она, конечно, выжила, – но ради чего? Ее дух явно был сломлен – да и остальных тоже. Все они должны были вскоре оказаться в Аду, и они это знали.

Гэвин толкнул Чета на пол между Мэри и Ивабог, и покосился через плечо на стражников. Их внимание по-прежнему было целиком посвящено приближающейся орде. Быстрым движением Гэвин вырвал у Мэри кляп, сунул ей в рот несколько ка-монет, и вставил кляп обратно. Потом он проделал то же самое с Четом. Незаметно вытащив нож, он перерезал на них обоих веревки, а потом вложил что-то Мэри в руки.

– Божья кровь, – прошептал он им. – Сами знаете, что делать.

Гэвин сунул Чету за пояс один из револьверов, положил рядом нож.

– Чет, как начнется фейерверк, найди меня. У меня будут две лошади. Помни, важно только одно – выбраться отсюда и спасти твою дочь. Понял?

Чет был настолько ошеломлен, что не мог даже кивнуть. К тому времени, как он, наконец, собрался это сделать, Гэвин уже успел выйти из фургона, закрыть дверь и запереть ее за собой.

Защитников поблизости не было видно; остались только все те же двое стражников.

– Я все запер, – сказал Гэвин.

Билл оторвался от созерцания орды ровно на столько, чтобы убедиться, что дверь, в самом деле, была закрыта и заперта.

– Я бы на вашем месте поискал укрытие получше, – сказал Гэвин.

– Что? Это еще зачем?

– Затем, что тут, как я слышал, намечается заварушка. И мне кажется, что это плохая идея – стоять здесь на самом виду, когда все начнется. Видали, какие у ребят мушкетеры?

Стражники обменялись встревоженными взглядами.

– К чертям, – продолжал Гэвин. – Не знаю, как вы двое, но я лично не подписывался ни на какие сражения с демонами. По крайней мере, не с целой армией. Вообще-то, я подумываю отсюда валить. С концами.

– Ты что, хочешь уйти?

Гэвин, пожав плечами, удалился.

– Что ж нам делать-то? – спросил Билл у второго стражника.

– Я на подобную хрень тоже не подписывался.

– Мы же не можем просто взять и свалить.

Его товарищ явно думал иначе. Вместо ответа просто пошел прочь и вскоре уже исчез среди руин. Билл поторопился последовать его примеру.

Как только они ушли, Мэри сунула одну из серебряных звезд в рот Ивабог, а потом подползла к Велесу и принялась освобождать его от цепей

и веревок.

Эффект божьей крови сказался незамедлительно. На концах призрачных рук расцвели прозрачные ладони и, мерцая, обрели плоть. У Чета тоже отросли руки. Он сразу же схватился за нож, но пальцы все еще плохо слушались, и он обронил клинок. Попытался еще раз, медленнее, и на этот раз получилось. Он быстро подполз к Мэри, которая как раз сражалась с цепью, стянувшей Велесу рот. Чет прижал лезвие к цепи и принялся осторожно пилить. Нож рассек металл, и цепь распалась.

Мэри скомкала звезду и сунула Велесу в изувеченный рот, протолкнув ее прямо в горло, чтобы тот смог ее проглотить.

Глаза Велеса вспыхнули жизнью.

Чет снова чувствовал свои руки. Он подошел к двери и в считанные секунды срезал замок. Спрыгнул на землю, шагнул к соседнему фургону, где была Алая Леди, и взялся за замок на двери.

– Ты что делаешь? – крикнул кто-то.

Чет повернулся и увидел Защитника, который приближался, целясь ему в голову из мушкета.

Глава 83

Полковник с Карлосом, предводительствуемые Гаром, шли навстречу демонам.

– Ты только погляди на этих ублюдков, – ворчал Полковник. – Да их тут целая туча. Хозяйничают, будто у себя дома. – Он был в ярости: это ясно было видно по его словам, по лицу. Карлос знал, что вывести Полковника из себя очень нелегко, но, когда такое случалось, он редко поддавался на уговоры, и это крайне беспокоило Карлоса. – Я думал, они сюда приходить не могут, – продолжал Полковник. – Только не так, не целой армией.

– Они и не могут. Это запрещено.

– Что ж, похоже, этой швали забыли сообщить.

– Послушайте, Полковник, – сказал Карлос. – Мы пока не знаем, что происходит. Вам придется держать себя в руках. Вы слышите? Это не время и не место для противостояния.

– Их здесь быть не должно. Вот и все, что я знаю.

– Но они здесь. И, на тот случай, если ты не заметил, они превосходят нас и числом, и оружием.

Полковник сплюнул.

– Сукины дети. Хотелось бы мне знать, как такое могло получиться.

– Просто позвольте мне взять разговор на себя. Пообещайте мне, что сделаете это.

Полковник не отвечал. Он продолжал угрюмо шагать вперед.

Гар подъехал к строю демонов и замер. Передние шеренги расступились, и вперед выехала фигура на огромном боевом скакуне, в сопровождении шести стражей. Стражи все были гигантские, звероподобные создания, каждый – ростом со скакуна своего хозяина. Казалось, им ничего не стоило растерзать любую душу голыми руками. Они злобно уставились на Карлоса и Полковника; с их рыл капало пламя, и у них под ногами шипел песок.

Карлос ждал, что их господин спешится, но он остался в седле, разглядывая подошедших со спины своего скакуна. В отличие от князя Кашаола, его фигура была высокой и стройной, а на бесполом, очень бледном лице с высокими скулами выделялись розовые глаза и губы. Его голову венчал треугольный венец, по сторонам которого изгибались два огромных рога. Но самым странным было то, что голова и кисти рук этого

странного создания никак не соединялись с телом: они плавали в воздухе на своих местах, будто удерживаемые невидимыми цепями. Князь Ада был в боевых доспехах: зазубренные металлические пластины поверх кольчуги, которая выглядела скорее как чешуя какой-то гигантской ящерицы; пластины, в свою очередь, напоминали скорее нечто, выросшее само по себе, чем произведение чьих-то рук.

– Светлейший князь, – сказал Гар. – Это – те души, о которых я вам говорил. – Он по очереди указал на обоих мужчин. – Карлос. А вот это – Полковник... Он командир отряда.

Князь Беелбет молча смотрел на них, будто чего-то ожидая.

– Прошу простить их манеры, мой князь, – Гар обернулся к ним. – Когда вас представляют Его светлости, принято кланяться.

Карлоса посетило нехорошее чувство; это была растущая уверенность в том, что существо, восседавшее перед ним на коне, явилось сюда не для того, чтобы искать союзников. Оно пришло, чтобы заявить свои права. Карлос слегка поклонился; Полковник – нет.

Демоны продолжали двигаться, оцепляя руины. Карлос вдруг заметил, что вначале он неверно прикинул их численность. Их было больше, гораздо больше.

– Что все это значит? – спросил Полковник.

– Нельзя обращаться к Их светлости, пока они сами с вами не заговорят, – прошипел Гар.

Князь Беелбет поднял руку.

– Сегодня мы не будем обременять себя формальностями, Гар. – Голос у него был гулкий и глубокий, но хриплый, будто надтреснутый рог. – Я здесь для того, чтобы приветствовать эти души у себя на службе. – Тут он еле заметно улыбнулся. – Я чую ваш страх, джентльмены, но, уверяю вас, он не имеет под собой оснований. Ничего не изменилось... Просто теперь вы служите мне, а не этому предателю Кашаолу.

– Служим? – переспросил Полковник. – Мы никому не *служим*. Мы – свободные люди. Ради этого все и затевалось.

Улыбка демона потускнела.

– Эти земли теперь – мои. – В его тоне звучала абсолютная уверенность. Огненный ореол над его головой вспыхнул, рассыпая искры. – Всякий, кто желает остаться... служит мне.

– Что? – воскликнул Полковник и потряс головой. – Нет уж, этого не будет.

Глаза князя вспыхнули – по-настоящему вспыхнули; Карлоса окатило волной жара, и он, вцепившись в Полковника, оттащил его в сторону.

– *Прекратите это!* – прошипел он. – Он сейчас нас обоих испепелит. Хватит!

Полковник гневно взглянул на Карлоса, потом – на князя-демона, а затем, повернувшись, пошел обратно к руинам.

«*Вот дерьмо*», – подумал Карлос, отчаянно жалея, что у него нет времени как следует прикинуть все варианты.

– Прошу прощения за его... внезапную вспышку, но... я надеюсь, вы поймете: все это несколько внезапно. То есть... С князем Кашаолом все было немного по-другому. Предполагалось, что...

– Доставь ее сюда.

– Что?

– Алую Леди. Я посмотрю на нее. Доставь ее сюда... К моим ногам.

Карлос кивнул. Это займет какое-то время, и даст ему шанс сбежать, если потребуется.

– О... Да, конечно... Я распоряжусь, чтобы ее доставили сюда. – Демоны все смотрели на него своими пылающими глазами. – Прошу меня простить. – Карлос поклонился, начал пятиться, поклонился еще раз, повернулся и бросился догонять Полковника.

– Ты слышал? – спросил Полковник. – Служить ему? Да я скорее умру, чем буду пресмыкаться перед этим ублюдком. В этом можешь быть уверен.

Карлос слушал, не забывая кивать, а сам думал: «*Да, а это, может быть, и неплохой выход*». Если вспомнить, что пользы от Полковника больше никакой, он мог бы обернуть ситуацию себе на пользу. Как-нибудь подставить Полковника, выдать его демону, устроить представление. Обставить дело так, будто Полковник замышлял нападение или что еще.

Тем временем они уже дошли до руин, и на них со всех сторон посыпались вопросы. Людям хотелось знать, что происходит и какие у них планы; все они нервно поглядывали на бесконечную реку демонов, вытекающую из ущелья, охватывая их кольцом.

– Черт подери, Карлос, – выпалил Полковник. – Я так и знал, что демоны – это не к добру. Знал ведь.

– Вот как? – бросил в ответ Карлос. – Странно, что-то я не припомню, чтобы я выкручивал вам... – и тут Карлос заметил Гэвина, который вел двух лошадей прочь от выстроившегося в боевые порядки отряда. – О, да вы только поглядите на это. Ваш самый преданный солдат, кажется, собирается сделать ноги. – Вопреки всему, Карлос поймал себя на том, что возможность ткнуть Полковника носом в это обстоятельство доставляет ему глубочайшее удовлетворение. – Да он у вас, оказывается – дезертир.

Полковник резко остановился, но смотрел он совсем не на Гэвина, а на

человека, лежавшего на земле возле фургонов; его голова представляла собой дымящуюся массу. Фургон был пуст; дверь распахнута настежь.

Из-за фургона, глядя прямо на них, вышел Велес. Позади его мощных рогов ослепительно сиял золотой нимб – так, что глазам было больно. На его губах играла ужасная улыбка.

– Нет! – вскрикнул Карлос, хватаясь за револьвер. – О, нет!

Велес потерял руки, и Полковник вдруг страшно закричал: его голову охватило пламя. Карлос почувствовал, как его голова тоже нагревается, начиная дымиться. Он закричал, повернулся и бросился бежать.

Глава 84

Чет разрезал последнюю цепь и сорвал с головы Алой Леди стальное ведро. Ее полуоткрытые глаза были лишены всяких признаков жизни. Она совершенно очевидно была мертва, но, когда солдаты вокруг них начали вспыхивать один за другим, крича и воя, ее глаза еле заметно засветились.

Мэри бросилась на колени рядом с Четом. Она поднесла одну из звезд к глазам Алой Леди.

– Сехмет, это божья кровь, съешь.

Никакой реакции. Мэри вложила звезду сфинксу в рот.

Алая Леди принялась жевать.

Мэри сунула ей в рот еще одну звезду:

– Это все, что у меня есть.

Алая Леди издала звук, нечто среднее между стоном и ворчанием, и Чет ощутил порыв ветра – воздух волной прокатился прочь от ее тела. Чет отступил на шаг, но тут их с Мэри настигла вторая волна, бросив на прутья решетки. Он подхватил Мэри, и они вместе выпрыгнули из фургона.

У Леди появились призрачные очертания крыльев и лап. Они густели на глазах, и она издала низкое ворчание. Перья и шерсть прорастали, словно молодая трава, и страшные раны закрылись, исчезнув без следа.

Крики продолжались: Велес шел прямо на выстроившихся в шеренгу солдат с распростертыми руками; его пальцы танцевали в воздухе, и каждый, кто попадался ему на пути, немедленно вспыхивал ярким пламенем. Строй встретил его сбивчивым огнем из мушкетов, но пули только отскакивали от его шкуры и от окружавшего его голубоватого сияния.

Чет заметил Ивабог; она раздобыла где-то два ножа и шныряла туда-сюда между душами, подрезая их на ходу. Глаза у нее лихорадочно блестели. Она явно упивалась собственной яростью.

Строй сломался; души разбегались.

Послышался кошмарный вопль; пронзительное эхо заметалось в руинах, пробирая до костей. Звук шел из устья каньона; вдогонку ему взревели рога, раздался многоголосый вой, и земля под ногами вздрогнула: орда пустилась в атаку. Во главе неслась на огромном боевом скакуне высокая фигура в пурпурном плаще, трепещущем на ветру. Князь Ада извлек из ножен огромный меч и поднял его над головой; метил он явно в Велеса. Чет уловил золотистый отблеск на лезвии, и понял, что этот

клинок, как и его нож, был выкован в Раю.

Алая Леди перекадилась на живот и села, сгорбившись, в тесной клетке, плотно прижав крылья к бокам. Потом рывком вскочила на ноги и рывком расправила крылья. Полетели щепки, обломки досок – Чет и Мэри инстинктивно пригнулись – и верхней части фургона не стало.

Алая Леди стояла в полный рост среди обломков фургона. Она посмотрела на бегущих солдат, на руины и, наконец, на несущуюся на них орду. Передние ряды были уже у самых стен. Сфинкс встала на задние лапы, расправив огромные крылья; великолепная грива, будто пламя, трепетала на ветру. Взгляд Леди остановился на князе-демоне, и она издала рев, от которого задрожала сама земля.

Катящаяся на них масса демонов вздрогнула и остановилась, будто налетев на стену. Они падали и спотыкались, налетая друг на друга, но не сводили глаз с возвышающегося над ними сфинкса со страшными, пылающими изумрудным светом глазами.

А потом наступил миг, когда Алая Леди встретила взглядом с повелителем демонов, и все будто замерло: казалось, воздух между ними накалился настолько, что вот-вот вспыхнет.

Глава 85

Карлос, торопясь и спотыкаясь, ковылял вперед. Его целью был бывший фургон Велеса. Голова Карлоса по-прежнему дымилась; дым и боль застилали глаза. Его толкали бегущие навстречу – прочь от орды – солдаты.

Когда он добрался до фургона, там не оказалось никого – ни стражи, ни единой души. Взобравшись по ступенькам, он упал на пол Велесовой каюты. Заметил богобойное копье, но он пришел сюда не за этим. Отвернувшись от копья, он подполз к сундуку и рывком откинул крышку. Вытащив пушку, порылся в бархатной подкладке, выудил порох и заряд. После того, как закончился бой, им удалось собрать достаточно разлетевшейся шрапнели. Заряд получился не слишком большим, но Карлос был почти уверен – этого будет достаточно, чтобы убить Велеса. Он зарядил пушку и выбрался из фургона, чуть не свалившись со ступенек.

Его голова больше не горела, но, похоже, продолжала тлеть – кожа, шипя, покрывалась все новыми пузырями, пока он метался по лагерю в поисках Велеса.

– *Твою мать!* – заорал он, стараясь не поддаваться боли. Послышался какой-то рев, но откуда – он понять не мог: в ушах трещало. Он шел, переступая через тлеющие трупы, уворачиваясь от мечущихся повсюду, визжащих, воющих, охваченных пламенем фигур. Судя по всему, он был на верном пути.

Опять рев; на этот раз ему удалось определить направление. Он повернулся и увидел Алую Леди, далеко внизу, возле фургонов: она поднималась на дыбы. Прянув вперед, она понеслась к краю руин навстречу орде демонов.

Он сделал шаг в ее сторону, упал – и понял, что у него осталось слишком мало времени, и он уже никогда не догонит ее. «Нет, – подумал он, – не ее. Не она мне нужна. И не Велес. Это он мне нужен, этот маленький говнюк... Этот Чет». Теперь, когда он сидел здесь, медленно сгорая дотла, это было очевидно, ясно до боли. Прав был Гэвин: было в этом типе что-то колдовское – может, он богом был, или демоном. Кто знает? Карлосу было известно одно – где бы этот Чет ни появлялся, все немедленно шло псу под хвост. «*Это он, он все испоганил*». – Карлос заставил себя подняться на ноги и, спотыкаясь, пошел туда, где видел парня в последний раз. К звериным фургонам.

Глава 86

Алая Леди неслась через руины, подобно буре сокрушая души, которые имели несчастье попасться ей под ноги. Потом, рыкнув, она взмыла в воздух, сделав гигантский скачок – не меньше пятидесяти футов, – и метеором врезалась в передние ряды демонов.

Чет смотрел, будто замороженный, как сфинкс расправляется с демонами, разрывая их на части, топча, полосуюя когтями. Ее перья были лезвиями мечей, и стоило ей повести крылом, как они падали, сраженные, целыми десятками. Ее хвост был хлыстом, и от каждого взмаха оставалась широкая просека, а в воздух летели тела демонов и отдельные их части. Их оружие не причиняло ей ни малейшего вреда: клинки и пули отскакивали от ее перьев и шкуры.

И над всем этим хаосом внезапно разнесся голос:

– *УБЕЙТЕ ЕЕ!* – Это был всадник на высоком скакуне, князь демонов. Этот голос, вопль на грани визга, пробрал Чета до самых костей. – *УБЕЙТЕ ЕЕ!* – И демоны, подчиняясь голосу, снова бросились в атаку. Демонь-великаны тоже неуклюже двинулись вперед, держа наготове гигантские молоты и топоры. Алая Леди волчком крутанулась на месте, разворачиваясь к ним: вихрь зубов и когтей. И когда она это сделала, князь Ада, разогнав скакуна, напал на нее сзади.

– *Берегись!* – закричал Чет, хотя она была слишком далеко, чтобы его слышать. И все же каким-то образом она поняла. В последний момент она резко развернулась – увы, недостаточно быстро. Ангельский клинок врезался ей в крыло, прошел насквозь, и крыло, срезанное у самого плеча, упало на землю.

Зарывав, она взмахнула хвостом, выбив предводителя демонов из седла. Его скакун, сам по себе настоящее чудовище, прыгнул на сфинкса. Алая Леди поймала голову лошади между двух своих огромных передних лап и, повернув, ловким движением оторвала. Отпихнув в сторону дергающееся в агонии тело, она бросилась на князя и – тот как раз уже был почти на ногах – мощным толчком лапы подбросила его в воздух.

Князь Ада врезался в стену какого-то здания на краю руин. Стена рухнула, во все стороны полетели камни.

– Чет, пора! Поехали. – Это был Гэвин, он вышел из-за фургонов, ведя в поводу двух лошадей.

Алая Леди с ревом бросилась на демона. Прыгнув, она обрушилась на

него всей своей мощью и принялась рвать на куски. Руины загораживали от них это зрелище, но Чет у были видны взлетающие в воздух отдельные части князя.

Гэвин схватил Чета за плечо.

– Ну же!

Чет посмотрел на Гэвина.

– Ты – ублюдок.

Гэвина это явно застало врасплох. Потом его осенило.

– Чет, я не мог поступить иначе. Ничто другое просто бы не сработало. Вот, держи. – Он вручил Чет у один из своих револьверов. – Хочешь, можешь меня застрелить, или можем пойти спасать твою девочку.

Чет посмотрел на огромный пистолет в своей руке и подумал, всерьез подумал о том, чтобы вогнать пулю в голову этого человека. Но он этого не сделал, потому что знал: Гэвин прав. Они оба были бы уже на пути в Ад, поступи Гэвин по-другому.

– Ах, вы ж суки! – раздался отчаянный, срывающийся на визг, крик.

Чет и Гэвин повернулись и увидели какого-то человека с дымящейся, обугленной головой, который, шатаясь, шел прямо на них. Узнать его по лицу было невозможно, но тут Чет увидел большую медную пряжку в виде скорпиона.

– Карлос?

Карлос навел на них пушку.

– Вниз! – заорал Гэвин и бросился на Чета, сбив его с ног.

Раздался оглушительный выстрел. Уже в падении Чет почувствовал, как ноги и спину окатило волной неистового жара. Перекатившись, он сел и сощурился, пытаясь разглядеть хоть что-то в дыму. Карлос сидел на земле и смотрел прямо на них.

– Сдохните, вы, суки!

Пистолет до сих пор был у Чета в руках. Он навел его на Карлоса и выстрелил дважды, и оба раза попал, отстрелив Карлосу макушку.

– Видал, Гэвин? – крикнул Чет. – Вот это я называю – стрелять, как Моран!

Ответа не было.

– Гэвин?

Дед Чета лежал на спине, стиснув висок. Шрапнель ударила Гэвина в корпус и в плечо, оторвав руку и разворотив грудь. Гэвин принял на себя почти весь заряд, и тут только до Чета дошло, что он сделал это, чтобы спасти его, Чета.

– О, Господи, Гэвин. – Чет бросился к нему, протянул руку – и

отдернул, увидев, что тот был ранен еще и в голову: широкая трещина пересекала висок. Над раной вились тонкие струйки серебристого дыма.

– Нет! – вскрикнул Чет, зажимая рану обеими руками, пытаясь стянуть края дыры в черепе, пытаясь не дать ба своего деда вырваться на волю. Он бросил взгляд туда, где в нескольких шагах от него валялась котомка, подумал броситься туда, взять несколько монет, но ему страшно было отпускать рану, даже на секунду.

Гэвин стиснул ему руку.

– Чет, послушай меня. Сеною нужно одно... Кровь твоей дочери... Им обоим нужно только это. Помни. – Все новые струйки дыма просачивались у Чета между пальцами. Гэвин говорил все медленнее, еле выговаривая слова. – Не дай... Не дай ему шанс обвести себя вокруг пальца. Просто убей его... сразу. Поклянись. – Он вцепился Чету в рубашку, подтянул его ближе. – Поклянись в этом.

– Да. Я клянусь.

Гэвин кивнул.

– И когда ты это сделаешь... Когда он будет умирать, скажи ему мое имя... Пусть, черт возьми, это будет последнее, что он услышит. – Гэвин сунул руку в карман пальто, достал ключ и дал Чету. – Иди. Иди и спаси свою дочь, Чет.

Клуб дыма вырвался у Чета из-под руки и медленно поплыл вверх, туда, где десятки других освобожденных душ уже свивались в зыбкое облако на потеху ветрам.

Чет крепче стиснул ключ. Чья-то рука легла ему на плечо.

– Мне так жаль, Чет. – Это была Ивабог. – Хорошая это была душа, твой дед. – Она посмотрела на ключ.

Чет убрал ключ подальше и положил руку на грудь Гэвину.

– Да... Я тоже так считаю. Он и вправду был хорошей душой.

Глава 87

– Это он? – спросил Велес, глядя на тело Гэвина.

Ивабог кивнула.

– Он спас всех нас.

– Я знаю его, – сказал Велес. – Это он пронзил меня копьем на празднике у эдда. Он был храбрым, бесстрашным воином. Потому что только истинно храбрым дано поднять руку на бога.

– Его звали Гэвин Моран, – сказал Чет. – Он был моим дедом.

Велес посмотрел вверх, туда, где плыли над их головами облака.

– Иногда конец смерти найти не так уж просто. Быть может, его история еще не окончена.

Подошла Мэри. В руке у нее было копье, Богобойца, то самое, которое сразило Велеса. Она небрежно швырнула его на землю, туда, где уже лежала пушка и меч повелителя демонов.

– А где Сехмет? – спросил Велес.

– Ушла в каньоны, – ответила Мэри. – Она охотится за демонами, выслеживает одного за другим. Мы ее не увидим, пока последний из них не будет сражен.

Чет огляделся; среди руин повсюду лежали тела, в воздухе висел тяжелый запах горящего ка. Стояла тишина; не было больше ни криков, ни стонов. Об этом позаботился Велес, прикончив каждую душу, каждого демона из тех, кто остался, не пощадив никого, даже раненых.

– Мэри, – сказал Чет. – Ты не знаешь, что случилось с Аной? Тогда, в храме? Ты ее видела?

По лицу Мэри скользнула тень. Она медленно покачала головой.

– Точно не знаю. Последний раз, когда я ее видела, она бежала к реке. А потом меня скрутили. – Она хотела сказать что-то еще, но осеклась и только вновь покачала головой.

Чет кивнул.

Олень-великан небрежно поднял пушку.

– Это отправится на дно реки. А потом я поеду к Хель, Дуату и Гадесу, и мы соберем древних. Настала пора нам пробудиться и напомнить Нижнему миру, что такое гнев богов. – Велес швырнул пушку в фургон, подобрал с земли меч демона и поднял клинок к небесам. – Настала пора воевать.

Глава 88

Чет рылся среди останков растерзанных демонов, пока не нашел то, что ему было нужно: перевязь с патронами нужного калибра. Он набросил перевязь через плечо поверх долгополого пальто своего деда, которое теперь носил – на манер отчаянных с Дикого Запада. Потом он принялся шарить по карманам мертвых душ, пока не наскреб несколько десятков камонет. Никакого стыда он не испытывал; если Гэвин его чему и научил, так это тому, что надо всегда быть наготове. Впереди ждал долгий обратный путь, на Остров Моран, к Триш, и он намеревался сделать все, чтобы добраться.

Чет вернулся к фургонам, где была привязана его лошадь, и обнаружил там Ивабог, которая явно его поджидала.

– Я думала, ты отправляешься с Велесом? Мне хотелось бы взглянуть на ключ.

– Какой ключ?

– Чет, ты знаешь, ты можешь мне доверять.

– У меня в последнее время как-то плохо с доверием. Особенно когда речь идет о богах.

Она улыбнулась ему.

– Смотрю, ты кое-чему научился.

Чет выудил из-за ворота ключ, висевший на кожаном шнурке у него на шее. Ивабог протянула руку и медленно провела пальцем по красному металлу.

– Настоящий, – выдохнула она. – Ты хочешь попробовать вернуться. Да?

– Я должен.

Она кивнула.

– Каково бы это было – вновь увидеть луну, – рассеянно прошептала она.

– Вернемся вместе.

Она с усилием оторвала взгляд от ключа, посмотрела ему в глаза. Тень страха скользнула по ее лицу.

– Убери это, – с нажимом сказала она. – Убери, и никогда никому о нем не рассказывай.

Он сунул ключ обратно под рубашку.

Быстро оглядевшись, она тихо сказала ему:

– Спрячь получше. Это истинный ключ от двери между мирами. Боги, демоны, души – все они пойдут на что угодно, только бы заполучить его... Получить шанс вернуться в мир живых.

– А ты?

Она вздохнула.

– Поэтому-то я сюда и пришла. Чтобы вернуться с тобой... или даже забрать у тебя ключ, если бы в том возникла необходимость. – Она хитро ему улыбнулась. – Но теперь, когда ничто мне не мешает... Моя уверенность куда-то исчезла. Нет... я просто боюсь. Да, боюсь... Того, что найду там. В мире, где нет места таким, как я. – Она покачала головой. – И я боюсь их. Ангелов. Они безжалостны к нам. И люди тоже, они теперь будут видеть во мне лишь чудовище. Я не буду знать отдыха, не буду знать покоя, ни мгновения без страха. – Казалось, она думает вслух. – И все же, должна признать... соблазн велик. Может, это и стоит того – сгореть на костре, у столба, но сначала успеть побродить под деревьями, упиться сладким нектаром жизни.

– Значит, ты все еще думаешь о Лете?

Она немного помолчала.

– Нет... Нет, не думаю. – Казалось, она и сама удивилась тому, что сказала. – Это ушло, после того, как я увидела Алу Леди во всей ее славе. Клянусь Луной, она была великолепна. – Ивабог пробежала пальцами по ножам на ремне, который она носила теперь поперек груди. – Хорошее это было чувство – убивать тех, кто заслуживает смерти... Окончательной смерти. Это напомнило мне о том, что это такое – быть божеством. – В ее глазах загорелся огонек. – Я пойду с Велесом... Попробуем объединить богов. Быть может, когда-нибудь я найду себе новых мужей и начну все заново. А может – кто знает – человеческий род очнется и отвергнет Единобогов. И может, тогда на Земле вновь найдется место для таких, как я. – Она рассмеялась, но потом ее лицо вновь стало серьезным. – Но, Чет. Я должна тебя предупредить. Чистилище не так-то просто отдает своих мертвецов. То, что ты хочешь сделать... Пусть даже у тебя есть этот ключ... Это опасно. Может быть, даже невозможно.

– Я должен попытаться. Выбора нет. Только не у меня.

– Ключ... Он дает тебе выбор. Он может отпереть даже врата Элизиума. Чет, после всего, что ты видел – сможешь ли ты повернуться спиной к вечному блаженству?

– Когда я был жив, то не слишком умел держать обещания. Но перед тем, как умереть, – я дал одно, последнее. И я намерен его сдержать. Любой ценой.

– Ты не понимаешь. – Ивабог сжала его руку, и у Чета перед глазами расцвело видение: золотые поля под медовыми небесами, теплый ветерок ворошит листья деревьев, а на ветвях поют птицы. И – вдалеке – смех: женский, мужской, детский, и голоса, зовущие его, наполняя радостью сердце. Она отпустила его, и он ахнул, зажмурившись, пытаясь удержать видение.

– Элизиум? – прошептал он.

– Да, Елисейские поля. Они ждут тебя, если таков будет твой выбор.

– Как?

– Елисейские поля лежат на краю Чистилища. Их ворота закрыты для всех, кроме избранных – тех, кого древние сочтут достойными. Чет, у тебя же есть ключ.

Он прижал ключ к груди.

– Путешествие будет неблизким, – сказала Ивабог. – Но это возможно. Я укажу тебе дорогу.

Чет поглядел ей в глаза и помотал головой.

– Как ты можешь отказаться от рая?

– Потому что... это не рай. Как это может быть раем, если со мной не будет Триш, не будет нашего ребенка? Если они будут блуждать без меня где-то в Чистилище – если не хуже?

Ивабог медленно улыбнулась лукавой улыбкой.

– Ах, Чет, ты и вправду многому научился. Сколько душ, попав на Небеса, слишком поздно понимают, что и у вечного блаженства есть своя цена. Нигде в их Писаниях не найти ответа, как это возможно – вечно вкушать радость, пока твоя мать, твой отец и дети горят в Аду.

Она вздохнула.

– Река никому не позволит вернуться. Попытаешься переплыть на тот берег, паромом или на лодке – ее руки дотянутся до тебя и утащат вниз. Дно там усеяно костями тех, кто пытался – богов и смертных. Тебе надо идти по мосту.

Чет припомнил ветхое сооружение, нависшее над рекой.

– Это тот мост, что в Стиге, рядом с паромом?

Ивабог кивнула.

– Сперва была только река, а река никому не позволяла вернуться. Но потом первые боги выстроили несколько огромных мостов, и некоторое время мир мертвых и мир живых существовали бок о бок. Это был золотой век, и Нижний мир был местом, где царили магия и изобилие. Это Единобоги закрыли ворота. Закрыли наглухо. Даже ангельский клинок бессилён перед этими вратами. – Она прикоснулась к его груди. – Но...

твой ключ – он с самих Небес. Он *откроет* двери. – Ивабог немного помолчала, о чем-то задумавшись. – А что дальше... я не знаю, и предсказать не могу. Знаю только, что многие силы направлены на то, чтобы не дать душам уйти. Что, может, сама Око-Мать сожжет тебя дотла.

Чет пожал плечами.

– Как я уже говорил, выбора у меня нет.

– Иногда мы не владеем собственной судьбой.

– Мне пора, – сказал Чет, отвязывая лошадь.

– Чет, не забудь, что говорил тебе дед. Сеной и вправду – чудовище. Если у тебя будет хоть какой-то шанс, ты должен ударить сразу, быстро и решительно. Используй тот нож, что он дал тебе сам. Это оружие, выкованное для небесных войн, и оно предназначено для небожителей. Будь беспощаден. Что же до Ламии, она жила на Земле – и выживала – с начала времен. Могу только надеяться, что Судьба будет на твоей стороне. – Ивабог привстала на двух самых нижних своих руках, поцеловала пальцы и прикоснулась ими к губам Чета. – Мое благословение уже не то, что когда-то, и все же – пусть оно будет с тобой.

Чет улыбнулся ей, забрался в седло и поскакал прочь.

Часть седьмая
Лилит

Глава 89

– Да это всего лишь рука, – сказал Дирк, наслаждаясь выражением ужаса на лице стоявшего перед ним человека. Дирк попытался припомнить, сколько лет он работал на автомойке Табби – сколько лет имел дело со всеми этими типчиками, как раз с такими вот стрижками, будто они нос из задницы никак не вынут. И каждому такому типчику обязательно надо было ткнуть его носом в пятнышко, которое он якобы пропустил на их дорожке заграничной тачке. *«Что ж, смерть – великий уравнитель»*, – подумал он, в то время как типчик, упав перед ним на колени, продолжал умолять оставить ему руку. Дирку это нравилось – нравилось, когда они умоляли. *«Как гладко все идет, – подумал он, – когда эти ведьмы больше не дышат мне в затылок»*. Карлос обещал, что они больше не вернуться, ни одна из них. Больше того, он сказал, что время Алой Леди тоже подходит к концу. Дирк попытался представить себе, каково это будет, если они перестанут повсюду совать свой нос: *«Да мы будем делать все, что только захотим. Придумаем свои собственные чертовы правила, чертовы законы»*. Карлос обещал, что скоро все они будут князьями и королями. Дирк улыбнулся: *«Подумать только, бывший мойщик машин у Табби... Король»*.

Типчик, стоя на коленях, все совал ему в руку свои часы.

– Нет, – сказал Дирк. – Сказано тебе, это просто кусок дерьма. Слушай, повторять я больше не буду: если ты так уж дорожишь этой своей рукой, можешь отправляться обратно вплавь.

До типчика, наконец, дошло. Он встал и медленно пошел туда, где стоял, держа наготове тесак, Большой Джон Томсон. Сверкнуло лезвие, и рука типчика шлепнулась в корзину ко всем остальным. Типчик вскрикнул и, стиснув запястье, побрел прочь.

– Веселье только начинается, – крикнул Дирк ему вслед. Поймал злобный взгляд со стороны паромщика, и отдал честь по всем правилам искусства. Паромщик, поморщившись, отвел взгляд. Дирк ухмыльнулся. *«Тупые ублюдки до сих пор воображают, будто это их шоу. – Дирк поглядел на дешевенькие наручные часы. – Подумать только, где-то сейчас полдень. Пригревает солнышко, и люди садятся обедать. – Он вздохнул. – Господи, как бы ему хотелось опять увидеть солнце. Ощутить вкус... да хоть чего-нибудь. – Он услышал плач – плакал ребенок – и скривился. – Черт, ну зачем эти души вечно тащат с собой несчастных*

мелких ублюдков? Как же его задолбало с ними разбираться».

Это была женщина – обычное дело – обыкновенного вида дама сильно за тридцать. Дирк, конечно, знал, что ей с тем же успехом могло быть и девяносто. Она шагнула вперед, крепко прижимая ребенка к груди, обхватив его обеими руками так, будто хотела заслонить его от самой смерти.

– Ну-ну, мадам, – сказал Дирк, протягивая руки к ребенку. – Давайте-ка облегчим вам существование.

Она отступила.

– Нет, я понесу ее. Мне не трудно.

Дирк вздохнул. *Как, как же его это задолбало.*

– Мадам, понимаете, это будет стоить вам два фунта плоти. То есть, это ваша рука – кисть – и рука ребенка целиком. Вы хотите это заплатить?

В ужасе она сделала еще один шаг назад.

– Ну, так я и думал. Так что просто отдайте мне мартышку. Прямо сейчас.

Дама покачала головой.

– Нет. Нет, я ее не отдам.

Дирк ударил ее, прямо в лицо, так, что она упала на камни. Упала она сильно, и ребенок начал орать.

Дирк пихнул локтем одного из стражников.

– Дай-ка мне твою дубинку.

Стражник дал. Дирк шагнул к женщине, встал над ней. Задрав голову, она посмотрела на него со страхом, и тут он подумал, зачем вообще он все это терпит? Теперь ведь он устанавливает правила, верно?

– Знаете, мадам, думаю, я слишком долго был слишком добрым. Думаю, пора нам навести тут порядок.

Она попыталась отползти, прижимая к себе ребенка одной рукой. Дирк хохотнул – просто не мог удержаться. Какой у нее был жалкий вид! Совсем выжила из ума от страха, ползает боком, как трехногий краб. Он крутанул палицей, метя в ребенка, но женщина извернулась, пытаясь защитить девочку, и он попал ей в плечо. Она упала опять. И все же не выпустила ребенка.

Дирк всегда считал, что у него неплохой удар – еще со школы. Неплохо бы показать остальным стражникам, как надо обращаться с дубинкой. А ну-ка, одним ударом... Он отступил на шаг, прицелился женщине в голову и...

– А ну оставь ее в покое, ты, задница! – Громкий, уверенный голос.

И Дирк остановился – остановился потому, что этот голос обещал

неприятности. Он повернулся и увидел на лестнице человека в долгополом пальто, таком, какое мог бы носить Уайетт Эрп^[4]. До Дирка не сразу дошло, что он знает этого человека.

– Да будь я проклят! – вырвалось у него. Это был тот рыжий парнишка, тот самый, которого разыскивал Карлос. На какую-то секунду Дирк задумался, уж нет ли у того парня старшего брата. Потому что стоявший перед ним человек выглядел старше, жестче; лицо у него было обветренное, взгляд – суровый. Казалось, эти глаза повидали на своем веку больше зла, чем выпадает на долю среднего человека.

Все примолкли – и стражники, и вновь прибывшие души – наблюдая, как он спускается по лестнице. Единственным оставшимся звуком были его шаги. За несколько футов от Дирка он остановился и смерил его взглядом.

– Дай ей пройти, – спокойно сказал он.

Дирк фыркнул.

– Да ты шутник. – Дирк подумал было, не испытать ли дубинку на этом типе, но в его глазах было что-то, что не располагало к подобным действиям. «Что это ты задумал, а?» – Дирк глянул типу за спину, но сестер не было видно. Вообще никого, кто мог бы ему помочь. – Ну ладно, ребят. Я хочу, чтобы вы переломали ему ноги и руки. А потом посмотрим, как он умеет плавать.

Стражники шагнули было к парню, но тут он достал из кобуры пистолет. Никаких тебе лишних движений, никакой игры на публику. Он просто спокойно вытащил из гребаной кобуры самый большой револьвер из тех, что Дирку когда-либо доводилось видеть. Парень навел свою пушку на стражников и тщательно, аккуратно прицелился. Стражники замерли.

Дирку ситуация нравилась все меньше и меньше.

– Ну, ладно, ты, звезденка мелкая, – рявкнул Дирк. – Вот что мы сделаем. Сейчас ты развернешься и уйдешь, откуда пришел, и мы дадим тебе...

Парень навел пистолет на Дирка и выстрелил. Пуля попала ему в живот, сбив с ног, и он грохнулся на спину. По реке раскатилось эхо.

– ТВОЮ Ж МАТЬ! – заорал Дирк, зажимая гигантскую дыру в животе. – О, Господи, Господи Иисусе! – От боли его согнуло пополам. – *Убейте его!* – закричал он. – *Убейте гребаного сукина сына!*

Стражники не двинулись с места.

– Бросьте оружие в реку, – сказал парень все тем же спокойным, действующим на нервы голосом. Стражники заколебались, поглядывая друг на друга.

Чет прицелился в голову ближайшего к нему стражника.

– Повторять я не буду. – Он явно только и ждал повода, чтобы всех их перестрелять. Это было совершенно ясно написано у него на лице.

Стражники подчинились, побросав в реку свои дубинки, мечи, копья и ножи.

– Карлос, Полковник и большинство рейнджеров, – сказал парень, – мертвы. Велес сжег их всех. Велес и Алая Леди... Они, мягко говоря, расстроены. И они идут сюда, чтобы очистить город от такого, как вы, дерьма. Мое вам предложение – убраться отсюда куда подальше, пока их здесь еще нет. Хороший совет?

Стражники закивали.

– И, может, вам захочется передать это вашим друзьям. Если кого поймут в зеленой куртке, или шляющимся у причалов, из него сделают пример для всех остальных.

Стражники снова кивнули.

– Вот и хорошо. А теперь валите.

Стражники поспешно поднялись по ступенькам и исчезли.

Парень подошел к Дирку.

Дирк попытался подняться на ноги, но боль была слишком сильной. Попробовал отползти, но дальше была только река.

Парень прижал дуло ко лбу Дирка.

– Выбирай. Либо плыви, либо следующая пуля – твоя.

– Ч-что? – пролепетал Дирк. – Но... но я же не умею плавать.

Парень пнул его сапогом, Дирк отлетел назад и обнаружил, что уже наполовину свисает с причала, и черные воды реки плещутся прямо у него перед носом. Он услышал хриплое хихиканье, поднял глаза и увидел, что паромщик смеется над ним.

Парень уперся сапогом ему в бок.

– Ради всего святого! – крикнул Дирк. – *Нет!*

Парень пинком отправил его в реку.

Дирк ударился о воду, а потом погрузился глубоко в холодные, темные воды. И он услышал их – стоны, жалобные крики, все громче и громче. Он отчаянно забарахтался, пытаясь выбраться на поверхность. Но тут чья-то рука ухватила его за щиколотку, потом, еще одна – за запястье. А потом руки были повсюду, они вцеплялись ему в тело своими длинными когтями, утаскивая его на глубину, все ниже и ниже.

Глава 90

Чет стоял перед воротами, ведущими на мост. Это были гигантские, сделанные из железа и дерева – настоящего дерева, не костей – ворота, двери для великанов. К воротам вело несколько ступеней; он поднялся и положил руку на тяжелую створку. Дерево, потемневшее за бесчисленные века, на ощупь было точь-в-точь как камень. Он толкнул створку. Та даже не вздрогнула.

Ни кольца, ни ручки – только замочная скважина из позолоченного металла. Чет покосился назад, где несколько свежеприбывших душ бесцельно болтались по улице с потерянным видом. Он выудил из-за пазухи ключ и вставил его в скважину. Ключ подошел идеально. Он повернул его и услышал глубокий лязгающий звук, будто вращались огромные шестерни.

Чет отступил, подождал. Ничего не происходило, и он надавил на дверь. Дверь не поддавалась. Он надавил сильнее, навалившись на дверь всем своим весом. У него появилось было ощущение, будто он идет против сильного ветра, но дверь медленно уходила внутрь. Он достал из скважины ключ и вошел в ворота. Полуоткрытая створка захлопнулась с оглушительным стуком у него за спиной, и сверху с балок на Чета посыпалась пыль и какая-то труха.

Череда осыпающихся арок и колонн исчезала впереди, в тумане, и Чет показалось, будто он стоит посреди бесконечного нефа древнего, давно заброшенного собора. Янтарный свет Ока-Матери проникал сквозь высокие узкие окна, пробитые в стенах, и через провалы в сводчатой, местами осыпавшейся крыше.

Чет все никак не мог выкинуть из головы слова Ивабог о силах, которые будут ему препятствовать, и об испепеляющих лучах Ока-Матери. Сглотнув, он двинулся вперед. Пол, усеянный обломками обрушившейся кладки и осколками плит, уходил вверх с легким уклоном; Чет старательно огибал места, где пол, казалось, был готов вот-вот провалиться в реку внизу. Один раз он остановился и поглядел вниз, в сквозную дыру, но не увидел ничего, кроме клубящегося тумана, и подумал – что с ним станет, когда он окажется на той стороне? Может, река опять сделает его бесплотным духом?

Он пошел дальше, и Око-Мать не испепелило его; ни огня, ни молний, ни огненных стен. Ни ангелов, явившихся с неба, чтобы сразить его

пылающими мечами. Единственное, что сопровождало его в пути – тихий, непрерывный стон, издаваемый рекой. И почему-то этот звук странным образом успокаивал – будто кроме него в мире не было вообще никого. Миновав верхнюю точку моста, Чет позволил себе, наконец, вздохнуть. Под уклон и шагалось легче; вскоре впереди показались ворота.

Чтобы выйти с моста, ключ, как оказалось, был не нужен. Он просто потянул на себя тяжелую створку, и она отворилась. Он ступил на другой берег, и ворота захлопнулись за ним.

Он похлопал себя по груди, по лицу.

– Я цел, – проговорил он. – Не развоплотился.

Ощупав нож и ключ, он с облегчением убедился, что оба предмета в целости переправились через реку.

Лица, десятки лиц повернулись к нему – длинная процессия полупрозрачных душ замедлила движение, потом остановилась совсем, и каждый смотрел на него с недоумением и любопытством. Посыпались вопросы: «Что происходит? Где мы? Куда идти?» – и так без конца. Чет, не обращая на них внимания, спустился по ступеням и пошел прямо сквозь призрачную толпу. Души были совершенно нематериальны, словно дым. Многие тянулись к нему, пытались прикоснуться, но не могли. Кто-то в страхе бежал от него, кто-то – следовал за ним, осыпая вопросами. Он следил за тем, чтобы река все время оставалась слева, и шел вдоль берега, не забывая поглядывать по сторонам – не приближается ли то призрачное медузообразное создание со щупальцами. Мир вокруг был по-прежнему совершенно серым. Время от времени он видел младенцев, но старался на них не смотреть, не думать о том, что с ними будет.

Где-то через час он добрался до первой тропинки, уводящей прочь от берега, в скалы. Он пошел было по ней, но остановился. «*Нет*, – подумал он, – ощущение совершенно не то». И он отправился дальше, прошел еще две похожие тропинки; свернул только на третьей и пошел вверх по склону – будто слыша зов собственных костей там, наверху.

Он шел все дальше и дальше, вверх по крутому склону, пока, наконец, река не потерялась из виду в тумане, далеко внизу. Все вперед и вперед, вперед и вверх; одна пещера вела в другую, и каждая новая была меньше предыдущей. И душ ему встречалось все меньше и меньше, пока, наконец, он не остался совершенно один.

Он услышал чей-то голос, повернулся и увидел женщину в простом, до колен, платье, с растрепанными волосами. Он узнал ее – это ее он встретил, когда проходил здесь в первый раз.

– Вы не видели моего ребенка? – спросила она. В глазах у нее стояло

отчаяние.

– Как он выглядел, ваш ребенок?

– Девочка, маленькая девочка... Волосы... – Она явно старалась вспомнить, – светлые... Нет, светло-рыжие. – Губы у нее задрожали. – Так трудно вспомнить.

Чет заглянул ей в глаза.

– Да. Я ее видел. Она ждет тебя. Иди по тропе вниз, пока не упрешься в реку. Ищи по дороге, идущей вдоль реки. Там ты ее найдешь.

Женщина просияла.

– О, спасибо! Благослови вас Господь! – сказал она и бросилась вниз по тропе.

Чет надеялся, что она найдет одного из брошенных малышей, и, может, они потянутся друг к другу, и вместе им будет веселее. Он смотрел ей вслед, пока она не исчезла из виду, а потом пошел дальше, вверх.

Тропа постоянно разветвлялась, и на каждой развилке он стоял некоторое время с закрытыми глазами, пока не находил в себе это чувство – кости тянули его к себе, словно тихое течение реки.

И он шел и шел сквозь казавшуюся бесконечной череду пещер, пытаясь на ходу придумать хоть какой-то план, стратегию, как ему управиться с Сеноем. Понятное дело, он воспользуется ножом, как советовала ему Ивабог. Он своими глазами видел, что этот клинок может сделать с демоном – или с богом. Все, что ему было нужно – это возможность, и, так или иначе, он намеревался этой возможности добиться. *«Я иду к тебе, Триш, – прошептал он. – И никто – человек, ангел, или демон – меня не остановит».*

Пещеры становились все уже, пока не превратились в череду сообщающихся туннелей; единственным источником света оставались островки сероватого тумана, попадавшие все реже и реже. Вскоре он уже полз на четвереньках, пытаясь нащупать себе путь в полной темноте. Очередной туннель закончился вертикальной шахтой. Он принялся карабкаться вверх, втыкая нож в стены в качестве опоры.

Наконец, он вылез в небольшую пещерку и увидел их – прямо как Джошуа и говорил – увидел свои кости, светящиеся над его головой.

Глава 91

Сеной прислонился спиной к стволу дуба; он не спал, но и не бодрствовал, он не был жив, не был и мертв; все его силы уходили только на то, чтобы не угаснуть. И тут к нему пришло чувство, вроде голоса, слышного только ему одному. Ахнув, он выпрямился. «Ключ, – прошептал он. – О, Всевышний. Ключ». Он закрыл глаза, сосредоточился. Это был он, тот мальчик, Чет. Он нашел ключ. Сеной был уверен.

Спотыкаясь, Сеной бросился к кладбищу. Он уже настолько ослаб, что даже ходить ему было нелегко. Он протянул руку, пощупав воздух над воротами кладбища, и его пальцы наткнулись на что-то твердое. На миг воздух перед ним засветился, очертив призрачные линии стены – это вспыхнул его покров, вспыхнул, и сразу же потух. Ангел прижался ухом к невидимому барьеру и прислушался, надеясь уловить опять хоть какой-то признак, что мальчик несет с собой ключ. Он стоял так, пока его тень не начала удлиняться.

– Вы там в порядке, мистер Сеной?

Распахнув глаза, Сеной увидел Джошуа, который наблюдал за ним из-за могильного камня. Сеной вздохнул.

– В порядке, насколько это, конечно, возможно в подобных обстоятельствах.

Он оттолкнулся от стены и почти рухнул на каменную скамью у ворот. Джошуа украдкой огляделся, скользнул за ворота и сел рядом с Сеном.

– Джошуа, я думаю, наш друг Чет нашел ключ.

Мальчик просиял.

– Ну, мистер Сеной, какие чудесные новости. Вы рады, правда?

– Я рад. Просто очень, очень устал, вот и все.

– Мне так жалко, что вы плохо себя чувствуете.

Сеной видел, что это дитя тревожится за него. Он никогда не был особенно высокого мнения о человечестве. Ему всегда трудно было понять, почему Господь так благоволит к этим несовершенным созданиям, каким-то бесхвостым мартышкам, – больше, чем к ангелам. Но, вопреки всему, он любил этого мальчика. «Почему же я тогда солгал ему? Сказал, что он в ловушке здесь, под покровом, тогда как преграда действует только на небожителей. Почему я не провел его, защищая от демонов, до самого моста, чтобы он мог спастись?» – В поисках ответа Сеной заглянул в большие, исполненные сострадания детские глаза. – «Потому... Потому

что он был мне утешением». – Только и всего. Почти полвека он удерживал невинное дитя при себе, не давая ему отправиться на Небеса. – «Я должен бы стыдиться. Да. Почему же я ничего не чувствую?»

– Ну, когда Чет придет сюда с этим вашим волшебным ключом, то мисс Ламия, конечно, вас вылечит – помните, вы говорили?

Сеной кивнул, думая о ее колдовстве, колдовстве на крови и на ключе, про способность ключа отмыкать чары. Это займет какое-то время. Сначала Ламии надо будет исцелиться, а пить кровь младенца она может только понемногу, ведь ей нужно, чтобы ребенок остался жив. Сеной полагал, что она намеревается пока оставить в живых и мать; по крайней мере, на год – мать кормит младенца, младенец кормит Ламию. А потом, когда Ламия будет готова, она заберет ребенка, изгонит его душу. Никакой спешки: как только ключ будет у него, ему не придется больше бояться, что она оставит его. Потому что она жаждет силы и власти так же сильно, как он жаждет ее саму.

А что до мальчика, до Чета – его душа была проклята. Так или иначе, его ждет Ад. Демоны Ламии, конечно, позаботятся об этом. Сеной нашел, что это мало его беспокоит. Его занимало сейчас только одно – сладостное воспоминание о том, как тогда, много лет назад, по его жилам бежала теплая, живая кровь.

«Мир будет нашей игрушкой, Ламия. Двое бессмертных, вместе, и тысячи смертных жизней у нас впереди».

Глава 92

– Я добрался, – сказал Чет. – О, Господи, у меня получилось.

Но его восторг быстро угас. Ему нужно было еще выбраться на поверхность, а он не знал, как. Чет вспомнил, как Джошуа рассказывал, что подняться наверх – это, как раз, самое сложное. Что ему приходится долго и упорно думать о своих костях, прежде чем у него что-то получится. Но, насколько Чет понимал, Джошуа был бесплотным духом. В отличие от него, Чета. Он обладал плотью – ка, и он опасался, что все будет еще сложнее.

Чет прижал руку к потолку пещеры. Под ладонью у него была не земля, а, скорее, какой-то гладкий колышущийся камень. И тогда ему пришло в голову, что на самом деле он был вовсе не под кладбищем, по крайней мере, не в прямом смысле. Это, должно быть, то место, подумал он, где пересекаются оба мира. Прорыть себе путь наверх было для него так же невозможно, как кому-нибудь на кладбище – докопаться сюда, вниз. Но, подумал Чет, может, есть и другой способ. Он выудил из-за пазухи ключ и начал было чертить круг, как показывал ему Гэвин. Но, оказалось, нужды в этом не было: стоило ему прикоснуться ключом к потолку, как под костями засветились очертания прямоугольника. Дверь уже была здесь.

Он поцеловал ключ, и с надеждой приложил его к сияющей отметке в центре прямоугольника.

Прямоугольник стал совершенно прозрачным.

– Звезды, – воскликнул Чет. – О, Господи, звезды! – Он протянул руки и, схватившись за торчавшие из земли корни, подтянулся вверх. Вот он поставил на землю локоть, потом второй, схватился за могильный камень и, подтянувшись еще раз, очутился в мире живых.

Глава 93

Чет лежал на спине, прижав к груди ключ, и смотрел на луну и звезды так, будто это была самая чудесная на свете вещь. Он глубоко вдохнул, чувствуя запахи болота, и земли, и листьев, и на секунды забыл обо всем. «Рай, – подумал он. – Земля – это рай».

– Чет, – прошептал кто-то.

Чет сел. Это был Джошуа, и лицо у него сияло от радости. Он приложил палец к губам.

– *Вы уж потише, мистер Чет,* – сказал он шепотом. – *Не хочется, чтобы демоны нас услышали.*

– Она жива? Триш еще жива?

– Да, – раздался еще чей-то голос. За воротами кладбища стоял Сеной; в глазах у него блестели слезы, и казалось, он не в силах поверить тому, что видит. – Чет, клянусь Небесами, ты вернулся, – тихо сказал он. – У тебя получилось. Ты всех нас спас. – Он ступил ближе, и тут его рука наткнулась на что-то невидимое, и над воротами, над всей оградой, опоясывая кладбище, вспыхнул на мгновение призрачный барьер. Сеной отступил, и барьер погас. – Быстро, Чет, ключ, – требовательно сказал Сеной. – Давай его сюда. – И тут только до Чета дошло, что ангел не может ступить на кладбище.

– Где она? Малышка? Она уже...

– Да. Да, – нетерпеливо прервал его Сеной. – С ребенком все в порядке. Они все в доме. А теперь давай мне ключ, мой нож, и мы все освободимся. – Сеной нервно огляделся, всматриваясь в тени. – Чет, у нас мало времени.

Чет встал, сунул руку в котомку, притворяясь, будто ищет ключ, но вместо этого взялся за рукоятку ножа. Медленно подошел к воротам.

– Как мы убьем Ламию?

– Не беспокойся, Чет. Я о ней позабочусь. Мне только нужно...

– Ой, да у них тут веселье, а *нас-то* и не пригласили, – раздался утробный голос.

– Да уж, похоже на то, – отозвался второй.

Билли и Дэйви выступили из теней; от их мальчишечьих личин не осталось и следа. Сморщенную, обожженную кожу струпьями покрывала колючая чешуя. На лицах – голод.

Сеной резко развернулся; лицо его посерело. Подняв руку, он сказал:

– Предупреждаю. Уходите прямо сейчас, или я сокрошу вас обоих.

На руке у Сеноя вспыхнул символ, но демоны продолжали приближаться.

– *Назад*, – прошипел Сеной сквозь стиснутые зубы. Чет увидел, как его лицо напряглось, и голубоватое сияние стало ярче, поплыло в сторону демонов.

Демоны остановились, прикрывая ладонями глаза, но страха на их лицах по-прежнему не было.

Рука у Сеноя начала дрожать, и сияние замерцало. Свет померк.

Билли расхохотался.

– Да, похоже, прошло то времечко, когда ты мог кого-то сокрошить.

Сеной отступал, пока не оказался прижатым спиной к барьеру. Тот вспыхнул.

– Чет, – прорычал Сеной, не отрывая взгляда от демонов. – Давай нож. Сейчас, пока еще не все потеряно.

Чет вынул клинок из ножен.

Демоны, шажок за шажком, двигались вслед за отступающей границей света. Все ближе и ближе.

– Дай... мне... *нож*, – сказал Сеной. Голос у него дрожал.

– Как ты смог воплотиться? – спросил Чет.

– *Дай* мне нож.

– Ты пил ее кровь? Кровь моей матери? – И тут Чет это увидел – пусть лицо Сеноя было страшно искажено напряжением, пусть всего на мгновение, но сомнений быть не могло – такой взгляд бывает у того, кого только что поймали на вранье.

– Чет, сейчас не время для этого. Я все объясню. Просто дай мне нож.

– Я бы хотел услышать это сейчас.

– Чет, – выдохнул Сеной; его рука тряслась, будто он держал на весу огромную тяжесть, и сияние мерцало в такт. – Пожалуйста, *пожалуйста*...

Чет ударил ножом сквозь призрачный барьер, вонзив его Сеною прямо в глаз, потом – очень быстро – ударил еще раз. Сеной закричал, отшатнулся, вцепившись в лицо.

Сияние угасло, и глаза демонов вспыхнули в темноте. Взыв, они прыгнули на Сеноя, сбили его с ног и принялись терзать, взрывая и щелкая зубами. Сеной взвыл, когда они вцепились ему в пах, вспороли живот. Но ангел еще не был повержен. Он издал страшной силы вопль, а потом из самого его нутра ослепительно полыхнул свет. Вспышка далеко отбросила демонов, так, что они врезались в стену, окружавшую кладбище, и барьер полыхнул синим пламенем. Чет пригнулся, но за стену кладбища

взрыв не проник.

На одно долгое мгновение все замерло; Чет медленно поднял голову.

Двое демонов неподвижно лежали в траве; их чешуйчатые тела курились дымком. Сеной лежал возле скамейки, стиснув руками грудь; его била дрожь. Из носа, изо рта и ушей, из всех многочисленных ран на его теле валил дым. Он издал слабый стон. Чет вскочил на ноги и, перемахнув через железную ограду, быстро пошел к Сеною, держа наготове нож.

Ангел глядел вверх, на звезды, единственным оставшимся глазом. Чет упал рядом с ним на колени и прижал нож к его горлу.

– *Нет!* – вскрикнул Джошуа. – Не делайте этого, мистер Чет. *Пожалуйста!* Он же хотел спасти меня. Отвести домой, к маме.

Сеной обратил взгляд на Чета, нахмурился и попытался было поднять руку, но она тут же упала обратно ему на грудь.

– Я – ангел Божий. *Ангел Божий.*

– Ты – дьявол.

Эти слова, казалось, причинили Сеною худшую боль, чем все его раны. Его губы задрожали.

– Тебе никогда не спастись от кары Господней.

– Я уже проклят... *Помнишь?* – прошипел Чет и вонзил клинок Сеною в горло. Но плоть ангела была иной, не похожей ни на что другое, и Чет пришлось пилить его шею ножом, как пилой, пока, наконец, голова Сеноя не откатилась прочь.

Послышалось низкое ворчание. Чет быстро встал на ноги и увидел, что демон, тот, что побольше, стоит между ним и кладбищем. Дэйви – младший демон – до сих пор корчился в траве. Билли поднял руку, и из его пальцев проросли длинные когти, которые быстро налились багрово-красным жаром. В воздухе потянуло дымом.

– Считаю до десяти, Чет, а потом иду искать. Мой совет – бежать побыстрее.

Чет не побежал. Глядя демону прямо в глаза, он шагнул вперед. Потом еще, и еще. Улыбочка Билли потускнела; он злобно оскалился. Чет бросился на него, описывая клинком широкую дугу, так, что его цель – шея демона – была вполне очевидна. В точности так, как показывал ему Эдо. Существо, стоявшее перед ним, проглотило наживку: оно прыгнуло вперед, чтобы встретить атаку своими раскаленными когтями, метя в руку с ножом. В последнее мгновение Чет пригнулся, выставив клинок, и распорол нависшему над ним в прыжке демону живот.

Билли волчком развернулся на месте, готовый атаковать вновь, но вдруг остановился. С недоумением поглядел вниз, на живот, из которого

вываливались на траву его черные сморщенные внутренности. Билли схватился за живот и посмотрел туда, где лежал его брат, словно тот мог ему чем-то помочь. Чет бросился вперед, и демон, отшатнувшись, упал. Чет прыгнул на монстра и всадил ему в шею нож – тот даже руку поднять не успел. Два быстрых движения, и голова демона покатилась прочь, шипя и плюясь, глаза – два пылающих ненавистью уголька.

Дэйви выпученными от ужаса глазами смотрел на голову своего старшего брата.

Чет встал и пошел к нему.

– Нет, – пролепетал Дэйви, пытаясь подняться на ноги. Когда это ему не удалось, он бросился улепетывать на четвереньках, бросая через плечо исполненные ужаса взгляды, отчаянно цепляясь за траву, пытаясь уйти. Чет быстро нагнал его своим неспешным, размашистым шагом.

– Уйди от меня! – взвизгнул Дэйви. – *Уйди!*

Чет пнул его в отставленный зад так, что демон полетел лицом в грязь, наступил на спину, придавив к земле, и резал, и рубил, пока и голова Дейви тоже не покатилась с плеч.

Единственным оставшимся звуком теперь были всхлипывания Джошуа.

Чет поднял голову, посмотрел на дом на холме и увидел, что в окнах верхнего этажа горит свет. Он знал, что Ламия была там, он чувствовал ее – а еще он знал, что она его ждет.

Порывшись в ранце, Чет достал один из револьверов, и направился вверх по холму.

Глава 94

Чет обошел «универсал», в одной руке – нож, в другой – револьвер. Бросив быстрый взгляд сквозь лобовое стекло, он увидел, что машина набита упакованными вещами и полностью готова к путешествию. Он посмотрел вверх, на окна второго этажа. В щели между занавесками мелькало колеблющееся пламя свечи, но на первом этаже было совершенно темно. Он крадучись пошел к дому, и вдруг понял, что никакого конкретного плана у него нет – кроме как войти, найти Триш и ребенка, а потом сделать все, что необходимо, для того, чтобы их спасти.

У лестницы, перед ниткой с колокольцами, он остановился, гадая, сможет ли он пересечь барьер в нынешней своей форме или ему придется воспользоваться ключом. Он медленно занес ногу над колокольцами. Ни звука, и никакого сопротивления. *Неужели я и вправду во плоти?*

Он перешагнул через колокольчики, поднялся на крыльцо, подошел к двери. Та была не заперта. Толкнув дверь, он ступил внутрь.

В длинном коридоре было темно; лишь немного света просачивалось сверху, с лестницы. Там, наверху, играла музыка – старый скрипучий фонограф бренчал какой-то блюз.

Чет направился было к лестнице, но остановился, заметив тусклый свет, пробивавшийся из-под двери в конце коридора. Он тихо двинулся в ту сторону, не забывая по дороге заглядывать в другие комнаты, пытаясь разобрать в темноте очертания того, что было внутри.

Кто-то принялся подпевать фонографу. Это была Ламия – она была наверху, – и голос, лившийся сверху, нежным эхом гулял по всему дому. Чета поразило, насколько прекрасно было это пение, и – всего на мгновение – он почувствовал тягу, тоску по ней. «*НЕТ!*» – прокричал голос внутри него. Это был голос Гэвина. Будто пощечина.

Он заставил себя идти дальше, и вдруг ему показалось, что он услышал всхлип. Он прижался к двери ухом – еще один всхлип. Сунув револьвер обратно в котомку, он попытался повернуть ручку. Дверь была заперта. Плач прекратился. Чет вынул из кармана ключ, прикоснулся к скважине и услышал щелчок.

Держа нож наготове, он открыл дверь.

Триш сидела на кровати в ночной рубашке. Она была очень бледной, вокруг глаз – темные круги. Сначала у нее на лице вспыхнул страх, который сменило крайнее удивление. Она явно не могла поверить

собственными глазами.

– Чет? – еле выговорила она.

Он кивнул, отложил ключ и шагнул к ней.

Они обнялись.

– Чет, – прошептала она. – О, Господи, Чет... Как? – Она отодвинула его от себя, вглядываясь в лицо, потом схватила его за руки. Чет увидел, как она вздрогнула. – Чет... Ты такой *холодный*. – Она прижала руку к его щеке. – Господи, что-то не так?

– Не сейчас. Нужно вытащить тебя отсюда. – Он потянул ее за руку с кровати и повел к двери. Она уперлась.

– Я видела тело, – сказала Триш. – Ты был мертв. Чет... Я не понимаю.

– Я умер. – Он заглянул ей в глаза. – Но я вернулся... Это все, что тебе нужно знать прямо сейчас. Я вернулся... за *тобой*... за нашим *ребенком*. – Он протянул ей руку.

Еще секунду она смотрела ему в глаза, потом взяла его за руку, и они вместе вышли в коридор.

Они быстро шли в направлении входной двери. Ламия до сих пор распевала у себя наверху. Триш дернула Чета за руку, указала в сторону закрытой двери.

– Она здесь, – прошептала она. – Наша малышка.

Дверь не была заперта, и они вошли.

На стенах висели пучками сухие цветы. По стенам, по потолкуплыли светящиеся звезды: под потолком вращался ночничок-проектор. В углу, под белыми кружевными занавесками, стояла колыбелька. Триш подбежала к ней, раздвинула кружева и взяла на руки ребенка с темными курчавыми волосами.

Поднесла Чету.

– Красавица, да?

Он кивнул.

– Да. – Ее глазки были открыты, и она смотрела прямо на него. – Похожа на мать.

Триш просияла.

– Как ее зовут?

– Эми. Как мою бабушку.

Чету хотелось взять ее на руки, прижать к себе, обнять их обеих, купаясь в их любви, в их тепле. Они были его семьей, его плотью и кровью, всем, за что он так неистово боролся.

– Нам надо спешить, – сказал Чет, обнимая Триш за плечи, и повел ее к выходу.

Музыка все еще играла, но пения больше не было слышно. Чет перекинул нож в левую руку, а правой вытащил из ранца револьвер. Они быстро шли по коридору, к выходу на улицу. Вот они уже на крыльце, спускаются по ступенькам. Чет все время оглядывался, стараясь не упустить из виду входную дверь.

Триш пронзительно вскрикнула, и Чет резко развернулся.

На крыльце стояла Ламия и глядела прямо на них.

Глава 95

– А ну, не подходи, чтоб тебя! – крикнула Триш, резко развернулась – прочь от Ламии, – увидела на дальней стороне крыльца, позади Чета, высокую темную фигуру.

– Берегись! – крикнула она, но Джером уже схватил Чета сзади, обхватив его, как медведь, и, прижав его руки к бокам, оторвал от земли.

Выстрел. Пуля проделала дыру в настиле крыльца. Чет испустил вопль, похожий, скорее, на рычание, он бился и брыкался изо всех сил, но здоровенный садовник даже не вздрогнул.

– Беги! – проорал Чет.

Пальцы, жесткие, как древесные корни, вцепились Триш в руку, вывернули ее, и выдернули ребенка из ее объятий. Триш сопротивлялась изо всех сил, но она была совершенно беспомощна против этой женщины, этого существа.

Ребенок заорал.

– Отпусти ее! – закричала Триш, пытаясь отнять дочку.

Ламия толкнула Триш и та покатила вниз по ступенькам крыльца. Нога девушки застряла между двумя досками. В колене что-то щелкнуло, и ногу Триш пронзила острая боль. У нее вырвался крик, и она стиснула колено руками.

Ламия принялась укачивать ребенка, легонько прикоснулась к ее ротику одним пальцем, и проворковала:

– Ну, ну, тихо. Все хорошо. Мы у мамы.

Ребенок перестал плакать, как бывало всегда, стоило ей только оказаться у Ламии на руках.

– Мама, – послышался голос, много голосов. Это были дети; сотни и сотни теней двигались вверх по склону холма.

Ламия подошла к Чету.

– Чет, милое мое дитя, ты оставил меня. Почему ты ушел от меня? – Ее серебряные глаза пульсировали.

Лицо Чета исказила ярость.

– Пошла ты на... – Он не закончил.

Гнев, ярость вдруг ушли прочь, исчезли, а им на смену пришло... «Что? – подумала Триш. – Любовь? Жажда?» Тот же, да, тот же взгляд, что и у детей, которые уже успели заполнить весь двор, глядя, как один, на Ламию так, будто она была любовью всей их жизни.

– Я так соскучилась, – промурлыкала Ламия.

Чет рассеянно кивнул. Его взгляд ни на секунду не отрывался от глаз Ламии. Она провела пальцем по его шее, по руке, аккуратно вынула пистолет у него из руки и бросила с крыльца во двор. Потом забрала нож, жадно стиснула, точно давно утраченное сокровище. Кивнула Джерому, и он усадил Чета на пол, продолжая придерживать за плечо.

– Чет, а ключ?

Чет сунул руку в карман плаща, вынул ключ на кожаном шнурке и отдал его Ламии.

– Мама, – не переставая, бубнили дети. Они были уже на ступеньках, теснились у самых колокольцев, подступая так близко, как только осмеливались. Один из них задел за нити; послышался еле слышный, нежный звон, и все они разом отшатнулись.

«Колокольчики, – подумала Триш. – Колокольчики!» Она дернула за нити. Колокольцы зазвонили, и дети отступили еще дальше, зажимая ладонями уши. Старые нити рвались легко, чуть ли не расползаясь у нее под пальцами.

– Что это ты делаешь? – прикрикнула Ламия. – А ну, прекрати!

Обрывки ниток упали на ступеньку. Барьера больше не было. Детские лица засветились радостью, и они бросились вверх по лестнице, смеясь, хихикая, и зароились вокруг Ламии. Каждый старался прикоснуться к ней, провести рукой по волосам, по платью, пальцам, губам и глазам.

– *Пошли прочь*, – прошипела Ламия. – *Вы все*. – Ее лицо исказилось, превратившись в ужасную маску, злобную и жесткую. – *Прочь от меня!*

Глава 96

Чет сморгнул. Какую-то секунду он колебался, силясь вспомнить, кто он и что тут делает. Потом он увидел Триш на ступенях и – вспышкой – к нему вернулась действительность. Он резко развернулся, высвободившись из хватки Джерома, и, бросившись на пол, перекатился подальше. Джером неуклюже попытался захватить его опять, но Чет был гораздо, гораздо быстрее. Чет сунул руку в котомку, нашарил там вторую пушку Гэвина, выдернул ее и выстрелил. Пуля проделала в груди садовника огромную дыру; тот опрокинулся навзничь и упал на доски крыльца. Чет стремительно прыгнул на него и, прижав пистолет к виску, выстрелил еще раз, снеся садовнику половину черепа.

Чет навел пистолет на Ламию, стараясь прицелиться. Прижимая к груди ребенка, она злобно смотрела на него сквозь рой призраков, а потом ее глаза изменились, до краев наполнившись любовью, нежностью и добротой.

– Чет, я люблю тебя.

– Нет, – сказал Чет, но пистолет вдруг налился тяжестью у него в пальцах, и его рука начала опускаться.

Дети продолжали роиться вокруг Ламии, они множились, одевая ее бурлящим, клубящимся покровом. Она, сбиваясь и моргая, отмахивалась от них Сеноевым ножом. И каждый раз, как она это делала, каждый раз, как падал и опускался нож, Чет видел в ней не мать, к которой он стремился всем своим существом, а нечто темное, нечто дурное и зловещее. Он видел лилит, видел ее серебряные пульсирующие глаза с черными щелями зрачков.

Кто-то кричал. Женщина.

– *Стреляй, Чет! Стреляй в нее!*

Этот голос был Чету знаком. «Триш», – прошептал он, оторвал взгляд от Ламии, посмотрел на Триш, на женщину, с которой он через столько прошел, ради которой столько страдал – и вспомнил, какая она, любовь, на самом деле.

Он поднял пистолет, шагнул вперед и уперся стволом Ламии в грудь. А потом дважды спустил курок.

Ламию отбросило к стене. Она испустила страшный, нечеловеческий вопль. Чет попытался выхватить своего ребенка у нее из рук, но тут глаза лилит вспыхнули, она рванула ребенка обратно и сделала выпад ножом. Чет

отпрянул, запнулся об один из стульев, стоявших на крыльце, и упал.

Ламия развернулась и, спотыкаясь, бросилась в дом, прижимая ребенка к груди. Чет поднял револьвер, но передумал стрелять: он боялся задеть Эми. Он прыгнул за Ламией, но та успела захлопнуть перед его носом дверь. Он схватился было за ручку – заперто – и принялся бить ногой в створку. С четвертого раза дверь распахнулась.

Ламии нигде не было видно.

Чет вошел в дом. Там стоял полумрак; кровавый след темнел на полу, на лестнице. Он направился вверх по ступеням, перезаряжая на ходу пистолет.

Дети тоже двигались вверх по лестнице, огибая его, будто дуновения ветра. След исчезал под дверью в дальнем конце коридора, но Чет у уже не нужны были подсказки. Дети сплошным потоком текли сквозь закрытую дверь – физические преграды не значили для них ничего.

Он услышал вопль, потом заплакал ребенок. Чет взялся за ручку, повернул, навалился на дверь. Та была не заперта, и Чет неловко ввалился в комнату. Замер.

В комнате было темно, но света, падавшего из коридора, было достаточно, чтобы Чет увидел – Ламия мертва. Она не двигалась, глядя в потолок невидящим взглядом совершенно черных глаз. Она лежала в центре огромной лужи крови; рядом валялся нож, а ключ она прижимала к груди. Ребенок, его дитя, сидел в сгибе ее локтя и вопил.

Видно было, что Ламия пыталась собственной кровью очертить вокруг себя и ребенка круг. Было даже несколько символов, которые она явно нацарапала второпях. Он содрогнулся при мысли о том, как близко она была к тому, чтобы создать дверь и сбежать – неизвестно куда – с ребенком, ключом и ножом.

Эми кричала все громче, и Чет ступил в круг, не переставая держать Ламию на прицеле, и забрал из ее мертвых рук своего ребенка. Пули проделали у Ламии в груди огромные дыры, но Чет слишком много времени провел в Чистилище, чтобы это его успокоило. Он вытащил из ее окровавленных пальцев ключ, сунул обратно в карман, а потом подобрал нож и аккуратно отрезал ей голову, кисти рук и ступни.

Он понаблюдал за ней еще с минуту, а потом убрал нож и пистолет, встал, и, прижав ребенка к груди, вышел из комнаты и спустился по лестнице вниз.

Триш умудрилась тем временем доползти до двери, и, увидев Чета с ребенком на руках, она заплакала. Чет опустился рядом с ней на колени, передал ей малышку. Она, качая, прижала ее к груди, так, будто никогда не

отпустит. А потом она потянулась к Чету, прижала его к себе, и так они сидели, обнимая друг друга, и ребенок был между ними. Чета охватило чувство абсолютного счастья, полнейшей завершенности, и это чувство было сильнее, чем все, что он когда-либо пережил. И он старался удержать это ощущение, так, чтобы всегда носить его в себе. «*Всегда*», – подумал он.

Чет заметил, что некоторые из детей кружат вокруг них, неотрывно глядя на Триш. Те, что посмелее, даже касались своими призрачными руками ее плеч.

– Мама, – позвал один, и остальные, один за другим, подхватили: «Мама, мама». И вот они уже стонали хором, как раньше, глядя при этом на Триш. Где-то секунду Чет думал, что они, должно быть, принимают Триш за свою мать или, может, хотят, чтобы Триш *была* их матерью, но потом его вдруг пробрал тошнотворный холод. «*О, Господи*, – подумал он, – *это они не к Триш тянутся*».

Триш в ужасе посмотрела на Чета, потом вниз, на ребенка, которого медленно опустила к себе на колени. Маленькая девочка смотрела на них пульсирующими серебряными глазами.

Триш затрясла головой.

– Нет, – слабым голосом проговорила она.

Чет вынул из ранца нож.

– *Положи ее на пол*, – прошептал он.

Триш бросила взгляд на клинок.

– Чет? Что...

– Триш, положи ее. *Сейчас же*.

– Нет.

– Это не Эми, – сказал Чет. – Триш, послушай меня.

Взгляд девочки обратился на нож, и она зашипела.

Чет потянулся, чтобы схватить ее, но она, брыкнувшись, вырвалась из рук Триш и плюхнулась на крыльцо. Перекатившись, она встала на четвереньки и быстро – неестественно быстро – поползла прочь.

Чет вскочил на ноги и, выхватив пистолет, устремился за ней.

– Нет! – закричала, надрываясь, Триш. – *НЕТ!*

Младенец одним прыжком преодолел ступеньки и боком, как краб, пустился прочь на четвереньках, странным, неестественным образом выворачивая конечности. Девочка злобно глянула через плечо на Чета своими выпученными, пульсирующими глазами, и беззубо оскалилась, будто калечный паук из худших его кошмаров.

Чет выстрелил в тот момент, когда ребенок добрался до конца дорожки. Девочка прыгнула в кусты, и он так и не понял, попал он или нет.

– *ОСТАНОВИСЬ!* – крикнула Триш, и Чета резануло отчаяние в ее голосе. Он ускорил шаг, добрался до кустов, где исчез младенец. Никаких следов. Но он быстро понял, что потерять след ему не грозит. Призрачные дети один за другим пролетали мимо, следуя за девочкой по направлению к кладбищу. И Чет увидел ее, увидел, что она ползет теперь на животе, все-таки он ее задел.

И он побежал за ней.

Она остановилась, повернулась и посмотрела на него своими пульсирующими серебряными глазами.

– Чет, я тебя лю...

Чет выстрелил, и пуля попала ей в грудь, опрокинув в траву, разорвав чуть ли не пополам. Он застонал так, будто это ему разворотило грудь, потом подошел к ней, стиснув зубы так, что у него заломило челюсть. Занес нож.

Ее выражение смягчилось, руки и ноги приняли прежнюю форму, и она потянулась к нему своими крошечными пальчиками.

– Папа, – сказала она тоненьким, детским голоском. – Пожалуйста, не делай мне больно, папочка.

Его пальцы все сильнее стискивали рукоятку ножа, и он подумал о Гэвине, человеке, которому пришлось застрелить двух своих сыновей. Подумал, что нет на свете пытки хуже этой. И голос Гэвина вернулся к нему: *«Это не твоя дочь. Прикончи ее. Сделай это сейчас. Или этот ад никогда не кончится»*.

– *Господи!* – вырвалось у Чета. Его руки тряслись. – О, Господи. – Упав на колени, он всадил нож в шею ребенка, отрубил голову.

В глазах Ламии, устремленных на него, полыхнула ненависть, а потом они медленно закрылись.

Чет отвернулся и зарыдал.

Глава 97

Триш сидела на крыльце и смотрела, как Чет медленно бредет по дорожке, поднимается по ступеням. Он подошел к ней и упал рядом на колени.

Она вгляделась ему в лицо, надеясь, вопреки всему, на чудо, на какую-то тень надежды. Но не увидела ничего, кроме боли и отчаяния. Отвернувшись, она всхлипнула, почувствовала его руку у себя на плече.

– *Не надо*, – шепнула она.

Его рука упала, и он бессильно откинулся назад, привалившись к стене.

– Прости, Триш. Мне так жаль, прости.

Она едва слышала его.

Она не знала, сколько они так просидели, он – глядя на луну, она – на кровь, медленно сохнущую у нее на пальцах. Но потом он опять позвал ее по имени, и она вдруг поняла, что луны уже больше нет, и на горизонте появилась бледная тень рассвета.

– Нам надо отсюда выбираться, – сказал он. – Не знаю, сколько у меня еще осталось времени.

Она не ответила, продолжая глядеть пустыми глазами в сторону болот. Чет подхватил ее под мышки и поднял на ноги – на оставшуюся здоровую ногу.

Триш уже давно распрощалась с идеей, что все это, может быть, еще сон – кошмар, от которого она рано или поздно пробудится. Теперь она надеялась, что, по крайней мере, она сошла с ума, и все это были галлюцинации.

– Это ведь все не реально, правда? То есть... как такое может быть?

– Я уже больше не знаю, что реально, а что – нет, – горько ответил Чет. Он снес ее вниз по ступеням крыльца, потом по дорожке к «универсалу». Помог устроиться на пассажирском сиденье. Завел мотор, и они поехали прочь от дома.

Триш заметила их, когда они проезжали мимо кладбища. Дети собрались вокруг чего-то, лежащего в траве. «*Это не она*, – сказала она себе. – *Что бы там ни лежало, это не моя малышка*».

На мосту Чет притормозил – вид у него был неуверенный, – но они без всяких сложностей переехали на ту сторону. Еще через пару миль она заметила в предрассветном тумане тусклый огонек – на чьем-то крыльце

горела лампочка. Дом был маленький, обшарпанный, только что не хижина. Из трубы поднималась тонкая струйка дыма.

Чет подъехал к дому, остановил машину, помог Триш выбраться, и они поднялись на крыльцо. Чет негромко постучал в дверь.

Изнутри дома слышались голоса, и секунду спустя дверь приоткрылась – совсем чуть-чуть – и в щель выглянул старик с темной, изрезанной морщинами кожей и курчавыми седыми волосами.

– Чё надо?

– Только немного помощи, сэр, – сказал Чет. – Мы надеялись, вы сможете сделать для нас всего один звонок.

Старик окинул их подозрительным взглядом, глянув на выпачканную в крови ночную рубашку Триш.

– Да уж, звонок я сделаю, это точно. Вы двое пока на крыльце обождите. – И он захлопнул дверь.

Чет принялся было усаживать Триш на старенькую деревянную скамейку, стоявшую на крыльце, но тут дверь открылась опять. На крыльцо вышла старая женщина.

– Давайте-ка в дом, вы оба. В такой холод и собаку на улицу не выгонишь.

Она подвела их к дивану, а старик в это время накручивал на телефоне номер, не сводя с Чета глаз. *«Будто призрака увидел»*, – подумала Триш. А потом она сама взглянула на Чета и в ярком электрическом свете ей бросились в глаза его бледность, его бескровные губы. Вид у него был мрачный и пугающий, точно у трупа.

Старик попросил соединить его со «скорой» и с полицией. Триш подумала, сколько пройдет времени, прежде чем отцу станет известно о том, где они находятся.

– Хватит глазеть, – сказала женщина старику, и тот, метнув на нее выразительный взгляд, потащил ее на кухню. Но Триш все равно слышала, о чем они разговаривают.

– Ты что, не видишь? – сказал старик. – Этот мужик, с ним что-то не то.

– Да вижу я, – ответила женщина. – Он просто потерянный, вот и все.

– Триш, – сказал Чет. – Мне надо идти. Есть обещание, которое я должен сдержать. – Она не ответила, и он прибавил: – Мне нужно вернуться за ней. За нашей дочкой.

Триш впиалась глазами в его лицо.

– Что?

– Она осталась там... С остальными детьми. Мне нужно ее найти...

Чтобы она не была одна.

У Триш вырвался всхлип, и она зажала рот рукой. При одной мысли о своей малышке, ставшей такой же, как они, как эти призраки, ей сделалось дурно.

– Да, Чет. Забери ее оттуда. Пожалуйста. – Она стиснула его руку. – И принеси сюда. Принеси ее ко мне. *Пожалуйста.*

С минуту он молчал, и на лице у него была написана боль. Потом медленно покачал головой.

– Не могу я этого сделать, Триш. Это... Ну, это просто невозможно.

– Нет, можешь. Ты должен.

Боль у него на лице стала еще глубже, будто у человека, потерявшего весь мир.

– Триш, я люблю тебя. Мне жаль... Мне так жаль. – Он встал, но она все не отпускала его руку.

– Чет... – Она попыталась найти еще какие-то слова, но их не было. Он был мертв. Ее дочь – тоже.

– Послушай, – тихо заговорил он ей на ухо. – Ламии больше нет. Мы ее остановили. Ни один ребенок не пострадает больше от ее злодеяний. То, что мы перенесли, то, что перенесла наша дочь, все это не было зря. Ты это понимаешь?

Триш подумала, что да, понимает, и медленно кивнула.

– Никогда, никогда об этом не забывай, – сказал он. – А теперь вот что ты можешь сделать для меня, для нашей дочки. Тебе надо будет двигаться дальше, и прожить свою жизнь как можно лучше, потому... потому что жизнь – бесценна... Это бесценный дар, и мы понимаем, насколько он бесценен, только когда он для нас потерян. Так что живи, живи как можно полнее, для меня, для Эми. Оставь этот кошмар позади. Обещай мне.

Триш не могла этого обещать. Она не знала, сможет ли вообще когда-нибудь улыбаться.

– Обещай... *Пожалуйста.*

Триш сделала глубокий вдох и кивнула.

Чет поцеловал ее в макушку и отступил. Триш стиснула его руку.

– Прощай, Триш. Я буду любить тебя, всегда. – Высвободив руку из ее пальцев, он пошел к двери.

– Чет! – позвала она.

Он остановился, поглядел ей в глаза.

– Я тоже люблю тебя.

И тут он улыбнулся – настоящей улыбкой, и на какую-то секунду, сквозь туман ее слез, он казался живым, как тот мальчишка, в которого она

когда-то влюбилась.

– Ты уж позаботься о ней, – сказала Триш. Слез было уже не удержать, и они текли у нее по лицу. – Хорошо? Позаботься о нашей малышке.

Он кивнул.

– Я позабочусь.

И он ушел, тихо прикрыв за собой дверь.

Глава 98

Чет стоял над обрывом; внизу катил свои воды Стикс. На плече у него была метла, которую он нашел в амбаре, и с нее свисала голова. Это была голова его дочери, вот только это было не так. Это была Ламия. Он завернул ее в какие-то тряпки, чтобы не видеть – не видеть длинного, болтающегося черного языка, не видеть злых глаз. Ключ открыл им путь вниз, ключ помог Чет у спуститься в своей нынешней, плотской форме; благодаря ключу Чет смог пронести с собой голову Ламии. Дети следовали за ним – или, скорее, за ними. Это было долгое путешествие – по крайней мере, несколько дней, а может, и недель. Трудно было сказать, потому что время в Эребе как-то теряло смысл. Но дети всю дорогу следовали за Ламией. У Чета было такое ощущение, что они пойдут за ней куда угодно, пусть даже в Ад. Но его путь лежал не в Ад.

Одного ребенка Чет нес на руках. Это была девочка, совсем еще малышка. Она была совершенно бесплотной, но все же льнула к нему, будто это не имело значения. У нее были глаза ее матери. Он улыбнулся ей, и она улыбнулась в ответ – как делала каждый раз.

А еще на метле висел мешок. Он поставил метлу к крупному валуну, усадил дочь на землю и развязал мешок. Оттуда выкатились три головы: Билли, Дэйви и Сеной. Во плоти, как и он сам. Без ключа он бы их сюда не пронес. Билли и Дэйви злобно воззрились на него, а Сеной печально глядел на темные, подернутые туманом воды.

Чет поднял Билли и Дэйви, шагнул к обрыву. Они шипели на него и щелкали зубами, но, когда воды внизу, под ними, вспенились, когда тысячи искаженных страданием лиц поднялись, чтобы посмотреть на них, потянувшись к ним тысячью скрюченных рук – они притихли.

Чет бросил их в реку. Плеснула вода, головы зашипели, будто раскаленные угли, и, пуская струйки пара, пошли ко дну. Руки вцепились в них, терзая. Некоторое время еще были видны их глаза – светящиеся точки, которые, тускнея, погружались все глубже и глубже. А еще Чет слышал их крики – крики ярости.

Чет, наклонившись, поднял с земли Сеноя.

– Чет, пожалуйста. Понимаю, моя вина несомненна. Перед тобой, перед Богом. Но я, как и ты, был околдован. Ты *должен* это понимать. Не откажи мне, по крайней мере, в милосердии Леты. Чет, я умоляю тебя.

Чет поднял голову Сеноя так, чтобы они смотрели друг другу в глаза.

– Мне хотелось бы, чтобы ты взял кое-что с собой. Чтобы оно всегда было при тебе. Это имя – *Гэвин Моран*.

Сеной вздрогнул.

Чет швырнул голову ангела в реку. И смотрел, как ею играют волны, как руки ловят ее, вцепляются в глазницы и вырывают язык, как утягивают ее все глубже и глубже в черные, черные воды.

Чет взял на руки свою дочь, Эми, и долго стоял так, прижав к себе ее призрачную фигурку. Они оба просто глядели, как река медленно катит свои волны вниз. Торопиться больше было некуда, чувство спешки куда-то исчезло. «Смерть – это навсегда», – подумал Чет, и впервые позволил себе как следует взглянуть на эти земли. «Какое грандиозное и печальное место – Чистилище, – подумал он. – Прекрасное и ужасное. Хорошее место, чтобы искать себя».

– И, – сказал он тихо, поглядев на Эми, – может быть... однажды... место, где можно обрести покой.

Он забросил метлу на плечо, и дети, которые успели разбрестись, вновь собрались вокруг. Он в очередной раз попытался их пересчитать, но, как всегда, сбился. Их было, по крайней мере, две сотни. То есть, теперь, наверное, больше, потому что Чет подбирал каждого ребенка, который встречался им по пути. Тех, кто не мог идти сам, он роздал детям постарше, чтобы те их несли.

Он двинулся дальше по дороге, ведущей вдоль реки. Когда другие души видели его – мертвец, ведущий за собой сонм детских душ, с метлой на плече и чьей-то головой, болтающейся на метле, – они отступали в сторону и глядели вслед с изумлением и трепетом. В ответ на все вопросы Чет повторял только одно – идите следом.

Чет пришел к докам и принялся ждать. Ожидание не было долгим. В тумане проступили очертания баржи. Паромщик заметил Чета, детей, и его губы тронула еле заметная улыбка.

Глава 99

Когда они пересекали реку сквозь нависший над водой туман, дети обрели плоть. На какое-то мгновение единственное, что имело для Чета значение – это то, что он мог прижать – по-настоящему прижать к груди – свою дочь.

Впереди из тумана медленно выплыла пристань, и паромщик три раза ударил в колокол. На причале было пусто, ни души; корзины и ящики тоже куда-то подевались.

Баржа ткнулась носом в причал, и Чет с детьми сошли на берег; паромщик помог ему вынести из лодки тех, кто был еще слишком мал или не мог идти. Когда все оказались на берегу, Чет опять взял Эми на руки, обнял ее и оглядел толпу детей, раздумывая, что ему делать дальше.

На лестнице, ведущей с пристани, показались три фигуры – в тумане трудно было различить, кто это. Чет положил руку на пистолет.

– Это тебе не понадобится, – сказал паромщик.

И тут Чет увидел, что по лестнице спускались облаченные в черные плащи женщины. У той, что шла впереди, во лбу поблескивал камень. Она увидела детей и улыбнулась Чету.

– Мы выжили их отсюда, – сказала Мэри. – Этих «зеленых». По крайней мере, из доков. Сестры отовсюду стекаются сюда, в Стигу. Алая Леди тоже вскоре будет здесь.

Опять послышались шаги, и Чет увидел еще двух женщин в плащах, которые быстро спускались по лестнице на пристань.

– Чет? – крикнула одна из них.

Чет сощурился.

– Ана?

Она откинула капюшон, и Чет увидел ее лицо. Они обнялись. Дочка Чета издала воркующий звук, и Ана отступила на шаг, глядя на ребенка – на всех детей – с крайним удивлением.

– Чет, что происходит?

– Это долгая история, Ана. Я думал, ты...

– В реке.

Он кивнул.

– Забвение может подождать, – сказала она. – Есть кое-что, чем мне сперва нужно заняться.

– Дети? – спросил он.

– Да, дети. Жизнь – это не только плоть и кровь. Это еще и то, как ты живешь. Чистилище – это своего рода благо, второй шанс. И я не собираюсь тратить его впустую. – Она посмотрела на детей. – Я нашла цель. – Она улыбнулась, и на мгновение будто ожила. – Что насчет тебя, Чет? Ты мог бы к нам присоединиться.

– Может быть... Но не прямо сейчас, – сказал он, расчесывая пальцами непокорные темные кудри своей дочери. – Есть одно место, куда нам с Эми нужно сначала попасть. – Он взглянул на Мэри. – Мэри, ты не подскажешь дорогу к Елисейским полям?

Эпилог

Джошуа смотрел, как над болотами медленно встает солнце. Вот уже много лет – больше, чем он мог сосчитать – ему так хотелось там погулять. Он еще раз посмотрел на обезглавленные тела Билли и Дэйви, лежащие в траве, съжившиеся, почерневшие, дымящиеся в утреннем свете. *«Их правда больше нет? – подумал он. – Точно нет?»*

Он осторожно ступил за ограду, не сводя опасливого взгляда с дымящихся тел, и, дойдя до ангела, остановился.

– Сеной? – позвал он. Ответа он не ждал, потому что видел, как Чет забрал голову ангела с собой, отомкнув себе ключом путь. Тот факт, что Чет у удалось унести ангела с острова, заставил Джошуа задуматься, что, может быть, ключ смог отпереть и покров. Мальчик, задрав голову, вгляделся в облака, надеясь, что какой-нибудь ангел подаст ему знак.

– Мама, ты меня слышишь? – Он долго стоял, прислушиваясь, но ответа не было, и он отправился по дороге, ведущей к мосту. Добравшись до болота, Джошуа присел на старый пенёк и принялся наблюдать за суетой крабиков-скрипачей, копошившихся в теплом иле. Время от времени он поглядывал в небо, ожидая появления ангелов. Так он сидел, пока солнце не начало клониться к горизонту. Ангелы все не появлялись.

Прискакал кролик и принялся объедать свежие зеленые побеги возле его пенёка.

– Как поживаете, мистер Кролик?

Кролик ничего не ответил.

– Знаете, я уж начал тут беспокоиться, может они, ангелы, все-таки меня не видят. Может, покров этот все еще тут. Что думаете?

Кролик поскакал прочь, и Джошуа тяжело вздохнул. Еще некоторое время он продолжал смотреть на облака, и тут вспомнил кое-что странное. *Сеной... да он же... он не мог войти на кладбище.* Этого Джошуа раньше не знал. До него вдруг дошло – он никогда и не видел, чтобы ангел пытался это сделать. Но в самом-то конце он *попытался*, и покров вспыхнул, не дал ангелу войти. *Так почему же покров позволял входить ему, Джошуа?* Джошуа раздумывал над этим, пока его не осенило еще раз: *Или выходить?* Он вскочил на ноги, посмотрел в сторону леса, за которым был мост. Прикусив губу, он быстро зашагал по песчаному проселку, и с каждым шагом его все сильнее охватывало радостное предчувствие. Он миновал лес. Там было полно теней, но ни одного светлячка. Добравшись до моста, он остановился.

– Мам? Ты здесь? – Он посмотрел в небо. Ничего. Сеной говорил ему, что он – пленник на этом острове, но ничего не сказал о том, что произойдет, если он попробует уйти. *«А что, если покров все еще здесь? – подумал Джошуа. – Что тогда? Может, на его пути встанет огненная стена? Или разверзнется пропасть? Что?»*

Он подошел к самому мосту, осторожно коснулся ногой настила. Ничего не случилось.

И он пошел вперед – один осторожный шаг за другим, руки

ощупывают воздух впереди. Добравшись до другого берега, он опять становился, глядя на соломенных кукол, прикрученных к перилам.

– Мам, если ты меня слышишь, пожалуйста, попроси Иисуса позволить мне перейти реку.

Он сделал шаг с моста. Ни огня, ни мерцающих стен. Никаких преград.

– *Я свободен?* – прошептал он. – Мамочка, я свободен? – и он бросился бежать, не оглядываясь, не смея оглянуться. Уж конечно, стоит ему оглянуться – и что-нибудь не даст ему уйти.

Он бежал по дороге, не останавливаясь, пока не добрался до тропинки. Она почти совсем заросла, но дорогу-то он знал, и он шел и шел по тропинке, пока не добрался до хижины.

Крыша вся провалилась, и сквозь доски пола проросла трава, но старенькая качалка его матери все так же стояла на крыльце. Он смотрел на качалку и думал о маме, как она сидела там, чистила горох и, улыбаясь, смотрела, как они с братом возятся во дворе.

– *Джошуа.* – Голос, как дуновение ветра.

Он повернулся и увидел, что из-за деревьев струится свет, все ближе и ближе. Из света выступила женщина.

– Мама? – вырвалось у Джошуа.

Она улыбнулась, протянула к нему руки.

Джошуа задрожал.

– *Мама!* – И он кинулся к ней, прямо в ее объятия.

Она подхватила его на руки и крепко, крепко обняла.

– Ты готов вернуться домой? – спросила она.

Он кивнул, вытирая глаза.

Она поставила его на землю, взяла за руку и вместе они вошли в свет.

Благодарности

Когда я начал писать этот роман, я даже не задумывался о том, какой сложной логистики потребует воплощение этой идеи. Как это бывает иногда с творческими личностями, на подобную чепуху я внимания не обращал. Мне хотелось окунуться в работу с головой, поймать музу за хвост прежде, чем она успеет сбежать. И только гораздо позже до меня дошло – если мне хочется, чтобы в мое Чистилище поверили, то придется не только сочинить этому месту историю, систему управления, политическую/социальную структуру и для душ, и для богов, привязать все это к религиям, добавить некую денежную систему, понять, как действует магия, чары и различные силы, – придется еще придумать мертвым физиологию, понять, едят ли души вообще, и если да, то что. Может ли мертвый умереть? И если да, то как? И, как это часто бывает с загадками, один решенный вопрос порождает тысячу новых. Но настоящий вопрос был в том, какие из этих деталей необходимо было оставить, а какие – нет, чтобы они не засорили повествование. И здесь-то выступила на сцену мой редактор, Ребекка Лукаш.

Что бы вы ни чувствовали, добравшись до конца этой истории, – поверьте: она стала гораздо лучше благодаря ее чуткости, ее вниманию к логике и деталям, ее интуиции в том, что касается и повествования и персонажей. И за это мне хотелось бы ее поблагодарить. Если вам случится ее встретить, пожалуйста, тоже скажите ей «спасибо».

Спасибо тебе, Ребекка.

Еще два человека были неотъемлемой частью этого процесса: Роберт Бром и Эрика Хойль. И, если бы я мог выдавать медали, то они оба получили бы по такой огромной, блестящей штуке за то, что отдали несколько дней своей жизни на прочтение самых первых, черновых вариантов этого романа. За то, что нашли время поделиться со мной бесценными соображениями о том, где и что у меня не получилось, и как это исправить. Спасибо вам, Роберт и Эрика.

И, как всегда, огромное, заслуженное «спасибо» Джулии Кейн-Ритцх за ее дружбу, энтузиазм, усердие и умение прекрасно одеваться. Спасибо, Джулия.

Иллюстрации

Дэйви и Билли

Ламия в юности

Алая Леди

Ивабоз

Велес

Хель

Князь Кашаол

Князь Беелбет

notes

Примечания

Для американцев Война (с большой буквы) – это гражданская война между Севером и Югом (1861–1865).

Речь, конечно, идет об американском футболе (*примеч. переводчика*).

Существо из фольклора Оркнейских островов; род фэйри, напоминающий троллей из скандинавских легенд. Троу – маленькие, уродливые и довольно злобные создания.

Эрп, Уайетт – легендарная фигура времен освоения Дикого Запада. Узнаваемый герой многих вестернов (*примеч. переводчика*).